Герритсен Тесс

Химера

Посвящается мужчинам и женщинам, благодаря которым полет в космос стал реальностью.

Величайшие достижения человечества начинаются с мечты.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я не смогла бы написать эту книгу без великодушной помощи сотрудников НАСА. От всего сердца хотелось бы поблагодарить:

Эдда Кэмпиона (Служба связи с общественностью НАСА) — за потрясающую экскурсию по Космическому центру имени Джонсона;

руководителей полетов Марка Киразича (МКС) и Уэйна Хейла (шаттлы) — за то, что объяснили, в чем состоят их сложные функции;

Неда Пенли — за рассказ о процессе отбора полезной нагрузки;

Джона Хупера — за то, что познакомил меня с новой модификацией корабля аварийного спасения;

Джима Рейтера (Центр космических полетов имени Маршалла) — за то, что растолковал мне, как на МКС работает система регулирования окружающей среды и обеспечения жизнедеятельности;

бортовых врачей докторов Тома Маршберна и Смита Джонстона — за подробный рассказ об экстренной медицинской помощи в условиях невесомости;

Джима Рунке — за то, что ответил на все мои вопросы, касающиеся техники (порой весьма экстравагантные);

Теда Сассина (уже пенсионера) — за воспоминания о многолетней работе инженером по аэрокосмической технике.

Также я благодарю специалистов, работающих в самых разных областях:

Боба Труакса и Бада Мейера, самых настоящих ракетчиков из компании «Труакс Инжинириг», — за то, что просветили меня инсайдерской информацией о многоразовых ракетах-носителях;

Стива Уотермана — за его познания в области декомпрессионных барокамер;

Чарльза Д. Салливана и Джима Буркхарта — за сведения о вирусах, поражающих земноводных;

доктора Росса Дэвиса — за рассказы о нейрохирургии;

Бо Барбера — мой фонтанирующий источник информации о самолетах и взлетно-посадочных полосах. (Бо, я полечу с тобой когда угодно!)

Наконец, я должна в очередной раз поблагодарить:

Эмили Бестлер, которая дала мне возможность расправить крылья;

Дона Клири и Джейн Берки из Агентства Джейн Ротрозен — они отлично знают, из чего вырастают хорошие книги;

Мег Рули, которая сказку делает былью.

И главное — моего мужа Джекоба. Дорогой, без тебя этой книги не было бы!

МОРЕ

1

ГАЛАПАГОССКИЙ РИФТ
0 30 ю.ш. 90 30 з.д.

Он парил над кромкой бездны.

Под ним зиял холодный мрак подводной преисподней, куда не проникает солнце и где свет возможен только в виде мимолетных искорок — разгорающихся и быстро угасающих огней люминесцирующих созданий.

Доктор Стивен Д. Ахерн плыл в глубоководном аппарате «Дип Флайт IV». Он лежал ничком в ложементе, повторяющем контур человеческого тела, его голову облекал прозрачный акриловый фонарь, а душа доктора ликовала от ощущения свободного полета в безбрежном просторе глубины. В лучах светильников, размещенных на крыльях субмарины, сеялся мелкий бесконечный дождь — то были органические остатки,

дрейфующие из далеких отсюда, пронизанных солнцем поверхностных слоев, трупики простейших, медленно опускавшиеся сквозь многосотметровую толщу воды на океанское дно, где они найдут свое последнее пристанище.

Паря в этом легком дожде останков, Ахерн вел «Дип Флайт» вдоль кромки подводного каньона, следя за тем, чтобы бездна оставалась по левому борту, — он пока еще не хотел выходить за пределы плато.

Несмотря на то что пустыня донных осадков выглядела совершенно голой, свидетельства жизни были здесь повсюду. На океанском дне, словно выгравированные, виднелись борозды и дорожки, оставленные бродившими здесь существами, которые сейчас надежно спрятались под пологом наносов. Ахерн заметил и следы человека: ржавую цепь, обвившуюся вокруг потерянного кем-то якоря, бутылку из-под газировки, наполовину погрузившуюся в ил. Призрачные знаки чужого верхнего мира...

Неожиданно его взору открылось поразительное зрелище — словно бы перед ним выросла подводная куртина обугленных древесных стволов шестиметровой высоты. Это были «черные курильщики» — трубы, которые образовали растворенные в воде минералы, вихревыми потоками вырывавшиеся из трещин земной коры. Тронув ручки управления, Стивен осторожно повернул вправо, чтобы обойти трубы.

— Я недалеко от гидротермального жерла, — сообщил он. — Иду на двух узлах, по левому борту трубы курильщиков.

— Как ведет себя наша лодочка? — раздался в наушниках голос Хелен.

— Отлично. Я бы прикупил себе такую малышку.

Хелен рассмеялась.

— Тебе придется выложить о-очень крупную сумму, Стив. Еще не обнаружил конкреционное поле? Оно должны быть впереди, прямо по курсу.

Некоторое время Ахерн молчал, вглядываясь в подводный мрак. Потом произнес:

— Вижу.

Марганцевые конкреции походили на разбросанные по океанскому дну кусочки каменного угля. Эти поразительные, почти неестественно гладкие желваки были образованы минералами, отложившимися вокруг маленьких камешков или песчинок. Такие конкреционные поля —

весьма ценный источник титана и других полезных металлов. Но они не интересовали доктора Ахерна. Стивен искал нечто более ценное.

— Направляюсь в каньон, — произнес он.

Пошевеливая ручками управления, Стивен подвел «Дип Флайт» к кромке плато, а затем перевалил через нее. Когда скорость увеличилась до двух с половиной узлов, крылья субмарины, сконструированные так, чтобы создавать не подъемную силу, как у самолета, а наоборот, «опускающую», потянули аппарат вниз. Стивен начал спуск в бездну.

— Тысяча сто метров, — отсчитывал Стивен. — Тысяча сто пятьдесят...

— Помни о зазоре. Расщелина узкая. Ты следишь за температурой воды?

— Она начала подниматься. Уже тринадцать градусов.

— До жерла еще порядочно. Вот пройдешь две тысячи метров, тогда вода и впрямь станет горячей.

Внезапно прямо перед лицом Ахерна мелькнула какая-то тень. Стивен мотнул головой, непроизвольно дернул ручку управления, и аппарат завалился на правый борт. Сильный удар о стену каньона сотряс субмарину.

— Боже!

— Что там у тебя, Стив? — спросила Хелен. — Немедленно доложи состояние!

Он судорожно хватал ртом воздух, сердце зашлось в панике — казалось, оно колотится не о ребра, а прямо о ложемент. «Корпус! Неужели я повредил корпус?»

Сквозь хрип собственного дыхания Стивен пытался разобрать, нет ли посторонних звуков — крика разрываемой стали, торжествующего вопля воды, со смертельной силой пронзающей оболочку. Тысяча сто метров отделяли его от поверхности, и давление свыше ста атмосфер страшным кулаком сжимало аппарат со всех сторон. Разрыв корпуса, водяной залп — да его просто размажет!

— Стив, ответь мне!

По телу Ахерна струился холодный пот. Наконец Стив заставил себя заговорить:

— Я тут немного дернулся... и вписался в стену каньона...

— Повреждения есть?

Он осмотрел фонарь.

— Не могу сказать. Думаю, удар пришелся на передний гидролокатор.

— Маневрировать можешь?

Стивен подвигал ручками управления, закладывая поворот влево.

— Да. — Он с облегчением вздохнул. — Кажется, все в порядке. Что-то промелькнуло прямо перед фонарем, и я вздрогнул от неожиданности.

— «Что-то»?

— Оно пронеслось так быстро! Просто молнией! Словно бросок змеи.

— У этого «что-то» была голова рыбы, а тело угря?

— Да. Именно так.

— Тогда это термарцес, рыба из семейства бельдюговых. Термарцес церберус.

«Цербер. — Ахерн мысленно содрогнулся. — Трехголовый пес, охраняющий врата ада».

— Они любят тепло и серу, — сказала Хелен. — Ты их еще не раз увидишь, когда подойдешь ближе к жерлу.

«Тебе лучше знать», — подумал он.

Ахерн не разбирался в морской биологии. Создания, которые теперь то и дело возникали из тьмы и проплывали мимо акрилового фонаря, были для Стивена не более чем курьезами, живыми дорожными знаками, указывающими путь к цели. Он покрепче ухватил ручки управления и повел «Дип Флайт IV» вниз, в бездну.

Две тысячи метров. Три тысячи.

А что если он все-таки повредил корпус?

Четыре тысячи метров. По мере погружения давление воды линейно увеличивалось. Вода за бортом стала совсем черной, ее подцвечивали только фонтаны серы, бившие из жерла внизу. Светильники на крыльях с трудом пробивали густую минеральную взвесь. Вихри мути совсем закрыли обзор, тогда Стивен вывел субмарину из серных вод, и

видимость улучшилась. Он спускался к краю гидротермального жерла, подальше от фонтана разогретой магмой воды, однако температура за бортом продолжала подниматься.

Пятьдесят градусов.

Снова что-то промелькнуло перед фонарем. На этот раз Стивену удалось сохранить спокойствие. Теперь Ахерн увидел целую компанию термарцесов — больше всего они походили на толстых змей, которые висели вниз головами, словно застыв в подводном пространстве. Извергающаяся из жерла горячая вода богата сероводородом — веществом ядовитым и несовместимым с жизнью. И тем не менее даже в этих губительных черных водах жизнь процветала, поражая своими фантастическими, прекраснейшими формами. Прикрепившись к стене каньона, покачивались двухметровые черви рифтии, увенчанные ярко-красными перистыми плюмажами. Ахерн видел скопления гигантских двустворчатых моллюсков, из белых раковин которых высовывались бархатистые красные языки. Видел жутковатых, призрачно-бледных крабов, снующих среди расщелин.

Кондиционер работал исправно, но Стивен уже начал ощущать жару.

Шесть тысяч метров. Температура воды — восемьдесят градусов. В самом фонтане, разогретом кипящей магмой, температура наверняка под триста. То, что жизнь существовала даже здесь, в абсолютной темноте, в ядовитых перегретых водах, казалось настоящим чудом.

— Шесть тысяч шестьдесят, — произнес Ахерн. — Я его не вижу.

Голос Хелен в наушниках звучал слабо и прерывисто.

— На стене каньона есть карниз. Ты увидишь его примерно на шести тысячах восьмидесяти.

— Смотрю внимательно.

— Спускайся помедленнее. Он вот-вот появится.

— Шесть тысяч семьдесят. Пока не вижу. Тут внизу словно гороховый суп. Может, я не там, где нужно?

— ...данные гидролокатора... обваливается на тебя!..

Крик Хелен утонул в шуме статики.

— Не понял. Повтори.

— Обвалилась стена каньона! Обломки падают на тебя. Выбирайся оттуда!

Услышав громкое звяканье камней, обрушившихся на корпус, Ахерн в панике двинул вперед обе ручки управления. Прямо перед ним пронеслась огромная тень, еще более темная, чем мрак вокруг. Тень ударилась о карниз, отскочила, и в бездну посыпался новый дождь обломков. Звяканье участилось. Затем раздался оглушительный лязг, и тут же последовал толчок, который Стивен ощутил как удар гигантского кулака.

Голова Ахерна дернулась, подбородок воткнулся в ложемент. Аппарат резко накренился, и Стивен услышал отвратительный скрежет металла — это правое крыло царапало выступающие камни. Субмарина начала переворачиваться влево. Перед фонарем клубилась муть, полностью закрывая обзор.

Ахерн ударил по рычагу аварийного сброса балласта и судорожно заработал ручками управления, пытаясь направить аппарат вверх. Однако «Дип Флайт IV» повело вперед, металл снова заскрежетал по камню, опять сильный крен, теперь уже вправо, и вдруг субмарина замерла. Ее словно заклинило. Стивен дал двигателю полные обороты и начал бешено дергать ручки управления.

Никаких результатов.

Ахерн сделал паузу. Сердце колотилось вовсю, но он постарался справиться с растущим ужасом. Почему аппарат не движется? Почему не слушается управления? Стивен заставил себя вникнуть в то, что показывали два цифровых экрана. Напряжение батареи в норме. Кондиционер работает. Глубиномер исправен. Шесть тысяч восемьдесят два метра.

Муть медленно оседала, и в луче светильника левого крыла тени начали обретать форму. Впереди расстилался совершенно инопланетный пейзаж — черные иззубренные камни, на которых колыхались кроваво-красные рифтии. Вытянув шею, Стивен повернул голову вбок, стараясь рассмотреть правое крыло. От того, что он увидел, его сердце ухнуло в пятки.

Крыло намертво застряло меж двух камней. Субмарина не могла двигаться ни вперед, ни назад.

«Я погребен заживо, — подумал Ахерн. — На глубине шесть тысяч метров».

— ...слышишь? Стив, ты меня слышишь?

— Не могу сдвинуться с места. — Ахерн с удивлением понял, что это говорит он сам — чужим, севшим от страха голосом. — Правое крыло застряло...

— ...закрылками левого крыла. Небольшое качание... сможешь освободиться...

— Я уже пытался. Я все испробовал. Не могу сдвинуться.

В наушниках воцарилась мертвая тишина. Что, пропала связь? Он отрезан? Ахерн подумал о корабле, мягко покачивающемся на волнах высоко над ним, о палубе, залитой солнечным светом. Там, наверху, стоял прекрасный день, в вышине парили птицы. Море, бездонная синева...

Вдруг в наушниках раздался мужской голос. Это был Палмер Габриэль, человек, на деньги которого и была снаряжена эта экспедиция. Он говорил, как всегда, спокойно и уверенно.

— Стив, мы уже начали спасательную операцию. К тебе спускается другая субмарина. Мы поднимем тебя, как только сможем.

Последовала пауза. Затем Габриэль спросил:

— Ты что-нибудь видишь? Где ты находишься?

— Я... Я на карнизе, который расположен как раз над жерлом.

— Какие детали можешь разобрать?

— Детали?

— Ты на глубине шесть тысяч восемьдесят два метра. Как раз эта глубина нас и интересует. Что там с карнизом, на котором ты находишься? Какие камни видишь?

«Я вот-вот погибну, а его интересуют гребаные камни!» — мысленно выругался Ахерн.

— Стив, включи проблесковый маяк. Скажи нам, что ты видишь.

Ахерн заставил себя посмотреть на панель управления, нашел нужный тумблер и перебросил его.

Яркие вспышки света пронзили мрак. Стивен уставился на мерцающий пейзаж. До этого он видел только червей. Теперь его внимание переключилось на огромное поле осколков, разбросанных по карнизу. Камни были угольно-черные, как и марганцевые конкреции, только не гладкие, а с острыми неровными краями, что делало их похожими на спекшиеся осколки стекла. Поглядев вправо, туда, где обломок, оторвавшийся от скалы, придавил крыло субмарины, Ахерн вдруг понял, на что он смотрит.

— Хелен права, — прошептал он.

— Не понял. Повтори.

— Хелен была права! Вот он, источник иридия… я его вижу…

— Сигнал слабеет. Советую тебе…

Голос Габриэля утонул в статике и затих.

— Не понял. Повторите. Я не понял! — крикнул Ахерн.

Ответа не последовало.

Стивен слышал буханье собственного сердца, свое дыхание он воспринимал как прерывистый рев. «Спокойнее, спокойнее. Я слишком быстро расходую кислород…»

По ту сторону акрилового фонаря в ядовитой воде нежно плясала жизнь. Минуты тянулись, превращаясь в часы. Стивен наблюдал за колышущимися рифтиями, алые плюмажи которых безостановочно прочесывали воду, вылавливая питательные вещества; следил за безглазым крабом, боком бродившим среди камней.

Освещение стало тускнуть. Внезапно заглох кондиционер.

Батареи умирали.

Ахерн выключил проблесковый маяк. Теперь воду прорезал лишь слабый луч светильника на левом крыле. Через несколько минут он почувствует жар воды, нагретой магмой до восьмидесяти градусов. Этот жар проникнет сквозь корпус и медленно сварит Стивена в его собственном поту. Ахерн ощутил, что по щеке побежала струйка пота. Он продолжал следить за крабом, с изящной важностью шествующим по каменистому карнизу.

Светильник левого крыла замигал.

И потух.

ЗАПУСК

2

7 июля
ДВА ГОДА СПУСТЯ

«Прервать полет!»

Сквозь гром ракетных ускорителей и зубодробительную вибрацию корпуса корабля команда прервать полет так ясно прозвучала в ушах астронавта-исследователя Эммы Уотсон, что услышать ее она могла только из наушников. На самом деле никто из членов экипажа не произнес ни слова, но в это мгновение стало ясно, что надо принимать решение, и быстро. Эмма пока не слышала вердикта командира Боба Киттреджа и пилота Джилл Хьюитт, сидевших в кабине впереди нее. Да и не нужно было. Они так давно работали вместе, что могли читать мысли друг друга, и, глядя на желтые огни аварийной сигнализации, что мигали на пульте управления шаттла, они четко знали, что нужно делать.

За несколько секунд до этого «Эндевор» достиг максимального скоростного напора, того момента запуска, когда корабль, преодолевая сопротивление атмосферы, начинает неистово трястись. Киттредж быстро уменьшил тягу до семидесяти процентов, чтобы умерить тряску. Теперь, судя по аварийной сигнализации, у них отказали два маршевых двигателя из трех. Но с одним работающим маршевым двигателем и двумя РДТТ — твердотопливными ракетными ускорителями — им ни за что не выйти на орбиту.

Запуск придется прервать.

— Центр, это «Эндевор», — уверенно и бодро произнес Киттредж. Ни намека на тревогу. — Не можем увеличить скорость. Отказ левого и центрального МД на точке МСН. Мы влипли. Переходим к аварийному прекращению полета с возвращением на место старта.

— Вас понял, «Эндевор». Подтверждаем отказ двух МД. После выгорания топлива в РДТТ приступайте к АПП ВМС.[1]

Эмма уже перебирала пакет инструкций в поисках карты «ВМС». Экипаж знал наизусть каждый шаг этой процедуры, но в бешеном темпе

операции по возвращению на место старта некоторые жизненно важные действия забываются. Бортовая инструкция была гарантией их безопасности.

С бешено колотившимся сердцем Эмма просматривала соответствующую цепочку действий, помеченную голубым. При отказе двух двигателей возвращение на место старта возможно, но лишь теоретически. Теперь должна произойти целая серия чудес. Сначала нужно слить топливо, а потом, перед отсоединением огромного внешнего топливного бака, заглушить оставшийся маршевый двигатель. Затем, когда шаттл достигнет критической высоты, Киттредж должен будет совершить разворот и направить корабль к месту старта. У него будет единственная возможность — единственная! — чтобы благополучно приземлиться на посадочную полосу Центра имени Кеннеди. Одна ошибка — и «Эндевор» упадет в море.

Их жизни теперь в руках командира Киттреджа.

Голос Боба, постоянно выходившего на связь с Центром управления полетом, казался уверенным и даже немного скучающим, когда они подошли к двухминутной отметке. Очередная критическая точка. На дисплее высветился сигнал: «Тт < 50». Твердое топливо выгорало точно по расписанию.

Когда ракетные ускорители израсходовали топливо, Эмма сразу же ощутила поразительное снижение скорости. Затем произошел отстрел РДТТ от топливного бака, и она зажмурилась от ослепительной вспышки света.

Рев старта сменила зловещая тишина, неистовая тряска ослабла, сменившись мягким, почти спокойным парением. В наступившей тишине Эмма слышала, как учащается пульс, как сердце глухо бьется о стенки грудной клетки.

— Центр, это «Эндевор», — неестественно спокойным голосом заговорил Киттредж. — РДТТ отделились.

— Вас понял, мы видим.

— Начинаем АПП.

Киттредж нажал кнопку аварийного прекращения полета, переключатель был уже установлен в положение «ВМС». В наушниках Эмма услышала голос Джилл Хьюитт:

— Эмма, давай послушаем инструкцию!

— Принято.

Эмма начала читать вслух, и ее голос звучал так же отстраненно-спокойно, как и Киттреджа с Хьюитт. Если бы кто-нибудь посторонний услышал их диалог, он ни за что не догадался бы, что в глаза этим людям смотрит смерть. Подавив панику, они словно перешли в автоматический режим, и всеми их действиями теперь управляли механическая память и опыт тренировок. Бортовые компьютеры автоматически установят обратный курс. Но пока шаттл все еще двигался в направлении от места старта, поднимаясь на высоту сто двадцать километров по мере сбрасывания топлива.

Вдруг у Эммы все поплыло перед глазами — это шаттл, опуская нос и задирая хвост, начал переворот с разворотом. Линия горизонта, которая до этого была «вверх ногами», заняла привычное положение, и «Эндевор» взял курс на Центр Кеннеди, находившийся теперь в семистах километрах от них.

— «Эндевор», это Центр. Выключайте двигатель.

— Вас понял, — ответил Киттредж. — Есть ВМД.

На пульте три индикатора состояния двигателей замигали красным. Все маршевые двигатели были выключены, через двадцать секунд внешний топливный бак отсоединится и будет сброшен в море.

«Быстро снижаемся, — подумала Эмма. — Но зато направляемся домой».

Раздался сигнал тревоги. Эмма вздрогнула, на пульте зажглись дополнительные индикаторы.

— Центр, у нас отказ компьютера номер три! — прокричала Хьюитт. — Потерян вектор состояния навигации! Повторяю, мы потеряли вектор состояния навигации!

— Возможно, полетели инерциальные измерители, — предположил Энди Мерсер, еще один астронавт-исследователь, сидевший рядом с Эммой. — Отключи их.

— Нет! Скорее всего, сбой шины данных! — вмешалась Эмма. — Думаю, надо включить резервную.

— Согласен! — крикнул Киттредж.

— Переходим на резервную, — сказала Хьюитт. Она переключилась на компьютер номер пять.

Вектор появился снова. Все с облегчением вздохнули.

Взрыв пирозарядов сигнализировал о том, что пустой топливный бак отделился. Они не видели, как он падал в море, но знали: только что они миновали очередную критическую ситуацию. Корабль теперь летел свободно, словно возвращавшаяся домой толстая, неуклюжая птица.

— Черт! Мы потеряли ВСУ![2] — рявкнула Хьюитт.

Когда зазвучал очередной сигнал тревоги, Эмма лишь вздернула подбородок. Вышел из строя вспомогательный генератор. Затем снова сигнал тревоги. В панике Эмма метнула взгляд на пульты управления, где мигало множество желтых аварийных сигналов. С экранов исчезли все данные. Вместо них высвечивались только зловещие черные и белые полосы.

«Отказ всех компьютеров!» — с ужасом подумала Эмма.

Они летели без навигационных данных. Без всякой возможности управлять элевонами и аэродинамическим щитком.

— Мы с Энди пробуем оживить ВСУ! — крикнула Эмма. — Включить резервное питание!

Хьюитт щелкнула тумблером и выругалась.

— Ребята, мне это не нравится. Ничего не происходит…

— Включи еще раз!

— Не включается!

— Корабль кренится! — закричала Эмма и почувствовала, как ее желудок повело в сторону.

Киттредж бился с ручкой управления, но крен на правый борт оказался слишком сильным. Горизонт встал вертикально, а затем и вовсе перевернулся. Потом правый борт пошел вверх, и у Эммы опять повело желудок. Следующий оборот не заставил себя ждать. Горизонт закружился перед ними, превратившись в тошнотворный вихрь неба, моря, неба, моря…

Тодес. Спираль смерти.

Эмма слышала стоны Хьюитт, слышала, как Киттредж с унылой обреченностью произнес:

— Я потерял корабль.

Вращение ускорилось, теперь впереди только падение, а затем резкий сокрушительный удар. В кабине воцарилась тишина…

…которую нарушил бодрый голос, раздавшийся в наушниках экипажа:

— Мне жаль, ребята. Но на этот раз не получилось.

Эмма сдернула наушники.

— Это нечестно, Хейзел!

— Эй, ты просто-напросто решила нас убить, — с возмущением присоединилась к Эмме Джилл Хьюитт. — Из этой ситуации вообще не было выхода!

Эмма первой выбралась из симулятора полета. Вместе с остальными она прошла в безоконный зал, где за пультами сидели три инструктора.

Руководитель группы Хейзел Барра с озорной улыбкой повернулась к четырем взбешенным членам экипажа Киттреджа. Хотя Хейзел с ее вьющимися каштановыми волосами и походила на пышущую здоровьем богиню плодородия, в действительности она была безжалостным геймером, игроком в страшные компьютерные игры; Хейзел заставляла астронавтов проходить самые сложные полетные тренировки, и если экипажу не удавалось выжить, она считала это своей личной победой. Хейзел прекрасно осознавала, что каждый запуск может закончиться катастрофой, и хотела, чтобы ее астронавты получили навыки выживания. Потеря любой из ее команд была бы настоящим кошмаром, и Хейзел надеялась, что никогда не увидит такого, даже во сне.

— Эта тренировка и впрямь удар ниже пояса, — недовольно произнес Киттредж.

— Ну да, — не смутилась Хейзел. — Вы, ребята, все время выживаете. Пришлось сбить с вас спесь.

— Да ладно, — вмешался Энди. — Чтобы сразу два двигателя отказали на старте?! Чтобы вышла из строя магистраль данных?! И еще ВСУ?! А потом — до кучи — отказ пятого компьютера?! Столько сбоев и дефектов сразу? Так не бывает.

Еще один инструктор — Патрик — с ухмылкой обернулся к экипажу.

— Вы, ребята, даже не заметили, что мы сделали кое-что еще.

— Ну и что же это?

— Я закинул вам непонятку с датчиком кислородного бака. Кто-нибудь уловил изменения в показаниях манометра, а?

Киттредж рассмеялся.

— А у нас было на это время? Мы сражались с десятком других отказов.

Хейзел воздела свои пухлые руки, призывая к перемирию.

— Ладно, ребята. Может быть, мы и впрямь перестарались. Откровенно говоря, нас удивило, как долго вы держались. Мы хотели добавить еще один отказ, чтоб было поинтересней.

— Вы добавили целый ящик отказов, — фыркнула Хьюитт.

— Дело в том, ребята, — сказал Патрик, — что вы слишком уж самоуверенны.

— Уверены в себе, ты хочешь сказать, — поправила Эмма.

— И это неплохо, — согласилась Хейзел. — Хорошо быть уверенным в себе. На прошлой неделе во время комплексной тренировки вы продемонстрировали прекрасную командную работу. Даже Гордон Оби сказал, что он весьма впечатлен.

— Сфинкс так и сказал? — Киттредж удивленно поднял брови.

Гордон Оби был директором управления летных экипажей, человеком поразительно молчаливым и настолько отчужденным, что никто в Космическом центре имени Джонсона толком не знал его. Обычно на собраниях руководителей полетов Гордон Оби сидел, не произнося ни слова, но никто не сомневался, что мысленно он подмечал каждую мелочь. Перед Оби астронавты испытывали как благоговейный трепет, так и нешуточный страх. От него зависели назначения на полет, и он мог как подтолкнуть карьеру астронавта, так и разрушить ее. То, что Оби похвалил экипаж Киттреджа, было действительно хорошей новостью.

Но Хейзел быстро спустила их с небес на землю.

— Однако Оби обеспокоен, что вы, ребята, слишком беспечны, — добавила она. — Для вас это все еще игра.

— А чего Оби ждал от нас? — удивилась Хьюитт. — Что мы постоянно будем думать о десяти тысячах способов разбиться и сгореть?

— Катастрофа — вопрос не теоретический.

Эта спокойно произнесенная фраза мгновенно заставила их замолчать. После гибели «Челленджера» все до единого астронавты осознали: следующая катастрофа — не более чем вопрос времени. Люди, которые в буквальном смысле слова сидят верхом на ракетах, доверху заправленных топливом, чтобы рвануть вверх с тягой в две с половиной тонны, не могут беспечно относиться к опасностям своей профессии. И тем не менее они редко высказывались на тему смерти в космосе; разговор о смерти означал бы, что они допускают ее вероятность и признают: в списке экипажа следующего «Челленджера» могут стоять их имена.

Хейзел поняла, что ее слова угнетающе подействовали на экипаж. Заканчивать тренировку на такой ноте было бы неправильно, поэтому она пошла на попятную:

— Я говорю это только потому, что вы, ребята, — хорошая, цельная команда. Мне приходится стараться, чтобы выбить вас из колеи. До вашего запуска еще три месяца, а вы уже в приличной форме. Однако я все равно хочу ее улучшить.

— В общем, ребята, не задавайтесь, — резюмировал Патрик из-за своего пульта.

Боб Киттредж в притворном смирении склонил голову.

— Сейчас отправимся по домам и наденем вериги.

— Чрезмерная самоуверенность опасна, — сказала Хейзел.

Она поднялась из кресла и повернулась к Бобу. Киттредж, ветеран космических экспедиций, участник трех полетов на шаттле, превосходил ее ростом на полголовы и обладал осанкой уверенного в себе человека, характерной выправкой морского летчика, которым когда-то и был. Но Хейзел не робела ни перед Киттреджем, ни перед кем бы то ни было из астронавтов. Будь они хоть гениями науки с семью пядями во лбу, хоть военными героями, Хейзел печалилась только об одном, и печаль эта была чисто материнской: она мечтала, чтобы все вернулись на землю живыми.

— Ты очень хороший командир, Боб, — сказала она. — Настолько хороший, что тебе удалось внушить экипажу мысль, будто им все дается легко.

— Нет, они только делают вид, будто им все дается легко. Потому что они хороши во всем — даже в делании вида.

— Ну-ну, посмотрим. Комплексная тренировка назначена на вторник, на борту будут Холи и Хигучи. У нас за пазухой есть еще несколько фокусов.

Киттредж усмехнулся.

— Ладно, попробуйте убить нас. Но только чур не жульничать.

— Судьба редко играет по правилам, — серьезно ответила Хейзел. — Не надейтесь, что по ним буду играть я.

Эмма и Боб Киттредж сидели в баре «Ночной полет», потягивая пиво и анализируя прошедшую тренировку. Это был ритуал, который они соблюдали уже одиннадцать месяцев, с момента формирования команды, когда их четверка впервые стала экипажем, готовящимся к полету на шаттле под номером 162.

Каждый пятничный вечер они встречались в «Ночном полете», куда можно было попасть, проехав из Космического центра имени Джонсона по трассе НАСА-1, и разбирали ход тренировки. Обсуждали, что сделали правильно и что требовало исправления. Этот обычай был заведен Киттреджем, который лично подобрал каждого члена своей команды.

Хотя они проводили вместе более шестидесяти часов в неделю, казалось, Боб никогда не торопится домой. Поначалу Эмма считала, что причина тому — недавний развод Киттреджа: командир, расставшись с женой, жил теперь один и, наверное, всякий раз с ужасом думал о возвращении в пустой дом. Но узнав его лучше, Эмма поняла: эти встречи — просто способ продлить адреналиновый кайф, получаемый им от работы. Киттредж жил ради полета. Чтение невероятно скучных руководств по эксплуатации шаттла доставляло ему истинное удовольствие. В свободное время он старался не упустить возможности полетать на одном из Т-38,[3] принадлежащих НАСА. Он словно бы обижался на силу притяжения, которая приковывала его к земле.

Боб не понимал, почему остальные члены экипажа в конце дня стремятся домой; вот и в этот вечер ему было немного грустно оттого, что за столиком в «Ночном полете» сидят только они вдвоем. Джилл Хьюитт

была на фортепьянном концерте своего племянника, а Энди Мерсер — дома, праздновал десятилетнюю годовщину семейной жизни. В назначенный час появились только Эмма и Киттредж, и, когда они закончили разбор последней тренировки, над их столиком повисло долгое молчание. Разговор на профессиональную тему иссяк, а больше говорить было не о чем.

— Завтра я лечу на Т-38 в Белые Пески, — сообщил Киттредж. — Хочешь со мной?

— Не могу. У меня встреча с адвокатом.

— Значит, между тобой и Джеком процесс все-таки пошел?

Она вздохнула.

— Даже набирает обороты. Джек привлек своего адвоката, я — своего. Этот развод как поезд, у которого сдали тормоза.

— Звучит так, словно ты уже передумала.

Эмма решительно отставила кружку с пивом.

— Ничего я не передумала.

— Тогда почему до сих пор носишь кольцо?

Она опустила взор и уставилась на свое золотое колечко. Поддавшись внезапному порыву, Эмма попыталась сдернуть его, но кольцо не сдвинулось с места. После семи лет ношения оно просто вросло в палец. Эмма чертыхнулась и дернула еще раз. На этот раз кольцо подалось и, немного ободрав кожу, соскользнуло с пальца. Эмма положила колечко на стол.

— Вот. Теперь я свободная женщина.

Киттредж рассмеялся.

— Вы разводитесь дольше, чем я был женат. Что не можете поделить?

Неожиданно ощутив усталость, Эмма откинулась на спинку стула.

— Все. Признаюсь, я тоже была не слишком благоразумна. Несколько недель назад мы сели за стол и попытались составить список всего, что у нас есть. Что из этого я хочу оставить себе и что хочет он. Мы пообещали друг другу, что будем вести себя как цивилизованные люди. Два взрослых, нормальных человека. Но, не дойдя и до половины списка, мы

успели объявить друг другу тотальную войну. Бескомпромиссную. — Эмма вздохнула. На самом деле они с Джеком всегда были такие. Одинаково упрямые и одинаково пылкие. Пылкие до бешенства. Мир или война, любовь или ссора, между ними всегда вспыхивала вольтова дуга. — Единственное, в чем мы пришли к обоюдному согласию, — подытожила она, — так это в том, что я оставляю себе кота.

— Повезло тебе.

Эмма посмотрела на Боба.

— Ты не жалеешь?

— О чем? О том, что развелся? Никогда.

Хотя ответ прозвучал совершенно определенно, Боб опустил взгляд, словно старался скрыть правду, которую знали оба: он до сих пор мучился, что разошелся с женой. Даже человек, бесстрашно садящийся верхом на тысячетонную бочку взрывчатки, именуемой ракетным топливом, мог страдать от обыкновенного одиночества.

— Вот в чем проблема. Я наконец понял это, — признался Киттредж. — Штатские нас не понимают, потому что не могут разделить с нами нашу мечту. Связать свою жизнь с астронавтом могут лишь святые и мученики. Или те, кому абсолютно наплевать, живы мы или мертвы. — Он горько рассмеялся. — Бонни не походила на мученицу. И уж точно ни черта не понимала, что такое мечта.

Эмма посмотрела на кольцо, блестевшее на столе.

— Зато Джек понимает, — тихо произнесла она. — Это и его мечта тоже. Вот что встало между нами — что лететь мне, а не ему. Что он остается на земле.

— Тогда Джеку пора повзрослеть и взглянуть правде в глаза. Не все сделаны из одного теста.

— Знаешь, я очень не хочу, чтобы ты считал его чем-то вроде неудачного блина.

— Послушай, но ведь он сам ушел в отставку.

— А что ему оставалось делать? Он знал, что полетов больше не будет. Если ему не позволят летать, оставаться здесь нет смысла.

— Его отстранили от полетов ради его же блага.

— Это всего лишь предположение медиков. Если в почке обнаружен камень, это еще не значит, что должен появиться второй.

— Ладно, доктор Уотсон. Ты сама врач. Скажи, ты бы хотела, чтобы Джек оказался в твоем экипаже? Зная о его проблеме со здоровьем?

Эмма помолчала.

— Да. Как врач я бы хотела. Есть шанс, что Джек будет чувствовать себя в космосе вполне сносно. Он может принести много пользы, и я не понимаю, почему ему запретили летать. Я развожусь с ним, но уважаю его.

Киттредж засмеялся и осушил пивную кружку.

— Ты не слишком объективна, а?

Эмма начала было спорить, но потом поняла, что ей нечем крыть. Киттредж прав. Когда речь заходит о Джеке Маккаллуме, она не может быть объективной.

Оказавшись на улице, во влажной жаре летней хьюстонской ночи, она остановилась на парковке «Ночного полета» и посмотрела в небо. Огни города мешали разглядеть звезды, но она смогла разобрать знакомые созвездия. Дева, Кассиопея, Андромеда, Волосы Вероники... Всякий раз, глядя на них, Эмма вспоминала слова Джека. Они тогда лежали рядом на траве и смотрели на звезды. Это было той самой летней ночью, когда она поняла, что любит Джека. «Эмма, в небе полно женщин, — сказал он. — Ты тоже должна оказаться там».

— И ты, Джек, — тихо проговорила она.

Эмма открыла дверь машины и скользнула на водительское сиденье. Сунув руку в карман, она достала обручальное кольцо. Разглядывая его в темноте, Эмма подумала о семи годах семейной жизни, символом которой было это колечко. Все кончено, почти кончено.

Она положила кольцо обратно в карман. Левая рука казалась ей голой, незащищенной.

«Я привыкну», — решила Эмма и тронулась с места.

3

10 июля

— Все, друзья, время пошло! — воскликнул Джек, услышав завывания сирены «скорой помощи».

Выйдя на эстакаду приемного отделения, доктор Маккаллум почувствовал, что его пульс участился — явная тахикардия, — а выброс адреналина превратил нервную систему в сплетение потрескивающих от напряжения проводов. Он понятия не имел, кого везут в больницу «Майлз Мемориал», знал только, что пациент будет не один. По радио им сообщили, что на шоссе 1-45 столкнулось пятнадцать машин, двое погибших и десятка два раненых. Даже если самых тяжелых пациентов отвезут в медицинский центр «Бейшор» или ближайшую клинику системы «Техас Мед», все равно небольшие больницы округи, включая «Майлз Мемориал», могут оказаться переполненными.

Джек окинул взглядом эстакаду, проверяя готовность своей команды. Второй скоропомощной врач, Анна Слезак, стояла рядом с мрачно-решительным видом. Группа сотрудников состояла из четырех медсестер, лаборантки и перепуганного стажера. Последний всего месяц назад закончил медицинский факультет и был самым зеленым членом команды, к тому же с совершенно неумелыми пальцами. «Таких только в психиатрию», — решил Джек.

Звук сирены оборвался — машина «скорой помощи» подкатила к пандусу и задним ходом въехала на эстакаду. Джек рывком распахнул заднюю дверь и бросил взгляд на пациентку — молодую женщину с перепачканными кровью волосами; ее голову и шею фиксировал шейный воротник. Когда они вытащили ее из машины, Джек повнимательней вгляделся в лицо и с ужасом узнал женщину.

— Дебби, — произнес он.

Пациентка посмотрела на Джека блуждающим взором и, судя по всему, не узнала его.

— Я Джек Маккаллум, — представился он.

— А-а, Джек... — Она закрыла глаза и простонала: — Голова болит.

Он легонько похлопал ее по плечу.

— Мы позаботимся о тебе, милая. Ни о чем не беспокойся.

Дебби вкатили в двери приемного отделения и направили в травматологию.

— Ты ее знаешь? — спросила Анна.

— Это жена Билла Ханинга. Астронавта.

— Одного из тех, кто сейчас на космической станции? — Анна коротко рассмеялась. — Вот уж действительно — дозвониться будет непросто.

— Если понадобится, мы легко с ним свяжемся. Космический центр Джонсона нам поможет.

— Хочешь, чтобы я взяла эту пациентку?

Логичный вопрос. Врачи обычно не оперируют друзей или членов своих семей: невозможно оставаться объективным, когда на операционном столе останавливается сердце у того, кого ты хорошо знаешь или любишь. Хотя Джек и Дебби порой встречались на приемах и вечеринках, Джек считал ее просто знакомой, а не другом и потому вполне мог стать ее лечащим врачом.

— Я возьму ее, — сказал он и двинулся вслед за каталкой в травматологию.

Мысленно он уже продумывал, что нужно сделать. Единственным видимым повреждением Дебби была скальпированная рана, но, поскольку у нее были явные признаки травмы головы, следовало прежде всего исключить перелом черепа и шейного отдела позвоночника.

Когда медсестры взяли кровь на анализ и аккуратно сняли с Дебби оставшуюся одежду, санитар «скорой» вкратце пересказал Джеку, что с ней произошло.

— Она была, кажется, в пятой из столкнувшихся машин. Насколько нам известно, в нее врезались сзади, автомобиль закрутило, а затем новое столкновение — удар пришелся со стороны водительского сиденья. Дверь вдавило внутрь.

— Она была в сознании, когда вы вынули ее?

— Поначалу — без сознания. Очнулась, когда мы ставили ей капельницу. Мы сразу же зафиксировали позвоночник. Давление крови и сердечный ритм были стабильны. Ей еще повезло. — Санитар покачал головой. — Видели бы вы того парня, что был в задней машине.

Джек подошел к каталке, чтобы осмотреть пациентку. Оба зрачка Дебби реагировали на свет, экстраокулярные движения были в норме. Она помнила, как ее зовут, и понимала, где находится, но не могла вспомнить дату. «Ориентация только по двум пунктам»,[4] — подумал он. Этого достаточно, чтобы положить пациентку и понаблюдать за ней хотя бы до утра.

— Дебби, я отправляю тебя на рентген, — пояснил он. — Нам нужно убедиться, что ты ничего не сломала. — Он посмотрел на медсестру. — Быстро на томографию, череп и позвоночник. И… — Он замолчал, прислушиваясь.

Судя по звукам, к ним ехала еще одна машина «скорой помощи».

— Подготовьте ее снимки, — распорядился Маккаллум и быстро пошел назад к эстакаде, где уже снова собралась его команда.

Вслед за первым завыванием раздалось еще одно, более слабое. Джек и Анна в тревоге переглянулись. Сразу две «скорые»?

— Жаркий будет денек, — пробормотал он.

— Травматология свободна? — спросила Анна.

— Пациентку увезли на рентген.

Он шагнул навстречу машине, которая сдавала задом. Как только «скорая» остановилась, Джек рывком распахнул задние двери.

На этот раз мужчина. Средних лет, тучный. Кожа бледная и липкая. «У него шок», — сразу же подумал Джек, однако ни крови, ни признаков повреждения видно не было.

— Это один из тех, по чьей вине произошло ДТП, — начал пояснять санитар, пока они катили мужчину в процедурную. — Когда мы вытаскивали его из машины, он жаловался на боль в груди. Ритм был стабильным, небольшая тахикардия, экстрасистол не отмечалось. Верхнее — девяносто. На месте мы ввели ему морфий и нитроглицерин; кислород — на шести литрах.

Все работали слаженно. Пока Анна записывала историю и осматривала пациента, медсестры подключили электрокардиограф. Из аппарата вылезла лента. Джек оторвал ее и сразу же обратил внимание на элевацию сегмента ST в отведениях V1 и V2.

— Передний инфаркт миокарда, — сообщил он Анне.

Она кивнула.

— Я так и подумала, что он кандидат на ТАП.[5]

— Еще одна «скорая»! — крикнула из дверей медсестра.

Джек с двумя медсестрами бросился к эстакаде.

Молодая женщина кричала и корчилась на носилках. Джек взглянул на ее укороченную правую ногу: ступня была резко вывернута на сторону. Пациентку надо срочно отправлять в хирургию. Джек быстро срезал с нее одежду, и картина стала ему ясна: вклиненный перелом костей тазобедренного сустава. Бедренная кость женщины впечаталась в таз после сильного удара коленями о приборную панель автомобиля. При виде жутко деформированной ноги Джеку стало немного не по себе.

— Морфии? — спросила медсестра.

Он кивнул.

— Дайте сколько потребуется. Ей безумно больно. Определите группу крови. И как можно скорее найдите хирурга-ортопеда...

— Доктор Маккаллум, срочно в рентгенологию. Доктор Маккаллум, срочно в рентгенологию.

В тревоге Джек поднял голову. «Дебби Ханинг?» — мелькнула мысль. Он выбежал из приемного отделения.

Дебби лежала на диагностическом столе, над ней склонились медсестра и рентгенолаборант.

— Мы только что сделали снимки позвоночника и черепа, — сообщил лаборант, — но не смогли привести ее в сознание. Она не реагирует даже на боль.

— Сколько она без сознания?

— Не знаю. Она пролежала на столе десять-пятнадцать минут, прежде чем мы заметили, что она не реагирует.

— Вы сделали томографию?

— Компьютер не работает. Его включат через несколько часов.

Джек посветил в глаза Дебби, и сердце его сжалось. Левый зрачок был расширен и не реагировал на свет.

— Покажите снимки, — велел он.

— Снимок позвоночника уже на проекторе.

Джек быстро перешел в другую комнату и впился глазами в рентгеновский снимок, прикрепленный к проектору. Он не увидел переломов на снимке шеи; шейный отдел был в норме. Джек сдернул

снимок шейного отдела и прикрепил к проектору снимок черепа. С первого взгляда он ничего особенного не увидел. Но затем заметил почти неразличимую линию, проходящую через левую височную кость. Она была такой тонкой, что казалась царапиной на пленке. Перелом.

Что если перелом повредил левую среднюю менингеальную артерию? Это могло вызвать внутричерепное кровотечение. Кровь скапливается, давление растет, и мозг сдавливается. Это объясняло резкое ухудшение состояния пациентки и расширенный зрачок.

Кровь нужно было срочно откачать.

— Назад в приемное! — велел он.

Через несколько секунд они зафиксировали Дебби на каталке и быстро повезли по коридору. Когда они примчали женщину в пустую процедурную, Джек крикнул дежурной:

— Передайте сообщение: «срочная нейрохирургия»! Скажите, у нас эпидуральное кровотечение, и мы готовим пациентку к трепанации.

Он знал, что Дебби нужно отвезти в операционную, но ее состояние ухудшалось так быстро, что у них не оставалось для этого времени. Процедурная теперь и станет операционной. Они переложили ее на стол и прикрепили к грудной клетке электроды ЭКГ. Дыхание Дебби стало прерывистым; пора интубировать.

Когда Джек разорвал пакет, в котором находилась эндотрахеальная трубка, медсестра крикнула:

— Остановка дыхания!

Джек ввел ларингоскоп в горло Дебби; через несколько секунд эндотрахеальная трубка была на месте, и в легкие пациентки стал поступать кислород.

Медсестра включила электробритву. Светлые волосы Дебби шелковыми прядями падали на пол. Заглянула дежурная:

— Нейрохирург застрял в пробке! Он выберется из нее минимум через час.

— Тогда найдите кого-нибудь еще!

— Все в «Техас Мед»! Туда повезли пострадавших с травмами головы.

«Боже, у нас нет времени, — думал Джек, глядя на Дебби. С каждой минутой давление внутри ее черепа нарастало. Клетки мозга умирали. — Если бы это была моя жена, я бы не стал медлить. Ни секунды».

Он сглотнул.

— Принесите коловорот Хадсона. Я сам сделаю трепанацию. — Увидев испуганные взгляды медсестер, Джек добавил с притворной бравадой: — Это как сверлить дыры в стенке. Я уже делал такое раньше.

Пока медсестры готовили к операции только что обритую голову Дебби, Джек надел хирургический халат и перчатки. Он разместил на черепе стерильные салфетки и удивился, что его руки не дрожат, хотя сердце билось просто бешено. Джеку действительно как-то раз довелось сверлить трепанационные отверстия, но это было несколько лет назад и под присмотром нейрохирурга.

«Времени больше нет. Она умирает. Действуй», — сказал он себе.

Джек потянулся за скальпелем и сделал надрез кожи над левой височной костью. Потекла кровь. Он промокнул ее и прижег кровоточащие сосуды. Удерживая кожу с помощью ранорасширителя, Джек взрезал сухожильный шлем, достиг надкостницы и отскреб ее распатором, обнажив поверхность черепа.

Затем взял в руки коловорот Хадсона. Это было механическое устройство, приводимое в движение вручную и казавшееся антиквариатом, чем-то вроде инструмента из дедовской столярной мастерской. Сначала Джек поработал перфоратором — похожим на лопатку сверлом, — сделав небольшое углубление в кости, чтобы потом легче было сверлить отверстие. Затем сменил перфоратор на другое сверло — с конусообразной многолезвийной насадкой. Он глубоко вдохнул, приставил насадку к углублению и начал сверлить. На лбу Джека выступили первые бисеринки пота. Он делал трепанацию, не дождавшись результатов компьютерной томографии, руководствуясь лишь собственным заключением. Он даже не знал, в правильном ли месте сверлит.

Вдруг из трепанационного отверстия, заливая хирургические салфетки, хлынул поток крови.

Медсестра принесла лоток. Вынув сверло, Джек некоторое время наблюдал, как кровь, ровной красной струей вытекая из черепа, образует в лотке блестящую лужицу. Он правильно определил место. По мере истечения крови давление в мозгу Дебби Ханинг уменьшалось.

Джек сделал глубокий выдох. Напряжение наконец отпустило его, наполнив мускулы ноющей болью.

— Приготовьте костный воск, — сказал Джек.

Затем опустил дрель и потянулся за дренажным катетером.

Белая мышь висела в воздухе точно в прозрачном море. Доктор Эмма Уотсон плыла к ней, изящно двигая руками и ногами, грациозная, как подводная танцовщица. Вьющиеся пряди ее темно-каштановых волос образовывали призрачный нимб. Эмма схватила мышь и медленно повернулась к камере. Она вытащила шприц и иглу.

Этот сюжет был отснят два года назад, на борту шаттла «Атлантис» во время 141-го запуска, но по-прежнему был любимым рекламным фильмом Гордона Оби, и именно по этой причине его крутили теперь на всех мониторах Аудитории Тига в Космическом центре Джонсона. На быструю и гибкую Эмму Уотсон было приятно смотреть. В ней была какая-то искорка, а во взгляде читалось неподдельное любопытство. От тоненького шрама над бровью до переднего зуба с крошечной щербинкой (если судить по рассказам, это память о рискованном спуске на горных лыжах) ее лицо свидетельствовало о бурной жизни. Но для Гордона главной привлекательной чертой Эммы был ее интеллект. Ее знания. Он следил за карьерой Эммы в НАСА с любопытством, которое не имело ничего общего с интересом к привлекательной женщине.

Как директор управления летных экипажей, Гордон Оби обладал большой властью по части подбора команд и старался держаться нейтрально — кое-кто сказал бы: бездушно — по отношению к астронавтам. Когда-то он и сам был одним из них, дважды летал в качестве командира шаттла. Уже тогда этого отчужденного, загадочного человека, не умевшего болтать по пустякам, называли Сфинксом. Собственное молчание и относительная анонимность вполне устраивали его. И хотя он сидел в президиуме вместе с множеством чиновников из НАСА, большинство присутствовавших в зале не знали, что за человек Гордон Оби. Он выполнял роль части интерьера. Как и сюжет с Эммой Уотсон: красивое лицо, привлекающее собравшихся.

Видео закончилось, сменившись логотипом НАСА, который сотрудники любовно называли фрикаделькой: усеянный звездами синий круг, украшенный эллипсом орбиты и углом из красных косых черт. Администратор НАСА Лерой Корнелл и директор Космического центра имени Джонсона Кен Бланкеншип вышли на трибуну, чтобы ответить на вопросы. Если говорить откровенно, их миссия заключалась в

выуживании денег, и сейчас они предстали перед скептически настроенным сборищем конгрессменов, сенаторов, членов различных подкомиссий, определявших бюджет НАСА. Второй год подряд НАСА подвергалось разорительным финансовым сокращениям, и с недавних пор в коридорах Космического центра Джонсона витали мрачные предчувствия.

Глядя на аудиторию, заполненную хорошо одетыми мужчинами и женщинами, Гордон чувствовал себя так, словно видел инопланетян. Да что с этими политиками? Почему они настолько недальновидны? Оби не понимал, почему они не разделяют его горячую убежденность в том, что от животного человека отличает жажда знаний. Чаще всего дети задают вопрос «почему?». Они с рождения запрограммированы на любопытство, исследование, поиск научных истин.

Но эти избранные народом чиновники давно утратили любопытство, которое выделяет человека. Они прибыли в Хьюстон не для того чтобы спросить «почему?», а для того чтобы задать вопрос: «Зачем нам это нужно?».

Это Корнелл придумал умаслить их тем, что цинично называл «экскурсией имени Тома Хэнкса» — намек на фильм «Апполон-13», который до сих пор считается лучшей рекламой НАСА. Корнелл уже познакомил их с новейшими достижениями на борту Международной космической станции. Он дал им возможность пожать руку настоящим астронавтам. Чего каждый из них хотел? Прикоснуться к знаменитости, к герою? Затем последовала прогулка по Космическому центру Джонсона, начавшись с Тридцатого корпуса и Центра управления полетом. Пусть собравшиеся не в состоянии отличить пульт управления от игровой приставки «Нинтендо», эта сияющая техника, без сомнения, поразит их и переманит на сторону насовцев.

«Все без толку, — с тревогой думал Гордон. — Этих политиков голыми руками не возьмешь».

НАСА столкнулось с мощными противниками. Первым из них оказался сенатор Фил Париш, сидевший в первом ряду. Этому бескомпромиссному семидесятилетнему милитаристу из Южной Каролины важнее всего сохранить оборонный бюджет, который стал проклятем НАСА. Париш выпростал свои сто тридцать пять килограммов из кресла и вышел вперед, обращаясь к Корнеллу и по-джентльменски подчеркнуто растягивая слова:

— Ради этой станции ваше агентство превысило бюджет на миллиард долларов, — заявил он. — Я не думаю, что американский народ жаждет пожертвовать своей обороноспособностью ради того, чтобы вы имели

возможность болтаться там наверху и проводить эти заумные эксперименты. Это же международное достижение, верно? Насколько я понял, именно мы оплачиваем большую часть счетов. Как я объясню необходимость этой разорительной игрушки простым гражданам Южной Каролины?

Администратор НАСА отвечал, изображая образцовую улыбку. Он был «политическим животным», рубахой-парнем, его личное обаяние превратило Корнелла в любимца вашингтонской прессы; в столице он и проводил большую часть времени, обхаживая Конгресс и Белый дом в поисках денег для космического агентства, чей бюджет вечно испытывал дефицит. Он был «публичным» лицом НАСА, тогда как Кен Бланкеншип, отвечающий за будничную работу Космического центра, был лицом «внутренним», известным только сотрудникам агентства. Это были «инь» и «ян» руководства НАСА. Они так отличались друг от друга по темпераменту, что трудно было представить, как они работают в одной команде. Сотрудники НАСА любили говорить, что в Лерое Корнелле полно стиля и никакой реальной ценности, а в Бланкеншипе полно ценности, зато нет никакого стиля.

Корнелл вежливо ответил на вопрос сенатора Париша:

— Вас интересует, почему другие страны не вкладываются в проект? Сенатор, дело в том, что они уже вложились. Это действительно международная космическая станция. Да, русские находятся в очень стесненном положении. Да, нам пришлось внести недостающие средства. Но и они сделали свой вклад в станцию. Их космонавт сейчас на борту, и они используют любую возможность, чтобы помочь нам в поддержании работы МКС. А ответом на вопрос, зачем нам нужна станция, станут проведенные биологические и медицинские исследования. Исследования в области материаловедения. Геофизики. И результаты этих исследований не заставят себя ждать.

В зале поднялся еще один человек, и Гордон почувствовал, что у него повышается давление. Если Оби и презирал кого-то сильней, чем сенатора Париша, то только конгрессмена из Монтаны Джо Беллингема, чей образ «человека Мальборо» не мог скрыть научного кретинизма. Во время своей последней кампании он требовал, чтобы в школах начали изучать креационизм, выбросили учебники по биологии и открыли вместо них Библию. «Не исключено, что, по его мнению, ракеты приводят в движение ангелы».

— А как насчет технологий, разработанных совместно с русскими и японцами? — спросил Беллингем. — Меня беспокоит то, что мы бесплатно делимся высокотехнологичными секретами. Ваше международное сотрудничество выглядит таким благородным и все

такое, а что если они используют полученные знания против нас? Почему мы должны доверять русским?

Страх и паранойя. Невежество и суеверие. Как этого еще много в стране! Гордон все больше мрачнел, слушая Беллингема. И даже с отвращением отвернулся.

Вдруг Оби заметил Хэнка Миллара, угрюмо вошедшего в зал. Миллар был главой Отдела астронавтики НАСА. Хэнк посмотрел на Гордона, и тот сразу же понял: что-то случилось.

Гордон тихо покинул президиум, и они с Хэнком отправились в коридор.

— Что случилось?

— Произошел несчастный случай. С женой Билла Ханинга. Нам сообщили, что дела плохи.

— Боже.

— Боб Киттредж и Вуди Эллис ждут в отделе по связям с общественностью. Нам нужно переговорить.

Гордон кивнул. Бросив взгляд в открытую дверь аудитории, он увидел конгрессмена Беллингема, который продолжал разглагольствовать по поводу того, что делиться технологиями с коммунистами опасно, затем последовал за Хэнком к выходу, пересек двор и вошел в соседнее здание.

Они встретились в служебном помещении. Киттредж, командир полета 162, был возбужден. Вуди Эллис, руководитель полета МКС, выглядел намного спокойней, хотя Гордон еще ни разу не видел Эллиса расстроенным, даже в самых сложных ситуациях.

— Авария серьезная? — спросил Гордон.

— На шоссе 1-45 образовалась жуткая свалка. В автомобиль госпожи Ханинг врезалось несколько машин, — сообщил Хэнк. — «Скорая» отвезла пострадавшую в «Майлз Мемориал». Там ее принял Джек Маккаллум.

Гордон кивнул. Все они хорошо знали Джека. Пусть он больше не числился астронавтом, зато продолжал фигурировать в списке бортврачей. Год назад он отстранился от большей части своих обязанностей в НАСА и теперь работал скоропомощным врачом в частном секторе.

— Это Джек позвонил нам с сообщением о Дебби, — уточнил Хэнк.

— Он сказал что-нибудь о ее состоянии?

— Тяжелая травма головы. Она в отделении интенсивной терапии, в коме.

— Какой прогноз?

— Он не смог ответить на этот вопрос.

Все замолчали, оценивая, чем может обернуться эта трагедия для НАСА. Хэнк вздохнул:

— Нам придется сообщить Биллу. Мы не можем скрыть от него это известие. Проблема в том...

Он не договорил. Да и не надо было — все понимали, в чем дело.

Билл Ханинг провел на борту МКС только месяц из запланированных четырех. Это известие эмоционально истощит его. Продолжительному пребыванию в космосе может помешать прежде всего эмоциональная травма, этого в НАСА и боялись. Астронавт в угнетенном состоянии может нанести непоправимый вред полету. Несколькими годами ранее на «Мире» произошла подобная ситуация, когда космонавту Владимиру Дежурову сообщили о смерти его матери. Он несколько дней провел взаперти в одном из модулей «Мира» и отказывался выходить на связь с Московским центром управления полетом. Его горе нарушило работу всех находившихся на борту «Мира».

— Дебби и Билл очень близки, — заметил Хэнк. — Уже сейчас могу сказать, что Биллу будет очень тяжело.

— Ты советуешь заменить его? — спросил Гордон.

— Пусть возвращается на ближайшем шаттле. Ему и так придется несладко, ведь еще две недели он пробудет на орбите у всех на виду. Мы не можем потребовать, чтобы он остался там еще на три месяца. У них двое детей, — тихо добавил Хэнк.

— Его дублер на МКС — Эмма Уотсон, — сказал Вуди Эллис. — Мы можем послать ее на шаттле сто шестьдесят. С экипажем Вэнса.

Услышав имя Эммы, Гордон изо всех сил старался ничем не выдать своего интереса. Или каких-либо иных чувств:

— Что вы думаете о Уотсон? Она готова отправиться на орбиту на три месяца раньше?

— Она и должна была сменить Билла. Эмма уже готова провести большинство экспериментов на борту. Я полагаю, это вполне реальная альтернатива.

— Я не очень рад этому, — произнес Боб Киттредж.

Гордон устало вздохнул и повернулся к командиру шаттла:

— А я и не думал, что вы обрадуетесь.

— Уотсон — важная часть моего экипажа. Мы стали единой командой. Я очень не хочу разбивать экипаж.

— До старта вашего экипажа три месяца. У вас есть время для корректировки.

— Вы сильно усложняете мне работу.

— То есть вы хотите сказать, что за это время не сможете создать новую команду?

Киттредж поджал губы.

— Я только хочу сказать, что мой экипаж является работоспособной единицей. И мы не станем прыгать от восторга, если потеряем Уотсон.

Гордон посмотрел на Хэнка.

— Как насчет шаттла сто шестьдесят? Вэнса и его команды?

— Никаких проблем. Уотсон будет дополнительным пассажиром на средней палубе. Они доставят ее на МКС, как и любую другую полезную нагрузку.

Гордон обдумал все это. Они продолжали обсуждать возможности, а не факты. Вероятно, Дебби Ханинг придет в себя, и Билл сможет остаться на МКС, как и было запланировано. Но Гордон, как и все сотрудники НАСА, научился составлять план на случай непредвиденной ситуации, иметь про запас схему действий для любого исхода событий.

Он посмотрел на Вуди Эллиса, требуя окончательного подтверждения. Вуди кивнул.

— Ладно, — согласился Гордон. — Найдите мне Эмму Уотсон.

Она увидела его в дальнем конце больничного коридора. Он разговаривал с Хэнком Милларом и стоял к ней спиной; пусть на нем красовалась стандартная зеленая униформа хирурга, Эмма точно знала — это Джек. Чтобы узнать своего супруга после семи лет брака, не обязательно видеть лицо.

Так же он стоял и в день их знакомства в приемном отделении главной больницы Сан-Франциско, где они вместе стажировались. Он стоял у поста медсестры, заполняя карту, его широкие плечи поникли от усталости, а волосы были взъерошены так, словно он только что встал с постели. Так оно и было — после безумной ночи на дежурстве. Лицо его было небритым, взгляд — усталым, но, когда он повернулся и посмотрел на Эмму, между ними мгновенно возникло притяжение.

С того дня Джек постарел на десять лет, его темные волосы уже тронула седина, а вот поникшие плечи по-прежнему выдавали усталость. Эмма не видела его три недели. Несколько дней назад между ними состоялся короткий телефонный разговор, обернувшийся очередной шумной ссорой. Они были не в состоянии вести себя разумно, не могли спокойно разговаривать, пусть даже недолго.

Поэтому, когда Эмма шла к нему по коридору, ее охватывали мрачные предчувствия.

Хэнк Миллар первым заметил Эмму и тут же напрягся — словно зная, что грядет битва, он хотел унести ноги, прежде чем начнется пальба. Джек, похоже, заметил эту перемену на физиономии Хэнка и обернулся, чтобы посмотреть на причину.

Увидев Эмму, он, казалось, замер, на лице появилась непроизвольная полуулыбка приветствия. Ее можно было истолковать и как удивление, и как радость. Затем, словно опомнившись, он перестал улыбаться, и его лицо стало просто нейтральным — не приветливым, но и не враждебным. «Лицо незнакомца», — подумала она. Так было еще больнее — уж лучше бы он встретил Эмму открытой ненавистью. Тогда бы он продемонстрировал хоть какие-то эмоции, остатки, пусть даже очень жалкие, их когда-то счастливого брака.

Эмма вдруг поймала себя на том, что и ее лицо не менее нейтрально, чем вялая физиономия Джека. Заговорив, она обратилась сразу к обоим мужчинам, никого не выделяя.

— Гордон рассказал мне о Дебби, — объяснила Эмма. — Как она?

Хэнк взглянул на Джека, ожидая, что тот ответит первым. Наконец Джек произнес:

— Она до сих пор без сознания. Мы устроили что-то вроде дежурства в приемной. Присоединяйся, если хочешь.

— Да. Конечно.

Она направилась в комнату посетителей.

— Эмма! — окликнул Джек. — Мы можем поговорить?

— Увидимся позже, — произнес Хэнк и поспешно ретировался. Они подождали, пока Миллар завернет за угол, затем посмотрели друг на друга.

— Дела Дебби плохи, — признался Джек.

— Что произошло?

— У нее было эпидуральное кровоизлияние. Она пришла в сознание и говорила. За несколько минут ее состояние резко ухудшилось. Я был занят другим пациентом. И не догадался вовремя. Медлил с трепанацией, пока... — он замолчал и отвернулся. — Она на искусственном дыхании.

Эмма хотела было протянуть к нему руку, но передумала, зная, что Джек стряхнет ее. Он уже давно перестал выслушивать от нее слова утешения. Какими бы ни были ее речи, сколько бы чувства она в них ни вкладывала, он счел бы это жалостью. А жалость Джек презирал.

— Такое трудно диагностировать, Джек, — только и смогла сказать она.

— Я должен был сделать это раньше.

— Ты сказал, что ее состояние быстро ухудшалось. Не стоит себя корить.

— Мне от этого не лучше.

— Я и не пытаюсь облегчить твои страдания! — с раздражением воскликнула Эмма. — Я просто указываю на тот факт, что ты поставил правильный диагноз. И действовал сообразно ему. Ты можешь хоть раз отнестись к себе не так строго?

— Послушай, речь сейчас не обо мне, — отрезал Джек. — Речь о тебе.

— Ты о чем?

— Дебби еще не скоро выпишется из больницы. А это значит, что Билл...

— Я знаю. Гордон Оби уже сообщил мне.

Джек помолчал немного.

— Дело решенное?

Эмма кивнула.

— Билл возвращается. Я заменю его на следующем полете. — Она посмотрела в сторону отделения интенсивной терапии. — У них двое детей, — тихо произнесла она. — Билл не может оставаться на орбите еще три месяца.

— Ты не готова. У тебя не было времени...

— Я подготовлюсь.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Эмма!

Джек протянул руку, чтобы остановить ее, и это прикосновение поразило Эмму. Она обернулась. Джек тут же опустил руку.

— Когда ты уезжаешь в Центр Кеннеди? — спросил он.

— Через неделю. На карантин.

Казалось, Джек был ошеломлен. Он стоял и молча переваривал новость.

— Да, кстати, — сказала Эмма, — ты не мог бы взять Хамфри, пока меня не будет?

— А почему ты не хочешь отдать его в кошачью гостиницу?

— Жестоко держать кота взаперти три месяца.

— Этому чудовищу уже удалили когти?

— Да ладно, Джек. Он дерет вещи, только когда чувствует нехватку заботы. Уделяй ему внимание, и он оставит твою мебель в покое.

Джек поднял взгляд, когда по внутренней связи раздался вызов: «Доктор Маккаллум, в реанимацию. Доктор Маккаллум, в реанимацию».

— Кажется, тебе пора, — заметила Эмма, собираясь уходить.

— Подожди. Все это слишком быстро. У нас нет времени поговорить.

— Если ты о разводе, то, пока меня не будет, адвокат сможет ответить на все твои вопросы.

— Нет! — Джек напугал ее резкостью и гневом в голосе. — Я не желаю разговаривать с твоим адвокатом!

— Что ты хотел мне сказать?

Некоторое время он пристально смотрел на Эмму, словно подбирая слова.

— Речь об этом полете, — наконец произнес Джек. — Все слишком поспешно. Мне это не нравится.

— Что ты имеешь в виду?

— Тебя поставили на замену в последний момент. Ты летишь с другим экипажем.

— У Вэнса слаженная команда. Все будет хорошо.

— А МКС? Возможно, тебе придется оставаться на орбите шесть месяцев.

— Я справлюсь.

— Но это не было запланировано. Все было решено в последнюю минуту.

— А что, по-твоему, мне следует сделать, Джек? Отказаться?

— Я не знаю! — В досаде он провел рукой по волосам. — Не знаю.

Некоторое время они стояли молча — никто не находил слов, никто не решался закончить разговор.

«Семь лет брака, — подумала Эмма, — и вот итог. Два человека, которые не могут жить вместе, но и расстаться не могут. А теперь еще и не хватает времени уладить наши дела».

По внутренней связи раздался очередной вызов: «Доктор Маккаллум, немедленно в реанимацию».

Джек с тревогой посмотрел на жену.

— Эмма...

— Иди, Джек, — поторопила она. — Тебе пора.

В отчаянии он махнул рукой и бросился бегом в реанимацию. Повернувшись, Эмма двинулась в противоположном направлении.

4

12 июля
НА БОРТУ МКС

Через иллюминаторы Нода-1 доктор Уильям Ханинг смотрел на водоворот облаков над Атлантическим океаном в трехстах пятидесяти километрах под ним. Он коснулся стекла, пальцы скользнули по преграде, защищавшей его от безвоздушного пространства. Еще одно препятствие, которое отделяло его от дома. От жены. Он смотрел, как под ним вращается Земля, как медленно скользят мимо Атлантический океан, Северная Африка, а затем Индийский океан. Подступала ночная тьма. И несмотря на то, что тело находилось в невесомости и плавало в пространстве, горе тяжким грузом сдавливало грудь, и он едва дышал.

Где-то в хьюстонской больнице в эту минуту его жена боролась за жизнь, а он ничем не мог ей помочь. Билл вынужден провести на станции еще две недели, он не может оказаться рядом, прикоснуться к Дебби, все, что ему остается — смотреть на тот самый город, где теперь, быть может, она умирает. Он мог сделать только одно — закрыть глаза и попытаться представить, что он сидит возле жены, что их пальцы сплетены.

«Держись. Не сдавайся. Я скоро буду дома».

— Билл? Ты в порядке?

Обернувшись, он увидел Диану Эстес — она вплывала в модуль из американской лаборатории. Билл удивился, что она обеспокоена его самочувствием. Даже спустя месяц проживания бок о бок между Биллом и этой англичанкой не возникло теплых отношений. Она казалась слишком холодной, слишком спокойной. И хотя Диана была платиновой блондинкой, она не вызывала в нем симпатии, да и сама не выказывала даже намеков на интерес к Биллу. К тому же ее внимание целиком и полностью занимал Майкл Григгс. Тот факт, что у Григгса на земле осталась жена, казалось, ничего для них не значил. Здесь, на МКС, Диана и Григгс были половинками двойной звезды, вращавшиеся друг вокруг друга, связанные неким мощным притяжением.

Это только одна из неприятностей, возникающих, когда шесть человек из четырех стран вынуждены жить бок о бок, не имея возможности покинуть свое обиталище. Всегда существовали постоянно менявшиеся союзы и группировки, всякий раз появлялись новые «мы» и «они». Стресс, вызванный долгим проживанием в ограниченном пространстве,

на каждом из них отражался по-разному. Николай Руденко, русский, который прожил на борту МКС дольше всех, с недавних пор стал угрюмым и раздражительным. Кеничи Хираи из Национального космического агентства Японии так расстраивался из-за плохого знания английского, что часто впадал в тяжелое молчание. Только Лютер Эймс дружил со всеми. Когда Хьюстон сообщил плохие новости о Дебби, только Лютер понял, что нужно сказать Биллу, и его слова шли из самого сердца. Лютер родился в Алабаме в семье чернокожего священника и унаследовал от отца дар утешения.

— Билл, тут и раздумывать нечего, — сказал Лютер. — Ты должен отправиться домой к жене. Передай Хьюстону, чтобы за тобой прислали лимузин, а не то будут иметь дело со мной.

Диана повела себя совершенно по-другому. Всегда рациональная, она спокойно указала на то, что Билл ничем не сможет ускорить выздоровление жены. Дебби находится в коме, она даже не поймет, что он рядом. «Холодная и хрупкая, как кристаллы, которые она выращивает в лаборатории», — подумал Билл о Диане.

Вот почему его удивил ее вопрос. Она не стала подплывать ближе, держась на расстоянии, как всегда. Ее длинные светлые волосы колыхались вокруг лица, словно морские водоросли.

Билл снова повернулся к иллюминатору.

— Жду, когда покажется Хьюстон, — ответил он.

— Тебе пришли электронные письма от владельцев полезной нагрузки.

Он молча смотрел вниз, на мерцающие огни Токио; туда острием ножа подбирался рассвет.

— Билл, кое-что требует твоего внимания. Если ты не в состоянии заниматься работой, придется распределить твои обязанности среди остальных членов экипажа.

Обязанности. Так вот о чем хотела поговорить Диана! Не о его трагедии, а о том, можно ли рассчитывать, что Билл будет выполнять порученные ему задания. Каждый день на борту МКС был расписан по минутам, времени для размышлений или печали почти не оставалось. Если один из членов экипажа оказывался нетрудоспособным, его должны были заменить остальные, иначе эксперименты проведены не будут.

— Иногда, — произнесла Диана с неумолимой логикой, — работа очень помогает отвлекаться от горя.

Билл коснулся пальцем пятна света, это был Токио.

— Диана, не притворяйся, что у тебя есть сердце. Этому никто не поверит.

На мгновение она замолчала. Билл слышал только непрерывный шум работавшей космической станции, звук, к которому он так привык, что едва замечал его.

Диана невозмутимо продолжила:

— Я прекрасно понимаю, что у тебя сейчас трудный период. И знаю — нелегко оставаться на станции и не иметь возможности вернуться на землю. Но у тебя нет другого выхода, все равно придется ждать шаттла.

Он горько рассмеялся.

— Зачем ждать? Я могу оказаться дома через четыре часа.

— Хватит, Билл. Не дури.

— А я и не дурю. Я просто сяду в корабль аварийного спасения и улечу.

— Хочешь, чтобы у нас не осталось возможности эвакуироваться? Это необдуманный поступок. — Она помолчала. — Знаешь, наверное, будет лучше, если ты начнешь принимать какие-нибудь лекарства, это облегчит твое состояние.

Билл повернулся к Диане, и вся его боль, все его горе обратились в ярость.

— Прими таблетку и все пройдет, да?

— Возможно. Билл, я просто хочу удостовериться, что ты не собираешься совершать неблагоразумные поступки.

— Да иди ты.

Он оттолкнулся от иллюминатора и проплыл мимо нее к лабораторному люку.

— Билл!

— Как ты любезно указала, мне есть чем заняться.

— Я сказала, что мы можем разделить твои обязанности. Если ты считаешь, что…

— Я выполню свою чертову работу!

Билл проплыл в американскую лабораторию. Ему стало легче от того, что Диана не последовала за ним. Оглянувшись, он увидел, как Диана плывет к жилому модулю — наверняка чтобы проверить состояние корабля аварийного спасения. Этот аппарат, способный эвакуировать всех шестерых членов экипажа, был единственной «спасательной шлюпкой», которая могла бы доставить их домой, если бы на станции разразилась катастрофа. Билл напугал ее, сказав, что собирается угнать аппарат, и жалел об этом. Теперь Диана будет следить за ним, ожидая признаков нервного срыва.

Довольно тягостно сидеть внутри этой блестящей консервной банки в трехстах пятидесяти километрах от Земли. А если к тому же находишься под наблюдением и подозрением, то пребывание на станции становится и вовсе невыносимым. Несмотря на то что Билл отчаянно хотел вернуться домой, стойкость не изменила ему. Годы подготовки и тесты на психологическую совместимость подтвердили, что Билл Ханинг — профессионал и совершенно точно не способен подвергнуть опасности своих коллег.

Привычным движением отталкиваясь от одной из стен, он плыл по лабораторному модулю к своему рабочему месту. Там он проверил последние электронные сообщения. Диана была права только в одном: работа отвлечет его от мыслей о Дебби.

Большая часть писем пришла из Исследовательского центра имени Эймса в Калифорнии, это были обычные запросы о подтверждении сведений. Многими экспериментами руководили с Земли, и некоторые ученые ставили под сомнения полученные сведения. Билл просмотрел сообщения, скривившись при виде очередной просьбы прислать образцы мочи и кала астронавтов. Вдруг он замер, бросив взгляд на одно из новых сообщений.

Это было сообщение иного рода. Не из Центра имени Эймса, а из какого-то частного центра управления полезными нагрузками. Частный бизнес оплачивал большое количество экспериментов, проводимых на борту станции, и Билл часто получал электронные письма от ученых, не имевших отношения к НАСА.

Это сообщение пришло из компании «СиСайенс», Ла-Хойя, Калифорния.

Доктору Уильяму Ханингу, биологические исследования, МКС.

От ведущего исследователя Хелен Кёниг.

Тема: Эксперимент БКК № 23 (клеточная культура археон).

Сообщение: Самые последние полученные нами данные указывают на резкое и неожиданное увеличение массы клеточной культуры. Пожалуйста, проверьте этот факт измерителем массы.

«Очередной запрос из серии «подай-принеси», — подумал он. Многие орбитальные эксперименты управлялись учеными с Земли. Данные фиксировались внутри различных лабораторных стоек на видео или автоматическими приборами для взятия проб, а результаты отправлялись прямиком к исследователям. Из-за сложности оборудования на борту МКС временные сбои были неизбежны. Для этого здесь и нужны были люди — чтобы отыскивать неисправности буйной электроники.

В компьютере с данными о полезной нагрузке Билл открыл файл «БКК № 23» и просмотрел протокол. Клетки культуры — археоны, бактериоподобные морские микроорганизмы — были собраны в глубоководных гидротермальных жерлах. Для человека они безопасны.

Билл проплыл через лабораторию к стойке с клеточными культурами и вдел обтянутые гольфами ноги в стремена, чтобы зафиксировать положение. Нужный ему блок, по форме напоминавший короб, был снабжен собственной системой подачи и обработки воды для непрерывного опрыскивания двух десятков клеточных культур и образцов тканей. Большинство экспериментов были саморегулирующимися и не требовали никакого вмешательства. За четыре недели на борту МКС Билл только однажды взглянул на пробирку под номером 23.

Он вытащил ящик с образцами клеток. Двадцать четыре культуры в пробирках были укрепленны по периметру блока. Билл нашел номер 23 и вытащил пробирку из поддона.

И его тут же охватила тревога. Крышка вздулась словно под давлением. Вместо мутноватой жидкости он увидел нечто яркого сине-зеленого цвета. Билл перевернул пробирку, но культура не сдвинулась с места. Из жидкости она превратилась в густую, вязкую массу.

Он настроил микроизмеритель массы и вставил пробирку в углубление для образцов. Через мгновение на экране появились данные.

«Что-то здесь нечисто, — решил он. — Должно быть, какая-то инфекция. Либо образец с самого начала был заражен, либо другой организм, проникнув в пробирку, уничтожил первичную культуру».

Он набрал ответ доктору Кёниг:

«...Полученные вами сведения подтверждены. На вид культура сильно изменилась. Теперь это не жидкость, а желатинозная масса, яркого, почти неонового сине-зеленого цвета. Следует иметь в виду вероятность заражения...»

Он остановился. Была еще одна вероятность — эффект микрогравитации. На земле тканевые культуры растут плоским слоем, увеличиваясь только в двух направлениях по поверхности контейнера. В невесомости, освободившись от силы гравитации, те же самые культуры начинают вести себя иначе. Они растут в трех направлениях, принимая формы, которые никогда не принимали на Земле.

Что если номер 23 не был заражен? Что если это результат поведения археонов в невесомости?

Но от этой мысли ему сразу же пришлось отказаться. Изменения были слишком серьезными. Невесомость не способна превратить одноклеточный организм в невероятную зеленую массу.

Он набрал:

«...Мы вернем образцы культуры № 23 со следующим шаттлом. Сообщите, пожалуйста, о дальнейших инструкциях...»

Раздался лязг выдвигаемого ящика. Билл вздрогнул. Обернувшись, он увидел Кеничи Хираи, который был занят экспериментами у своей стойки. Давно ли он здесь? Японец так тихо проник в лабораторию, что Билл его даже не заметил. В мире, где нет понятия «пол» и «потолок», где не слышны звуки шагов, устное приветствие часто оказывается единственным способом предупредить других о своем присутствии.

Заметив взгляд Билла, Кеничи лишь приветственно кивнул и продолжил работу. Билла раздражало его молчание. Беззвучно передвигавшийся и заставлявший окружающих вздрагивать, Кеничи походил на привидение. Билл знал, в чем причина: Кеничи плохо говорил по-английски и, дабы избежать неловкости, решил общаться как можно реже или вообще молчать. И тем не менее он мог хотя бы говорить «привет», вплывая в модуль, чтобы не действовать на нервы своим коллегами.

Билл снова сосредоточился на пробирке под номером 23. Как выглядит эта желатинозная масса под микроскопом?

Он положил пробирку номер 23 в плексигласовую защитную камеру с перчатками, закрыл люк и вставил руки в перчатки. Если утечка и произойдет, то только в пределах камеры. Плавающая по станции жидкость в условиях микрогравитации может пагубно сказаться на электропроводке. Билл осторожно вскрыл пробирку. Он знал, что содержимое находится под давлением, потому что видел: крышка вздулась. Но тем не менее поразился, когда крышка вдруг вылетела из пробирки, словно пробка из бутылки шампанского.

Билл инстинктивно отпрянул, когда по камере расплылось сине-зеленое пятно. На мгновение масса прилипла к стенкам, подрагивая словно живая. Она и была живая, эта желатинозная масса микроорганизмов.

— Билл, нам надо поговорить.

Он вздрогнул, услышав голос. Ханинг быстро закрыл крышкой пробирку и, обернувшись, взглянул на Майкла Григгса, только что вплывшего в модуль. За нам следовала Диана. «Красавцы», — подумал Билл. Они великолепно смотрелись в форменных темно-синих рубашках НАСА и зеленовато-синих шортах.

— Диана говорит, у тебя проблемы, — начал Григгс. — Мы только что беседовали с Хьюстоном, и там считают, что лекарства тебе не помешают. Помогут продержаться еще несколько дней.

— Вы и Хьюстон этим напрягли, да?

— Они беспокоятся о тебе. Мы все беспокоимся.

— Послушайте, что касается корабля аварийного спасения, то я пошутил.

— Ты заставляешь нас нервничать.

— Мне не нужно успокоительное. Лучше оставьте меня в покое.

Билл вытащил пробирку из камеры и вернул ее на место в стойке. Он был рассержен и не мог работать.

— Билл, мы должны доверять тебе. Здесь, на станции, все друг от друга зависят.

Билл в ярости повернулся к ним.

— Вы что, видите перед собой психа? Да?

— Сейчас ты думаешь только о жене. Я понимаю это. И...

— Тебе этого не понять. Вряд ли ты часто вспоминаешь о своей жене.

Он бросил недвусмысленный взгляд на Диану, затем метнулся вдоль модуля в соединительный узел. Он хотел перейти в бытовой отсек, но передумал, увидев Лютера, который собирался есть.

«Негде спрятаться. Негде побыть наедине с собой».

Вдруг на глаза навернулись слезы, Билл повернулся и снова направился к иллюминатору.

Отвернувшись от всех, он смотрел на Землю. В иллюминаторе появлялось Тихоокеанское побережье. Еще один рассвет, еще один закат.

И вечное ожидание.

Кеничи наблюдал, как Григгс и Диана выплывают из лабораторного модуля, ловко отталкиваясь от стен. Они скользили грациозно, словно светловолосые боги. Кеничи частенько подглядывал за ними тайком; особенно ему нравилось наблюдать за Дианой Эстес, такой светловолосой и светлокожей, почти прозрачной.

Когда они ушли из лаборатории, Кеничи остался там один и наконец-то смог расслабиться. На станции столько конфликтов. Это действовало на нервы и мешало сосредоточиться. По натуре он был спокойным, и работа в одиночестве вполне устраивала его. Он хорошо понимал английскую речь, но говорил с трудом и быстро уставал от беседы. Намного приятней было работать одному, в тишине, наедине с подопытными животными.

Через смотровое окошко японец внимательно оглядел мышей в отсеке для животных и улыбнулся. Клетка была поделена на две части: с одной стороны находилось двенадцать самцов, с другой — двенадцать самок. В детстве у Кеничи были кролики, и ему нравилось гладить их, посадив себе на колени. Но эти мыши не были домашними, их изолировали от контакта с человеком. Воздух, которым они дышали, прежде чем попасть в воздух космической станции, очищался через систему фильтров и кондиционировался. Все работы с животными проводились в примыкающей защитной камере с перчатками, где со всеми биологическими образцами — от бактерий до лабораторных крыс — можно было обращаться без страха заразить воздух станции.

Сегодня был день забора крови на анализ. Кеничи не слишком нравились подобные задания — он не любил колоть мышей иглой. Пробормотав по-японски извинение, Кеничи надел перчатки и перенес

одну из мышей в изолированное рабочее помещение. Мышь попыталась вырваться. Он отпустил ее: пусть поплавает, пока он готовит иглу. Жалостное зрелище — пытаясь продвинуться вперед, мышь яростно била лапками по воздуху. Но оттолкнуться было не от чего, и она беспомощно барахталась в пространстве.

Игла была готова, Кеничи протянул руку, чтобы снова схватить зверька. Только тогда он заметил сине-зеленую каплю, плавающую рядом с мышью. Капля висела так близко, что мышь даже лизнула ее, исследуя новый объект. Кеничи громко рассмеялся. Иногда астронавты ради смеха глотали плавающие в воздухе капли воды, и мышь делала то же самое, забавляясь со своей новой игрушкой.

Затем он вдруг подумал: откуда взялось это сине-зеленое вещество? Билл пользовался камерой. Вдруг он пролил что-нибудь ядовитое?

Кеничи подплыл к компьютеру и заглянул в протокол эксперимента, который только что вызывал Билл. Это был эксперимент БКК № 23, клеточная культура.

Согласно протоколу в капле не было ничего опасного. Археоны считались безвредными одноклеточными морскими организмами и не обладали инфекционными свойствами.

Успокоившись, японец вернулся к камере, вставил руки в перчатки и потянулся за иглой.

5

16 июля

«У нас нет связи».

Джек пристально наблюдал за дымным шлейфом в лазурном небе, и ужас острым ножом пронзал его сердце. Солнце светило в лицо, но Джека прошибал ледяной пот. Он внимательно глядел в небо. Где шаттл? Только секунду назад он видел в безоблачном небе его изогнутый след, ощущал дрожание земли во время старта. Когда корабль набирал высоту, уносясь ввысь под рев двигателей, уплывая все дальше, превращаясь в блестящую точку, Джеку казалось, что вместе с шаттлом ускользает и его сердце.

Он уже не видел корабля. Ровный белый след превратился в шлейф из черного дыма.

Напряженно вглядываясь в небо, Джек стал свидетелем головокружительной цепочки событий. Огонь в небе. Черный дым. Обломки корабля падают в море.

«Нет связи».

Он проснулся, задыхаясь, тело взмокло от пота. На улице было светло, и через окно спальни проникало нестерпимо жаркое солнце.

Он сел на кровати и, застонав, уронил голову на руки. Накануне вечером он выключил кондиционер, и теперь в комнате было жарко, как в печке. Спотыкаясь, он прошел через комнату чтобы включить кондиционер, затем снова упал на кровать и, когда подул прохладный воздух, с облегчением вздохнул.

Тот самый страшный сон.

Потерши лицо, Джек старался прогнать видения, но они слишком глубоко засели в памяти. В тот год, когда взорвался «Челленджер», он только поступил в колледж — там, шагая по коридору студенческого общежития, он и увидел первые телевизионные кадры катастрофы. И в тот день, и в последующие дни он постоянно натыкался на эти ужасные кадры. Они глубоко засели в подсознании Джека и стали такими красочными, словно тем утром он сам стоял на трибунах, был на мысе Канаверал.

А теперь эти воспоминания снова превратились в страшные сны.

«Это из-за Эммы, из-за ее запуска».

Джек стоял в душе, подставив голову под бьющие струи холодной воды и ожидая, когда из памяти сотрутся следы сна. Со следующей недели он уходит в отпуск на 21 день, но настроение у Джека совсем не то. Уже несколько месяцев он не ходил под парусом. Может, несколько недель на воде, подальше от городских огней, излечат его? Только он, море и звезды.

Джек уже давно не любовался звездами. Последнее время он, казалось, избегал даже мельком глядеть на них. В детстве Джек любил смотреть на небо. Мама рассказывала ему, что однажды вечером, когда он только начинал ходить, Джек вышел на лужайку и, вытянув руки, пытался дотронуться до луны. И, когда ему не удалось, разревелся от огорчения.

Луна, звезды, чернота космоса — теперь все это было ему недоступно, и частенько Джек чувствовал себя маленьким мальчиком, плачущим от огорчения.

Он выключил воду, уперся руками в отделанную кафелем стену и постоял немного, склонив голову. С волос стекала вода. «Сегодня шестнадцатое июля, — думал Джек. — Эмме осталось восемь дней до полета». Он чувствовал, как замерзает влажная кожа.

Через десять минут Джек уже оделся и сел в машину. Был вторник. Сегодня Эмма с новым экипажем заканчивает трехдневную комплексную тренировку. Она, конечно, устанет и не захочет встречаться с ним. Но завтра Эмма будет уже на пути к мысу Канаверал. Завтра они уже не увидятся.

Оказавшись в Космическом центре имени Джонсона, он оставил машину на парковке у Тридцатого корпуса, быстро показал удостоверение НАСА охраннику и поторопился наверх, в зал управления полетом шаттла. Там царила напряженная тишина. Комплексная полетная тренировка была чем-то вроде выпускного экзамена как для астронавтов, так и для наземных служб. Наполненный критическими моментами прогон полета от старта до посадки с неожиданно возникающими неисправностями, которые всех держали в огромном напряжении. Три команды операторов не раз за последние три дня сменяли друг друга, и сейчас за пультами управления сидели два десятка усталых мужчин и женщин. Мусорные корзины были переполнены стаканчиками из-под кофе и банками из-под диетической пепси. Кое-кто из операторов увидел Джека и кивнул ему в знак приветствия, но времени как следует поздороваться не было — наступил главный кризисный момент, и все сконцентрировались на решении проблемы. Джек несколько месяцев не появлялся в ЦУПе, и теперь снова ощутил знакомое возбуждение, ту наэлектризованность, которая, казалось, физически ощущалась в этом зале во время полета.

Он направился к третьему ряду пультов управления и остановился рядом с руководителем полетов Рэнди Карпентером, которому в тот момент было не до разговоров. В программе полетов шаттлов Карпентер был верховным жрецом. В нем было сто двадцать пять килограммов, и, присутствуя в зале, Рэнди производил сильное впечатление: живот, нависающий над ремнем, широко расставленные ноги — капитан корабля на мостике, и только. Здесь Карпентер был главным. «Я живой пример того, — любил говорить он, — как далеко может продвинуться в этой жизни толстяк-очкарик». В отличие от легендарного руководителя полетов Джина Кранца, чья фраза: «Ошибка — это не вариант» — сделала его любимцем средств массовой информации, Карпентер был известен только в стенах НАСА. Из-за отсутствия фотогеничности его почти никогда не снимали, вне зависимости от события.

Вслушиваясь в переговоры по каналу связи, Джек быстро понял, в чем состоит сложность ситуации, с которой работал Карпентер. С такой же

проблемой столкнулся Джек и на своей комплексной тренировке два года назад, когда еще был в отряде астронавтов, готовясь к полету 145. Экипаж корабля сообщил о резком падении давления в кабине. Времени на то, чтобы найти причину, не хватало; нужно было начинать аварийный сход с орбиты.

Оператор службы динамики полета, который сидел в первом ряду пультов, известном как «окоп», быстро выстраивал траектории полета, чтобы определить лучшее место посадки. Для наземных служб это не игра — все слишком хорошо понимали: если бы ситуация была настоящей, на карту были бы поставлены жизни семи человек.

— Давление в кабине упало до семисот тридцати пяти миллиметров, — сообщили из Контроля среды.

— Авиабаза Эдвардс, — объявил оператор динамики полета. — Посадка ориентировочно в тринадцать ноль-ноль.

— При этой скорости давление в кабине упадет до трехсот семидесяти миллиметров, — сообщил оператор контроля среды. — Советую надеть шлемы уже сейчас, до входа в атмосферу.

Оператор связи передал рекомендацию «Атлантису».

— Вас понял, — ответил командир Вэнс. — Шлемы надеты. Включаем двигатели для схода с орбиты.

Сам того не желая, Джек поддался общему настроению. Пока шли секунды, он неотрывно смотрел на главный экран зала — там на карте мира был отмечен путь корабля. Он знал, что все эти сложные ситуации специально разрабатывались неутомимой командой имитации полетов, но это зловеще-серьезное упражнение подействовало и на него. Джек не ощущал напряжения собственных мышц, он лишь внимательно следил за сменой мелькавших на экране данных.

Давление в кабине упало до трехсот семидесяти миллиметров.

«Атлантис» вошел в верхние слои атмосферы. Связь прекратилась, начались двенадцать долгих минут тишины, когда от трения о воздух вокруг орбитальной ступени образуется облако ионизированного газа, препятствующее коммуникациям.

— «Атлантис», прием, — произнес Капком.

Неожиданно по каналу связи прорвался голос командира Вэнса:

— Хьюстон, слышим вас хорошо.

Посадка, состоявшаяся мгновение спустя, прошла идеально. Игра окончена.

В ЦУПе раздались аплодисменты.

— Молодцы ребята! Справились отлично! — похвалил руководитель полета Карпентер. — Разбор в пятнадцать ноль-ноль. А сейчас давайте прервемся на обед. — Ухмыльнувшись, он стащил наушники и наконец посмотрел на Джека. — Привет, сто лет тебя не видел.

— Изображаю из себя врача перед гражданскими.

— Погнался за большими деньгами, а?

Джек рассмеялся.

— Ага, прямо не знаю, куда их девать. Может, подскажешь? — Джек оглядел операторов, сидевших за пультами в расслабленных позах, с газировкой и принесенной из дома едой. — Тренировка прошла нормально?

— Я доволен. Мы все преодолели.

— А экипаж шаттла?

— Они готовы. — Карпентер понимающе взглянул на него. — И Эмма тоже. Она в своей стихии, так что, Джек, не нервируй ее. Сейчас ей нужно собраться.

Это был не просто дружеский совет. А предупреждение: «Держи все личные дела при себе. Не порти боевой дух экипажу».

Джек чувствовал себя несколько подавленным и виноватым, ожидая Эмму в удушающей жаре у Пятого корпуса, где находились тренажеры. Она вышла вместе с остальными членами экипажа. Похоже, кто-то только что рассказал анекдот, потому что все смеялись. Затем Эмма увидела Джека, и улыбка исчезла с ее губ.

— Я не знала, что ты приедешь, — сказала она.

Он пожал плечами и робко ответил:

— Я тоже.

— Разбор полета через десять минут, — предупредил Вэнс.

— Я приду, — пообещала она. — Не ждите меня, идите. — Эмма подождала, пока экипаж уйдет, и снова обернулась к Джеку. — Мне и в самом деле нужно их догнать. Послушай, я понимаю, этот старт все усложняет. Если ты приехал из-за документов о разводе — обещаю: я все подпишу, как только вернусь.

— Я приехал не из-за документов.

— Есть какая-то другая причина?

Он помолчал.

— Да. Хамфри. Кто его ветеринар? Это на случай, если он проглотит комок шерсти или еще что-нибудь.

Эмма ошеломленно посмотрела на него.

— Тот же, что и всегда. Доктор Голдсмит.

— Ах да.

Некоторое время они молча стояли под палящими лучами солнца. По спине Джека стекал пот. Эмма вдруг показалась ему такой маленькой и хрупкой. И тем не менее эта женщина прыгала с парашютом. Она могла обскакать его на лошади, могла бесконечно кружиться в танце. Его красивая бесстрашная жена…

Эмма обернулась, взглянув на Тридцатый корпус, где ее ждал экипаж.

— Мне нужно идти, Джек.

— Когда ты отправляешься на мыс Канаверал?

— В шесть утра.

— Вся твоя родня будет на запуске?

— Конечно. — Она помолчала. — Ты ведь не приедешь? Верно?

Катастрофа «Челленджера» была еще свежа в его памяти: ужасный столб дыма, перечеркивающий голубое небо.

«Я не смогу смотреть на это, — подумал он. — Я только и буду представлять себе худшее».

Он покачал головой.

Эмма ответила на это холодным кивком и взглядом, который говорил: «Мне трудно быть такой же невозмутимой, как ты». Она уже собралась уходить.

— Эмма! — Он вытянул руку вперед и, мягко потянув жену к себе, заставил ее обернуться. — Я буду скучать по тебе.

Она вздохнула.

— Конечно, Джек.

— Честно.

— Ты не звонишь мне неделями. А теперь говоришь, что будешь скучать. — Она рассмеялась.

Горечь в голосе Эммы причиняла ему боль. Больно было и оттого, что она говорила правду. Последние месяцы Джек действительно избегал ее. Ему было тяжело находиться рядом, потому что на фоне успеха Эммы он еще острее чувствовал себя неудачником.

Надежды на перемирие не было; он это понял по холодности ее взгляда. Оставалось лишь одно — вести себя благородно.

Джек отвел взгляд, вдруг осознав, что ему тяжело смотреть на жену.

— Я приехал пожелать тебе благополучного полета. И удачного путешествия. Помашешь мне рукой, когда будешь пролетать над Хьюстоном? Я буду ждать.

На небе МКС будет казаться движущейся звездочкой, светящей ярче Венеры.

— Ты тоже помаши мне, хорошо?

Оба вымученно улыбнулись. И все-таки, прощаясь, они ведут себя прилично. Джек раскрыл объятия, и Эмма прильнула к нему. Но обнимались они недолго и так неловко, будто незнакомые люди, которые встретились в первый раз. Он чувствовал прикосновение ее тела — такого живого и теплого. Затем Эмма отпрянула и направилась к зданию Центра управления полетом.

Она остановилась только раз, чтобы помахать ему на прощание. Солнце било ему в глаза, и, сощурившись, Джек видел только темный силуэт Эммы, ее волосы, развевающиеся на горячем ветру. И вдруг понял: никогда прежде он не любил ее так сильно, как в тот момент, глядя ей вслед.

19 июля
МЫС КАНАВЕРАЛ

Даже на расстоянии это зрелище захватывало дух. Установленный на стартовой площадке 39-Б и освещенный яркими прожекторами, шаттл «Атлантис» с гигантским оранжевым топливным баком и сдвоенными ракетными ускорителями словно маяк возвышался в черноте ночи. Пусть это зрелище было уже знакомо — вид освещенного шаттла, стоящего на стартовой площадке, всегда приводил Эмму в трепет.

Остальные члены экипажа, стоявшие рядом с ней на асфальте, тоже молчали. Чтобы изменить режим, они проснулись в два часа ночи и вышли из своего временного жилища на четвертом этаже Здания операций и проверок, чтобы полюбоваться чудищем, которое унесет их на орбиту. Эмма услышала крик ночной птицы и ощутила холодный ветер с Мексиканского залива — он освежил и разбавил болотистый запах здешних земель.

— Как-то робеешь, да? — с мягким техасским акцентом заметил командир Вэнс.

Остальные пробормотали что-то в знак согласия.

— Чувствуешь себя маленьким, как муравей, — признался Ченоуэт, единственный новичок в экипаже. Это его первый полет на борту шаттла, и он излучал такое возбуждение, что, казалось, вокруг него образовалось электрическое поле. — Я забываю о том, какой он огромный, а когда вижу снова, всегда думаю: «Боже, какая махина. И мне, сукину сыну, выпала удача оседлать ее».

Все рассмеялись — такой тихий, неловкий смех характерен, скорее, для прихожан в церкви.

— И не думал, что неделя может тянуться так медленно, — признался Ченоуэт.

— Глядите, парень устал быть девственником, — сказал Вэнс.

— Верно, черт возьми. Я хочу туда. — Взгляд Ченоуэта жадно устремился в небо. К звездам. — Вам уже открылась эта тайна, а мне не терпится ее узнать.

«Тайна».

Ее знали только немногие избранные, те, что уже побывали в космосе. Эту тайну не передашь другому, ее нужно пережить, увидеть собственными глазами черноту космического пространства и голубизну

Земли далеко внизу. Ощутить прилив тяжести, когда ускорение вжимает тебя в кресло. Вернувшимся из космоса астронавтам свойственна особая многозначительная улыбка, словно они хотят сказать: «Я приобщился к такому, о чем большинство землян не узнает вовек».

Так же улыбалась и Эмма, когда два года назад выбралась из люка «Атлантиса». Еле держась на ногах, она вышла на солнечный свет, посмотрела на небо, которое показалось невероятно голубым. За восемь дней на борту космического корабля она встретила сто тридцать восходов, видела лесные пожары в Бразилии и центр урагана над Самоа, видела Землю, которая казалась ей такой хрупкой, что щемило сердце. Эмма вернулась совсем другой.

Через пять дней, если все пройдет нормально, Ченоуэт узнает эту тайну.

— Пора пролить немного света на сетчатку, — заметил Ченоуэт. — Моим мозгам до сих пор кажется, что сейчас ночь.

— А сейчас и есть ночь, — ответила Эмма.

— Для нас, ребята, сейчас время, когда забрезжил рассвет, — возразил Вэнс.

Он быстрее других приспосабливался к новому суточному ритму. Вэнс пошел обратно в Здание операций и проверок, чтобы приступить к работе в три часа ночи.

Остальные последовали за ним. Только Эмма задержалась на мгновение, любуясь шаттлом. Днем раньше они побывали на стартовой площадке, чтобы в последний раз повторить действия при аварийной посадке. Вблизи, при солнечном свете шаттл казался ослепительно-ярким и непостижимо огромным. За раз можно было разглядеть лишь одну часть корабля. Нос. Крылья. Черную плитку на брюхе, напоминавшую чешую рептилии. В дневном свете шаттл выглядел очень реально и внушительно. А ночью, на фоне черного неба, казался неземным.

В подготовительной суете Эмма не допускала никаких мрачных предчувствий, отгоняла от себя опасения. Она была готова к полету. Она хотела лететь. Но теперь вдруг ощутила укол страха.

Она посмотрела в небо, на звезды, исчезавшие за надвигавшейся пеленой облаков. Погода менялась. Поежившись, Эмма повернулась и направилась в здание. Там горел свет.

23 июля
ХЬЮСТОН

По телу Дебби Ханинг змеилось несколько трубок. В горле сидела трахеотомическая трубка, через которую в легкие подавался кислород. Назогастральная трубка входила в левую ноздрю и по пищеводу попадала в желудок. Катетер отводил мочу. Два внутривенных катетера подавали жидкость. В запястье был вставлен внутриартериальный катетер, а на экране осциллографа танцевала линия кровяного давления. Джек взглянул на пластиковые мешочки капельниц, висящие над кроватью, и понял, что Дебби вводят сильные антибиотики. Плохой признак: значит, она заполучила инфекцию — неудивительно для пациента, проведшего две недели в коме. Любое нарушение кожного покрова, каждая трубка — все это дорога для бактерий, и теперь организм Дебби сражался с ними.

Джек понял все с первого взгляда, но матери Дебби, сидевшей рядом и сжимавшей руку дочери, ничего говорить не стал. Мышцы лица пациентки расслаблены, челюсть отвисла, веки полуприкрыты. Она пребывала в глубокой коме и ничего не чувствовала, даже боли.

Когда Джек вошел в палату, Маргарет подняла взгляд и кивнула.

— Ночь была тяжелой, — сообщила Маргарет. — Лихорадка. Врачи не знают, в чем причина.

— Антибиотики должны помочь.

— А потом? Мы вылечим инфекцию, и что потом? — Маргарет глубоко вздохнула. — Ей бы все это не понравилось. Все эти трубки. Иголки. Она бы захотела уйти.

— Еще не время сдаваться. Ее энцефалограмма показывает активность. Мозг не умер.

— Тогда почему она не приходит в себя?

— Она молода. Она должна жить.

— Но это не жизнь. — Маргарет посмотрела на руку дочери. Опухшую и посиневшую от игл капельниц. — Когда умирал отец Дебби, она сказала мне, что ни за что не хотела бы закончить жизнь вот так. Чтобы ее кормили через трубки. Я все время вспоминаю ее слова… — Маргарет снова посмотрела на Джека. — Что бы вы сделали? Если бы это была ваша жена?

— Я бы даже мысли не допустил о том, чтобы сдаться.

— Даже если бы она сказала вам, что не хочет заканчивать свою жизнь так?

Джек на мгновение задумался. Затем убежденно произнес:

— В конечном счете это было бы мое решение. Я не стал бы слушать ни ее, ни кого-либо другого. Я бы стал бороться за любимого человека. В любом случае. Даже если шанс на спасение невелик.

Его слова не утешили Маргарет. У него не было права подвергать сомнению ее убеждения, ее интуицию, но она спросила его мнение, и Джек ответил сердцем, а не разумом.

Чувствуя себя виноватым, он потрепал Маргарет по плечу на прощание и вышел из палаты. Скорей всего решение примет сама природа. Пациент в коме с соматической инфекцией уже стоит на пороге смерти.

Джек вышел из отделения интенсивной терапии и с мрачным видом шагнул в лифт. Тягостное начало отпуска. Он решил, что, спустившись в приемную, первым делом зайдет в магазин за упаковкой пива. Ледяное пиво и полуденный выход в море под парусом — вот что ему сейчас нужно. Это отвлечет от мыслей о Дебби Ханинг.

— Интенсивная хирургия, экстренная ситуация! Интенсивная хирургия, экстренная ситуация!

Услышав сигнал больничной системы оповещения, Джек вскинул голову. «Дебби», — подумал он и бросился к лестнице.

В ее палату уже набились служащие больницы. Он протиснулся к кровати и метнул взгляд на монитор. «Фибрилляция желудочков!» Ее сердце превратилось в трепещущий комок мышц, не способный перекачивать кровь и поддерживать работу мозга.

— Ампулу эпинефрина немедленно! — крикнула одна из медсестер.

— Отошли все! — приказал врач, приложив дефибриллятор к грудной клетке.

Джек видел, как тело Дебби тряхнул разряд, и заметил, что линия на мониторе, подскочив, снова резко метнулась вниз. По-прежнему фибрилляция желудочков.

Медсестра продолжала реанимацию, ее короткие светлые волосы колыхались в такт движениям — она делала Дебби непрямой массаж сердца. Невролог Дебби, доктор Саломон, посмотрел на подошедшего Джека.

— Ввели амиодарон? — спросил Джек.

— Вводим, но он не помогает.

Джек снова взглянул на монитор. Фибрилляция желудочков затихала, линия постепенно становилась прямой.

— Мы пропускали разряд четыре раза, — сказал Саломон. — Сердцебиения нет.

— Внутрисердечно эпинефрин?

— Осталось только молиться. Давай, действуй!

Медсестра приготовила шприц с эпинефрином и надела на него длинную кардиальную иглу. Когда Джек брал шприц, он уже знал, что битва проиграна. Эта процедура ничего не изменит. Но он думал о Билле Ханинге, который ждал возвращения на Землю к жене. И помнил о том, что несколько минут назад сказал Маргарет.

«Я бы стал бороться за любимого человека. В любом случае. Даже если шанс на спасение невелик».

Он посмотрел на Дебби, и в его воображении мелькнул образ Эммы.

— Остановите массаж, — нервно сглотнув, велел он.

Медсестра отняла руки от грудной клетки Дебби. Джек быстро протер кожу бетадином и направил кончик иглы под мечевидный отросток. Когда Джек прокалывал кожу, его пульс участился. Он продвигал иглу в глубь грудной клетки, борясь с незначительным отрицательным давлением.

Капля крови, появившаяся в шприце, означала, что он попал в сердце. Нажав на поршень, он ввел всю дозу эпинефрина и вытащил иглу.

— Продолжайте массаж, — скомандовал он и посмотрел на монитор.

«Давай, Дебби. Борись, черт возьми. Не покидай нас. Не покидай Билла».

В комнате было тихо — все смотрели на монитор. Линия была ровной — сердечная мышца умирала, клетка за клеткой. Слов было не нужно; на лицах застыло потрясенное выражение.

«Она так молода», — подумал Джек. Ей всего тридцать шесть.

Как Эмме.

Доктор Саломон принял решение.

— Давайте покончим с этим, — тихо произнес он. — Время смерти — одиннадцать пятнадцать.

Медсестра, делавшая массаж сердца, отошла от Дебби. В ярком освещении палаты тело казалось безжизненным, пластиковым. Манекеном. У него не было ничего общего с той умной жизнерадостной женщиной, которую Джек впервые встретил пять лет назад на вечеринке НАСА.

В палату вошла Маргарет. Некоторое время она молчала, словно не узнавая собственную дочь. Доктор Саломон положил руку ей на плечо и тихо произнес:

— Это случилось очень быстро. Мы ничего не смогли сделать.

— Он должен был быть здесь, — дрожащим голосом пробормотала Маргарет.

— Мы старались поддерживать жизнь, — добавил доктор Саломон. — Мне очень жаль.

— Кого мне жаль, так это Билла, — сказала Маргарет, и, взяв руку дочери, поцеловала ее. — Он хотел быть здесь. И никогда себе этого не простит.

Выйдя из палаты, Джек упал в кресло на посту медсестры. Слова Маргарет продолжали звенеть в его голове. «Он должен был быть здесь. Он никогда себе этого не простит».

Джек посмотрел на телефон. «А что я до сих пор здесь делаю?» — подумал он.

Он взял справочник со стола дежурной медсестры и, найдя нужный номер, набрал его.

— Агентство путешествий «Одинокая звезда», — ответил женский голос.

— Мне нужно на мыс Канаверал.

6

МЫС КАНАВЕРАЛ

Через открытое окно взятой напрокат машины Джек вдыхал влажный воздух городка Мерритт-Айленд, ощущая запах влажной земли и лесных

растений. К Космическому центру имени Кеннеди вела на удивление ухабистая дорога, проложенная через апельсиновые рощицы мимо ветхих ларьков с пончиками и заросших ракетных кладбищ. День клонился к вечеру, и впереди мелькали габаритные огни сотен машин, медленно ползущих вперед. Скапливалась пробка, и уже скоро его автомобиль застрянет в длинной веренице туристов, ищущих место для парковки, чтобы утром с этого места увидеть запуск корабля.

Бессмысленно прорываться через эту массу. Не было смысла и в попытке проникнуть через пропускной пункт Порт Канаверал. Астронавты сейчас все равно спят. Он опоздал и не сможет попрощаться.

Он выехал из потока машин и, развернув автомобиль, направился назад, к дороге на пляж Какао.

Еще со времен Алана Шепарда[6] и первого «Меркурия-3» пляж Какао стал центром развлечений для астронавтов. Эта вереница неказистых отелей, баров и магазинов, торгующих футболками, размещалась на узкой полоске земли между Банановой рекой на западе и Атлантическим океаном на востоке. Джек хорошо знал это место от начала («Токио Стейк Хауз») до конца (бар «Полет на Луну»). Однажды он трусил по пляжу, по которому до него бегал Джон Гленн.[7] Всего два года назад он стоял в парке Джетти на берегу Банановой реки и смотрел на стартовую площадку 39-А. На свой шаттл, птицу, которая должна унести его в космос. Воспоминания до сих пор затуманивала боль. Джек помнил долгую пробежку тем жарким днем. Когда внезапно он почувствовал мучительную боль в боку, да такую сильную, что упал на колени. А потом, в отделении интенсивной терапии, Джек, одурманенный обезболивающими, смотрел на мрачное лицо своего летного врача, который сообщал ему плохие новости. Камень в почке. Его вычеркнули из списка экипажа.

Более того, его космическое будущее было под вопросом. Диагноз «камень в почке» — один из тех, что приводят к пожизненной дисквалификации. Микрогравитация вызывает физиологические изменения в жидкостях человека, результат которых — обезвоживание. К тому же она вызывает вымывание кальция. Вместе эти факторы повышали риск образования новых камней во время пребывания в космосе — риск, на который НАСА идти не хотело. Джек оставался астронавтом, хотя был дисквалифицирован. Еще год он надеялся на новое назначение, но его имя так и не появилось в списках. Ему пришлось превратиться в привидение астронавта, вынужденное вечно бродить по коридорам Космического центра Джонсона в поисках нового экипажа.

И вот он снова здесь, на мысе Канаверал, уже не астронавт, а просто турист, направляющийся на пляж Какао, голодный и сердитый странник, которому некуда податься. На протяжении шестидесяти километров все отели оказались переполненными, а Джек устал сидеть за рулем.

Джек свернул к парковке отеля «Хилтон» и направился в бар.

Если сравнивать с последним посещением, бар здорово изменился в лучшую сторону. Новый ковер, новые стулья у стойки. А когда-то это место сборищ было совсем неказистым — старый, видавший виды «Хилтон», стоявший на такой же старой туристической трассе. У пляжа Какао не сыскать четырехзвездочных отелей, этот был самым шикарным.

Джек заказал виски с содовой и уставился в телевизор над баром. Он был настроен на официальный канал НАСА, и на экране красовался шаттл «Атлантис» в лучах прожекторов, окруженный призрачным паром. На нем Эмма отправится в космос. Джек смотрел на картинку и думал о том, сколько километров проводов находится под этим корпусом, сколько переключателей и шин данных, болтов, соединений и уплотнительных колец. О том, сколько всего может выйти из строя. И вправду удивительно, что в действительности из строя почти ничего не выходит, что люди, эти несовершенные существа, смогли придумать и построить такой надежный корабль, что семеро человек готовы добровольно войти в него и пристегнуться. «Только бы этот запуск был идеальным, — мысленно просил он. — Пусть все справятся со своей работой, и запуск пройдет как по маслу. Он должен быть идеальным, потому что на борту моя Эмма».

— Интересно, о чем они сейчас думают, — задумчиво произнесла женщина, присевшая на соседний стул у барной стойки.

Джек повернулся и посмотрел на соседку, его взгляд тут же скользнул по ее бедрам. Холеная, яркая блондинка с одним из тех слащаво-идеальных лиц, черты которых забываются через час после расставания.

— Кто думает? — спросил он.

— Астронавты. Интересно, они думают, например: «О черт, ну я и вляпался!»

Он пожал плечами и пригубил виски.

— Сейчас они ни о чем не думают. Они спят.

— Я бы не смогла спать.

— Они перестраивают свой суточный ритм. Наверняка легли спать пару часов назад.

— Нет, я хотела сказать, что я бы вообще не смогла заснуть. Я бы лежала и думала о том, как бы поскорее свалить.

Джек рассмеялся.

— Уверяю вас, если они и не спят, то лишь потому, что не могут дождаться момента, когда попадут на борт этой малышки и взлетят.

Блондинка поглядела на него с любопытством.

— Вы тоже участвуете в программе, да?

— Участвовал. Был в отряде астронавтов.

— А сейчас?

Поднеся бокал ко рту, Джек почувствовал, как кубики льда стукнулись о зубы.

— Я в отставке.

Поставив пустую рюмку и поднявшись с места, он заметил разочарование во взгляде женщины. Некоторое время Джек поразмышлял о том, как может пройти остаток вечера, если он останется и продолжит разговор. Приятная компания. Обещание большего.

Но он заплатил по счету и вышел из «Хилтона».

В полночь, стоя на пляже возле парка Джетти, он смотрел на стартовую площадку 39-Б. «Я здесь, — мысленно произнес он. — Ты не знаешь об этом, но я с тобой».

Он сел на песок и стал ждать рассвета.

24 июля
ХЬЮСТОН

— Над заливом антициклон, над мысом Канаверал будет чистое небо, так что АПП ВМС возможно. Над авиабазой Эдвардс переменная облачность, но ко времени запуска ожидается прояснение. Место ТАП[8] в Сарагосе, Испания, чисто, прогноз благоприятный. Место ТАП в Мороне, Испания, также чисто, прогноз благоприятный. В Бен-Герир,

Марокко, сильный ветер и песчаная буря, на данный момент это место ТАП неприемлемо.

Первая же сводка погоды на этот день, переданная на мыс Канаверал, принесла хорошие новости, и руководитель полета Карпентер был доволен. Запуск не отменялся. Плохие условия приземления на полосе Бен-Герир не слишком беспокоили, поскольку оставались два других места аварийной посадки в Испании. Так положено: подстраховка на подстраховке. Альтернативные места посадки понадобятся, только если возникнет серьезная неисправность.

Карпентер оглядел остальных членов стартовой команды — нет ли других поводов для волнения? Нервное напряжение в зале, и без того ощутимое, начало нарастать, как это всегда бывает перед запуском. Хороший признак. Когда люди не напряжены, они делают ошибки. Карпентер хотел, чтобы его команда была на взводе, чтобы нервные клетки аж потрескивали, чтобы бдительность была повышена, и даже сейчас, среди ночи, в крови был сплошной адреналин.

Нервы Карпентера были натянуты, как и у других, несмотря на то, что обратный отсчет начался по графику. Группа проверки в Кеннеди закончила работу. Группа динамики полета подтвердила время запуска до секунды. Тем временем за обратным отсчетом следили еще тысячи членов наземных служб.

На мысе Канаверал, где шаттл ждал запуска, такое же напряжение начинало расти в бункере Центра управления запусками, где за пультами, готовясь к моменту старта, сидела параллельная команда. Как только придут в действие ракетные ускорители, руководство перейдет к Центру управления полетом в Хьюстоне. Находившиеся за тысячи километров друг от друга залы в Хьюстоне и на мысе Канаверал были так тесно связаны различными системами связи, словно находились в одном здании.

В Хантсвилле, штат Алабама, в Центре космических полетов имени Маршалла исследовательские группы ждали запуска своих экспериментов.

В двухстах шестидесяти километрах на северо-северо-восток от мыса Канаверал, в море в режиме ожидания стояли военно-морские суда, готовые достать из воды ракетные ускорители, которые отделятся от шаттла после того, как перестанет работать двигатель.

В местах экстренной посадки и на станциях слежения по всему миру — от НОРАД в Колорадо до международного аэродрома в Банджуле, в Гамбии, мужчины и женщины смотрели на часы.

«И в этот самый момент семь человек готовятся вручить свою жизнь в наши руки».

По кабельному каналу Карпентер видел астронавтов, которым помогали облачиться в костюмы для запуска. Картинка передавалась в реальном времени из Флориды, правда, без звука. Карпентер вдруг поймал себя на мысли, что изучает лица астронавтов. Хотя ни на одном из них Карпентер не заметил страха, было ясно, что он скрывается под надежной маской улыбок. Пульс учащен, нервы звенят от напряжения. Они сознавали риск и должны были бояться. Зрелище на экране было призвано отрезвить наземный персонал: эти семеро рассчитывают на то, что все пройдет как по маслу.

Карпентер оторвал взгляд от видеомонитора и сконцентрировал внимание на команде операторов, сидевших за шестнадцатью пультами. Хотя Карпентер знал по имени каждого члена команды, тем не менее он обращался к ним по командным должностям, сокращенным до стенографически коротких позывных, как это принято на жаргоне НАСА. Офицер службы наведения имел позывной «Гвидо».[9] Главный оператор по связи с экипажем — «Капком».[10] Инженер по силовым установкам — «Проп».[11] Офицер службы расчета траекторий — «Традж». Врача экипажа называли просто «Врач». А сам Карпентер проходил под позывным «Полет».

Согласно обратному отсчету оставалось меньше трех часов. Подготовка к полету шла нормально.

Карпентер сунул руки в карманы и звякнул своим брелком в виде трилистника — на удачу. Это был его личный ритуал. Даже у инженеров бывают суеверия.

«Только бы ничего не случилось, — подумал он. — Пусть все пройдет благополучно».

МЫС КАНАВЕРАЛ

Микроавтобус за пятнадцать минут доставил астронавтов из Здания операций и проверок к стартовой площадке 39-Б. По дороге в автобусе стояла тишина — почти все члены экипажа молчали. Еще полчаса назад, облачаясь в костюмы, они шутили и смеялись тем резким наэлектризованным смехом, какой получается у людей, чьи нервы напряжены до предела. Волнение нарастало с того самого момента, когда их разбудили в два тридцать для традиционного завтрака из стейка и яичницы. Во время инструктажа о метеобстановке, облачения в костюмы, предполетного ритуала, состоявшего из раздачи игральных карт, чтобы выяснить, кому выпадут самые лучшие, все астронавты были

несколько более шумными и энергичными, стремились продемонстрировать уверенность в каждом движении.

Теперь они вдруг смолкли.

Микроавтобус остановился. Рядом с Эммой сидел новобранец Ченоуэт, бормоча:

— Вот уж не думал, что опрелость — одна из опасностей работы.

Эмма рассмеялась. Они все надели под объемистые летные костюмы подгузники для взрослых, а до взлета еще долгих три часа.

Техники стартовой площадки помогли Эмме выйти из микроавтобуса. Она на мгновение остановилась, с восхищением глядя на шаттл в свете прожекторов, — высотой он был сравним с тридцатиэтажным домом. Пять дней назад, когда она оказалась здесь же, на площадке, были слышны лишь голоса птиц и вой морского ветра. Теперь же ожил и сам корабль — когда в баке забушевало летучее топливо, он принялся рокотать и выпускать дым, словно проснувшийся дракон.

На лифте они поднялись до уровня 195 и ступили на решетчатый мостик. Была еще ночь, но небо подсвечивалось огнями стартовой площадки, и Эмма с трудом различала звезды над головой. Их ожидала космическая тьма.

Техники в безворсовых комбинезонах помогли членам экипажа поочередно пройти через люк из стерильно белого помещения в корабль. Командира и пилота усадили первыми. Эмму провели на среднюю палубу последней. Она уселась в кресло, застегнула пряжки, надела шлем и знаком показала, что все отлично.

Люк закрылся, изолировав экипаж от внешнего мира.

Эмма слышала только собственное сердцебиение. Даже сквозь переговоры с наземными службами, которые раздавались в наушниках, сквозь рокот и гул пробудившегося шаттла она слышала лишь мерные удары собственного сердца. Как пассажиру средней палубы ей было практически нечем заняться в ближайшие два часа, и оставалось только сидеть и размышлять. Предполетные проверки будут проводиться экипажем, сидящим в кабине. Она не видела того, что происходит снаружи, и смотреть было не на что, кроме места размещения груза и запасов еды.

Снаружи скоро небо озарит рассвет, и у пляжа Плайялинда заскользят пеликаны.

Эмма глубоко вздохнула и, откинувшись на спинку кресла, приготовилась ждать.

Джек сидел на пляже и наблюдал, как восходит солнце.

В парке Джетти он был не один. Еще до полуночи здесь начали собираться туристы; постоянно прибывающие машины, медленно двигаясь вдоль скоростной автострады, образовали бесконечную вереницу из огней фар. Кое-кто сворачивал на север, к заповеднику острова Меррит, другие продолжали движение вдоль Банановой реки к мысу Канаверал. Наблюдать за пуском можно было отовсюду. Толпа, собравшаяся вокруг Джека, находилась в приподнятом настроении, люди пришли с пляжными полотенцами и корзинами для пикника. Он слышал смех, громко работающее радио и плач сонных детишек. В этом возбужденном окружении он был единственным молчуном, пребывавшим наедине со своими мыслями и страхами.

Когда солнце осветило горизонт, он посмотрел на север, туда, где находилась стартовая площадка. Эмма, должно быть, уже на борту «Атлантиса», ждет старта. Ей, взволнованной и счастливой, немного страшно.

Джек услышал, как детский голосок произнес:

— Мама, это плохой дядя.

Он повернулся и посмотрел на девочку. Некоторое время они рассматривали друг друга — крошечная белокурая принцесса не отводила глаз от небритого и взъерошенного человека. Мама схватила девочку на руки и быстро отошла на безопасное расстояние.

Джек покачал головой и снова обратил взгляд на север. Туда, где Эмма.

ХЬЮСТОН

В ЦУПе установилась обманчивая тишина. До старта оставалось двадцать минут — время для подтверждения запуска. Все операторы второго зала закончили проверку систем, и первый зал был готов к опросу.

Ровным голосом Карпентер по списку запрашивал устное подтверждение от каждого оператора из первого зала.

— Фидо?[12] — спрашивал Карпентер.

— Фидо готов, — отвечал офицер службы динамики полета.

— Гвидо?

— Гвидо готов.

— Врач?

— Врач готов.

— СОД?

— Служба обработки данных готова.

Опросив всех и получив подтверждение, Карпентер отрывисто кивнул.

— Хьюстон, вы готовы? — спросил руководитель запуска с мыса Канаверал.

— Центр управления полетом готов, — подтвердил Карпентер.

Все находившиеся в Центре управления полетом в Хьюстоне слышали традиционное сообщение руководителя запуска экипажу шаттла.

— «Атлантис», вы готовы к полету. Все мы желаем вам удачи и счастливого пути.

— Центр управления полетом, это «Атлантис», — услышали они ответ командира Вэнса. — Спасибо за то, что подготовили птичку к полету.

МЫС КАНАВЕРАЛ

Опустив и закрепив свое смотровое стекло, Эмма включила подачу кислорода. Две минуты до старта. В таком укутанном и изолированном состоянии только и оставалось, что считать секунды. Она почувствовала, как, переходя в стартовое положение, дрогнули главные двигатели.

До пуска оставалось тридцать секунд. Электрическая связь с наземным управлением была теперь прервана, заработали бортовые компьютеры.

Сердце Эммы забилось сильнее, в венах забурлил адреналин. Слушая обратный отсчет, секунда за секундой, Эмма знала, что произойдет в следующий момент и прекрасно представляла последовательность событий.

Когда до старта оставалось восемь секунд, под стартовую площадку были сброшены тысячи литров воды, чтобы погасить рев двигателей.

Пять секунд до старта — бортовые компьютеры открыли клапаны, чтобы жидкий кислород и водород проникли в главные двигатели.

Когда пришли в действие три главных двигателя, Эмма почувствовала, что шаттл резко дернулся — космический корабль словно бы напрягся, пытаясь оторваться от крепежных болтов, которые продолжали удерживать его на стартовой площадке. Четыре. Три. Два... Точка невозврата.

Заработали ракетные ускорители. Эмма задержала дыхание и крепко вцепилась руками в подлокотники. От турбулентности все дрожало, рев был такой силы, что в наушниках ничего не было слышно. Ей пришлось сжать челюсти, чтобы не стучали зубы. Она поняла, что шаттл совершил запланированную дугу над Атлантическим океаном, и трехкратная перегрузка вжала ее тело в кресло. Руки и ноги стали такими тяжелыми, что Эмма едва ими двигала, казалось, от столь сильной вибрации корабль развалится на части. Они достигли максимального скоростного напора, и командир Вэнс объявил, что уменьшает тягу. Менее чем через минуту он снова запустит двигатели на полную мощность.

Бежали секунды, шлем вибрировал, сила взлета, словно неумолимая рука, сдавливала грудную клетку, и вдруг Эмма почувствовала новый приступ страха. Именно в этот момент взорвался «Челленджер».

Эмма закрыла глаза и вспомнила полетную тренировку с Хейзел двухнедельной давности. Они приближались к тому моменту, когда на тренировке все начало выходить из строя, когда им пришлось совершить экстренное возвращение на Землю и когда Киттредж не смог управлять кораблем. Это был критический момент запуска, но она ничего не могла предпринять и надеялась только, что жизнь окажется благосклонней тренировки.

В наушниках она услышала, как Вэнс произнес:

— Центр, это «Атлантис». Даю полную мощность.

— Вас понял, «Атлантис». Полная мощность.

Джек стоял и смотрел в небо. Его сердце учащенно забилось, когда шаттл поднялся в небо. Он слышал треск реактивных двигателей, извергавших двойные фонтаны огня. Выхлопные газы поднимались все выше и выше, следом за яркой точкой, в которую превратился шаттл. Все вокруг зааплодировали. Идеальный запуск, подумали они. Но Джек знал: вероятность неудачи все еще существует.

Вдруг он с испугом понял, что потерял счет секундам. Сколько времени прошло? Шаттл миновал фазу максимального скоростного напора? Джек прикрыл ладонью глаза, силясь увидеть «Атлантис», но смог разглядеть только хвост выхлопа.

Толпа потянулась обратно к машинам.

А Джек продолжал стоять, в страхе ожидая развития событий. Он не увидел страшного взрыва. Не увидел черного дыма. Страшный сон не повторился.

«Атлантис» благополучно покинул Землю и понесся в космос.

Джек почувствовал, что слезы текут у него по щекам, но вытирать их не стал. Они продолжали капать, а он смотрел в небо, на рассеивающийся след от корабля, который унес его жену в небо.

СТАНЦИЯ

7

25 июля
БИТТИ, НЕВАДА

Салливан Оби, застонав, проснулся от телефонного звонка. В голове у него били цимбалы, а в рот словно насыпали старых окурков. Он потянулся за трубкой и случайно выбил ее из держателя. Громкий удар трубки заставил его поморщиться. «Да и фиг с ним», — решил он и отвернулся, уткнувшись лицом в чьи-то спутанные волосы.

«Женщина?»

Сощурившись от утреннего света, он убедился: с ним в кровати действительно лежит женщина. Блондинка. Храпит. Он закрыл глаза, надеясь, если он заснет, а потом снова проснется, ее уже не будет.

Но заснуть Салливан не смог. Из упавшей трубки кто-то вопил. Обшарив край кровати, он нашел трубку.

— Что, Бриджит? — проговорил он. — Что?

— Почему ты не здесь? — строго спросила Бриджит.

— Потому что я сплю.

— Сейчас десять тридцать! Ау! Как насчет встречи с новыми инвесторами? Предупреждаю — Касперу грозит либо распятие, либо повешение.

«Инвесторы. Вот черт!»

Салливан сел и, обхватив голову, ждал, когда отступит головокружение.

— Слушай, брось свою бабенку и подгребай сюда, — велела Бриджит. — Каспер уже повел их в ангар.

— Буду через десять минут, — пообещал Салливан.

Он повесил трубку и встал. Девица не пошевелилась. Оби понятия не имел, кто она такая, но будить ее не стал, решив, что у него все равно нечего красть.

Времени на душ и бритье не было. Он закинул в рот три таблетки аспирина, запил их вчерашним кофе и укатил на своем «Харлее».

Бриджит ждала его у ангара. Она и выглядела как самая обыкновенная Бриджит[13] — бодрая, рыжеволосая и с отвратительным характером. К сожалению, иногда со стереотипами приходится считаться.

— Они сейчас уйдут, — прошипела она. — Давай, давай, мухой!

— Еще раз — кто они?

— Некие господин Лукас и господин Рашад. Они представляют консорциум из двенадцати инвесторов. Если ты упустишь их, Салли, мы окажемся в полной заднице. — Она замолчала, с отвращением разглядывая Оби. — Черт, мы уже в заднице. Посмотри на себя. Ты не мог хотя бы побриться?

— Хочешь, чтобы я поехал домой? Могу по пути взять напрокат смокинг.

— Забудь об этом. — Она сунула ему в руку сложенную газету.

— Что это?

— Это для Каспера. Передай ему. Давай, отправляйся туда и убеди их подписать чек. На большую сумму.

Вздохнув, Салливан вошел в ангар. После раздражающе яркого солнца пустыни в относительной темноте его глазам стало легче. Через некоторое время он увидел трех мужчин, стоявших возле «Апогея II». Двое из них, в деловых костюмах, смотрелись весьма странно на фоне

орбитального аппарата, закованного в броню черных плиток теплового экрана.

— Доброе утро, джентльмены! — громко приветствовал их Салливан. — Извините за опоздание, у меня было телефонное совещание. Знаете, это все обычно так затягивается…

Он заметил предупреждающий взгляд Каспера Малхолланда: «Не перегибай палку, придурок».

— Салливан Оби, — представился он. — Партнер господина Малхолланда.

— Господин Оби знает эту МРН[14] до винтика, — сообщил Каспер. — Он работал в Калифорнии с самим Бобом Труэксом.[15] Он может рассказать о системе гораздо лучше, чем я. Мы даже называем его своим Оби-Ваном.

Посетители даже бровью не повели. Это плохой признак, если даже универсальный язык «Звездных войн» не вызывает улыбки.

Салливан пожал руку сначала Лукасу, затем Рашаду и широко улыбнулся, несмотря на ослабевающую надежду. Несмотря на то, что негодование по отношению к этим хорошо одетым джентльменам, в чьих деньгах они с Каспером так отчаянно нуждались, росло в Салливане с каждой секундой. «Апогей Инжиниринг», их детище, мечта, которую они лелеяли последние тринадцать лет, могла вот-вот рухнуть, единственное спасение — вложения новых инвесторов. Им с Каспером нужно убедить их на все сто. В противном случае можно спокойно упаковать инструменты и продать корабль в парк аттракционов.

Выразительным жестом Салливан указал на «Апогей II», который походил не на самолет-ракетоносец, а на пухлый пожарный гидрант с иллюминаторами.

— Знаю, корабль кажется неказистым, — признал он, — но на самом деле мы создали самую рентабельную и практичную многоразовую ракету-носитель из всех ныне существующих. Аппарат одноступенчатый, с ракетным ускорителем. После вертикального взлета и подъема на высоту двенадцати километров ракетные двигатели с вытеснительной подачей топлива разгоняют аппарат до четырех Махов при низком динамическом давлении. Это космический корабль многоразового использования, который весит всего лишь восемь с половиной тонн. Он во всех смыслах отвечает принципам, за которыми — мы в это твердо верим — будущее коммерческого космического туризма. Меньше. Быстрее. Дешевле.

— Какой у него подъемный двигатель? — спросил Рашад.

— «Рыбинск РД-38». Это воздушно-реактивные двигатели из России.

— Почему из России?

— Потому что, господин Рашад, между нами говоря, русские понимают в ракетах больше всех в мире. Они разработали десятки жидкостных ракетных двигателей, используя самые современные материалы, которые выдерживают очень высокое давление. К сожалению, в нашей стране со времен программы «Аполлон» был разработан только один жидкостной ракетный двигатель. Теперь это международная индустрия. Мы подбираем лучшие компоненты для наших разработок вне зависимости от того, где их производят.

— А как эта... штука приземляется? — поинтересовался господин Лукас, с сомнением глядя на корабль — пожарный гидрант.

— Это одно из главных достоинств «Апогея II». Как видите, у него нет крыльев. Ему не нужна взлетно-посадочная полоса. Он опускается вниз вертикально, используя парашюты, чтобы замедлить спуск, и воздушные подушки для смягчения приземления. Аппарат может приземлиться где угодно, даже в океане. И снова мы должны поблагодарить русских, потому что позаимствовали кое-какие устройства у старой капсулы «Союз». Она надежно служила не один десяток лет.

— Вам нравятся старые русские технологии, а? — удивился Лукас.

Салливан напрягся.

— Мне нравятся технологии, которые работают. Можете говорить все что угодно по поводу русских, но они знают что делают.

— Значит, то, что у вас получилось, — продолжил Лукас, — это некий гибрид. Смесь «Союза» и космического челнока.

— Очень маленького космического челнока. Пока мы потратили на это тринадцать лет и всего шестьдесят пять миллионов долларов — это очень недорого, если сравнивать со стоимостью челнока. Мы полагаем, что благодаря многоразовому кораблю, при тысяче двухстах запусков в год вы вернете себе тридцать процентов инвестиций за первые двенадцать месяцев. Стоимость полета — восемьдесят тысяч долларов; цена за килограмм — просто смехотворная: двести семьдесят долларов. Меньше, быстрее, дешевле. Это — наш девиз.

— Насколько меньше, господин Оби? Какова полезная грузоподъемность?

Салливан колебался. Здесь они рисковали.

— На низкую околоземную орбиту мы можем запустить триста килограммов полезного груза, плюс пилот.

Последовала долгая пауза. Господин Рашад произнес:

— Это все?

— Это почти семьсот фунтов. Вы сможете разместить много исследовательских экспериментов в...

— Я знаю, что такое триста килограммов. Не так уж и много.

— Мы компенсируем это более частыми запусками. Можете считать этот аппарат космическим самолетом.

— На самом деле в НАСА уже заинтересовались! — в отчаянии вставил Каспер. — Это та самая система, которая подходит для быстрых полетов на космическую станцию.

Лукас поднял брови.

— В НАСА заинтересовались?

— У нас есть там кое-какие шансы.

«Черт, Каспер, — подумал Салливан. — Не трогай эту тему».

— Покажи им газету, Салли.

— Что?

— «Лос-Анджелес таймс». Вторая страница.

Салливан посмотрел на «Лос-Анджелес таймс», которую ему всучила Бриджит. Он развернул вторую страницу и увидел статью: «НАСА заменяет астронавта». Рядом со статьей была опубликована фотография с пресс-конференции какого-то чиновника из Космического центра Джонсона. Он узнал этого простоватого парня с большими ушами и плохой прической. Это был Гордон Оби.

Каспер вырвал у него газету и показал ее посетителям.

— Видите этого человека, он стоит рядом с Лероем Корнеллом? Это директор управления летных экипажей НАСА. Брат господина Оби.

Два посетителя, явно впечатленные, повернулись и посмотрели на Салливана.

— Ну? — спросил Каспер. — Быть может, джентльмены, мы все-таки поговорим о деле?

— Будем с вами честны, — сказал Лукас. — Мы с господином Рашадом уже взглянули на разработки других аэрокосмических компаний. Мы видели «Келли Астролайнер», «Ротон», «Кистлер К-1». Они все произвели на нас впечатление, особенно «К-1». Но мы подумали, что стоит дать и вашей маленькой компании шанс показать свой товар.

«Вашей маленькой компании».

«Да пошли вы...» — подумал Салливан. Он терпеть не мог выпрашивать деньги, ненавидел ползать на коленях перед напыщенным ничтожеством. Это безнадежное дело. У него болела голова, урчало в животе, а эти двое в деловых костюмах зря тратили его время.

— Скажите, почему мы должны поставить на вашу лошадку? — сказал Лукас. — Почему стоит выбрать именно «Апогей II»?

— Откровенно говоря, джентльмены, я не думаю, что вы должны выбрать именно нас, — просто ответил Салливан и повернулся, чтобы уйти.

— Гм, извините, — вмешался Каспер и бросился за своим коллегой. — Салли! — зашептал он. — Что, черт возьми, ты делаешь?

— Этим парням мы неинтересны. Ты же слышал, что они сказали. Им нравится «К-1». Им нужны большие ракеты. По размеру их членов.

— Прекрати! Вернись и поговори с ними.

— Зачем? Они не выпишут нам чек.

— Если мы потеряем их, мы потеряем все.

— Мы уже потеряли.

— Нет. Ты сможешь продать им его. Нужно всего лишь говорить правду. Расскажи им о наших убеждениях. Потому что мы оба знаем — у нас лучший аппарат.

Салливан потер глаза. Действие аспирина прошло, и голова гудела. Он устал от попрошайничества. Он был инженером и летчиком и с радостью

провел бы остаток жизни с перепачканными в машинном масле руками. Но этого не будет без новых инвесторов, без их денег.

Он повернулся и снова направился к посетителям. Удивительно, но люди в костюмах стали вести себя осторожно и уважительно. Возможно потому, что Салливан сказал правду.

— Ладно, — произнес он, осмелев от того, что ему больше нечего терять. Даже поражение можно потерпеть красиво. — Предлагаю сделку. Мы можем делом подтвердить все, о чем говорили. Многие ли способны устроить запуск на раз? Нет. Им требуется время для подготовки, — усмехнулся он. — Не один месяц подготовки. А мы можем стартовать в любое время. Все, что нам нужно, это посадить нашу малышку на ракетный ускоритель, и пожалуйста — выход на околоземную орбиту обеспечен. Черт, мы даже можем запулить ее к космической станции.

Каспер побледнел словно привидение. Недоброе привидение. Салливан зашел так далеко, что им, словно утопающим, только и оставалось, что цепляться за соломинку. «Апогей II» еще не был испытан. Он четырнадцать месяцев стоял в ангаре, покрываясь пылью, а они тем временем выпрашивали деньги. И теперь Салли хотел сразу же запустить его на орбиту?

— Я уверен, наш аппарат пройдет проверку, — сказал Салливан и, еще выше поднимая ставки, добавил, — я сам займу место пилота.

У Каспера все внутри похолодело.

— Гм… это он образно, джентльмены. Аппарат может лететь и в беспилотном режиме…

— Но в таком случае пропадает выразительность, — возразил Салливан. — Позвольте мне поднять его в воздух. Так будет гораздо интересней всем. Что скажете?

«Я скажу, что ты спятил», — взглядом ответил ему Каспер.

Два бизнесмена посмотрели друг на друга и что-то шепнули друг другу.

Затем Лукас сказал:

— Нам было бы интересно посмотреть на демонстрацию. Потребуется время, чтобы собрать всех наших партнеров. Скоординировать расписание поездок. Так что, скажем… через месяц. Сможете?

Они купились. Салливан рассмеялся.

— Месяц? Без проблем.

Он взглянул на Каспера, который стоял, закрыв глаза так, словно испытывал страшную боль.

— Мы свяжемся с вами, — пообещал Лукас и повернулся к двери.

— Один последний вопрос, если можно, — сказал господин Рашад. И указал на корабль. — Ваш опытный образец называется «Апогей II». А где «Апогей I»?

Каспер и Салливан обменялись взглядами.

— Э-э... да, — отозвался Каспер. — Был...

— А что с ним случилось?

Каспер не ответил.

«Ну и черт с вами», — подумал Салливан. Похоже, этим ребятам правда по душе; можно поступить так же и в этот раз.

— Он разбился и сгорел, — сообщил он. И вышел из ангара.

Разбился и сгорел. Иначе не опишешь то, что произошло холодным ясным утром полтора года тому назад. Тогда же разбились и сгорели все мечты Салливана. Сидя за своим стареньким столом в офисе компании, борясь с похмельем при помощи кофе, он, сам того не желая, вспоминал мучительные подробности того дня. Автобус с чиновниками НАСА подъехал к стартовой площадке. Его брат, Горди, светился от радости. Дух торжества витал вокруг десятка сотрудников «Апогея» и толпы инвесторов, которые собрались под навесом выпить по чашке кофе с пончиками.

Обратный отсчет. Старт. Все смотрели в небо, когда «Апогей I» взмыл вверх и превратился в яркую точку.

Затем вспышка — и все было кончено.

После всего этого брат не сказал почти ничего, лишь несколько слов соболезнования. Но Гордон есть Гордон. Так было всегда: если Салливан терпел поражение — а случалось это довольно часто, — Гордон только грустно и разочарованно качал головой. Старший брат, благоразумный и надежный сын, Горди сумел дослужиться до командира шаттла.

Салливан так и не попал в отряд астронавтов. Он тоже был летчиком и аэрокосмическим инженером, но ему не везло. Стоило ему забраться в кабину пилота — и тут же происходило либо замыкание, либо разрыв на линии. Он частенько подумывал о том, чтобы написать себе на лбу: «Я не виноват», потому что чаще всего в неудачах не было его вины. Но Гордон так не считал. У него все всегда было в порядке. Старший брат полагал, что понятие «невезение» служит отговоркой для неумех.

— Почему бы не позвонить ему? — спросила Бриджит.

Салливан поднял взгляд. Она стояла у его стола, скрестив руки, словно рассерженная училка.

— Кому? — удивился он.

— Брату, кому еще? Скажи, что мы запускаем второй опытный образец. Пригласи его посмотреть. Может, он приведет с собой кого-нибудь из НАСА.

— Я не хочу никого из НАСА.

— Салли, если мы произведем на них впечатление, наша компания заживет иначе.

— Как в прошлый раз, да?

— Нам просто не повезло. Но теперь мы все исправили.

— Нам может не повезти и во второй раз.

— Ты ведь собираешься убить нас, сам-то понимаешь? — она поставила перед ним телефон. — Звони Гордону. Если уж бросать кости, то надо идти ва-банк.

Салливан уставился на телефон, думая об «Апогее I». О том, как давние мечты могут разрушиться в одно мгновение.

— Салли?

— Забудь об этом, — возразил он. — У брата есть дела и поважней, зачем ему тратить время с неудачниками?

И он швырнул газету в мусорную корзину.

26 июля
НА БОРТУ «АТЛАНТИСА»

— Эй, Уотсон, — крикнул на среднюю палубу командир Вэнс. — Иди взгляни на свой новый дом.

Эмма всплыла по лестнице и вынырнула в кабине экипажа, за спиной у Вэнса. Бросив взгляд в иллюминаторы, она чуть не задохнулась от изумления. Эмма впервые видела космическую станцию так близко. Во время ее первого полета два с половиной года назад состыковки с МКС не было — они смотрели на станцию издалека.

— Она красавица, правда? — сказал Вэнс.

— Я никогда не видела ничего прекрасней, — тихо призналась Эмма.

И это соответствовало действительности. МКС со своими огромными солнечными батареями, развертывающимися из массивной основной фермы, выглядела как парящий в небесах волшебный корабль. Для того чтобы доставить в космос комплектующие, созданные в шестнадцати странах, потребовалось сорок пять запусков, а еще пять лет ее собирали часть за частью прямо на орбите. Эта станция — не просто чудо инженерии, она символ того, что может достигнуть человек, когда он складывает оружие и обращает взор к небу.

— Не грех вложиться в такую недвижимость, — проговорил Вэнс. — Я бы сказал, что из окон этой квартирки открывается неплохой вид.

— Мы точно на радиус-векторе, — сообщил пилот челнока Девитт. — Отличный полет.

Когда шаттл приблизился к стыковочному модулю МКС, Вэнс оставил место командира и закрепился у верхнего иллюминатора кабины экипажа, чтобы внимательно все рассмотреть. Эта фаза требовала самого точного расчета в сложном процессе стыковки. «Атлантис» был запущен на более низкую орбиту, чем МКС, и последние два дня играл с космической станцией в догонялки. Они приближались к ней снизу, используя двигатели реактивной системы управления, чтобы точно настроить их положения для стыковки. Эмма слышала звуки реактивных двигателей, когда они пришли в действие, и почувствовала, что корабль задрожал.

— Смотрите, — заметил Девитт. — Вот эту солнечную батарею в прошлом месяце немного пробило.

Пилот указал на одну из панелей солнечных батарей с зияющей дырой. Одна из неизбежных опасностей космоса в постоянном дожде из метеоритов и мусора, созданного человеком. Даже крошечный осколок

может оказаться разрушительным снарядом, если его скорость составляет тысячи километров в час.

Когда шаттл подобрался ближе и станция закрыла иллюминатор, Эмму переполнили такой благоговейный трепет и гордость, что на глаза вдруг навернулись слезы. «Дом, — подумала она. — Я приехала домой».

Люк шлюза распахнулся, и широкое темнокожее лицо улыбнулось им с другого конца тамбура, соединявшего «Атлантис» с МКС.

— Они привезли апельсины! — крикнул своим товарищам Лютер Эймс. — Я чувствую их запах!

— Служба доставки НАСА, — невозмутимо объявил командир Вэнс. — Ваш заказ прибыл.

С нейлоновой сеткой фруктов Вэнс поплыл через шлюз в космическую станцию.

Это была идеальная стыковка. И корабль, и станция двигались над землей со скоростью 28 000 километров в час. Вэнс приближался к МКС на осторожной скорости в пять сантиметров в секунду, пристраивая стыковочный модуль «Атлантиса» к порту МКС так, чтобы стыковка была надежной и плотной.

Теперь люки были открыты и экипаж «Атлантиса» один за другим перешел на космическую станцию, где его встретили рукопожатиями, объятиями и радушными улыбками; ведь астронавты на станции больше месяца не видели новых лиц. Узел был слишком мал, чтобы вместить тринадцать человек, и экипажи быстро рассредоточились по соседним модулям.

Эмма была пятым астронавтом, перешедшим из корабля на станцию. Она высунулась из тамбура и вдохнула смесь ароматов: несколько кисловатый запах людей, которые слишком много времени провели в замкнутом пространстве. Первым Эмму приветствовал Лютер Эймс, ее старый друг еще по подготовке астронавтов.

— Доктор Уотсон, я полагаю! — пробасил Лютер, обнимая ее. — Добро пожаловать на борт. Чем больше дам на борту, тем веселей.

— Эй, ты же знаешь, что я не дама.

Он подмигнул.

— А мы никому не скажем.

Лютер был всегда исполнен энергии, его жизнелюбие озаряло все вокруг. Все любили Лютера, потому что Лютер любил всех. Эмма порадовалась, что он на борту.

Когда, обернувшись, она увидела остальных членов экипажа станции, она обрадовалась присутствию Лютера еще больше. Сначала Эмма пожала руку Майклу Григгсу, командиру МКС, его приветствие было вежливым, но почти военным. Англичанка Диана Эстес, астронавт ЕКА,[16] была не особенно радушной. Она улыбнулась, но взгляд ее голубых глаз оставался ледяным. Холодным и отстраненным.

Эмма повернулась к следующему члену экипажа, россиянину Николаю Руденко, который находился на МКС дольше остальных, почти пять месяцев. Освещение модуля, казалось, стерло краску с его лица, сделав его таким же тусклым, как тронутая сединой щетина его бороды. Когда они пожали друг другу руки, Николай едва взглянул ей в глаза. «Этому человеку надо домой, — подумала Эмма. — Он подавленный. И усталый».

Затем Кеничи Хираи, астронавт из Национального космического агентства Японии, выплыл вперед и поздоровался с ней. Он, по крайней мере, улыбался, и его рукопожатие было крепким. Запинаясь, он произнес приветствие и быстро удалился.

Вскоре модуль опустел, остальные члены экипажей рассредоточились по другим частям станции. Эмма осталась наедине с Биллом Ханингом.

Дебби Ханинг умерла три дня назад. «Атлантис» должен был отвезти Билла домой, но не в больницу, а на похороны. Эмма подплыла к Биллу.

— Соболезную, — тихо проговорила она. — Мне очень жаль.

Он кивнул и отвернулся.

— Странно, — сказал он. — Мы всегда думали: если что-то и случится, то только со мной. Я ведь главный герой в семье. Я ведь рискую. Нам никогда даже в голову не приходило, что это случится с ней…

Билл глубоко вздохнул. Эмма видела, что он изо всех сил старается сохранить самообладание, и знала: сейчас не время для сочувствия. Даже легкое прикосновение может нарушить его хрупкую сдержанность.

— Ну, Уотсон, — наконец произнес он. — Полагаю, именно я должен показать тебе оснастку. Раз уж ты взваливаешь на себя мою ношу.

Она кивнула.

— Как только сможешь, Билл.

— Тогда давай сейчас. Мне многое нужно тебе рассказать, а времени мало.

Эмма была знакома с планом станции, но при первом взгляде на внутренности МКС у нее закружилась голова. В условиях орбитальной невесомости нет ни верха, ни низа, ни пола, ни потолка. Любая поверхность — полноценная рабочая область, а если слишком быстро поворачиваться, мгновенно теряешь ориентацию в пространстве. Поэтому, да еще из-за приступов тошноты, Эмме приходилось двигаться медленно, а поворачиваясь, сосредоточивать взгляд на какой-нибудь одной точке.

Она знала, что в МКС обитаемого пространства столько же, сколько в двух «Боинг-747», но оно было распределено между десятком модулей, каждый размером с автобус, соединенных друг с другом по принципу детского конструкора. Челнок пристыковался к узловому модулю Нод-2. К этому же узлу были присоединены лабораторный модуль ЕКА, а также японский и американский лабораторные модули, причем последний служил проходом в остальные отсеки станции.

Билл проводил Эмму из американской лаборатории в следующий узловой модуль, Нод-1. Здесь они на мгновение задержались, чтобы посмотреть на Землю сквозь большой круглый иллюминатор. Земля медленно вращалась под ними, молочные облака вихрями кружились над морями.

— Тут я проводил каждую свободную минуту, — сказал Билл. — Просто смотрел в иллюминатор. Для меня это что-то почти священное. Я называл это место «Храмом Матери Земли».

Оторвав взгляд от иллюминатора, он повернулся, чтобы показать другие люки модуля.

— Прямо напротив — тамбур для выхода в открытый космос, — сказал он. — А люк под нами ведет в жилой модуль. Твое спальное место находится там. КАС[17] пристыкован с другого конца жилого модуля — на случай быстрого покидания станции.

— В этом модуле спят три члена экипажа?

Он кивнул.

— Остальные спят в российском служебном модуле. Он находится за этим люком. Туда мы сейчас и направимся.

Они покинули Нод-1 и, словно рыбы, плывущие по лабиринтам туннелей, переместились в российскую половину станции.

Это была самая старая часть МКС — модуль, который дольше всех находился на орбите, и это было заметно по виду. Двигаясь через «Зарю», центр энергоснабжения и двигательную установку станции, Эмма заметила грязные пятна, царапины и вмятины на стенах. То, что сидело в ее памяти как набор чертежей и схем, теперь обрастало фактурой, становилось осязаемым. Станция была не просто хитросплетением лабиринтов, она служила людям домом, и следы износа от постоянного присутствия жильцов были очень заметны.

Они переплыли в российский служебный модуль, и перед растерянной Эммой возникли перевернутые вниз головой Григгс и Вэнс. «Или это я перевернута вниз головой?» — подумала Эмма, поражаясь неразберихе, возникающей в невесомости. Как и в американской лаборатории, в российском служебном модуле были пище-блок, туалет и спальные места для трех членов экипажа. В дальнем углу Эмма заметила еще один люк.

— Он ведет к старому «Союзу»? — поинтересовалась она.

Билл кивнул.

— Теперь мы используем его для хранения всякого хлама. Больше ничего там не сделаешь.

«Союз», когда-то служивший кораблем аварийного спасения, теперь устарел, и его батареи давно разрядились.

Лютер Эймс заглянул в российский служебный модуль.

— Эй вы, представление начинается! Групповое обнимание в центре конференц-связи. В НАСА хотят, чтобы налогоплательщики увидели праздник нашей международной любви.

Билл устало вздохнул.

— Мы как звери в зоопарке. Каждый день надо улыбаться перед этими чертовыми камерами.

Эмма последней вплыла в жилой модуль. К тому времени там уже началось столпотворение. Этакий клубок из рук и ног старающихся не сталкиваться друг с другом людей.

Пока Григгс наводил порядок, Эмма снова вернулась в Нод-1. Скользя в пространстве, она вдруг поняла, что медленно поворачивает к иллюминатору. Вид за ним захватывал дух.

Земля простиралась внизу во всем своем великолепии, и оправа из звезд венчала тонкую дугу горизонта. Они входили в зону ночи, и внизу Эмма увидела знакомые, уходящие в темноту очертания. Хьюстон. Они впервые пролетали над ним ночью.

Она приблизилась к иллюминатору, прижав руку к стеклу. «Ах, Джек, — подумала она. — Как бы мне хотелось, чтобы ты был здесь. Как бы мне хотелось, чтобы и ты увидел это». Эмма помахала рукой. Она была уверена, что где-то внизу, в темноте Джек машет ей в ответ.

8

28 июля

Личное сообщение доктору Эмме Уотсон (МКС)

От Джека Маккаллума

«Ты словно бриллиант в небе. Прошлой ночью я смотрел, как ты улетала. Махал тебе изо всех сил.

Этим утром Си-Эн-Эн назвали тебя госпожой Совершенство. «Женщина-астронавт умчала ввысь и не сломала ни ноготка», или что-то слащавое в том же духе. Вуди Эллис и Лерой Корнелл дали интервью, и оба сияли, словно гордые папаши. Мои поздравления. Ты — любимица Америки.

Экипаж Вэнса приземлился идеально. Эти кровопийцы, журналюги, так и кружили вокруг бедняги Билла, когда тот прибыл в Хьюстон. Я видел его мельком по телевизору — он выглядел так, словно постарел на двадцать лет. Похороны Дебби сегодня днем. Я буду там.

Завтра я отправляюсь под парусом на залив.

Эм, сегодня я получил документы, касающиеся развода, и буду откровенен: мне все это не нравится. Но с другой стороны, это и не должно нравиться, ведь так?

Как бы там ни было, их можно подписывать. Может теперь, когда с этим покончено, мы снова будем друзьями. Как когда-то.

Джек

P.S.: Хамфри — маленькая дрянь. С тебя новый диван».

Личное сообщение Джеку Маккаллуму

От Эммы Уотсон

«Любимица Америки? Я тебя умоляю! Это как аттракцион под куполом цирка: все на земле смотрят и ждут, когда я облажаюсь. И если это произойдет, я превращусь в экспонат номер один — все станут говорить: «Нужно было послать мужика». Терпеть этого не могу.

С другой стороны, мне здесь очень нравится. Как бы мне хотелось, чтобы ты увидел Землю из космоса! Когда я смотрю на нее и вижу, как она потрясающе красива, мне хочется образумить жителей Земли. Если бы люди смогли увидеть, какая она маленькая, хрупкая и одинокая в окружении холодного черного пространства, они стали бы больше заботиться о ней.

(Ах, ах, и она туда же — заводит душещипательные речи о нашей планете. Надо было послать мужчину.)

Рада сообщить, что тошнота прошла. Я ношусь из одного модуля в другой, почти не ощущая ее приступов. Хотя у меня до сих пор немного кружится голова, когда я вдруг мельком вижу в иллюминаторе Землю. Я тут же теряю ощущение верха и низа, и мне требуется время, чтобы восстановить прежние ориентиры. Я стараюсь тренироваться, но два часа ежедневно — это очень много, особенно когда столько дел. Десятки экспериментов, миллиард писем от Управления полезной нагрузки, и каждый ученый требует, чтобы именно его любимым проектом занялись в первую очередь. Со временем я буду все успевать. Но сегодня утром я чувствовала такую усталость, что проспала музыку, которую Хьюстон включает нам вместо будильника. А Лютер сказал, что нас будили вагнеровским «Полетом Валькирии»!

Что касается завершения процедуры развода, мне тоже это не очень нравится. Но, Джек, по крайней мере мы неплохо прожили все эти семь лет. Больше, чем многие другие пары. Я знаю, тебе хочется поскорей покончить с этим. Обещаю: я подпишу все бумаги, как только вернусь.

Продолжай махать мне.

Эм

P.S.: Хамфри никогда не портил мою мебель. Чем ты его рассердил?»

Эмма выключила и закрыла ноутбук. Ответ на личные электронные сообщения — последнее запланированное на сегодня дело. Она с

нетерпением ждала ответа из дома, но упоминание о разводе больно задело ее. «Значит, Джек уже немного отошел, — подумала она. — Хочет, чтобы мы снова «были друзьями».

Застегивая спальный мешок, Эмма злилась на мужа за то, как легко он воспринимает завершение брака. В начале бракоразводного процесса, когда они продолжали отчаянно ссориться, шумные стычки почему-то успокаивали ее. Но теперь конфликты закончились, Джек готов спокойно принять свершившийся факт. Ни боли, ни сожаления.

«А я все еще скучаю по тебе. И ненавижу себя за это».

Кеничи не решился будить Эмму. Он помедлил возле ее личной разделительной шторы в спальном отсеке, размышляя, стоит ли снова позвать ее. Дело было пустячное, и ему очень не хотелось тревожить Эмму. Она выглядела такой усталой за ужином, практически дремала с вилкой в руке. Без постоянного притяжения тело не падает, когда человек переходит в бессознательное состояние, голова не свисает вниз, а потому никто от этого не просыпается. Некоторые астронавты засыпали прямо во время работы по ремонту оборудования с инструментами в руке.

Решив не будить Эмму, японец вернулся в американский лабораторный модуль.

Кеничи всегда хватало пяти часов сна, и, пока остальные спали, он часто бродил по лабиринтам космической станции, проверяя свои эксперименты. Снимая показания, разглядывая. Когда экипаж спит, станция словно живет своей собственной жизнью. Становится самостоятельным существом, жужжит и щелкает, ее бортовые компьютеры управляют тысячью различных функций — электронные команды проносятся по проводам и схемам, словно по нервной системе. Проплывая по лабиринту переходов, Кеничи думал о человеческих руках, которые создавали каждый квадратный сантиметр этого сооружения. Электронщики и специалисты по металлу, формовщики, работавшие с пластиком. Стекольщики. Благодаря их работе сын фермера, выросший в горной японской деревушке, плывет на высоте триста пятьдесят километров над землей.

Кеничи находился на борту станции уже месяц, но МКС не переставала удивлять его.

Он знал, что пробудет здесь недолго. Знал, что его организм несет потери: постоянная утечка кальция из костей, сокращение мышечной

массы, снижение тонуса артерий и сердца, которым больше незачем противостоять силе земного притяжения. Каждое мгновение на борту МКС было драгоценным, и он не хотел терять ни минуты. Поэтому в отведенное для сна время он путешествовал по станции, задерживаясь у иллюминаторов и навещая животных в лаборатории.

Так он и обнаружил мертвую мышь.

Она плыла, вытянув застывшие лапки и раскрыв розовую пасть. Еще один самец. Четвертая мертвая мышь за шестнадцать дней.

Он убедился, что отсек с лабораторными животными функционирует нормально, что заданные значения температуры не нарушались и интенсивность потока воздуха остается прежней — двенадцать обновлений в час. Почему они умирают? Может, вода или пища заражены? Несколько месяцев назад на станции от ядовитых химикатов, просочившихся в водоснабжение отсека для животных, погибли десять крыс.

Грызун плавал в углу клетки. Остальные мыши-самцы сбились в кучку в противоположном ее конце, словно отстраняясь от трупа бывшего товарища. Казалось, они отчаянно пытаются держаться на расстоянии от него, цепляясь лапками за экран камеры. По другую сторону проволочного разделителя находились самки, которые тоже сбились в кучку. Все, кроме одной. Она дергалась в судорогах, медленно выписывая спираль в центре клетки, ее лапки бились, словно в припадке.

Еще одна заболела.

Кеничи продолжал наблюдать за ней, но тут самка сделала последний мучительный вздох и вдруг обмякла.

Остальные самки сбились еще плотнее, перепуганная масса спутанного белого меха. Нужно удалить трупы, пока инфекция — если это была она — не распространилась на других мышей.

Он присоединил отсек с мышами к исследовательской камере с перчатками, и, надев их, продел руки через резиновые изоляторы. Потянувшись сначала в мужскую часть отсека, он вытащил труп и упаковал его в пластиковый пакет. Затем, открыв женскую половину, он потянулся за второй мертвой мышью. Когда Кеничи вынимал ее, возле его руки промелькнул какой-то белый комочек.

Одна из мышей проскочила в камеру с перчатками.

Японец схватил ее. И почти тотчас же отпустил, почувствовав острую боль от укуса. Зверек прокусил перчатку.

Кеничи тут же вытащил руки из камеры, быстро стянул перчатки и уставился на палец. На нем выступила капля крови; от неожиданности японец ощутил приступ тошноты. Он закрыл глаза, ругая себя за оплошность. Ничего страшного — всего лишь маленькая ранка. Праведная месть мыши за все те уколы, которые он сделал ее собратьям. Кеничи открыл глаза, но тошнота не проходила.

«Мне нужно отдохнуть», — решил он.

Японец отловил мышь и водворил ее обратно в клетку. Затем вытащил двух мертвых зверьков, упакованных в пластиковые пакеты, и положил в холодильник. Он разберется с этой проблемой завтра, когда ему станет лучше.

30 июля

— Эту мертвую мышь я нашел сегодня, — сообщил Кеничи. — Это шестая.

Эмма нахмурила брови, глядя на мышей в отсеке для животных. Они обитали в разделенной на две половинки клетке, самцов от самок отгораживала лишь проволочная сетка. Они дышали одним и тем же воздухом, ели одну и ту же пищу, пили одну и ту же воду. На «мужской» половине, вытянув окоченевшие лапки, плавала мертвая мышь. Остальные зверьки сбились в кучку в противоположном конце, карабкаясь на ширму, словно стараясь убежать.

— За семнадцать дней погибло шесть мышей? — спросила Эмма.

— Пять самцов и одна самка.

Эмма внимательно осмотрела оставшихся животных на предмет признаков болезни. Все они казались бодрыми, глаза блестели, из ноздрей не выделялось никакой слизи.

— Сначала давайте вытащим мертвую мышь, — предложила она. — Затем повнимательней осмотрим остальных.

Используя камеру с перчатками, она сунула руку в клетку и выловила трупик. Он уже окоченел — лапки застыли, позвоночник был неподвижен. Из приоткрытой пасти свешивался кончик тонкого розового язычка. Смерть лабораторных животных в космосе — обычное явление. Например, во время полета шаттла в 1998 году среди новорожденных крыс была зафиксирована почти стопроцентная

смертность. Микрогравитация — чужеродное явление, и к ней адаптируются не все виды животных.

До запуска этих мышей проверяли на наличие бактерий, грибков и вирусов. Если это инфекция, то они заразились уже на борту МКС.

Эмма положила мертвую мышь в пластиковый мешок, сменила перчатки и полезла в клетку за живым зверьком. Мышь беспокойно дергалась, но признаков заболевания у нее не наблюдалось. Единственная ненормальность — порванное ухо, видимо, его надкусил кто-то из собратьев по клетке. Она перевернула мышь, чтобы осмотреть живот, и вдруг вскрикнула от удивления.

— Это самка, — сообщила она.

— Что?

— На «мужской» половине оказалась самка.

Кеничи наклонился поближе, чтобы через окошко камеры рассмотреть гениталии зверька. Это действительно была самка. От смущения он густо покраснел.

— Вчера вечером, — объяснил он. — Она укусила меня. В спешке я сунул ее не туда.

Эмма сочувственно улыбнулась.

— Ну, самое страшное, что может случиться, — это незапланированный всплеск рождаемости.

Кеничи натянул перчатки и тоже вставил руки в камеру.

— Я совершил ошибку, — признал он, — я ее и исправлю.

Вместе они осмотрели остальных мышей в отсеке, но не обнаружили ничего подозрительного. Все зверьки казались вполне здоровыми.

— Это очень странно, — заметила Эмма. — Если мы имеем дело с заразным заболеванием, должны быть хоть какие-то свидетельства заражения...

— Уотсон! — раздалось по системе связи модуля.

— Я в лаборатории, Григгс, — ответила она.

— У тебя срочное сообщение от владельцев полезного груза.

— Сейчас посмотрю.

Она плотно закрыла отсек с животными и сказала Кеничи:

— Я проверю сообщение. А вы пока вытащите из холодильника мертвых мышей. Осмотрим их.

Он кивнул и поплыл к холодильнику.

С компьютера в лаборатории она открыла адресованное ей срочное сообщение.

«Доктору Эмме Уотсон

От ведущего исследователя Хелен Кёниг

Тема: Эксперимент БКК № 23 (клеточная культура археон)

Сообщение: Немедленно прекратите эксперимент. Последние образцы, привезенные на «Атлантисе», свидетельствуют о грибковом заражении. Все клеточные культуры археон вместе с контейнерами, в которых они находятся, должны быть сожжены в электропечи на борту МКС, а пепел выброшен за борт».

Эмма прочитала сообщение на экране, а затем еще раз пробежала его глазами. Никогда прежде она не получала такого странного требования. Грибковое заражение не опасно. Сжигание культур казалось слишком суровой мерой. Ее мысли были настолько поглощены этим странным сообщением, что она забыла о Кеничи, который вынимал мертвых мышей из холодильника. Только услышав, как он удивленно ахнул, Эмма обернулась.

Сначала она увидела его пораженное лицо, забрызганное жидкой, отвратительно пахнувшей массой. Затем посмотрела на лопнувший пластиковый мешок. Кеничи в ужасе выпустил из рук пакет, и тот повис в воздухе между ними.

— Что это? — спросила она.

Сам не веря своим словам, он ответил:

— Мышь.

Но в пакете была уже не мышь, а разложившаяся ткань, гниющая масса из плоти и меха, из которой продолжали выделяться отвратительно пахнувшие капли.

«Биологическая опасность!»

Эмма метнулась к панели и нажала кнопку прекращения воздухообмена между модулями. Кеничи уже открыл стойку с аварийным комплектом и вытащил две маски. Одну он бросил Эмме, и она надела ее на лицо, закрыв нос и рот. Слова им были не нужны; оба астронавта знали, что необходимо.

Они быстро перекрыли люки в обоих концах модуля, изолировав лабораторию от остальных помещений станции. Затем Эмма вытащила мешок для биологически опасных материалов и осторожно двинулась к плавающему в воздухе пакету со сжиженной плотью. Поверхностное натяжение собрало жидкость в шар, и, если действовать осторожно, наверняка удастся поймать его в мешок, не расплескав содержимого. Эмма осторожно навела мешок на свободно плавающий образец и быстро закрыла. Она слышала, как Кеничи с облегчением вздохнул.

Опасность локализована.

— А в холодильник ничего не попало? — спросила Эмма.

— Нет, я тогда уже вытащил пакет. — Японец протер лицо спиртовым тампоном и подготовил его для дальнейшего уничтожения. — Этот пакет, он... знаете... вдруг лопнул. Как воздушный шарик.

Содержимое было под давлением, в процессе разложения выделились газы. Эмма посмотрела на дату смерти на этикетке. «Это невозможно», — поразилась она. Всего за пять дней труп превратился в черное пюре из гниющей плоти. На ощупь пакет был холодным, значит, холодильник работал нормально. Несмотря на холод, что-то ускорило разложение. «Плотоядный стрептококк?» — гадала Эмма. Или другие, не менее разрушительные бактерии?

«Масса попала ему на лицо», — посмотрев на Кеничи, подумала Эмма.

— Нужно поговорить с ведущим исследователем, — сказала она. — С тем, кто послал этих мышей.

По тихоокеанскому времени было всего пять утра, но голос доктора Майкла Лумиса, ведущего исследователя по эксперименту «Зачатие и период беременности у мышей во время космического полета», казался бодрым и встревоженным. Он говорил с Эммой из Научно-исследовательского центра имени Эймса в Калифорнии. Она не видела его, но могла представить себе, как выглядит этот человек с

гнусавым голосом — наверное, высокий и энергичный. Ученый, для которого пять утра — обычное рабочее время.

— Мы больше месяца наблюдали за этими животными, — сообщил Лумис. — Этот эксперимент почти не вызывает стресса у животных. Мы планировали соединить самцов и самок на следующей неделе в надежде, что они успешно спарятся и произойдет зачатие. Это исследование имеет важное прикладное значение для долговременных космических полетов. Для колонизации Вселенной. И вы наверняка понимаете, что гибель этих мышей — факт очень неприятный.

— Мы уже поместили культуры в термостат, — сказала Эмма. — Трупы мышей разлагались гораздо быстрее обычного. Основываясь на их состоянии, я думаю, что это, возможно, клостридии или стрептококковая инфекция.

— Такие опасные бактерии на станции? Это ведь серьезная проблема.

— Вот именно. Особенно в замкнутом пространстве вроде нашего. Мы все в зоне риска.

— А как насчет вскрытия мертвой мыши?

Эмма поколебалась.

— Мы способны справляться только с инфекцией второго уровня. А с более опасной — нет. Если это серьезный болезнетворный организм, я не могу подвергать риску заражения остальных животных. Или людей.

Повисла пауза. Затем Лумис произнес:

— Я понимаю. И полагаю, что придется согласиться с вами. Так значит, вы уничтожите все трупы?

— И немедленно, — подтвердила Эмма.

31 июля

Впервые с момента прибытия на МКС Кеничи не мог заснуть. Он застегнул спальный мешок час назад, но так и не уснул, размышляя о загадке мертвых мышей. Хотя никто не произнес ни единого упрека, он все равно чувствовал ответственность за провал эксперимента. Он старался понять, что сделал не так. Возможно, игла, которой он брал кровь, была заражена, а может, в контейнере с мышами заданы неверные условия содержания? Мысли об ошибках, которые он мог совершить, не давали ему уснуть. К тому же у него болела голова.

Дискомфорт возник тем же утром, все началось со слабого подрагивания глаза. В течение дня подрагивание переросло в пульсирующую боль, и теперь у него болело полголовы. Боль была несильная, ноющая.

Он расстегнул спальник. Заснуть все равно не получается, поэтому стоит проверить мышей.

Японец проплыл мимо отгороженного спального места Николая и двинулся через соединенные между собой модули на американскую часть станции. Но, оказавшись в лаборатории, он вдруг понял: не он один страдает бессонницей.

Из лаборатории НАСДА, находившейся по соседству, доносились приглушенные голоса. Беззвучно пробравшись в Нод-2, он заглянул в открытый люк. И увидел Диану Эстес и Майкла Григгса; их руки и ноги сплелись, а губы слились в жарком поцелуе. Он остался незамеченным и, раскрасневшись от смущения, попятился назад.

И что теперь? Нужно оставить их наедине и вернуться в спальный отсек? «Это неправильно, — решил Кеничи с внезапным негодованием. — Я здесь для того, чтобы работать, чтобы выполнять свои обязанности».

Японец подплыл к отсеку, где содержались животные. Он нарочито шумел, открывая и закрывая ящики стеллажа. Через мгновение, как он и ожидал, появились смущенные Диана и Григгс. «И правильно, что смутились, — мысленно одобрил он, — особенно после того, чем они занимались».

— Возникла проблема с центрифугой, — соврала Диана. — Думаю, мы починили ее.

Кеничи только кивнул, даже виду не показав, что знает правду. Диана вела себя совершенно невозмутимо, и это поражало и злило японца. У Григгса, по крайней мере, был немного виноватый вид.

Кеничи смотрел, как они выплывают из лаборатории через люк. Затем снова переключил внимание на отсек с животными. И заглянул в клетку.

Еще одна мышь умерла. Самка.

1 августа

Диана Эстес, спокойно вытянув руку, ждала, когда затянется жгут, сжала и разжала ладонь несколько раз, чтобы показалась вена. Она не вздрагивала и не отворачивалась, когда игла прокалывала кожу. Она была так невозмутима, что могла даже понаблюдать, как берут кровь у коллег. По долгу службы астронавтов неоднократно кололи и

обследовали. Во время предполетной подготовки они подвергались бесчисленным заборам крови, медицинским осмотрам и самым изощренным расспросам. Химический состав сыворотки их крови, результаты ЭКГ и количество клеток постоянно регистрировались для аэрокосмических физиологов. Они потели на бегущей дорожке с присоединенными к груди электродами; жидкости их организма проходили обработку, из кишечника брали пробы; обследовался каждый сантиметр кожи. Астронавты — не просто хорошо обученные специалисты, они — объекты исследований. Что-то вроде лабораторных крыс, которым, находясь на орбите, приходилось мириться со множеством довольно болезненных анализов.

Сегодня собирали пробы для анализов. Как врач экипажа, только Эмма умела обращаться с иглами и шприцами. Неудивительно, что при виде нее у некоторых членов экипажа невольно вырывался стон.

Но Диана просто вытянула руку, подставив ее под иглу. Ожидая, пока шприц заполнится кровью, Эмма чувствовала как эта женщина оценивает ее мастерство и технику. Если принцесса Диана — английская роза, шутили в Космическом центре Джонсона, то Диана Эстес — английская ледышка, астронавт, чье самообладание непоколебимо даже в разгар настоящей катастрофы.

Диана появилась на борту «Атлантиса» четыре года назад, тогда из строя вышел главный двигатель. Голоса командира и пилота шаттла, сохранившиеся в записи, звучали надрывно и тревожно — они с трудом направляли шаттл на трансатлантическую экстренную посадку. «Атлантис» несся к неуточненному месту посадки в Северной Африке, и только голос Дианы спокойно читал контрольную таблицу. Репутация невозмутимой ледышки закрепилась во многом благодаря телеметрическим показаниям. Во время того запуска фиксировались кровяное давление и пульс всех членов экипажа. У всех прочих сердечный ритм резко участился, у Дианы же едва достиг неторопливых девяноста шести ударов в минуту. «Это потому, что она не человек, — шутил Джек. — На самом деле она андроид. Первый в новой серии астронавтов НАСА».

Эмма была вынуждена признать, что в этой женщине есть что-то не совсем человеческое.

Диана взглянула на место прокола на своей руке, увидела, что кровотечение прекратилось, и спокойно вернулась к своим экспериментам по выращиванию белковых кристаллов. Она действительно была андроидно-идеальной — стройная, с длинными ногами и руками. За месяц, проведенный в космосе, ее безукоризненная кожа приобрела молочно-белый оттенок. Уровень ее интеллекта тоже

оказался феноменальным — во всяком случае так рассказывал Джек, который тренировался вместе с Дианой, но так и не попал в экипаж ее шаттла.

До того как ее зачислили в отряд астронавтов, Диана получила докторскую степень по материаловедению и опубликовала более десятка исследовательских работ на тему цеолитов — кристаллических веществ, используемых для очистки нефти. Теперь она отвечала за исследования органических и неорганических кристаллов. На земле на кристаллообразование влияет тяготение. В космосе, в условиях микрогравитации, образуются более крупные и замысловатые кристаллы, что позволяет полнее исследовать их структуру. На борту МКС в форме кристаллов были выращены сотни человеческих белков — от ангиотензина до хорионического гонадотропина. Это были важные фармацевтические исследования, способствующие разработке новых лекарств.

Закончив с Дианой, Эмма выплыла из Европейской космической лаборатории в жилой модуль, чтобы найти Майка Григгса.

— Ты следующий, — сказала она.

Он простонал и неохотно вытянул руку.

— Все во имя науки.

— На этот раз только одна пробирка, — сообщила Эмма, затягивая жгут.

— У нас так исколоты руки, что мы похожи на наркоманов.

Эмма легонько шлепнула Майка по внутренней стороне руки, чтобы показалась вена. Она посинела и набухла на его мускулистой руке, напоминая толстый шнур. Григгс следил за тем, чтобы оставаться в хорошей форме, — не простая задача, когда находишься на орбите. В космосе человеческий организм несет потери. Лица астронавтов становятся одутловатыми — опухают из-за изменений в жидкостях. Мышцы бедер и икр уменьшаются и в конце концов начинают напоминать костлявые и белые куриные ножки, торчащие из шортов. Работа казалась утомительной, а причин для раздражения было не счесть. Да к тому же нелегко эмоционально: в течение нескольких месяцев астронавты вынуждены находиться в замкнутом пространстве с другими членами экипажа, также переживающими стресс, редко моющимися и носящими грязную одежду.

Эмма протерла кожу спиртом и проткнула вену. Кровь брызнула в шприц. Она глянула на Майка и увидела, что тот отвернулся.

— Все в порядке?

— Да. Люблю искусных вампиров.

Эмма ослабила жгут и, вытащив иглу, услышала вздох облегчения.

— Теперь можешь позавтракать. Я у всех взяла кровь, кроме Кеничи. — Она оглядела отсек. — Где он?

— Сегодня я его еще не видел.

— Надеюсь, он не ел. А то наверняка сбил уровень глюкозы.

Николай, заканчивая завтрак и собираясь удалиться, сообщил:

— Он все еще спит.

— Странно, — удивился Григгс. — Он всегда просыпался раньше всех.

— Он плохо спал, — отозвался Николай. — Я слышал, что ночью его тошнило. Спросил, не нужна ли ему помощь, но он ответил, что нет.

— Я осмотрю его, — пообещала Эмма.

Она покинула отсек и направилась в российский служебный модуль, где спал Кеничи. Его личная разделительная штора была задернута.

— Кеничи! — позвала она.

Ответа не последовало.

— Кеничи!

Немного поколебавшись, она отодвинула штору и увидела его лицо.

С кроваво-красными глазами.

— О Боже, — пробормотала она.

БОЛЕЗНЬ

9

За пультом Центра управления полетом МКС сидел доктор Тодд Катлер; его лицо казалось таким свежим и моложавым, что астронавты прозвали его Дуги Хаузером, по имени главного героя из сериала о враче-подростке. На самом деле Катлер — вполне взрослый мужчина тридцати двух лет, к тому же отличный специалист. Пока Эмма

находилась на орбите, он был ее личным врачом, и раз в неделю они проводили неофициальную медицинскую телеконференцию по закрытому каналу связи; во время нее Эмма сообщала Тодду самые интимные подробности своего состояния. Она доверяла опыту Тодда и обрадовалась, что именно он оказался дежурным врачом в Центре управления полетом МКС в Хьюстоне.

— У него кровоизлияния в склеры обоих глаз, — сообщила она. — Зрелище чертовски пугающее. Думаю, это из-за сильной рвоты прошлой ночью — резкие перемены давления привели к разрывам нескольких сосудов глаз.

— Пока нет причин для сильного беспокойства. Кровоизлияния пройдут, — сказал Тодд. — Что показал осмотр?

— У него жар, тридцать восемь и шесть. Пульс сто двадцать, кровяное давление сто на шестьдесят. Сердце и легкие в норме. Он жалуется на головную боль, но я не вижу никаких неврологических изменений. Что меня действительно беспокоит, так это отсутствие кишечного шума, и у него диффузно болезненный живот. Только за последний час его несколько раз вырвало — это плохо для крови. — Эмма помолчала. — Тодд, он действительно болен. Но что еще хуже, я провела анализ уровня амилазы, и он показал шестьсот единиц.

— Черт! Думаешь, у него панкреатит?

— При высоком уровне амилазы это вполне возможно.

Амилаза — фермент, вырабатываемый поджелудочной железой, и его уровень обычно резко возрастает, когда железа воспаляется. Но высокий уровень амилазы может указывать и на другие острые процессы в брюшной полости: на прободение кишечника или язву двенадцатиперстной кишки.

— Количество лейкоцитов также возросло, — сказала Эмма. — Я взяла пробы гемокультур на всякий случай.

— Какова история болезни? Есть что-нибудь?

— Две вещи. Во-первых, он находился в состоянии эмоционального стресса. Один из его экспериментов провалился, и он считал себя виноватым.

— А вторая?

— Два дня назад ему в глаза попали жидкости из трупа мыши.

— Расскажи об этом подробнее, — очень спокойно попросил Тодд.

— Во время его эксперимента по неизвестной причине умирали мыши. Трупы разложились с поразительной скоростью. Я была уверена, что это работа какой-то патогенной бактерии, поэтому взяла образцы жидкостей для исследования. К сожалению, все результаты погибли.

— Каким образом?

— Я думаю, это грибковое заражение. Все чашки Петри позеленели. Известные патогены определить не удалось. Пришлось уничтожить чашки. То же я проделала и с другим экспериментом — клеточной культурой морских организмов. Нам пришлось прервать этот проект, потому что в пробирки с культурой проник грибок.

К сожалению, разрастание грибков, несмотря на постоянную рециркуляцию воздуха, — распространенная проблема в замкнутом пространстве МКС. На старой станции «Мир» иллюминаторы иногда покрывались пушистым слоем грибков. Стоит воздуху космического корабля заразиться этими организмами, и уже невозможно от них избавиться. К счастью, они в основном безопасны для людей и лабораторных животных.

— Итак, мы не знаем, был ли он заражен патогенами, — подытожил Тодд.

— Нет. Сейчас это больше походит на панкреатит, а не на бактериальную инфекцию. Я поставила ему капельницу и думаю, что пришла пора для назогастральной трубки. — Эмма замолчала, затем с неохотой добавила: — Нужно подумать об экстренной эвакуации.

Последовала долгая пауза. Этого сценария все боялись, такое решение никто не хотел принимать. В корабле аварийного спасения, пристыкованном к МКС, хватило бы места для того, чтобы эвакуировать всех шестерых астронавтов. Поскольку капсула «Союз» больше не функционировала, КАС оставался единственным средством возвращения на Землю. Если корабль покинет МКС, они все должны быть на борту. Ради одного заболевшего члена экипажа они будут вынуждены оставить МКС, прервав сотни проводившихся на борту экспериментов. Станции будет нанесен серьезный ущерб.

Но есть альтернатива. Можно подождать следующего шаттла и эвакуировать Кеничи на нем. Теперь дело за решением, которое примут врачи. Может ли он ждать? Эмма знала: НАСА полагается на ее мнение, и ответственность тяжким грузом легла на ее плечи.

— Как насчет эвакуации на челноке? — спросила она.

Тодд Катлер тут же понял проблему.

— На стартовой площадке стоит «Дискавери» для сто шестьдесят первого полета, запуск через пятнадцать дней. Но у него военный полет. Поиск и починка спутника. Экипаж сто шестьдесят один не проходил подготовку для стыковки с МКС.

— Что если заменить их командой Киттреджа? Моим бывшим экипажем сто шестьдесят два? Они должны были пристыковаться к МКС через семь недель. И полностью готовы.

Эмма посмотрела на Майка Григгса, который находился поблизости и слушал разговор. Первоочередная задача командира МКС — поддерживать станцию в рабочем состоянии, и он был решительно против того, чтобы покидать ее. Он присоединился к разговору.

— Катлер, это Григгс. Если мой экипаж покинет станцию, мы потеряем все эксперименты. Это означает, что месяцы работы пойдут коту под хвост. Эвакуация на шаттле более разумный выход. Если Кеничи нужно вернуть на Землю, тогда ваши ребята могут прилететь и забрать его. Пусть остальные останутся на станции и закончат работу.

— Можно ли отложить эвакуацию на этот срок? — спросил Тодд.

— Когда вы сможете прислать сюда эту птичку? — поинтересовался Григгс.

— Мы должны поговорить с материально-техническим обеспечением. Стартовые окна...

— Сколько нам ждать?

Катлер помолчал.

— Здесь ожидает включения Вуди Эллис. Полет, вам слово.

Разговор, который начался как закрытая и конфиденциальная телеконференция, стал доступен для руководителя полета.

— Тридцать шесть часов, — произнес Вуди Эллис. — Это ближайший возможный запуск.

«За тридцать шесть часов многое может измениться», — подумала Эмма. Возможно прободение язвы или кровоизлияние. Панкреатит может привести к шоку или сердечной недостаточности.

А еще Кеничи может просто выздороветь, если он стал жертвой сильной кишечной инфекции.

— Доктор Уотсон осматривает пациента, — сказал Эллис. — Мы надеемся на ее мнение. Какова картина?

Эмма задумалась.

— У него нет показаний к срочному хирургическому вмешательству в брюшную полость — не сейчас. Но все может быстро ухудшиться.

— Значит, вы не уверены.

— Нет, я не уверена.

— Когда вы скажете, что нужна эвакуация, нам все равно понадобится двадцать четыре часа для заправки топливом.

Целые сутки от момента обращения за помощью до старта корабля, плюс дополнительное время для стыковки. Если Кеничи вдруг станет хуже, сможет ли Эмма поддержать в нем жизнь? Ситуация начинала действовать на нервы. Она же врач, а не предсказательница. У нее нет рентгеновского аппарата, нет операционной. Врачебный осмотр и анализ крови показали, что состояние не в норме, но почему именно — не показали. Если Эмма решит отложить эвакуацию, Кеничи может умереть. Если слишком рано позовет на помощь, миллионы долларов будут потрачены впустую на ненужный запуск.

В любом случае ошибочное решение поставит крест на ее карьере в НАСА.

Об этом и предупреждал ее Джек. «Я облажаюсь, и весь мир об этом узнает. Они хотят посмотреть, чего я стою». Она взглянула на данные анализа крови Кеничи. Ничто не указывает на необходимость экстренной эвакуации. Пока.

— Полет, я буду держать его на капельнице и сделаю назогастральную аспирацию, — пообещала она. — Сейчас основные показатели у него стабильны. Хотелось бы мне знать, что происходит в его брюшной полости.

— Значит, по-вашему, экстренный запуск шаттла пока не нужен?

Она глубоко вздохнула.

— Нет. Пока нет.

— Тем не менее мы будем в состоянии готовности, чтобы дать стартовать «Дискавери» при первой необходимости.

— Спасибо. Позже я сообщу о развитии болезни. — Эмма отключила связь и взглянула на Григгса. — Надеюсь, я все сделала правильно.

— Вылечи его, ладно?

Она отправилась проведать Кеничи. Поскольку за ним нужно было наблюдать и ночью, Эмма переместила больного из жилого модуля в американскую лабораторию, чтобы не тревожить сон остальных членов экипажа. Он был в спальном мешке. Инфузионный насос по трубке капельницы неустанно подавал в его организм физиологический раствор. Кеничи не спал, по всей видимости, ему было плохо.

Лютер и Диана, которые присматривали за пациентом, увидев Эмму, вздохнули с облегчением.

— Его снова стошнило, — доложила Диана.

Эмма закрепила ступни, чтобы оставаться на месте, и надела стетоскоп. Затем осторожно приложила мембрану к животу Кеничи. Никакого шума перистальтики. Его пищеварительная система не работала, и жидкость начала скапливаться в желудке. Ее надо было откачивать.

— Кеничи! — позвала она. — Сейчас я введу трубку вам в желудок. Это облегчит боль и, возможно, остановит рвоту.

— Какую… какую трубку?

— Назогастральную.

Она открыла стойку с комплектом неотложного жизнеобеспечения. Там находился большой набор оборудования и лекарств, почти такой же, как в современной машине «скорой помощи». В ящике с надписью «Дыхание» находились различные трубки, отсасыватели, мешки для сбора отходов и ларингоскоп. Эмма разорвала упаковку, в которой лежала назогастральная трубка — длинная, тонкая, скрученная кольцами, из гибкого пластика с перфорированным наконечником.

Кеничи открыл кроваво-красные глаза.

— Я буду очень осторожна, — пообещала она. — Вы поможете мне сделать все это быстрее, если выпьете немного воды, когда я скажу. Этот конец я вставлю вам в ноздрю. Трубка пройдет по задней стенке глотки, потом вы глотнете воды, и трубка проскользнет в желудок. Неприятные

ощущения будут только сначала, во время введения трубки. А потом вы не будете чувствовать ее.

— Это надолго?

— По крайней мере на сутки. Пока ваш кишечник не начнет работать. Кеничи, это на самом деле необходимо, — тихо добавила Эмма.

Он вздохнул и кивнул.

Эмма посмотрела на испуганного Лютера.

— Ему понадобится вода. Не мог бы ты принести немного?

Затем взглянула на Диану, которая плавала рядом. Как обычно, англичанка выглядела невозмутимо, сложность ситуации как будто не трогала ее.

— Мне нужно подготовить назогастральный отсос.

Диана автоматически потянулась за медицинским набором экстренной помощи, чтобы достать приспособление для отсоса и дренажный мешок.

Эмма размотала назогастральную трубку. Сначала она опустила кончик в гель-смазку, чтобы тот легче прошел через носоглотку. Затем дала Кеничи мешочек с водой, который принес Лютер.

Она ободряюще сжала Кеничи руку. Хотя страх отчетливо читался в его взгляде, он кивнул в знак согласия.

Перфорированный кончик трубки блестел от смазки. Эмма вставила его в правую ноздрю Кеничи и осторожно продвинула вглубь носоглотки. Когда трубка скользнула по задней стенке глотки, Кеничи начал давиться и кашлять, на его глазах выступили слезы. Она продвинула трубку еще глубже. Теперь Кеничи задергался, борясь с непреодолимым желанием освободиться от трубки, выдернуть ее из носа.

— Выпейте немного воды, — велела Эмма.

Тяжело дыша, японец дрожащими руками поднес к губам соломинку.

— Пейте, Кеничи, — подбодрила она.

Когда небольшое количество воды прошло через горло в пищевод, надгортанник рефлекторно закрыл проход в трахею, предохраняя легкие от попадания жидкости. Это и направило назогастральную трубку туда, куда было нужно. Как только Эмма увидела, что Кеничи глотает воду,

она быстро продвинула трубку через глотку и вниз по пищеводу, до самого желудка.

— Вот и все, — сказала она, закрепляя трубку на носу Кеничи. — Вы молодец.

— Отсос готов, — отрапортовала Диана.

Эмма присоединила назогастральную трубку к отсосу. Сначала что-то забулькало, затем в трубке неожиданно появилась жидкость, которая потекла из желудка Кеничи в дренажный мешок. Она была желчно-зеленого цвета. «Крови нет», — с облегчением заметила Эмма. Возможно, другого лечения и не понадобится, только покой для кишечника, назогастральный отсос и внутривенные вливания. Если у него и в самом деле панкреатит, это поможет ему продержаться несколько дней до прибытия шаттла.

— Голова, болит голова, — пожаловался Кеничи, закрывая глаза.

— Я дам обезболивающее, — пообещала Эмма.

— Ну, что ты думаешь? Самое страшное позади? — спросил ее Григгс.

Командир наблюдал за процедурой возле люка, и даже когда трубка была вставлена, Григгс продолжал держаться в стороне, словно вид больного вызывал у него отвращение. Он ни разу не взглянул на пациента, однако не сводил взгляд с Эммы.

— Время покажет, — сказала она.

— Что мне сказать Хьюстону?

— Я только что вставила трубку. Еще рано.

— Им нужно знать как можно скорее.

— Я не знаю! — резко ответила она. Затем, совладав с эмоциями, продолжила уже более спокойно: — Нельзя ли обсудить это в жилом модуле?

Она оставила Лютера с пациентом и направилась к люку. В жилом модуле, кроме Григгса, был еще и Николай. Они расположились вокруг стола, словно собирались вместе поесть. Но вместо этого им предстоял неприятный разговор — обсуждение неопределенной ситуации.

— Ты врач, — начал Григгс. — Разве ты не можешь принять решение?

— Я стараюсь стабилизировать его состояние, — ответила Эмма. — И пока не знаю, с чем имею дело. Через день-два может наступить улучшение, а может — и резкое ухудшение.

— И ты не можешь предсказать, что произойдет?

— Без рентгена и операционной я не могу посмотреть, что происходит у него внутри. И не могу предсказать, каким его состояние станет завтра.

— Замечательно!

— Я считаю, его нужно отправить на Землю. Я бы хотела, чтобы это произошло как можно скорее.

— Как насчет КАСа? — спросил Николай.

— Управляемый полет на шаттле в любом случае лучше для перевозки больного, — возразила Эмма.

Возвращение на корабле аварийного спасения — тяжелый полет, а из-за погодных условий можно приземлиться там, куда медицинскому транспорту путь будет заказан.

— Забудь о КАСе, — решительно заявил Григгс. — Мы не покинем станцию.

— Если его состояние станет критическим... — начал было Николай.

— Эмма поможет ему продержаться до прибытия «Дискавери». Черт, эта станция — настоящий орбитальный госпиталь! Эмма должна удержать его в стабильном состоянии.

— А если не получится? — возразил Николай. — Человеческая жизнь дороже экспериментов.

— Это крайний случай, — возразил Григгс. — Если мы все улетим на КАСе, месяцы проделанной работы пропадут даром.

— Послушай, Григгс, — сказала Эмма. — Я, как и ты, не хочу оставлять станцию. Я изо всех сил старалась попасть сюда и не намерена сокращать время своей работы здесь. Но если моему пациенту понадобится немедленная эвакуация, значит, я буду этого требовать.

— Извините, Эмма, — проговорила Диана, вплывая в люк. — Я только что получила результаты последнего анализа крови Кеничи. Думаю, вам следует взглянуть.

Она передала Эмме распечатку с компьютера. Эмма уставилась на результаты: «Креатинкиназа: 20.6 (норма 0–3.08)».

Это не просто панкреатит, не просто желудочно-кишечное расстройство. Высокий уровень креатинкиназы означает, что поражены либо мышцы, либо сердце.

«Рвота иногда бывает симптомом сердечного приступа».

Эмма посмотрела на Григгса.

— Я приняла решение, — сказала она. — Передайте Хьюстону, чтобы присылали шаттл. Кеничи нужно отправить домой.

2 августа

Джек выбирал шкот кливера. Он с силой крутил рукоятку лебедки, его загорелые руки блестели от пота. Наконец раздалось долгожданное «хлоп!», парус расправился, «Саннеке» накренилась, поворачивая под ветер, и ее нос начал быстро резать мутные воды Галвестонской бухты. Мексиканский залив остался позади. Еще днем Джек обогнул мыс Боливар, удачно разминувшись с паромом, шедшим из Галвестона, и теперь яхта шла мимо нефтеочистительных заводов, длинной вереницей выстроившихся вдоль берега Техас-Сити. Джек держал курс на север — к Чистому озеру. К дому.

За четыре дня, проведенных на просторах Залива, Джек загорел и оброс щетиной. Покидая дом, он никому не рассказал о своих планах — просто запасся едой и направил яхту в открытое море, туда, где не видно суши, а ночи такие темные, что даже свет звезд слепит глаза. Волны Залива мягко покачивали яхту, а Джек часами лежал на палубе и глядел в ночное небо. Над ним во все стороны, насколько хватало глаз, расстилалась звездная россыпь, и ему порой начинало казаться, что он уже там, в космосе, что он несется в пустоте и каждый всплеск волны забрасывает его все дальше и дальше, в спирали иной галактики. Он отбросил все прочие мысли — его сознание полнилось только звездами и морем. Вдруг по небу яркой искрой полоснул метеор, и Джек неожиданно подумал об Эмме. Какие бы высокие баррикады он ни выстраивал, он все равно не мог от нее отгородиться. Эмма всегда была рядом, она маячила на периферии сознания Джека, выжидая момент, чтобы проскользнуть в его мысли, когда он меньше всего этого ожидал. И меньше всего этого хотел. Джек замер, не сводя глаз с тающей полоски метеорного следа, и, хотя ничего не изменилось — ни направление ветра, ни характер волн, он вдруг остро ощутил свое одиночество.

Было еще темно, когда Джек поднял паруса и повернул домой.

Теперь, идя по каналу, ведущему в Чистое озеро, идя уже не под парусами, а моторным ходом, мимо домов, крыши которых четкими силуэтами рисовались на рассветном небе, Джек жалел о том, что возвращается так быстро. По Заливу всегда гулял легкий бриз, здесь же в воздухе висела недвижная жара и влажность мешала дышать.

Джек завел яхту на свою стоянку, пришвартовался и ступил на пирс. После нескольких дней в море ноги слегка подкашивались. «Первым делом — холодный душ», — подумал он. Уборку на яхте Джек отложил на вечер, когда будет прохладнее. Что же до Хамфри — ничего страшного: еще один день в кошачьей гостинице этому волосатому шару не повредит. Таща тяжелую сумку, Джек прошагал весь пирс и уже двинулся по эспланаде мимо бакалейного магазинчика, как вдруг его взгляд упал на газетный автомат. Сумка выскользнула из рук и шлепнулась на землю. Джек уставился на шапку, раскинувшуюся по всей ширине полосы свежей «Хьюстон кроникл»:

«Внеплановый запуск шаттла. Обратный отсчет начался — старт завтра».

«Что произошло? — подумал он. — Что пошло не так?»

Дрожащей рукой Джек вытащил из кармана несколько четвертаков, скормил их в щель и выхватил газету. Статья сопровождалась двумя фотографиями. На одной был астронавт Национального космического агентства Японии Кеничи Хираи. На второй — Эмма.

Джек подхватил сумку и помчался к телефону.

На совещании присутствовали три врача, и Джек сразу понял, что возникшая проблема — медицинского характера. Когда он вошел в зал, все удивленно повернули головы. Во взгляде руководителя полета МКС Вуди Эллиса он прочел немой вопрос: «И с чего это к нам вернулся Джек Маккаллум?»

— Джек помогал разрабатывать протокол оказания неотложной медпомощи для первого экипажа станции, — пояснил доктор Тодд Катлер. — Полагаю, он будет нам полезен.

— Личный аспект может осложнить дело, — встревоженно проговорил Эллис.

Он имел в виду Эмму.

— Все члены этого экипажа для нас почти что семья, — возразил Тодд — Так что в некотором смысле сейчас это для всех дело личное.

Джек уселся рядом с Тоддом. За столом расположились заместитель директора НКТС,[18] руководитель полетных операций МКС, врачи экипажей и несколько руководителей программ. Также присутствовала Гретхен Лиу, сотрудник НАСА по связям с общественностью. Если не считать дат стартов, новостные службы средств массовой информации чаще всего игнорировали деятельность НАСА. Однако сегодня в ожидании Гретхен журналисты из всех новостных агентств набились в крошечный зальчик для прессы в Центре общественной информации НАСА. «Сколько внимания, — подумал Джек. — Любовь публики переменчива. Ей нужны взрывы, трагедии. Сложные ситуации. Сама по себе идеально проделанная работа никому не интересна».

Тодд передал ему листок бумаги, на котором было написано: «Данные анализов и обследований Хираи за последние 24 часа. С возвращением!»

Джек пролистал медицинский отчет, одновременно слушая совещание. У него в руках были результаты анализов за сутки, и ему потребовалось некоторое время, чтобы понять самое главное. Астронавт Кеничи Хираи был серьезно болен, данные анализов приводили в замешательство. Шаттл «Дискавери» готов стартовать в шесть утра по восточному поясному времени, полетят экипаж Киттреджа и врач-астронавт. Обратный отсчет шел согласно расписанию.

— Есть какие-либо изменения в рекомендациях? — спросил врачей заместитель директора НКТС. — Вы по-прежнему полагаете, что Хираи может подождать до эвакуации на шаттле?

— Да, мы считаем, что эвакуация на шаттле — самый безопасный вариант, — ответил Тодд Катлер. — В этом отношении наши рекомендации остаются неизменными. МКС прекрасно укомплектована медицинским оборудованием, там есть все необходимые препараты и оборудование для поддержания сердечной деятельности и дыхания.

— Значит, вы полагаете, у него сердечный приступ?

Тодд посмотрел на своих коллег.

— Откровенно говоря, — признался он, — мы не до конца в этом уверены. Кое-что действительно указывает на инфаркт миокарда — сердечный приступ, иными словами. Главным образом это высокий уровень кардиоферментов в его крови.

— Тогда почему вы не уверены?

— ЭКГ показывает лишь неспецифические изменения — несколько инверсий Т-волн. Это нетипично для инфаркта миокарда. К тому же

Хираи прошел тщательное обследование на предмет сердечно-сосудистых заболеваний еще до участия в программе. Факторов риска не наблюдалось. Откровенно говоря, мы не знаем, что происходит. Но допускаем, что у него сердечный приступ, поэтому эвакуация на шаттле — лучший вариант. Это более мягкий спуск в атмосфере и контролируемая посадка. Пациент не испытает такого стресса, как на КАС. На МКС смогут справиться с аритмией, если таковая разовьется.

Джек оторвал взгляд от отчета о лабораторных исследованиях.

— Без необходимого оборудования на станции нельзя фракционировать креатинкиназу. И как же тогда убедиться, что источник этих ферментов — сердце?

Все посмотрели на него.

— Что ты имеешь в виду под словом «фракционировать»? — поинтересовался Вуди Эллис.

— Креатинкиназа — фермент, помогающий клеткам мышц расходовать накопленную энергию. Когда клетки сердца повреждаются, скажем, во время сердечного приступа, уровень креатинкиназы в крови поднимается. Вот почему мы полагаем, что это сердечный приступ. А если это не сердце?

— А что еще?

— Повреждение каких-нибудь других мышц. Травма, например, или судороги. Воспаление. В действительности даже простая внутримышечная инъекция может вызвать подъем креатинкиназы. Нужно фракционировать креатинкиназу, чтобы узнать, действительно ли причина в сердечной мышце. На станции это исследование провести нельзя.

— Значит, возможно, у него не сердечный приступ.

— Верно. И здесь возникает еще одна странность. После острого мышечного поражения уровень креатинкиназы должен был вернуться к норме. Но посмотрите на результаты анализов. — Джек указал на страницы с отчетом и зачитал цифры. — За последние двадцать четыре часа уровень постоянно повышался. Это означает длительное поражение.

— Это лишь часть загадки, — добавил Тодд. — Отклонения от нормы наблюдаются по всем анализам, и характер их определить невозможно.

Ферменты печени, отклонения в работе почек, реакция оседания эритроцитов, количество лейкоцитов. Некоторые результаты показывают повышение уровня, другие — понижение. Словно болезнь по очереди атакует различные группы органов.

Джек взглянул на коллегу.

— Атакует?

— Это просто фигура речи, Джек. Я не знаю, с каким процессом мы имеем дело. Знаю только, что в лабораторных исследованиях нет ошибки. Мы установили наблюдение за остальными членами экипажа, у них все в норме.

— Но его состояние — повод для эвакуации?

Вопрос был задан руководителем полетных операций шаттла. Он был не в восторге от подобной перспективы. Первоначально задача «Дискавери» заключалась в нахождении и починке секретного спутника-шпиона «Козерог». А теперь полет придется посвятить сложной ситуации на МКС.

— Вашингтону не слишком нравится отсрочка в ремонте спутника. Вы отбираете у них запуск, чтобы «Дискавери» сыграл роль летающей «скорой помощи». Это действительно необходимо? Разве Хираи нельзя вылечить на станции?

— Мы не можем ничего предсказать. Мы не знаем, что с ним, — ответил Тодд.

— Господи Боже, на станции же есть врач. Разве она не в состоянии оценить ситуацию?

Джек напрягся. Это был наезд на Эмму.

— Она не рентгеновская установка, — возразил он.

— У нее есть практически все что нужно. Как вы называли станцию, доктор Катлер? «Хорошо оснащенное медицинское учреждение»?

— Астронавта Хираи нужно вернуть на Землю, и как можно скорее, — вмешался Тодд. — Это наша позиция. Если вы подвергаете сомнению оценки врачей, ваше право. Со своей стороны скажу, что я никогда не сомневался в суждениях операторов инженерной системы или системы ракетных двигателей.

Это заявление тут же прекратило споры.

— Еще есть какие-нибудь соображения? — спросил заместитель директора НКТС.

— Погода, — отозвался метеоролог НАСА. — Стоит упомянуть о том, что к западу от Гваделупы формируется шторм, который очень медленно движется на запад. Это не затронет старт. Но в зависимости от пути могут возникнуть проблемы в Кеннеди на следующей неделе.

— Спасибо за внимание. — Заместитель директора оглядел комнату: вопросов больше не было. — Значит, запуск остается в силе, в пять утра по центральному дневному времени. Увидимся на запуске.

10

ПУНТА-АРЕНА, МЕКСИКА

Калифорнийский залив блестел в сумерках, как расплющенное серебро. Сидя за столиком уличного кафе «Три девы», Хелен Кёниг смотрела на рыболовецкие лодки, направляющиеся в Пунта-Колорада. Это время дня она любила больше всего: прохлада вечернего бриза на ее загорелой коже, мышцы приятно утомлены полуденным плаванием. Официант принес ей «Маргариту» и поставил на стол.

— Gracias, senor,[19] — пробормотала она.

На мгновение они встретились взглядами. Она увидела спокойного горделивого мужчину с усталыми глазами и посеребренными сединой волосами, и ей почему-то стало неуютно.

«Это все наша вина янки», — подумала она, наблюдая, как мужчина удаляется в бар. Подобное чувство она испытывала всякий раз, когда приезжала на полуостров Баха. Потягивая «Маргариту», она любовалась морем под завывания ансамбля мариачи где-то на пляже.

Этот прекрасный день она почти целиком провела в море. Утром погружалась с аквалангом, днем поныряла на мелководье. А перед ужином Хелен просто поплавала в позолоченных закатом водах. Море — ее утешение, ее святилище. Так было всегда. В отличие от мужской любви море было постоянным и никогда не разочаровывало. Оно всегда готово принять ее, утешить, и в сложные моменты жизни она бросалась в его распростертые объятия.

Потому Хелен и приехала на полуостров Баха. Чтобы поплавать в теплой воде и побыть в одиночестве, чтобы никто не дергал ее. Даже Палмер Габриэль.

Ее губы обожгла ледяная «Маргарита». Хелен выпила один бокал и заказала второй. Она уже слегка плыла от алкоголя. Неважно, теперь она свободная женщина. Проект закончен, прекращен. Культуры уничтожены. Даже если Палмер будет рвать и метать, она знает, что поступила правильно. Чтобы никому не угрожала опасность. Завтра она выспится и закажет на завтрак горячий шоколад и яичницу по-деревенски. Затем отправится понырять, на очередную встречу со своим возлюбленным цвета морской волны.

Ее внимание привлек женский смех. Хелен посмотрела в сторону бара, где флиртовала какая-то парочка: стройная и загорелая женщина и мужчина с накачанными мышцами. Курортный роман в самом разгаре. Возможно, они поужинают вместе, прогуляются по пляжу, держась за руки. Затем — поцелуй, объятия и ритуал совокупления. Хелен наблюдала за ними и как ученый, и как ревнивая женщина. Она знала, что для нее все это невозможно. Ей сорок девять, и она выглядит на свой возраст. Ее талию нельзя было назвать стройной, а волосы почти совсем поседели; в ее самом обычном лице привлекали только умные глаза. Она не из тех, кто притягивает взоры Адонисов с бронзовой кожей.

Хелен осушила вторую «Маргариту». Опьяняющее воздействие алкоголя уже ощущалось во всем теле — она поняла: пора поесть. И открыла меню. «Ресторан «Три девы»». Три девы. Подходящее место, чтобы перекусить. Она вполне могла бы оказаться одной из этих дев.

Официант подошел принять заказ. Она попросила жареную дорадо, затем ее взгляд привлек телевизор над баром, на экране которого мелькнул шаттл на стартовой площадке.

— Что происходит? — спросила она, указывая на телевизор.

Официант пожал плечами.

— Включите звук, — попросила она бармена. — Пожалуйста, мне нужно послушать!

Бармен потянулся к регулировке звука; вещание шло на английском. Американский канал. Хелен подошла к стойке бара и уставилась в экран.

— ...эвакуация астронавта Кеничи Хираи по медицинским показаниям. НАСА не дает более подробной информации, но есть сообщения, что врачи по-прежнему не могут диагностировать его заболевание. Основываясь на последних анализах крови, они считают, что необходим запуск шаттла для эвакуации больного. Как ожидается, «Дискавери» стартует завтра в шесть часов утра по восточному времени.

— Сеньора! — позвал официант.

Хелен повернулась и увидела, что он все еще стоит с блокнотом для заказов.

— Не желаете заказать напиток?

— Нет. Я должна уйти.

— Но ваш заказ…

— Отмените его. Пожалуйста.

Она открыла кошелек, сунула ему пятнадцать долларов и поспешила к выходу из ресторана.

Из номера отеля она попыталась дозвониться Палмеру Габриэлю в Сан-Диего. После пяти-шести попыток ей удалось связаться с международным оператором, но, дозвонившись Палмеру, Хелен услышала автоответчик.

— На МКС заболел астронавт, — сказала она. — Палмер, это то, чего я опасалась. То, о чем предупреждала. Если все подтвердится, мы должны действовать быстро. Прежде… — Она замолчала, глядя на часы.

«К черту, — подумала она и повесила трубку. — Я должна попасть домой в Сан-Диего. Только я и знаю, что делать с этим. Я им нужна».

Она бросила одежду в чемодан, сдала номер и прыгнула в такси. Ей предстояло проехать двадцать пять километров до небольшой взлетно-посадочной полосы в Буэна-Виста. Там ее будет ждать небольшой самолет, который перенесет ее в Ла-Пас, где можно купить билеты на рейс до Сан-Диего.

Поездка в такси была не слишком комфортной — дорога оказалась ухабистой и извилистой, в открытое окно залетала пыль. Но самое страшное — полет на маленьком самолете. Хелен боялась летать на таких. Если бы ей не нужно было так срочно домой, она поехала бы дальним путем, в глубь полуострова Баха и на своей машине, которую оставила на курорте. Потными ладонями она вцепилась в подлокотник, воображая грядущую авиакатастрофу.

Затем она посмотрела в ночное небо, ясное и бархатно-черное, и подумала о людях на борту космической станции, о том, как рискуют другие, более смелые люди. Полет на маленьком самолете — ничто по сравнению с опасностью, с которой столкнулись астронавты.

Сейчас нельзя трусить. Жизнь этих людей, возможно, висит на волоске. И только она знает, как отвратить беду.

Тряска утихла. Слава Богу, теперь они ехали по мощеной дороге, и до Буэна-Висты оставалось всего несколько километров.

Водитель, словно почувствовав, что она торопится, надавил на газ, и ветер ударил в открытые окна, бросая песчинки в лицо Хелен. Она решила поднять стекло и вдруг почувствовала, что такси начинает крениться влево, обходя медленно движущуюся машину. Она посмотрела на дорогу и, к своему ужасу, поняла, что их заносит.

— Senor! Mas despacio![20] — крикнула Хелен. «Потише!»

Они поравнялись с другой машиной, такси рвануло вперед, но соперник не желал уступать первенство. Впереди дорога сворачивала влево и скрывалась из виду.

— Не обгоняйте! — крикнула она. — Пожалуйста, не…

Ее взгляд метнулся вперед и замер, ослепленный светом фар встречной машины.

Она подняла руки, прикрывая лицо, пытаясь спрятаться от слепящего света, но раздался скрип тормозов, потом ее собственный крик, и яркие фары рванули прямо на них.

3 августа

Со своего места, из-за прозрачной перегородки, отделявшей переполненный гостевой балкон, Джек отлично видел ЦУП — там за пультами сидели операторы, парадно одетые по случаю телесъемки. Работавшие внизу мужчины и женщины были сосредоточены на своих обязанностях, но всегда помнили, что на них смотрят, что к ним прикованы взоры зрителей, и каждый жест, каждое нервное движение головой видны сквозь прозрачную перегородку за их спинами. Еще год назад Джек сам сидел за пультом врача во время запуска шаттла, и ощущал чужие взгляды на своем затылке как нечто смутное и неприятно-теплое. Он знал, что сидящие внизу люди чувствуют сейчас то же самое.

Атмосфера в зале казалась равнодушно-спокойной, как и голоса, раздававшиеся по каналу связи. Этот образ старалось поддерживать НАСА — образ профессионалов, выполняющих свою работу, и выполняющих ее отлично. Чего почти не видела рядовая публика, так

это сложных моментов, возникавших во втором зале, ситуаций, близких к катастрофе, когда все идет кувырком и хаос правит бал.

«Только не сегодня, — подумал Джек. — У руля Карпентер. Все будет хорошо».

Руководитель полета Рэнди Карпентер был начальником команды запуска. За годы своей работы он повидал множество кризисных ситуаций. И был убежден: катастрофы космических кораблей происходят не в результате отказа какого-нибудь одного главного механизма, а в результате возникновения целой серии мелких проблем. По этой причине он с большим вниманием относился к деталям, для Карпентера любая проблема — потенциальная катастрофа. Его команда смотрела на него буквально снизу вверх — потому что Карпентер был гигантом, ростом два метра и весом сто тридцать пять килограммов.

Гретхен Лиу, сотрудник по связям с общественностью, сидела с левого края за последним рядом пультов. Джек видел, как она, повернувшись к гостевому балкону, радостно улыбнулась. По случаю телесъемок Гретхен надела свой лучший наряд: темно-синий костюм и серый шелковый шарфик. Этот полет привлечет внимание мировой общественности, и хотя большая часть прессы собралась на месте пуска на мысе Канаверал, здесь, в ЦУП Космического центра имени Джонсона, гостевая галерея тоже была заполнена журналистами.

Десятиминутная задержка обратного отсчета подошла к концу. По радио объявили, что синоптики дают добро, затем обратный отсчет продолжился. Джек подался вперед — взлет приближался, и все его тело застыло в напряжении. И снова это забытое возбуждение перед запуском. Год назад, когда он перестал участвовать в космической программе, Джек решил, что все это осталось в прошлом. Но это волнение — вот оно, тут как тут. И мечта. Он вообразил пристегнутый к креслам экипаж, вибрацию корпуса корабля, когда в отсеках, наполненных жидким кислородом и водородом, поднимается давление. Подумал о клаустрофобии, которую испытывают астронавты, закрывая шлемы. Шипение кислорода. Учащение пульса.

— Включение РДТТ, — произнесла сотрудница по связям с общественностью в ЦУПе Космического центра Кеннеди. — Старт! У нас старт! Управление полетом передается Космическому центру Джонсона в Хьюстоне…

Пересекая центральный экран, курс полета шаттла шел по дуге согласно запланированному маршруту. Джек был по-прежнему напряжен, его сердце учащенно билось. На установленные в гостевой галерее телеэкраны из Кеннеди передавалось изображение шаттла. Разговор

между Капкомом и командиром Киттреджем был слышен по громкой связи. «Дискавери», медленно поворачиваясь вокруг вертикальной оси, начал подниматься в верхние слои атмосферы, где, темнея, небесная голубизна превращается в черноту космоса.

— Хорошо смотримся, — произнесла Гретхен по каналу связи для прессы.

В ее голосе слышалось торжество, какое ощущаешь во время идеального запуска. Он действительно был идеальным. И когда корабль проходил фазу максимального скоростного напора, и когда отделились РДТТ, и когда отключился главный двигатель.

Карпентер, не двигаясь, стоял в ЦУПе, его взгляд не отрывался от центрального экрана.

— «Дискавери», разрешаю отделение ВТБ,[21] — произнес Капком.

— Вас понял, Хьюстон, — отозвался Киттредж. — Отделение ВТБ.

Массивная голова Карпентера вдруг дернулась, и Джек понял: что-то произошло. Все операторы ЦУПа одновременно оживились. Некоторые взглянули на Карпентера, его обычно сутулые плечи теперь распрямились. Гретхен прижала руку к наушнику, внимательно слушая то, что говорилось по ее каналу связи.

«Что-то случилось», — решил Джек.

Громкая связь на гостевой галерее по-прежнему была подключена к каналу Борт-земля.

— «Дискавери», — сказал Капком, — ТО[22] сообщает, что люки разъемов не закрылись. Пожалуйста, подтвердите.

— Вас понял, подтверждаем. Люки разъемов не закрыты.

— Предлагаю перейти на ручное управление.

Повисла зловещая тишина. Затем послышался голос Киттреджа:

— Хьюстон, у нас все в порядке. Люки только что закрылись.

Резко выдохнув, Джек понял, что до этого сидел, не дыша. Пока это единственное затруднение. Все остальное, думал он, прошло идеально. Но действие внезапного адреналинового всплеска еще не закончилось, и у него вспотели ладони. Им только что напомнили о том, как много всего может случиться, и тревожное ощущение вновь овладело Джеком.

Он смотрел в ЦУП и думал: а вдруг Рэнди Карпентера, лучшего из лучших, тоже мучает дурное предчувствие?

4 августа

Его внутренние часы автоматически перестроились, сдвинув суточные ритмы таким образом, что Джек внезапно просыпался ровно в час ночи. Он лежал в постели с широко раскрытыми глазами, разглядывая светящиеся цифры часов, которые стояли на тумбочке, и цифры тоже будто бы пялились на него. «Я словно челнок «Дискавери», — думал он. — Я спешу догнать МКС. И Эмму». Его организм уже начал настраиваться на ее режим. Через час Эмма проснется и начнет работу. И Джек уже не спит, их суточные циклы почти параллельны.

Он не пытался заснуть снова, а просто поднялся и оделся.

В час тридцать ночи Центр управления полетом мерно гудел, продолжая работу. Сначала Джек заглянул в зал, где сидели операторы, следившие за полетом шаттла. На борту «Дискавери» все по-прежнему было спокойно.

Джек спустился в зал специальных полетов, откуда осуществлялось управление МКС. Он был намного меньше ЦУПа; здесь стояли свои пульты и размещался собственный персонал. Джек направился к пульту врача и уселся в кресло рядом с дежурным, Роем Блумфилдом. Тот удивился его появлению.

— Привет, Джек. Похоже, ты действительно вернулся.

— Не смог остаться в стороне.

— Из-за денег — вряд ли, значит, ради экстрима. — Рой откинулся на спинку кресла, зевая. — Сегодня особого экстрима не было.

— Пациент стабилен?

— Последние двенадцать часов — да. — Блумфилд кивнул на данные биотелеметрии, отображенные на пульте. На мониторе высвечивались электрокардиограмма Кеничи Хираи и график кровяного давления. — Ритм ровный, как стол.

— Больше ничего не происходило?

— Последние данные пришли четыре часа назад. Головная боль усилилась, его продолжает лихорадить. Антибиотики не слишком помогают. Мы все гадаем, что с ним.

— У Эммы есть предположения?

— Сейчас она, скорей всего, слишком устала, у нее нет сил думать. Я попросил ее поспать — мы ведь все равно следим за монитором. Так что пока все довольно скучно. — Блумфилд снова зевнул. — Послушай, мне нужно отлить. Не последишь за пультом пару минут?

— Конечно.

Блумфилд вышел, а Джек надел наушники. Знакомое ощущения — он был рад снова очутиться перед пультом управления, слушать приглушенные разговоры других операторов, следить за главным экраном, где орбитальная траектория станции синусоидой накладывалась на карту. Конечно, это не кресло в шаттле, но ближе к космическому кораблю Джек уже не сможет подобраться. «Я не могу дотянуться до звезд, но могу быть здесь и смотреть, что делают другие». Джек сделал удивительное открытие: оказывается, он может принять этот горький поворот в своей жизни. Он может оставаться на периферии былой мечты и с удовольствием смотреть на нее издалека.

Его взгляд вдруг привлекла электрокардиограмма Кеничи Хираи, и он подался вперед. Сердечная кривая начала резко колебаться вниз-вверх. Затем стала абсолютно прямой линией в верхней части экрана.

Джек успокоился. Ничего страшного: скорей всего это аномалия электрического характера — возможно, отсоединились электроды. График кровяного давления не изменился. Наверно, пациент пошевелился и случайно сорвал электрод. А может, Эмма отсоединила его от аппарата, чтобы Кеничи сходил в туалет. Теперь и данные о давлении перестали поступать — еще одно подтверждение, что Кеничи отсоединен от аппарата. Джек еще несколько секунд понаблюдал за экраном, ожидая, что передача данных возобновится.

Когда этого не произошло, он подключился к внутренней переговорной сети.

— Капком, это Врач. Пациент отключен от ЭКГ.

— Отключен?

— Похоже, отсоединились электроды. Сердечная кривая отсутствует. Вы не могли бы выяснить у Эммы, в чем дело, и подтвердить?

— Вас понял, Врач. Сейчас я с ней свяжусь.

Тихое завывание вывело Эмму из забытья — она проснулась от прикосновения чего-то влажного и холодного к ее лицу. Она не собиралась дремать. Центр управления полетом постоянно следил за ЭКГ Кеничи по системе биотелеметрии и предупредил бы об изменениях в его состоянии, но Эмма все равно собиралась подежурить возле пациента, пока другие члены экипажа отдыхали. Но за последние два дня она спала лишь урывками, ее часто будили, чтобы спросить о состоянии пациента. Усталость и полное расслабление в условиях невесомости наконец настигли и ее. Перед тем как заснуть, она смотрела на сердечный ритм Кеничи, который завораживающими извилистыми линиями высвечивался на мониторе, вскоре они слились в зеленое пятно, а затем растворились в черноте.

Почувствовав холод и влагу на своей щеке, она открыла глаза и увидела плывущий к ней водяной шарик — он вращался и переливался всеми цветами радуги. Она не сразу поняла, что это, а еще через несколько секунд увидела: вокруг нее пляшет еще с десяток таких же шариков, похожих на елочные украшения.

Эмма услышала помехи, затем в ее наушниках раздался голос:

— Уотсон, это Капком. Нам очень не хотелось будить вас, но необходимо подтвердить состояние электродов ЭКГ пациента.

Охрипшая от усталости, Эмма ответила:

— Я не сплю, Капком. Я думаю.

— Биотелеметрия показывает аномалию в данных ЭКГ вашего пациента. Врач полагает, что отсоединился электрод.

Пока Эмма спала, она переместилась в пространстве, и теперь, заново сориентировавшись, она повернулась туда, где должен был находиться пациент.

Спальный мешок Кеничи был пуст. Трубка капельницы свободно плавала в воздухе, а из нее выделялись блестящие капли физраствора и разлетались в воздухе. Электроды висели спутанным клубком.

Эмма сразу же отключила инфузионный насос и быстро огляделась.

— Капком, его здесь нет. Он вышел из модуля! Оставайтесь на связи.

Она оттолкнулась от стены и метнулась в Нод-2, соединенный с лабораториями ЕКА и НКА Японии. Заглянув в люк, она поняла, что Кеничи там нет.

— Вы нашли его? — спросил Капком.

— Никак нет. Продолжаю искать.

Может, он заблудился и уплыл сам не зная куда? Возвращаясь через американскую лабораторию, Эмма нырнула в проем люка. Ей на лицо что-то капнуло. Смахнув жидкость, она с изумлением увидела, что ее пальцы испачканы кровью.

— Капком, он прошел через Нод-1. Я обнаружила кровь, из места присоединения капельницы.

— Советую перекрыть воздухообмен между модулями.

— Вас поняла.

Она скользнула через люк жилого модуля. Свет был приглушен, и в полумраке она видела Григгса и Лютера — оба крепко спали в застегнутых спальных мешках. Кеничи там не было.

«Не паникуй, — подумала она, когда перекрывала воздухообмен между модулями. — Думай. Куда он мог направиться?»

Обратно в свой спальный отсек, в российскую часть МКС.

Решив не будить Григгса или Лютера, Эмма выплыла из жилого модуля и быстро двинулась в гермоадаптер,[23] соединяющий модули, оглядываясь по сторонам в поисках сбежавшего пациента.

— Капком, я до сих пор его не нашла. Двигаюсь через «Зарю» и направляюсь в российский служебный модуль.

Она скользнула в российский модуль, где обычно спал Кеничи. В полумраке виднелись Диана и Николай, они спали, плавая и раскинув руки, словно утопленники. Спальный отсек Кеничи был пуст.

Ее тревога переросла в настоящий страх.

Она попыталась разбудить Николая. Космонавт просыпался медленно, а когда наконец открыл глаза, только через некоторое время понял, чего она хочет.

— Я не могу найти Кеничи, — повторила она. — Мы должны обыскать все модули.

— Уотсон, — раздался голос Капкома в наушниках. — ТО сообщает о периодической аномалии в шлюзе Нода-1. Пожалуйста, проверьте состояние шлюза.

— Характер аномалии?

— То и дело идут сигналы, что люк между шлюзовым и узловым модулями не закрыт.

«Кеничи. Он в шлюзовом модуле».

Вместе с Николаем, следовавшим за ней по пятам, Эмма, словно птица, метнулась по станции и нырнула в Нод-1. Бросив лихорадочный взгляд в открытый люк шлюзового модуля, Эмма увидела то, что показалось ей тремя человеческими телами. Два из них были скафандрами для выхода в открытый космос — их твердые панцири особым образом закреплены на стенах шлюза, чтобы легче было надевать.

В центре висело тело, изогнутое в конвульсии. Тело Кеничи.

— Помоги мне вытащить его отсюда! — попросила Эмма.

Она подплыла к японцу со спины, уперлась ногами во внешний люк и толкнула Кеничи к Николаю, тот, в свою очередь, вытащил его из шлюзового модуля. Вместе они принялись толкать Кеничи по направлению к лабораторному модулю, где находилось медицинское оборудование.

— Капком, мы нашли пациента, — доложила Эмма. — Похоже, у него приступ. Мне нужен Врач!

— Оставайтесь на связи, Уотсон. Врач, говорите.

В наушниках Эмма услышала странно знакомый голос.

— Привет, Эм. Слышал, у тебя там неприятности.

— Джек? Что ты там делаешь?!

— Как твой пациент?

Еще не придя в себя от удивления, Эмма снова сосредоточилась на Кеничи. Но даже поставив японцу капельницу и присоединив электроды ЭКГ, она продолжала гадать, что Джек делает в Центре управления полетами. Он год не сидел за пультом врача и теперь вдруг вышел на связь; когда он спрашивал о состоянии Кеничи, его голос звучал спокойно, даже расслабленно.

— Приступ продолжается?

— Нет. Сейчас он действует вполне сознательно… он отбивается от нас.

— Основные показатели?

— Пульс учащенный — сто двадцать, сто тридцать. Он дышит.

— Хорошо. Значит, дыхание есть.

— Мы только что подключили ЭКГ. — Эмма взглянула на монитор, на сердечный ритм на экране. — Синусовая тахикардия, пульс сто двадцать четыре. Периодическая асистолия желудочков.

— Я вижу это на биотелеметрии.

— Измеряю давление… — Она накачала манжет и, слушая плечевой пульс, медленно выпустила воздух из манжеты. — Девяносто пять на шестьдесят. Незначительно…

Удар застал ее врасплох. Она издала резкий крик боли, когда Кеничи наотмашь ударил ее по лицу. Толчок отбросил ее на другой конец модуля, Эмма натолкнулась на противоположную стену.

— Эмма! — позвал Джек. — Эмма!

Она ошеломленно дотронулась до разбитой губы.

— У тебя кровь! — заметил Николай.

— Что, черт возьми, у вас происходит? — отчаянно кричал Джек ей в наушник.

— Со мной все в порядке, — пробормотала она. И раздраженно повторила: — Джек, со мной все в порядке. Не переживай.

Но голова все еще гудела от удара. Николай привязывал Кеничи к койке, а Эмма ждала, когда пройдет головокружение. И поэтому сначала не слышала, что сказал Николай.

Затем заметила его недоуменный взгляд.

— Посмотрите на его живот, — прошептал Николай. — Посмотрите!

Эмма приблизилась к больному.

— Что за черт! — прошептала она.

— Эмма, не молчи, — произнес Джек. — Рассказывай, что происходит.

Она неотрывно смотрела на живот Кеничи, казалось, его кожа пульсирует, словно под ней что-то вскипает.

— Какое-то движение… у него под кожей…

— Что значит «движение»?

— Похоже на фасцикуляцию. Но она… движется по животу…

— Это не перистальтика?

— Нет, нет. Она движется вверх. Не по кишечному тракту.

Эмма замолчала. Пульсация вдруг прекратилась, и кожа на животе Кеничи снова стала гладкой.

«Фасцикуляция», — подумала она. Непроизвольные сокращения мышечных волокон. Это наиболее вероятное объяснение, но вот в чем проблема: фасцикуляция не может выглядеть как волнообразные перемещения.

Вдруг Кеничи открыл глаза и уставился на Эмму.

Кардиомонитор издал сигнал тревоги. Обернувшись, Эмма увидела, что линия электрокардиограммы мечется вверх-вниз по экрану.

— Желудочковая тахикардия! — крикнул Джек.

— Вижу, вижу!

Она включила дефибриллятор, затем пощупала пульс сонной артерии.

Вот он. Слабый, едва ощутимый.

Глаза Кеничи закатились, были видны лишь кроваво-красные склеры. Он все еще дышал.

Эмма смазала электроды дефибриллятора, приложила их к грудной клетке и дала разряд. Сто джоулей встряхнули тело Кеничи.

Его мышцы одновременно скрутил сильнейший спазм. Ноги принялись молотить по койке. Если бы не сдерживающие ремни, он бы метался по всему модулю.

— Желудочковая тахикардия продолжается! — воскликнула Эмма.

В модуль влетела Диана.

— Чем я могу помочь? — спросила она.

— Подготовьте лидокаин! — велела Эмма. — Ящик с пометкой CDK,[24] справа!

— Нашла.

— Он не дышит! — крикнул Николай.

Эмма схватила ручной респиратор и крикнула:

— Николай, придержи меня!

Он укрепил ноги на противоположной стене, подперши Эмму спиной, чтобы той было удобнее накладывать кислородную маску. Провести сердечно-легочную реанимацию непросто и на земле, а в условиях микрогравитации это просто кошмар: серия сложных акробатических трюков, постоянно уплывающее оборудование, спутывающиеся в воздухе трубки, выскальзывающие из рук шприцы, наполненные драгоценными препаратами. Даже надавить на грудь пациента и то сложно — вас может отбросить к противоположной стене. Экипаж практиковался в выполнении этих действий, но никакая тренировка не способна подготовить к беспорядочному движению людей в замкнутом пространстве, к лихорадочной попытке спасти умирающее сердце.

Закрыв рот и нос Кеничи маской, Эмма сжала грушу ручного респиратора, подавая кислород в легкие. Линия ЭКГ продолжала метаться по экрану.

— Ввожу внутривенно одну ампулу лидокаина, — объявила Диана.

— Николай, еще разряд! — крикнула Эмма.

Немного поколебавшись, космонавт потянулся за дефибриллятором, приложил его к грудной клетке Кеничи и пропустил разряд. На этот раз сердце Кеничи пронзили двести джоулей.

Эмма бросила взгляд на монитор.

— У него фибрилляция желудочков! Николай, начинай массаж сердца. Я буду интубировать!

Николай отпустил дефибриллятор, и тот уплыл прочь, покачивая проводами. Укрепив ноги на противоположной стене модуля, он

собрался надавить ладонями на грудину Кеничи, но внезапно отдернул руки.

Эмма посмотрела на него.

— Что случилось?

— Грудная клетка. Посмотрите!

Кожа на груди Кеничи пульсировала и извивалась. Там, где с ней контактировали электроды дефибриллятора, образовались две выпуклые окружности, от которых расходились круги, как бывает, если бросить в воду камень.

— Асистолия! — раздался голос Джека у Эммы в наушниках. Николай продолжал потрясенно смотреть на грудную клетку пациента.

Эмма заняла место Николая, опершись о его спину. «Асистолия. Остановка сердца. Если не сделать массаж сердца, он умрет».

Эмма не чувствовала ничего необычного, никакого движения. Просто кожа, обтягивающая анатомические ориентиры грудины. «Фасцикуляция, — пронеслось у нее в голове. — Это она. Другого объяснения нет». Закрепившись, Эмма начала надавливать на грудь пациента; ее руки заменили сердце Кеничи, качая кровь к жизненно важным органам.

— Диана, ампулу эпинефрина внутривенно! — приказала Эмма. Диана впрыснула лекарство в капельницу.

Они посмотрели на монитор в безумной надежде увидеть там световое пятно.

11

— Вскрытие необходимо, — произнес Тодд Катлер.

Директор управления летных экипажей Гордон Оби бросил на него раздраженный взгляд. Некоторые из собравшихся в конференц-зале закивали в знак согласия, ведь Катлер констатировал очевидное. Конечно, вскрытие будет.

Более десятка людей собралось на это экстренное заседание. Меньше всего их заботило вскрытие. Оби беспокоили более насущные проблемы. Будучи человеком немногословным, он вдруг оказался в некомфортной ситуации: стоило появиться на публике, к нему тут же устремлялись

репортеры с микрофонами. Начался мучительный процесс — все искали виноватого.

Оби пришлось взять на себя часть ответственности за трагедию: ведь именно он утверждал кандидатуру каждого члена экипажа. Если экипаж не справился с задачей, то, по сути, это был промах Оби. Он предложил Эмму Уотсон в качестве кандидата замены, и теперь этот поступок казался серьезной ошибкой.

Так, по крайней мере, было заявлено на заседании. Как единственный врач на МКС Эмма Уотсон должна была понимать, что Хираи умирает. Его можно было спасти, немедленно эвакуировать на корабле аварийного спасения. Теперь к ним летел шаттл, и спасательная операция стоимостью несколько миллионов долларов превратилась в рейс труповозки. Вашингтону нужны козлы отпущения, да и зарубежная пресса постоянно задает опасный политический вопрос: «Неужели и американскому астронавту позволили бы вот так просто умереть?»

Так что главной темой дискуссии были последствия такого пиара.

— Сенатор Париш написал официальное заявление, — произнесла Гретхен Лиу.

— Даже спрашивать не хочу, какое, — простонал директор Космического центра Джонсона Кен Бланкеншип.

— Си-Эн-Эн-Атланта прислали его нам. Я процитирую: «Миллионы долларов, полученных от налогоплательщиков, были вложены в разработку корабля аварийного спасения. Но в НАСА решили его не использовать. Они оставили на станции серьезно больного человека, чью жизнь можно было спасти. Теперь мужественный астронавт погиб, и всем ясно, что совершена ужасная ошибка. Одна смерть в космосе — это уже много. Конгресс проведет надлежащее расследование». — Гретхен подняла мрачный взгляд. — Вот что говорит наш любимый сенатор.

— Интересно, сколько человек помнят, что именно он пытался погубить нашу программу по разработке корабля аварийного спасения? — проговорил Бланкеншип. — С каким бы удовольствием я ткнул его в это носом.

— Ты этого не сделаешь, — вмешался Лерой Корнелл. Как и положено администратору НАСА, умение взвешивать политические последствия было у Корнелла в крови. Он осуществлял связь агентства с Конгрессом и Белым домом и всегда знал, какие настроения царят в Вашингтоне. — Это расценят как открытое нападение на сенатора, после чего скандала уже не избежать.

— Это он нападает на нас.

— В этом нет ничего нового, об этом всем известно.

— Широкой общественности неизвестно, — возразила Гретхен. — Этими нападками он помогает газетам зарабатывать на хлеб.

— В этом все дело — сенатору нужно внимание газетчиков, — произнес Корнелл. — Мы предпримем ответный шаг, чтобы утолить голод прессы. Знаете, Париш никогда не был нашим другом. Он противостоял любому увеличению бюджета, о котором мы просили. Он хочет покупать военные корабли, а не космические, и нам ни за что его не переубедить. — Корнелл глубоко вздохнул и оглядел зал. — Значит, и мы можем с пристрастием отнестись к его критике. Подумайте, разве мы не вправе?

В комнате мгновенно наступила тишина.

— Без сомнения, ошибки были, — произнес Бланкеншип. — Ошибки, касающиеся медицинских суждений. Почему мы не смогли правильно оценить состояние больного?

Оби видел, как два врача обменялись тревожными взглядами. Все внимание сосредоточилось на работе медицинской команды. И на Эмме Уотсон.

Она не имела возможности защищаться, и вместо нее придется говорить Оби.

— На орбите Уотсон находится в стесненных условиях, как и любой другой врач на ее месте, — проговорил Тодд Катлер, подстегивая Оби. — Нет рентгена, нет операционной. Дело в том, что никто из нас не знает, почему Хираи умер. И поэтому нужно вскрытие. Мы должны знать, в чем причина. И не отразилась ли микрогравитация на его состоянии.

— Никто не оспаривает необходимость вскрытия, — отозвался Бланкеншип. — Все с этим согласны.

— Нет, я упомянул о вскрытии по той простой причине... — Катлер понизил голос. — Что существует проблема консервации.

В зале повисла пауза. Оби видел, как все задумались, пытаясь понять, что это значит.

— Нехватка холодильных установок на станции, вот о чем идет речь, — пояснил Оби. — Они не годятся для хранения таких крупных объектов, как человеческое тело.

— Стыковка с шаттлом через семнадцать часов, — проговорил руководитель полета МКС Вуди Эллис. — Тело сильно разложится за это время?

— На борту шаттла тоже нет холодильной установки, — отметил Катлер. — Смерть наступила семь часов назад. Прибавьте к этому время самой стыковки, перевозку тела, а также остального груза и расстыковку. Речь идет по крайней мере о трех днях при комнатной температуре. И это при условии, что все пройдет гладко. А это, как мы все прекрасно знаем, далеко не факт.

«Три дня». Оби подумал о том, что произойдет с мертвым телом за два дня. О том, как сильно начинали вонять остатки сырой курицы, пролежавшие в мусорном ведре всего одну ночь…

— Из ваших слов можно заключить, что «Дискавери» нельзя отложить возвращение даже на день, — проговорил Эллис. — Надеемся, у нас будет время для выполнения других заданий. Многие проведенные на МКС эксперименты завершены, и результаты нужно вернуть на Землю. Их ждут ученые.

— Если тело разложится, вскрытие сильно осложнится, — заявил Катлер.

— Есть ли какой-нибудь способ сохранить тело? Забальзамировать, например?

— Тогда придется обработать труп химикатами. А нам нужно незабальзамированное тело. И как можно скорее.

Эллис вздохнул.

— Нужно найти компромисс. Астронавты могут выполнить еще какую-нибудь работу, после того как «Дискавери» пристыкуется к станции.

— Если говорить об общественном мнении, — вмешалась Гретхен, — экипаж, спокойно занимающийся своими делами, когда на средней палубе находится труп товарища, будет выглядеть не слишком красиво. Кроме того, разве не существует некоторой… ну, угрозы для здоровья? Да и потом… запах.

— Тело герметично упакуют в пластиковый саван, — сказал Катлер. — Можно будет поместить его за штору в спальном отсеке.

Разговор принял такой мрачный оборот, что большинство присутствующих побледнели. Можно было обсуждать политические последствия и реакцию средств массовой информации, враждебно

настроенных сенаторов и механические аномалии. Но сосредоточивать внимание на трупах, неприятных запахах и разлагающейся плоти никому не хотелось.

Тишину нарушил Лерой Корнелл:

— Доктор Катлер, я понимаю ваше настойчивое желание поскорей доставить тело на Землю для проведения вскрытия. И понимаю точку зрения специалиста по связям с общественностью. Разговор о кажущемся… отсутствии чуткости, когда речь заходит о нашей работе. Но у нас есть обязанности, которые нужно исполнять, несмотря на потери. — Он оглядел сидящих за столом. — Это наша первоочередная задача, не так ли? Одно из достоинств нашей организации. Неважно, что произошло и что мы чувствуем, мы всегда должны выполнять работу до конца.

В этот момент Оби ощутил внезапную перемену в настроении присутствующих. До этого их мучила трагедия, на них давила пресса. Он видел уныние и тоску на их беззащитных лицах. Теперь атмосфера изменилась. Он встретился взглядом с Корнеллом и почувствовал, что презрение, которое он испытывал к администратору НАСА, начало исчезать. Оби никогда не доверял краснобаям вроде Корнелла. Он считал администраторов НАСА необходимым злом и терпел их до тех пор, пока они не начинали совать свой нос в оперативные решения.

Временами Корнелл переходил опасную черту. Но сегодня он оказал им услугу, позволив со стороны взглянуть на сложившуюся картину. У каждого пришедшего на собрание был свой интерес. Катлер хотел получить труп для вскрытия как можно быстрее. Для Гретхен Лиу было важно, под каким углом преподнести ситуацию прессе. Группа управления полетами шаттлов добивалась расширения полетного задания «Дискавери».

Корнелл напомнил им: кроме смерти Кеничи и их личных интересов, есть то, что гораздо важнее для осуществления космической программы.

Оби едва заметно кивнул в знак одобрения, что было замечено сидящими за столом. Сфинкс наконец сообщил о своем решении.

— Каждый успешный запуск — это дар небес, — заключил он. — Этот тоже не должен пройти впустую.

5 августа

«Умер».

Кроссовки Эммы отбивали ритм по беговой дорожке с виброзащитной системой, и каждый удар ее подошв о движущуюся ленту, каждый толчок, сотрясавший ее кости, суставы и мышцы, был наказанием, которое она сама себе назначила.

«Умер.

Мой пациент умер. Он умер по моей вине.

Я должна была понять, что он тяжело болен. Нужно было настоять на эвакуации в КАСе. Но я отказалась и решила, что справлюсь сама. Думала, что мне удастся поддержать в нем жизнь».

Мышцы болели, пот катился по лбу; злясь на себя, Эмма яростно продолжала свое «наказание». Три дня она не занималась на беговой дорожке, потому что вынуждена была присматривать за Кеничи. Теперь она наверстывала упущенное и, застегнув пряжки ограничителей, включила активный режим.

На Земле Эмме нравилось бегать. Она бегала не слишком быстро, но была выносливой. И научилась впадать в гипнотический транс, который наступает у бегунов на длинные дистанции, когда позади остается километр за километром, а жар движущихся мышц сменяется эйфорией. День за днем она вырабатывала выносливость, на одном лишь упрямстве заставляя себя бегать дольше, дальше, всякий раз стараясь побить свой вчерашний рекорд и не давая себе передышки. Такой она была с детства — ниже своих сверстниц, но упорнее. Всю жизнь Эмма боролась, но чаще всего ей приходилось бороться с собой.

«Я совершила ошибку. И мой пациент умер».

Пот пропитал футболку Эммы, а на груди образовалось большое влажное пятно. Мышцы икр и бедер уже не просто болели. Их сводило, они грозили не выдержать давления ограничительных ремней.

Чья-то рука потянулась к выключателю дорожки. Полотно резко остановилось. Эмма подняла голову и встретилась взглядом с Лютером.

— Мне кажется, Уотсон, тебе уже хватит, — спокойно произнес он.

— Еще нет.

— Ты тренируешься уже больше трех часов.

— Я только начала, — мрачно проговорила она.

Она щелкнула переключателем, и снова подошвы кроссовок застучали по движущемуся полотну.

Некоторое время, плавая на уровне ее глаз, Лютер безотрывно наблюдал за ней. Эмма ненавидела, когда за ней наблюдают, а в это мгновение ненавидела даже Лютера: она боялась, что астронавт заметил ее боль и презрение к самой себе.

— Может, проще сразу размозжить себе голову о стену? — предложил он.

— Проще. Но не так болезненно.

— Понял. Наказание — это когда больно, да?

— Да.

— А что изменится, если я скажу тебе, что все это чушь? Потому что это действительно чушь. Пустая трата энергии. Кеничи умер, потому что был болен.

— Я должна была его вылечить.

— Ты не смогла спасти его и теперь считаешь себя главной бестолочью в отряде, да?

— Да.

— Ты ошибаешься. Потому что этот титул я заработал раньше тебя.

— Соревноваться, что ли, будем?

Он опять отключил дорожку. И снова полотно замерло. Лютер посмотрел Эмме в глаза таким же, как и у нее, сердитым взглядом.

— Помнишь мой прокол? На «Колумбии»?

Эмма ничего не ответила, да и не нужно было. Об этом в НАСА помнили все. Это произошло четыре года назад во время полета, целью которого был ремонт околоземного спутника-ретранслятора. Именно Лютер должен был обеспечить возвращение аппарата на орбиту по окончании ремонтных работ на борту шаттла. Все шло по плану. В нужный момент был произведен выброс спутника из грузового отсека, и экипаж некоторое время следил, как он уплывает от МКС. Ракетные двигатели тоже заработали точно по расписанию, унося аппарат на нужную высоту.

И вдруг спутник перестал отвечать на команды. Он стал мертвым телом, куском мусора стоимостью несколько миллионов долларов, наматывающим виток за витком вокруг Земли. Кто был виноват в этом?

Почти сразу вина легла на плечи Лютера Эймса. В частной фирме, которой принадлежал спутник, заявили, что Лютер поспешил с выбросом спутника, забыв ввести необходимые коды или упустив еще что-нибудь. Лютер настаивал, что коды он ввел и что его сделали козлом отпущения из-за ошибок, допущенных производителями спутника. Широкой огласки эта история почти не получила, но внутри НАСА о ней знали все. Лютер перестал получать назначения на новые запуски и стал «астронавтом-призраком» — он оставался в отряде, но его не замечали те, кто формирует экипажи.

Все осложнял еще и тот факт, что Лютер был черным.

Три года он прозябал в безвестности, и его негодование росло. Только поддержка близких друзей из числа астронавтов — особенно Эммы — удерживала его в отряде. Он знал, что не совершал ошибки, но в НАСА ему верили немногие. У него за спиной шептались. Кое-кто указывал на Лютера, как на доказательство того, что этнические меньшинства — люди второго сорта. Он боролся за свое положение, даже когда подступало отчаяние.

Затем правда открылась. Спутник действительно оказался бракованным. Лютера Эймса официально оправдали. Не прошло и недели, как Гордон Оби предложил ему назначение: четырехмесячный полет на борту МКС.

Но Лютер до сих пор ощущал это пятно на своей репутации и понимал чувства Эммы.

Он приблизился почти вплотную к Эмме, но ей тяжело было видеть Лютера.

— Ты не идеальна, верно ведь? Все мы люди. — Он замолчал и сухо добавил: — Ну, возможно, кроме Дианы Эстес.

Сама того не желая, она рассмеялась.

— Наказание закончено. Пора жить дальше, Уотсон.

Дыхание восстановилось, но сердце продолжало колотиться: она все еще злилась на себя. Лютер был прав — нужно жить дальше. Пора заняться последствиями совершенных ошибок. Нужно передать в Хьюстон последний отчет: медицинскую сводку, течение болезни, диагноз, причину смерти. «Врачебная бестолочь».

— Стыковка с «Дискавери» через два часа, — сообщил Лютер. — Тебе нужно кое-что сделать.

Спустя мгновение она, кивнув, отстегнула ремни-ограничители. Пора заняться делом — катафалк уже в пути.

7 августа

Упакованный в пластиковый мешок труп медленно вращался в сумраке станции. Окруженное хаосом из ненужного оборудования и запасных канистр с литием, тело Кеничи, словно пришедшая в негодность вещь, было спрятано в старой капсуле «Союз». Уже больше года «Союз» находился в нерабочем состоянии; экипаж станции использовал его рабочий отсек для хранения старого хлама. Пусть это казалось пренебрежительным по отношению к Кеничи, но экипаж был слишком потрясен его смертью. Астронавтам было бы морально тяжело постоянно видеть его труп, плавающий в одном из модулей, где они работают или спят.

Эмма обратилась к командиру Киттреджу и врачу О'Лири с шаттла «Дискавери»:

— Я герметично упаковала тело сразу после наступления смерти, — сообщила она. — С тех пор его не трогали. — Она замолчала и снова посмотрела на труп.

Саван из черного пластика был настолько просторным, что скрывал очертания человеческого тела.

— Вы оставили трубки? — спросил О'Лири.

— Да. Две капельницы, эндотрахеальную и назогастральную трубки.

Эмма оставила все, как было: она знала — патологоанатомы, проводящие вскрытие, требуют, чтобы на трупе ничего не трогали.

— Я передаю все гемокультуры и образцы, которые мы у него забирали. Все.

Киттредж мрачно кивнул.

— Ну, приступим.

Эмма отстегнула ремень и потянулась за телом. Оно казалось одеревеневшим и раздутым, словно ткани уже подверглись анаэробному разложению. Ей не хотелось думать о том, как Кеничи выглядит под слоем черного пластика.

Это была молчаливая процессия, мрачная, как похоронный кортеж, — астронавты двигались словно призраки, сопровождая тело по длинным переходам модулей. Киттредж и О'Лири плыли впереди, мягко направляя тело через люки. За ними следовали Джилл Хьюитт и Энди Мерсер. Все молчали. Корабль пристыковался полтора дня назад, Киттредж и его экипаж прибыли на станцию с улыбками и объятиями, свежими яблоками, лимонами и долгожданным экземпляром воскресной «Нью-Йорк таймс». Это была старая команда Эммы, люди, с которыми она целый год готовилась к полету, и она радовалась им, как родным. Теперь встреча завершилась, и на борт «Дискавери» нужно было переправить последний груз, который, словно призрак, приближался к стыковочному модулю.

Киттредж и О'Лири пронесли тело через люк и разместили на средней палубе «Дискавери». До посадки тело будет находиться здесь, в том месте, где спал и ел экипаж шаттла. О'Лири уложил труп на одну из горизонтальных спальных коек. До запуска эта койка была переналажена так, чтобы на ней можно было разместить тяжелобольного пациента. Теперь же она использовалась как временный гроб для трупа.

— Тело не помещается, — заметил О'Лири. — Похоже, оно слишком раздулось. Труп находился в жаре? — Он посмотрел на Эмму.

— Нет. В «Союзе» поддерживается стабильная температура.

— Так вот в чем дело, — догадалась Джилл. — Мешок застрял в вентиляционном проеме. — Она высвободила пластик. — Попробуй еще раз.

На этот раз тело уместилось. О'Лири закрыл панель так, чтобы никому не пришлось смотреть на ее содержимое.

Затем последовала грустная церемония прощания двух экипажей. Киттредж обнял Эмму и прошептал:

— В следующем полете, Уотсон, ты первая в моем списке.

Когда они разомкнули объятия, Эмма заплакала.

Все закончилось традиционным рукопожатием двух командиров — Киттреджа и Григгса. Эмма в последний раз взглянула на экипаж шаттла — родной экипаж, — помахала им на прощание, и люки закрылись. Еще двадцать четыре часа «Дискавери» будет пристыкован к МКС. Все это время экипаж будет отдыхать и готовиться к расстыковке, однако из-за герметично закрытых люков контактов между станцией и шаттлом уже

не будет. Теперь экипажи снова находятся на двух разных космических кораблях, временно сомкнувшихся друг с другом, словно две стрекозы в брачном танце.

Пилот Джилл Хьюитт не могла заснуть.

Прежде она никогда не страдала бессонницей. Даже в ночь перед стартом ей удалось выспаться — она верила в то, что на следующий день удача не изменит ей. Джилл гордилась, что не пьет снотворное. Таблетки — средство для нервных девиц, которые сходят с ума от мрачных предчувствий. Для невротиков и тех, кто страдает от навязчивых мыслей. В свою бытность военно-морской летчицей Джилл не раз бывала на волосок от смерти. Она летала в Ирак, сажала подбитый реактивный самолет на раскачивающийся авианосец, катапультировалась над штормовым морем. Ей так часто удавалось обманывать смерть, считала Джилл, что та наверняка уже сдалась и убралась восвояси несолоно хлебавши. Так что по ночам Хьюитт спала хорошо.

Но сегодня сон не приходил. Все из-за трупа на борту.

Никто не хотел спать возле него. Хотя перегородка закрыта, а тела не видно, все чувствуют его присутствие. Рядом бродила смерть, ее тень присутствовала за ужином — экипаж даже прекратил свои обычные шутки. Смерть стала пятым членом их команды, пусть и нежеланным.

Словно избегая мертвого тела, Киттредж, О'Лири и Мерсер отказались ночевать в привычных спальных отсеках и перебрались в кабину экипажа. Только Джилл осталась на средней палубе, доказывая мужчинам, что она не так брезглива, как они, и что ей, женщине, труп не помеха.

Но теперь, в приглушенном свете она вдруг поняла: сон не идет. Она продолжала думать о том, что находилось за закрытой панелью. О живом Кеничи Хираи.

Она прекрасно помнила этого человека — бледного тихоню с черными, жесткими как проволока волосами. Однажды на тренировке в невесомости она случайно коснулась его волос и удивилась — они казались колючими, как щетина у хряка. Джилл задумалась о том, как он выглядит сейчас. И ощутила внезапный приступ нездорового любопытства: ей стало интересно, как выглядит сейчас его лицо, какие изменения внесла смерть. В детстве подобное любопытство заставляло ее тыкать палочкой трупики животных, которые иногда попадались ей в лесу.

Джилл решила перебраться подальше от тела.

Она перетащила свой спальный мешок к левому борту и закрепила его у лестницы, ведущей в кабину экипажа. Это самый дальний угол — пристроившись в нем, она по-прежнему оставалась на одной палубе с трупом. Джилл снова застегнула мешок. Утром ей понадобятся каждый рефлекс и каждая клеточка мозга, ведь, совершая вход в атмосферу и сажая корабль, ей придется работать с максимальной отдачей. Усилием воли она заставила себя погрузиться в транс.

И уже спала, когда из пластикового мешка, в котором лежало тело Кеничи Хираи, потек ручеек переливающейся жидкости.

Сначала через крошечную дырочку в пластике, возникшую, когда мешок застрял, просочилось всего несколько блестящих капель.

За пару часов давление выросло, а пластиковый мешок начал медленно надуваться, так как его содержимое разбухало. Дырка увеличилась, и из нее потек переливчатый ручеек. Проникнув через вентиляционные отверстия койки, ручеек разделился на сине-зеленые капли, которые, танцуя в невесомости, сливались в большие пузыри и колыхались в тусклом свете отсека. Блестящая жидкость продолжала вытекать. Крупные капли разлетелись по палубе, влекомые слабыми потоками циркулирующего воздуха. Капли подобрались к расслабленному телу Джилл Хьюитт; она спала и не подозревала ни о странной дымке, проникавшей в ее легкие, ни о капельках, которые, словно конденсат, оседали у нее на лице. Она слегка пошевелилась, чтобы смахнуть каплю, щекотавшую ее щеку, и переливчатая жидкость подползла к ее глазу.

Воздушные потоки увлекли капли через проход в полутемную кабину экипажа, где в расслабленной невесомости покачивались трое спящих мужчин.

12

8 августа|

Днем ранее над восточными Карибами начала образовываться зловещая воронка. Все началось с небольшой облачности, легкой ряби облаков — испарений обжигаемого солнцем экваториального моря. Разбиваясь о фронт холодного воздуха с севера, облака начали вращаться, закручиваться вокруг сухого центра. В конце концов они сформировали четко выраженную спираль, которая, казалось, увеличивается на каждой последующей картинке геостационарного спутника. Национальная

метеорологическая служба НУОА[25] наблюдала за ней с момента зарождения в восточной части Кубы и ее перемещениями в неопределенном направлении. Были получены самые последние буйковые данные, а также температура, скорость и направление ветра. Эти сведения были подтверждены тем, что теперь видели метеорологи на экранах компьютеров.

Тропический шторм двигался на северо-запад, к Флориде.

Таких новостей и боялся руководитель полета Рэнди Карпентер. Погода могла помешать решению технических проблем. Вызвать множественные неполадки в системе. Но против матушки природы люди бессильны. Главной задачей совещания руководителей полета этим утром было принятие решения по уходу шаттла с орбиты: расстыковка челнока и уход с орбиты планировались через шесть часов. Совещание по погоде все изменило.

— Группа космической метеорологии НУОА сообщает, что тропический шторм движется на северо-северо-запад, направляясь к Флорида-Кис, — объявил метеоролог. — Радар авиабазы Патрик и доплеровский радиолокатор Национальной метеорологической службы в Мельбурне показывают радиальную скорость ветра до шестидесяти пяти узлов, а также усиление дождя. Радиозонд и ветровой зонд «Джимсфер» подтверждают сведения. Сеть электромагнитных датчиков на мысе Канаверал, так же как и лидары, показывает усиление грозовой активности. Эти погодные условия, вероятно, продлятся еще сорок восемь часов. Если не больше.

— Другими словами, — произнес Карпентер, — мы сажаем шаттл не в Кеннеди.

— Кеннеди явно отпадает. Во всяком случае на ближайшие три-четыре дня.

Карпентер вздохнул.

— Хорошо, будем думать. Как насчет Эдвардс?

Авиабаза Эдвардс, находящаяся в долине на востоке Сьерра-Невады в Калифорнии, была не лучшим выбором. Посадка в Эдвардс задерживает подготовку и разгрузку-загрузку шаттла для следующего полета, потому что челнок нужно прежде всего доставить обратно в Кеннеди, посадив его верхом на «Боинг-747».

— К сожалению, — сказал метеоролог, — с авиабазой Эдвардс тоже проблемы.

У Карпентера засосало под ложечкой. Он почувствовал, что это — начало цепи нехороших событий. Для него, ведущего руководителя полета шаттла, анализ каждого происшествия — личная задача; ему нужно было выяснить, в чем причина. Опираясь на прошлый опыт, он обдумывал в обратном порядке ход событий, ставших результатом неверных, но, как тогда казалось, безопасных решений. Иногда все начиналось еще на производстве, с рассеянного техника, который не подключил панель. Черт, даже такое большое и дорогостоящее оборудование, как линзы телескопа Хаббл, начало подводить с самого начала.

Теперь он не мог отделаться от ощущения, что позже ему придется мысленно прокручивать это собрание в обратном порядке и спрашивать себя: «Что я должен был сделать по-другому? Что я мог сделать для предотвращения катастрофы?»

— Каковы условия на Эдвардс? — поинтересовался он.

— В настоящее время облака там на высоте две тысячи метров.

— Это автоматически отменяет посадку.

— Правильно. То же и в солнечной Калифорнии. Но есть вероятность частичного просвета в ближайшие двадцать четыре — тридцать шесть часов. Возможно, приемлемые условия для посадки у нас появятся, если мы подождем. Иначе придется сажать их в Нью-Мексико. Мы только что проверили по ИСИМ,[26] и Белые Пески нам подходят. Безоблачное небо, встречный ветер от пяти до десяти узлов. Прогноз погоды благоприятный.

— Так что нужно выбирать, — сказал Карпентер. — Либо ждать, пока небо над Эдвардс не прояснится, либо посадить шаттл в Белых Песках.

Он оглядел остальных членов команды, ожидая их решения.

— Они еще наверху, — проговорил один из руководителей программы. — Они могут оставаться пристыкованными к МКС, сколько потребуется, пока не улучшится погода. Я не вижу необходимости срочно возвращать их на Землю и сажать шаттл там, где не слишком для нас удобно.

«Не слишком удобно» — это еще мягко сказано. База Белые Пески, по большому счету, — всего лишь уединенная взлетно-посадочная полоса, оборудованная цилиндрами выравнивания курса.

— Речь идет о том, чтобы вернуть тело на землю как можно скорее, — вмешался Тодд Катлер. — Пока оно пригодно для вскрытия.

— Мы помним об этом, — ответил руководитель программы. — Но давайте рассмотрим отрицательные аспекты. Возможности Белых Песков ограниченны. Гражданского медицинского обеспечения там просто нет — а вдруг у нас возникнут проблемы с посадкой? В общем, учитывая все обстоятельства, я предлагаю подождать, пока не улучшится погода над Кеннеди. А с точки зрения логистики Кеннеди — самый оптимальный вариант для выполнения программы. Там можно максимально быстро разгрузить шаттл и подготовить его для следующего полета. Тем временем — это займет несколько дней — экипаж будет оставаться на МКС. Станция станет для них своего рода космическим отелем.

Несколько руководителей программ закивали. Все выбрали самый консервативный подход. Экипаж в безопасности там, где он находится сейчас; необходимость вернуть на Землю тело Хираи в свете проблемной посадки в Белых Песках отодвигалась на второй план. Карпентер подумал: из всех вариантов развития событий, которые он предчувствовал, самое страшное — катастрофа при посадке в Белых Песках. Он прокрутил в голове вопросы, которые задал бы сам, анализируя решения другого руководителя полета: «Почему не подождали улучшения погоды? Почему поспешили вернуть их на Землю?»

Правильное решение уменьшает риск, но отвечает задачам полета.

Он выбрал золотую середину.

— Три дня отсрочки — это слишком долго, — сказал он. — Так что Кеннеди не подходит. Давайте выберем Эдвардс. Быть может, завтра небо расчистится. — Он посмотрел на метеоролога. — Сделай так, чтобы облачность исчезла.

— Это я мигом, — ответил тот. — Только спляшу танец дождя задом наперед.

Карпентер посмотрел на часы, висевшие на стене.

— Ладно, подъем экипажа через четыре часа. Тогда и сообщим им, что в настоящий момент они не могут вернуться домой.

9 августа

Джилл Хьюитт проснулась от удушья. В первый момент она решила, что тонет и с каждым вдохом наполняет легкие водой. Джилл открыла глаза и увидела, что ее окружило нечто, напоминающее стаю медуз. Она закашлялась, потом ей удалось глубоко вдохнуть, и она снова закашляла. От ее кашля медузы разлетелись в разные стороны.

Джилл вылезла из спального мешка и включила свет в отсеке. И стала в изумлении разглядывать мерцающий воздух.

— Боб! — закричала она. — У нас что-то протекло!

Она слышала, как О'Лири в кабине экипажа произнес:

— Боже, что это такое?

— Надеть маски! — приказал Киттредж. — Пока не выясним, не токсично ли это.

Джилл открыла шкафчик первой помощи, вытащила оттуда защитный комплект, и, когда те спустились на среднюю палубу, сунула маски и очки Киттреджу, О'Лири и Мерсеру. Времени одеться не было; на всех было только белье, все только что проснулись.

Нацепив маски, они рассматривали плавающие вокруг сине-зеленые шарики.

Мерсер протянул руку и поймал один из них.

— Странно, — удивился он, растерши шарик между пальцами. — На ощупь он плотный. Вязкий. Словно какая-то слизь.

Врач О'Лири поймал другой шарик и поднес его к защитным очкам, чтобы получше рассмотреть.

— Это не жидкость.

— А мне кажется жидкостью, — возразила Джилл. — Ведет себя как жидкость.

— Но оно скорее студенистое. Почти как...

Когда раздалась громкая музыка, все вздрогнули. Бархатный голос Элвиса Пресли и его песня «Синие замшевые туфли». Побудка из Центра управления полетом.

— Доброе утро «Дискавери», — раздался бодрый голос Капкома. — Пора вставать, ребята!

— Капком, мы уже встали, — отозвался Киттредж. — У нас тут странная ситуация.

— Ситуация?

— В кабине какая-то протечка. Мы пытаемся определить, что это такое. Некая вязкая субстанция молочно-сине-зеленого цвета. Очень похоже на маленькие плавающие опалы. Она разлетелась по всем палубам.

— Вы надели маски?

— Так точно.

— Вы знаете, откуда протечка?

— Ни малейшего понятия.

— Ладно, мы немедленно связываемся с СРОСОЖ.[27] Может, там знают, что это.

— Что бы это ни было, на ядовитое вещество не похоже. Мы все спали, когда оно распространилось в воздухе. Пока никто из нас не чувствует себя плохо.

Киттредж обвел взглядом свой экипаж в масках, и все утвердительно закивали.

— У него есть запах? — спросил Капком. — СРОСОЖ хочет знать, не является ли источником система сбора отходов.

Джилл ощутила приступ тошноты. Что если это вещество, которое они вдыхали, в котором плавали, утечка из туалета?

— Полагаю, кому-то из нас придется это понюхать, — проговорил Киттредж. Он оглядел членов экипажа, все отвели взгляд. — Ого, сколько желающих, — пробормотал он и наконец поднял маску. Он растер шарик в пальцах и понюхал. — Не думаю, что это нечистоты. Также нет запаха химикатов. По крайней мере примесей нефти не чувствуется.

— На что похож запах? — спросил оператор.

— Какой-то рыбный. Словно слизь форели. Может, что-то с кухни?

— Или утечка из полезного груза, из какого-нибудь научного эксперимента. Вы везете несколько выполненных экспериментов с МКС. У вас аквариума на борту нет?

— Похоже на лягушачью икру. Мы осмотрим груз, — сказал Киттредж. Он оглядел каюту, стены которой были покрыты блестящими наростами. — Эта штука осела на всех поверхностях. Придется заняться уборкой. Похоже, возвращение откладывается.

— Да, «Дискавери», мне неприятно сообщать вам эти новости, — снова заговорил Капком, — но возвращение откладывается при любых обстоятельствах. Вам придется еще посидеть там, наверху.

— Какова причина?

— У нас тут плохая погода. В Кеннеди встречный ветер до сорока узлов, ожидается гроза. С юго-востока движется тропический шторм. Он уже натворил бед в Доминиканской Республике и направляется к Флорида-Кис.

— Как насчет базы Эдвардс?

— Оттуда сообщают о плотной облачности на высоте двух тысяч метров. Небо должно расчиститься в ближайшие несколько дней. Так что, если твои ребята не жаждут приземлиться в Белых Песках, мы рассматриваем отсрочку по крайней мере на тридцать шесть часов. Вы можете открыть люки и перейти в МКС.

Киттредж проводил взглядом проплывавшие шарики.

— Ответ отрицательный, Капком. Мы можем загрязнить станцию. Нам нужно все убрать.

— Вас понял. Здесь врач, он ждет подтверждения, что ваш экипаж не испытывает неблагоприятного воздействия. Так ли это?

— Протечка, похоже, безвредная. Ни у кого нет никаких симптомов. — Он отбил слипшуюся массу шариков, и они разлетелись, словно рассыпавшиеся жемчужины. — Они даже симпатичные. Но могут загрязнить нашу электронику, так что лучше мы займемся уборкой.

— «Дискавери», мы обновим данные о погоде, как только она изменится. А теперь беритесь за тряпки и ведра.

— Ага, — рассмеялся Киттредж. — Зовите нас небесной службой уборки. Мы даже иллюминаторы моем. — Он стянул маску. — Думаю, можно их снять.

Джилл сняла маску и очки и скользнула к шкафчику с аварийным снаряжением. И тут заметила пристальный взгляд Мерсера.

— В чем дело? — спросила она.

— Твой глаз... что с ним?

— А что с моим глазом?

— Лучше сама посмотри.

Она проплыла в отсек для умывания. Глянув в зеркало, она пришла в ужас. Склера глаза была кроваво-красной. Не просто несколько лопнувших сосудиков, а абсолютно красная склера.

— Господи, — пробормотала Джилл, ужаснувшись своему отражению. «Я пилот. Я не могу без глаз. А тут вместо глаза мешок с кровью».

О'Лири развернул ее к себе за плечи и осмотрел глаз.

— Да ничего страшного, — успокоил он. — Всего лишь кровоизлияние в склеру.

— Всего лишь?

— Немного крови попало в белок глаза. Выглядит страшнее, чем есть на самом деле. Все пройдет само и не повлияет на зрение.

— Отчего это?

— Возможно, из-за резких перемен внутричерепного давления. Иногда, чтобы сосудики лопнули, достаточно сильного кашля или рвоты.

Она с облегчением вздохнула.

— Должно быть, так оно и есть. Я проснулась от кашля из-за этих пузырей.

— Видишь? Не о чем беспокоиться. — Он легонько хлопнул ее по плечу. — Пятьдесят баксов. Следующий!

Успокоенная Джилл повернулась обратно к зеркалу. «Это всего лишь небольшое кровотечение, — подумала она. — Ничего серьезного». Но отражение пугало ее. Один глаз нормальный, а другой — злобный, ярко-красный. Какой-то неземной. Дьявольский.

10 августа

— Вот ведь чертовы гости, — сказал Лютер. — Мы уже и дверь за ними закрыли, а они все не хотят уходить.

Все сидевшие на кухне рассмеялись, даже Эмма. В последние несколько дней на борту МКС было невесело, и приятно было слышать, что люди снова шутят. После перемещения тела Кеничи в «Дискавери» настроение у всех вроде бы улучшилось. Мешок с его трупом постоянно напоминанал о смерти, и Эмма испытала облегчение, что ей больше не придется сталкиваться со свидетельством собственной ошибки. Она снова могла сконцентрироваться на работе.

И даже могла смеяться над шутками Лютера, хотя предмет его острот — отсрочка расстыковки — казался не особенно смешным. Это усложнило их день. Они ожидали, что «Дискавери» покинет станцию раньше, еще вчера утром. Прошел целый день, а корабль все еще был пристыкован и не собирался покидать МКС как минимум еще двенадцать часов. Неопределенное время расстыковки нарушало и рабочее расписание станции. Расстыковка — это не просто отделение от МКС корабля, который после этого улетает. Это осторожный танец двух огромных объектов, которые несутся на скорости двадцать восемь тысяч километров в час, требующий взаимодействия экипажей корабля и МКС. Во время расстыковки программному обеспечению системы управления космической станцией нужно на время изменить конфигурацию компьютеров, а потому экипаж вынужден приостановить большую часть своей исследовательской деятельности. Всем придется сконцентрироваться на расстыковке.

На том, чтобы не допустить катастрофы.

И вот теперь облачность над авиабазой в Калифорнии отложила расстыковку, нарушив распорядок дня станции. Но такова особенность космических полетов — с уверенностью можно предсказать лишь то, что полет будет непредсказуемым.

Пузырь виноградного сока проплыл в опасной близости от головы Эммы. «А здесь тем более ничего предсказать невозможно», — подумала она, со смехом наблюдая, как Лютер с соломинкой в руке погнался за пузырем. Стоит только на мгновение отвлечься, и какой-нибудь необходимый инструмент или добрая порция сока уже уплыли. Без гравитации незакрепленные предметы может унести куда угодно.

С подобным явлением и столкнулся экипаж «Дискавери».

— Эта дрянь заляпала весь блок ЦАПа[28] в хвостовой части, — услышала Эмма голос Киттреджа. Командир «Дискавери» разговаривал с Григгсом по подсистеме связи между космическими кораблями. — Мы все еще пытаемся очистить тумблеры, но когда эта штука высыхает, она превращается в густую слизь. Остается надеяться, что она не закупорила порты данных.

— Вы нашли источник? — поинтересовался Григгс.

— Мы нашли небольшую трещину в камере с рыбами-жабами. Но непохоже, чтобы оттуда что-то текло — во всяком случае это вряд ли заполнило бы весь отсек.

— Откуда еще это могло вытечь?

— Мы проверили кухню и туалет. Из-за уборки у нас не было возможности обнаружить источник. Понятия не имею, что это может быть. Похоже на лягушачью икру. Округлые гроздья, слипшиеся в зеленую массу. Видел бы ты мой экипаж — мы словно охотники за привидениями. Да еще красный дьявольский глаз Хьюитт. Страшно смотреть.

«Дьявольский красный глаз»?

Эмма повернулась к Григгсу.

— Что с глазом Хьюитт? — спросила она. — Я ничего об этом не знаю.

Григгс передал вопрос «Дискавери».

— Просто кровоизлияние в склеру, — ответил Киттредж. — О'Лири говорит, ничего серьезного.

— Дай мне поговорить с Киттреджем, — попросила Эмма.

— Пожалуйста.

— Боб, это Эмма, — сказала она. — Откуда у Джилл это кровоизлияние?

— Вчера она проснулась от кашля. Мы думаем, что причина в этом.

— У нее нет болей в животе? Голова не болит?

— Некоторое время назад она действительно жаловалась на головную боль. А еще у всех нас болят мышцы. Но мы тут работаем, как лошади.

— Тошнота? Рвота?

— У Мерсера расстройство желудка. А что?

— У Кеничи тоже было кровоизлияние в склеру.

— Но в этом же ничего страшного нет, — возразил Киттредж. — Так говорит О'Лири.

— Нет, меня беспокоит совокупность симптомов, — сказала Эмма. — Болезнь Кеничи началась с рвоты и кровоизлияния в склеру. Затем боль в животе. Головная боль.

— Ты хочешь сказать, это что-то вроде инфекции? Тогда почему ты не заболела? Ты ведь за ним присматривала.

Хороший вопрос. Эмма не могла на него ответить.

— О каком заболевании идет речь? — спросил Киттредж.

— Я не знаю. Могу сказать только, что Кеничи потерял трудоспособность через сутки после появления первых симптомов. Вам, ребята, надо отстыковаться и сейчас же отправляться домой. До того как кто-нибудь на «Дискавери» заболеет.

— Нет, мы не можем. На авиабазе Эдвардс облачность.

— Тогда Белые Пески.

— Сейчас это не лучшая альтернатива. У них проблемы с ТАКАНом.[29] Да ладно, мы себя прекрасно чувствуем. Только дождемся хорошей погоды. Это произойдет не позднее чем через двадцать четыре часа.

Эмма посмотрела на Григгса.

— Я хочу поговорить с Хьюстоном.

— Они не станут рисковать и сажать их в Белых Песках только из-за того, что у Хьюитт покраснел глаз.

— Возможно, это серьезней, чем просто кровоизлияние в склеру.

— Как они умудрились заразиться от Кеничи? Они ведь не контактировали с ним.

«Труп, — подумала она. — На корабле его труп».

— Боб, — позвала она. — Это снова Эмма. Я хочу, чтобы вы проверили мешок.

— Что?

— Нет ли дыры в саване Кеничи.

— Ты же сама видела, что он закрыт герметично.

— Ты уверен, что с мешком ничего не случилось?

— Ладно, — вздохнул он. — Должен признать, мы не проверяли тело с тех пор, как его переправили на борт. Наверно, мы все немного побаиваемся его. Мы закрыли спальную панель, чтобы не смотреть на него.

— Как выглядит саван?

— Сейчас, я пытаюсь открыть панель. Кажется, она немного залипла, но… — последовало молчание. Затем Киттредж пробормотал: — Боже!

— Боб!

— Жидкость вытекает из мешка!

— Что это? Кровь, сыворотка?

— Мешок прорвался. Я вижу, как из него течет! Что течет?

На заднем плане Эмма слышала голоса других членов экипажа. Громкие стоны отвращения, кого-то стошнило.

— Как следует упакуйте его. Упакуйте его! — крикнула Эмма.

Но ей не ответили.

— Его тело словно каша, — проговорила Джил Хьюитт. — Словно он… растворился. Мы должны выяснить, что с ним происходит.

— Нет! — закричала Эмма. — «Дискавери», не открывайте мешок!

К ее облегчению, наконец ответил Киттредж:

— Понял тебя, Уотсон. О'Лири герметично упаковал его. Больше это… эта штука… не вытечет.

— Может, лучше выбросить тело, — предложила Джилл.

— Нет, — ответил Киттредж. — Оно нужно для вскрытия.

— Что это за жидкость? — спросила Эмма. — Боб, ответь!

Молчание. Затем он произнес:

— Я не знаю. Но, надеюсь, она не заразная. Потому что мы все контактировали с ней.

Хамфри, словно тучный паша, развалился на груди Джека. Тринадцать килограммов жира и меха. «Этот кот решил меня убить», — подумал Джек, глядя в злобные зеленые глаза Хамфри. Едва Джек заснул на диване, как в следующую секунду — впечатление было именно такое — тонна кошатины рухнула ему на ребра, вытесняя воздух из легких.

Урча, Хамфри вонзил когти Джеку в грудь.

Джек с воплем отшвырнул его, и кот грузно приземлился на все четыре лапы.

— Иди полови мышей, — пробормотал Джек и перевернулся, чтобы снова заснуть, но не тут-то было.

Хамфри принялся мяукать, требуя еды. Зевая, Джек сполз с дивана и побрел на кухню. Когда он открыл шкаф, где хранилась кошачья еда, Хамфри замяукал еще громче. Джек наполнил его миску сухим кормом и некоторое время с отвращением наблюдал, как ест это чудовище. Было уже три часа дня, однако Джек так и не сумел выспаться. Всю ночь он просидел за пультом врача в Центре управления полетом, а потом пришел домой и, устроившись на диване, принялся просматривать документацию по СРОСОЖ. Он снова был в игре и чувствовал это. Ему даже приятно было продираться сквозь скучнейшие наставления по подготовке руководителей полетных операций. Однако усталость в конце концов одолела его, и около полудня Джек, обложенный стопками инструкций, задремал.

Миска Хамфри уже наполовину опустела. Невероятно. Когда Джек повернулся, чтобы уйти, зазвонил телефон. Это был Тодд Катлер.

— Мы собираем медперсонал для встречи «Дискавери» в Белых Песках, — сообщил он. — Самолет вылетает из Эллингтона через тридцать минут.

— Почему в Белых Песках? Я думал, что «Дискавери» подождет, пока над Эдвардс рассеется облачность,

— На борту возникла проблема медицинского характера, и нет времени ждать, пока небо прояснится. Через час они сойдут с орбиты. Запланируйте меры безопасности на случай инфекции.

— Какой еще инфекции?

— Пока не определили. Но не хотим рисковать. Ты с нами?

— Да, с вами, — ответил Джек, ни секунды не колеблясь.

— Тогда шевелись, а то опоздаешь на самолет.

— Подожди. Кто пациент? Кто заболел?

— Все, — ответил Катлер. — Весь экипаж.

13

«Угроза заражения. Экстренный уход с орбиты. С чем же нам пришлось столкнуться?»

Ветер гнал по гудрону пыль, а Джек бежал по ней к ожидающему самолету. Щурясь, чтобы она не попала в глаза, он взобрался по трапу и вошел в самолет. Это был пятнадцатиместный «Гольфстрим IV», один из прочных и надежных аппаратов, которые НАСА использовала для перевозки персонала между удаленными друг от друга центрами управления. На борту был уже с десяток пассажиров, включая нескольких медсестер и врачей из Клиники космической медицины. Некоторые из них приветственно помахали Джеку.

— Мы взлетаем, сэр, — объявил второй пилот. — Так что, будьте любезны, пристегнитесь.

Джек сел у иллюминатора в передней части салона.

Рой Блумфилд оказался последним пассажиром, ступившим на борт самолета; его ярко-рыжие волосы взъерошил ветер. Как только Блумфилд занял свое место, второй пилот закрыл люк.

— Тодд не летит? — спросил Джек.

— Он будет управлять посадкой с пульта. Похоже, нам отвели роль ударных войск.

Самолет начал выруливать на полосу. Нельзя было терять ни минуты — до Белых Песков полтора часа лёта.

— Ты знаешь, что происходит? — осведомился Джек. — Я без понятия.

— Я получил краткую информацию. Знаешь, что протекло вчера на «Дискавери»? Ну, что они никак не могли определить? Выяснилось, что это жидкость из мешка с телом Кеничи Хираи.

— Но этот мешок герметично закрыт. Как же произошла протечка?

— Пластик прорвался. Экипаж говорит, содержимое мешка выглядело так, словно было под давлением. В нем происходит нечто вроде ускоренного разложения.

— Киттредж говорит, что это вещество зеленого цвета и по запаху немного напоминает рыбу. Не слишком похоже на жидкости разложившегося трупа.

— Мы теряемся в догадках. Они снова герметично запаковали мешок. Нам придется дождаться посадки и выяснить, что там происходит. Мы впервые имеем дело с человеческими останками в условиях микрогравитации. Возможно, процесс разложения в этих условиях проходит по-другому. Быть может, анаэробные бактерии погибли, и поэтому гнилостного запаха нет.

— Насколько тяжело состояние экипажа?

— Хьюитт и Киттредж жалуются на сильную головную боль. Мерсера рвет без остановки, а у О'Лири боли в животе. Сколько здесь психологической составляющей, определить невозможно. Но эмоциональная реакция наверняка была — они ведь узнали, что наглотались разложившихся останков своего коллеги.

Психологический фактор, без сомнения, осложняет картину. Всякий раз во время вспышки пищевых отравлений среди пострадавших немало тех, кто на самом деле не подвергся действию яда. Но сила самовнушения настолько велика, что их рвет не слабее, чем реально заболевших.

— Им пришлось отложить расстыковку. В Белых Песках тоже проблемы — один из передатчиков ТАКАНа сигналит с ошибками. Для починки требуется несколько часов.

ТАКАН представлял собой систему наземных передатчиков, постоянно сообщающих шаттлу уточненные данные вектора состояния наведения.

— Теперь решили, что им больше нельзя ждать, — заметил Блумфилд. — За последний час состояние экипажа ухудшилось. У Киттреджа и Хьюитт кровоизлияния в склеры. Точно так же начиналось и у Хираи.

Самолет начал разбег перед взлетом. Рев двигателей оглушил их, а земля ушла из-под шасси. Джек крикнул сквозь шум:

— А что с МКС? На станции никто не заболел?

— Нет. Люки между станцией и кораблем были закрыты — они не хотели, чтобы жидкость попала на МКС.

— Значит, она распространилась только по «Дискавери»?

— Пока да, насколько нам известно.

«Значит, Эмма в порядке, — подумал он, с облегчением вздохнув. — Эмма в безопасности. Но, если зараза проникла на борт «Дискавери» вместе с телом Хираи, почему тогда экипаж станции не заболел?»

— Каково расчетное время прибытия шаттла? — поинтересовался он.

— Сейчас у них расстыковка. Включение двигателя через сорок пять минут, а посадка должна произойти около семнадцати ноль-ноль.

А это значит, что у наземных служб не так много времени на подготовку. Джек посмотрел в иллюминатор — самолет прорвался сквозь облака и окунулся в золотистое солнечное сияние. «Все против нас, — подумал он. — Экстренная посадка. Сломанный ТАКАН. Больной экипаж. И все это свяжется в один узел на взлетно-посадочной полосе на краю света».

У Джилл Хьюитт раскалывалась голова, глазные яблоки болели так сильно, что она едва могла сконцентрироваться на контрольной таблице расстыковки. За последний час боль прокралась в каждую мышцу ее тела, и казалось, будто кто-то вкручивает шурупы в спину и бедра. Обе склеры покраснели, у Киттреджа — тоже. Его глазные яблоки походили на мешки с кровью. Ярко-красные. Он тоже страдал от боли; она догадывалась об этом, глядя на то, как он двигается, медленно и осторожно поворачивая голову. Им обоим приходилось терпеть страшные мучения, но никто не осмелился сделать себе укол обезболивающего. Расстыковка и приземление требовали полной боевой готовности, и они не могли рисковать, пусть даже совсем чуть-чуть замедлив свою реакцию.

«Верни нас домой. Домой». Это заклинание пульсировало в мозгу Джилл, когда она изо всех сил старалась исполнять свои обязанности, когда пот пропитал ее футболку, а боль мешала сконцентрироваться.

Они торопливо прошли по пунктам контрольной таблицы ухода от станции. Джилл подсоединила кабель ноутбука к порту в хвостовой части корабля, загрузилась и запустила программу операций сближения и причаливания.

— Нет информации, — сообщила она.

— Что?

— Протечка, должно быть, загрязнила порт. Попробую подключиться к ИКМ[30] на средней палубе.

Она отсоединила кабель. Кости лица нестерпимо болели, но Джилл, прихватив компьютер, направилась к межпалубному проходу. Глаза так болели и пульсировали, что, казалось, они вот-вот вылезут из орбит. На средней палубе она увидела, что Мерсер успел подготовиться ко входу в атмосферу: он надел скафандр и пристегнулся к креслу. Сейчас он находился в отключке — возможно, от наркотических средств. О'Лири, также пристегнутый, был еще в сознании, но взгляд его блуждал. Джилл подплыла к порту данных на средней палубе и подключила компьютер.

Информация не поступала и здесь.

— Черт. Черт.

Изо всех сил стараясь сосредоточиться, Джилл вернулась в кабину экипажа.

— Не повезло? — спросил Киттредж.

— Я сменю кабель и снова попробую этот порт.

У нее так болела голова, что на глаза наворачивались слезы. Стиснув зубы, Джилл, вытащив кабель, заменила его новым. Перезагрузилась. Снова запустила программу операций сближения и причаливания.

На экране появился логотип программы: «ОСП».

На верхней губе Джилл выступил пот. Она начала вводить полетное время. Дни, часы, минуты, секунды. Пальцы еле слушались. Они казались вялыми и неуклюжими. Ей пришлось набирать цифры несколько раз. Наконец она выбрала «Расстыковка» и кликнула «ОК».

— Программа ОСП инициализирована, — с облегчением сообщила она. — Готова к обработке данных.

— Капком, мы отстыковываемся? — спросил Киттредж.

— «Дискавери», приготовиться.

Ожидание было мучительным. Джилл посмотрела на свои руки и увидела, что ее пальцы начинает сводить судорога: мышцы предплечья сокращались, словно под кожей извивался десяток червей. Как будто что-то живое пробивалось через ее плоть. Она пыталась удержать руку в неподвижном состоянии, но пальцы продолжали судорожно сжиматься

в мучительных спазмах. «Верните нас домой. Пока мы в состоянии управлять этой штукой».

— «Дискавери», — сказал Капком. — Разрешаю расстыковку.

— Вас понял. Цифровой автопилот в режиме «лоу-зед».[31] Есть расстыковка. — Киттредж с невероятным облегчением взглянул на Джилл. — Все, летим домой, — пробормотал он, ухватившись за ручное управление.

Руководитель полета Рэнди Карпентер стоял, словно статуя Колосса, не отрывая взгляд от главного экрана. Его мозг инженера спокойно оценивал сразу два потока информации — визуальные данные и переговоры по линии связи. Как всегда, Карпентер просчитывыл все на несколько шагов вперед. Стыковочный отсек разгерметизирован. Сейчас замки разомкнутся, и пружины мягко растолкнут корабль и станцию, отправив их в свободный дрейф отдельно друг от друга. Только когда между ними будет более пятидесяти сантиметров, включатся двигатели РСУ,[32] и корабль умчится прочь. В любой момент в этой непростой последовательности событий может что-нибудь засбоить, но для каждой возможной неполадки у Карпентера был аварийный план. Если замки стыковочного устройства не разомкнутся, сработают пиротехнические заряды, которые срежут болтовые крепления защелок. Если это не удастся, два члена экипажа МКС выйдут в открытый космос и удалят болты вручную. У них есть запасные планы на случай любого запасного плана. Они способны решить любую нештатную ситуацию.

По крайней мере такую, какую можно предсказать заранее. Чего Карпентер боялся, так это проблемы, о которой никто не подозревал. И теперь он задавал себе вопрос, который возникал у него в начале новой фазы любого полета: «К чему мы не готовы?»

— Стыковочные устройства успешно разъединились, — услышал он голос Киттреджа. — Замки расщелкнулись. Мы в свободном дрейфе.

Оператор полета рядом с Карпентером победно потряс кулаком в воздухе.

Карпентер думал о предстоящей посадке. Погода в Белых Песках была по-прежнему устойчивой, встречный ветер в пятнадцать узлов. Ко времени прибытия шаттла ТАКАН починят. Наземные службы уже собирались возле взлетно-посадочной полосы. Никаких дополнительных проблем Карпентер не видел, и все же он знал: с одной проблемой непременно придется столкнуться.

Вот такие мысли роились в его голове, однако на лице не отразилось ни намека на подобные размышления. Ни один из операторов полетов даже не заподозрил, что ужас Карпентера невыносим, словно желчь в горле.

Эмма и остальные члены экипажа, находившиеся на МКС, тоже наблюдали и ждали. Все исследования были временно приостановлены. Экипаж собрался в Ноде-1 у большого круглого иллюминатора, чтобы посмотреть, как массивный шаттл будет отстыковываться от станции. Григгс наблюдал за процессом на экране ноутбука, где рисовалось то же самое каркасное представление ОСП, на которое сейчас смотрели в Центре управления полетом в Хьюстоне.

Через иллюминатор Эмма увидела, как «Дискавери» начал потихоньку отдаляться, и с облегчением вздохнула. Челнок ушел в свободный дрейф, начав путь домой.

Врач О'Лири пребывал в наркотическом оцепенении. Он вколол себе пятьдесят миллиграммов демерола, чтобы притупить боль, — тогда можно пристегнуть Мерсера и подготовить кабину для входа в атмосферу. Но даже такая незначительная доза затуманивала сознание.

О'Лири сидел в кресле на средней палубе и был готов к сходу с орбиты. Окружающее то и дело расплывалось, словно он находился под водой. От света болели глаза, и он их закрыл. Некоторое время назад ему показалось, что поблизости проплыла Джилл Хьюитт с компьютером в руках. Теперь она исчезла, но он слышал ее напряженный голос в наушниках, а еще голоса Киттреджа и оператора. Они расстыковались.

Несмотря на туман в голове, О'Лири осознавал важность процесса, и ему было стыдно, что он пристегнут к креслу, словно инвалид, тогда как остальные члены экипажа в кабине пилота работают над тем, чтобы доставить их домой. Гордость не позволила ему оставаться в уютном сонном небытие; в глаза ударил в нестерпимо яркий свет средней палубы. О'Лири нащупал застежки и, когда ремни расстегнулись, выплыл из своего кресла. Средняя палуба вдруг пришла в движение, и ему пришлось снова закрыть глаза, чтобы сдержать внезапный приступ тошноты. «Борись, — мысленно приказал себе он. — Соберись. Ты всегда отличался выносливостью». Но он не смог заставить себя открыть глаза и вновь столкнуться с дезориентирующей невесомостью.

И тут он услышал какой-то звук. Что-то заскрипело совсем рядом с ним, и О'Лири решил, что это, должно быть, Мерсер пошевелился во сне.

О'Лири повернулся в направлении звука и обнаружил, что это не Мерсер. Это был саван с телом Кеничи Хираи.

Мешок раздулся и продолжал увеличиваться в размерах.

«Мои глаза, — подумал О'Лири. — С ними что-то не то».

Он поморгал и попробовал заново сфокусировать взгляд. Мешок по-прежнему казался распухшим, пластик вздулся на животе трупа. Несколько часов назад они залатали прореху; теперь давление внутри, должно быть, снова возросло.

Двигаясь словно во сне, О'Лири подплыл к койке, где находилось тело, и положил руку на вздувшийся мешок.

А потом в ужасе отдернул. В момент прикосновения он ощутил, что мешок вздулся, опал и снова надулся.

Труп пульсировал.

Пот выступил на верхней губе Джилл Хьюитт. Через верхний иллюминатор она наблюдала, как «Дискавери» отстыковывается от МКС. Расстояние между станцией и челноком медленно увеличивалось. Джилл взглянула на цифры, бежавшие по экрану ее компьютера. Тридцать сантиметров, пятьдесят сантиметров… «Домой…» Вдруг словно электрическая дуга вспыхнула в ее голове. Мозг пронзила невыносимая боль. Джилл почувствовала, что вот-вот провалится в беспамятство. Она бульдожьей хваткой вцепилась в собственное сознание, пытаясь удержать его на краю бездны.

— Стыковочная система чисто, — произнесла Джилл сквозь зубы.

— Включаю РСУ, лоу-зед, — ответил Киттредж.

Оперируя двигателями реактивной системы управления, Киттредж теперь начнет осторожно уводить шаттл от МКС, двигаясь к точке, расположенной в девятистах метрах ниже станции, где их расходящиеся орбиты автоматически начнут растаскивать аппараты все дальше друг от друга.

Бумп! Джилл услышала, как заработали двигатели, корабль дрогнул, и Киттредж медленно повел челнок вниз по радиус-вектору. Его рука дрожала, а лицо напряглось от усилия, с которым он удерживал ручку управления. Он, а не компьютер управлял космическим кораблем, и случайный рывок ручки мог сбросить их с курса.

Два метра от станции, три метра… Они миновали критическую фазу разделения, все дальше и дальше уходя от станции. Напряжение Джилл начало спадать.

А затем она услышал вопль на средней палубе. Это был крик ужаса.

«О'Лири!»

Она обернулась. Мерзкий фонтан человеческих останков ударил в кабину экипажа.

Находившийся ближе всех к межпалубному переходу Киттредж принял на себя основной удар и отлетел к ручке управления ориентацией. Джилл повалилась на спину, потеряв при этом наушник. В нее полетели вонючие фрагменты кишечника, кожи и пучки черных волос. «Волосы Кеничи!» Бумп-бумп-бумп! — послышались звуки работающих двигателей, и Джилл показалось, что корабль начал вращаться вокруг нее. Облако разложившихся останков человеческого тела распространилось по кабине экипажа, закружив в жутком водовороте куски пластикового пакета, части человеческого тела и странную зеленоватую липкую массу. Она гроздьями плавала вокруг, налипая на стены. Обычно в условиях микрогравитации любые капли, сталкиваясь и прилипая к плоской поверхности, сначала подрагивали от столкновения, а затем замирали. Этот же водоворот продолжал двигаться.

Не веря своим глазам, Джилл видела, что кружение усилилось, словно рябь на поверхности воды. И тут она заметила, что в самом центре студенистой массы шевелится что-то черное. Оно извивалось, словно личинка комара.

Вдруг новая, еще более пугающая картина предстала ее глазам. Она взглянула в иллюминатор, расположенный над приборной доской, и увидела, что космическая станция резко приближается. МКС была так близко, что Джилл могла различить заклепки на пучках солнечных батарей.

В приступе паники она метнулась к стене и нырнула через отвратительное облако человеческих останков, в отчаянии протягивая руки к штурвалу корабля.

— Встречно-пересекающийся курс! — крикнул Григгс по космической радиосвязи. — «Дискавери», вы на встречно-пересекающемся курсе!

Ответа не последовало.

— «Дискавери»! Задний ход!

Эмма в ужасе наблюдала, как на них надвигается катастрофа. Через иллюминатор она видела, что космический корабль задирает нос и кренится на правый борт. Она смотрела, как на них движется треугольное крыло «Дискавери», а его импульса достаточно, чтобы протаранить алюминиевую оболочку станции. В надвигающемся столкновении Эмма видела приближение собственной смерти.

Вдруг из переднего двигателя реактивной системы управления ударили выхлопы реактивных двигателей, расположенных на носу корабля. «Дискавери» начал опускаться вниз, давая обратный ход. Одновременно с этим треугольное крыло правого борта корабля начало подниматься, но медленно, угрожая задеть главные солнечные батареи станции. Сердце Эммы сжалось.

— Боже всемогущий! — прошептал Лютер.

— КАС! — в панике крикнул Григгс. — Все в КАС!

В воздухе образовался клубок из переплетенных рук и ног, ступни мелькали во всех направлениях — экипаж пытался покинуть модуль. Николай и Лютер, первыми протиснувшись через люк, проникли в жилой отсек. Когда Эмма схватилась за ручку люка, она услышала скрежет разрываемого металла, грохот алюминия, деформирующегося от столкновения двух тяжелых объектов.

Космическая станция задрожала, и в последовавшей тряске Эмма заметила, что стены модуля разлетаются в стороны, ноутбук Григгса вращается в воздухе, а прямо перед ней мелькнуло блестевшее от пота перепуганное лицо Дианы.

Свет погас. В темноте замигали красные предупредительные огни.

Завыла сирена.

14

Руководитель полета шаттла Рэнди Карпентер наблюдал за катастрофой на главном экране.

В то мгновение, когда космический корабль столкнулся с МКС, он ощутил такой реальный удар, словно ему и вправду дали кулаком под дых, он даже прижал руки к груди.

Несколько секунд в зале управления полетом стояла полная тишина. Все в потрясении смотрели на главный экран. На нем высвечивалась карта

мира с траекторией полета шаттла. Справа, на дисплее ПСС,[33] застыли «Дискавери» и МКС, изображенные в виде каркасных моделей. Шаттл, словно смятая игрушка, слился с силуэтом МКС. Карпентер почувствовал, как его легкие расширились; он понял, что от ужаса он перестал дышать.

В зале начался хаос.

— Полет, у нас нет связи, — услышал Карпентер голос Капкома. — «Дискавери» не отвечает.

— Полет, мы до сих пор получаем поток данных от СОТР…[34]

— Полет, давление внутри корабля в норме. Утечки кислорода нет…

— Что с МКС? — рявкнул Карпентер. — Есть связь с МКС?

— Служба полетных операций пытается их вызвать. Давление внутри станции падает…

— Сколько?

— Семьсот десять… шестьсот девяносто. Черт, давление падает быстро!

«Пробоина в оболочке станции!» — подумал Карпентер. Но эту проблему ему не решить, ею должны заняться соседи по залу — отдел полетных операций.

Неожиданно в канал связи ворвался голос инженера по силовым установкам:

— Полет, вижу включение РСУ. Заработали двигатели эф-два-у, эф-три-у и эф-один-у. Кто-то управляет кораблем.

Карпентер быстро повернул голову. Изображение на дисплее ПСС по-прежнему не двигалось, новая картинка не появилась. Но, по данным Пропа, управляющие двигатели «Дискавери» действительно заработали. И это было не случайное зажигание — экипаж пытался увести корабль от МКС. Но, пока не восстановится связь, астронавты ничего не смогут сообщить о себе. Не смогут подтвердить, что они живы.

Мертвый кипаж в шаттле на орбите… Самый ужасный из всех возможных сценариев, и Карпентер больше всего боялся именно этого. Хьюстон мог управлять большинством маневров корабля командами с земли, но посадить его без помощи экипажа невозможно. Для того чтобы привести в действие систему орбитального маневрирования и дать двигателям команду на сход с орбиты, на борту должен быть хотя бы

один дееспособный человек. Далее нужно развернуть датчики воздушных сигналов и выпустить шасси для посадки, но и это может сделать только человек на борту. Если за пультом управления шаттлом не будет сидеть человек, «Дискавери» останется на орбите и, превратившись в безмолвный корабль-призрак, примется наматывать виток за витком вокруг планеты, пока через несколько месяцев орбита не уменьшится и он не понесется метеором на Землю. Этот кошмар на какие-то секунды овладел сознанием Карпентера, а между тем в зале управления полетом медленно нарастала паника. Карпентер уже не мог позволить себе думать о космической станции, экипаж которой, возможно, прямо сейчас мучительно умирал от декомпрессии. Его внимание было приковано к «Дискавери» — к астронавтам, чьи шансы на выживание таяли с каждой секундой молчания.

Вдруг они услышали голос. Слабый, дрожащий.

— Центр, это «Дискавери». Хьюстон. Хьюстон...

— Это Хьюитт! — крикнул Капком. — «Дискавери», прием!

— ...сильное отклонение... не смогли избежать столкновения. Структурные повреждения корабля минимальны.

— «Дискавери», нам нужно изображение МКС.

— Не могу развернуть антенну Ku-диапазона... полетела вся телевизионная система...

— Степень повреждения станции?

— Удар снес ферму солнечных батарей. Вероятно, мы пробили дыру в оболочке МКС...

Карпентеру стало совсем нехорошо. Экипаж МКС до сих пор не вышел на связь. Подтверждения, что они живы, не было.

— Каково состояние вашего экипажа? — спросил Капком.

— Киттредж почти не реагирует... Ударился головой о кормовую панель управления... Экипаж на средней палубе... Я ничего о них не знаю...

— Как ваше состояние, Хьюитт?

— Стараюсь... о боже, голова... — Затем послышалось что-то вроде всхлипа, и Джилл произнесла: — Оно живое.

— Повторите.

— Оно плавает вокруг… то, что вытекло из мешка с телом. Оно двигается вокруг меня. Оно внутри меня. Я вижу, как оно двигается у меня под кожей, оно живое.

Холодок пополз по позвоночнику Карпентера. Галлюцинации. Травма головы. Они теряют Хьюитт, теряют единственный шанс на безопасную посадку корабля.

— Полет, приближается момент включения двигателя, — предупредил Фидо. — Мы не можем пропустить его.

— Передайте ей, чтобы начинала сход с орбиты, — приказал Карпентер.

— «Дискавери», — произнес Капком, — начинайте подготовку запуска ВСУ.

Ответа не последовало.

— «Дискавери»! — воскликнул Капком. — Вы можете пропустить фазу зажигания!

Секунды казались минутами, мышцы Карпентера напряглись, нервы натянулись, как провода. Он с облегчением вздохнул, когда Хьюитт наконец ответила:

— Экипаж на средней палубе готов к посадке. Они оба без сознания. Я пристегнула их. Но не могу надеть на Киттреджа костюм для старта и посадки…

— К черту костюм! — рявкнул Карпентер. — Не пропусти эту фазу. Сажай птичку!

— «Дискавери», рекомендуем безотлагательно приступить к подготовке запуска ВСУ и продолжить сход с орбиты.

Оператор услышал нервный болезненный всхлип. Затем Хьюитт произнесла:

— Голова… не могу сфокусироваться…

— Вас понял, Хьюитт. — Голос Капкома стал более мягким, почти успокаивающим. — Послушай, Джилл. Мы знаем, что ты сейчас одна в кресле командира. Знаем, что тебе больно. В режиме автоматической посадки мы будем направлять тебя до самого конца, пока не остановятся колеса. Только оставайся на связи.

Она издала мучительный всхлип.

— Подготовка к запуску ВСУ завершена, — прошептала она. — Загружаю последовательность действий три-ноль-два. Скажите мне, когда, Хьюстон.

— Приступайте к сходу с орбиты, — велел Карпентер.

Капком передал решение:

— Приступайте к сходу с орбиты, «Дискавери». — А потом тихо добавил: — И мы доставим вас домой.

В адской темноте Эмма собралась с духом, готовясь к шоку от декомпрессии. Она точно знала, чего ждать. Как она умрет. Воздух с ревом начнет вылетать из корпуса. Барабанные перепонки натянутся. Затем последует резкое нарастание боли — легкие расширятся и порвутся альвеолы. Когда давление воздуха опустится до вакуума, упадет и температура кипения жидкости, достигнув температуры замерзания. Сначала кровь в венах вскипит, а в следующее мгновение превратится в лед.

Красные аварийные лампочки и сирена подтверждали ее самые страшные опасения. Чрезвычайная ситуация класса один. Корпус получил пробоину, и воздух уходит в космос.

Она почувствовала, как барабанные перепонки натянулись. «Немедленно эвакуируемся!»

Они с Дианой нырнули в жилой модуль, пролетели через полумрак, освещенный лишь ярко-красными аварийными лампочками. Сирена была такой громкой, что приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. В панике Эмма натолкнулась на Лютера, но тот успел удержать ее, не дав отлететь в противоположном направлении.

— Николай уже в аппарате. Вы с Дианой следующие! — крикнул он.

— Подождите. Где Григгс? — заволновалась Диана.

— Полезай внутрь!

Эмма обернулась. В жилом модуле, освещенном яркими вспышками красных аварийных лампочек, больше никого не было видно. Григгс не пошел за ними. В полумраке висел странный, едва уловимый туман, но ураганного свиста выходящего из пробоины воздуха слышно не было.

«И никакой боли», — вдруг поняла Эмма. Она чувствовала, что барабанные перепонки натянулись, но боли в груди не было, не было и симптомов декомпрессии.

«Мы можем спасти станцию. У нас есть время локализовать пробоину».

Она развернулась, оттолкнулась от стены и скользнула обратно в модуль.

— Эй! Какого черта, Уотсон? — крикнул Лютер.

— Вернись в аппарат!

Она двигалась так быстро, что ударилась о край люка, разбив локоть. Вот теперь ей было больно, но не от декомпрессии, а из-за собственной глупой неуклюжести. В руке пульсировала боль, когда Эмма, оттолкнувшись еще раз, влетела в модуль.

Григгса там не было, но она увидела его ноутбук — он висел в воздухе, держась на кабеле передачи данных. На экране мигала ярко-красная надпись: «Декомпрессия». Давление воздуха опустилось до шестисот пятидесяти и продолжало падать. У них оставалось лишь несколько минут, чтобы действовать.

«Григгс отправился на поиски пробоины, — решила Эмма. — Он собирается заблокировать поврежденный модуль».

Через густеющий белый туман она нырнула в американский лабораторный отсек. Туман ли это, или просто зрение затуманилось от гипоксии? Предупреждение, что она близка к потере сознания? Эмма скользнула через темноту и поняла, что из-за красных аварийных огоньков потеряла ориентиры. Она ударилась о дальний люк. Координация была нарушена, и ее движения стали еще более неуклюжими. Она скользнула чрез проем люка в Нод-2.

Григгс был там. Он отчаянно пытался разъединить клубок кабелей между японским и европейским модулями.

— Пробоина в японском модуле! — крикнул он, стараясь перекричать сирену. — Если нам удастся убрать кабели из этого люка и перекрыть его, мы сможем изолировать модуль.

Она нырнула вперед, чтобы помочь ему разъединить кабели, но обнаружила, что один из них разъединить невозможно.

— Что за черт? — возмутилась она.

Все кабели, ведущие через люки, должны легко разъединяться на случай чрезвычайной ситуации. Если кабели не разъединяются — это нарушение правил безопасности.

— Его быстро не отсоединить! — крикнула Эмма.

— Дай мне нож, я перережу его!

Она повернулась и нырнула обратно в американский лабораторный отсек. «Нож. Где, черт возьми, может быть нож?» В свете мигающих красных лампочек она увидела медицинский шкаф. «Скальпель». Эмма открыла ящик, потянулась к поддону с инструментами и вернулась в Нод-2.

Григгс взял скальпель и принялся резать кабель.

— Мы можем чем-нибудь помочь? — крикнул Лютер.

Обернувшись, Эмма увидела, что он, Николай и Диана покачиваются в проеме люка.

— Пробоина в японском лабораторном модуле! — сообщила она. — Мы хотим перекрыть его!

Вдруг фейерверком полетели искры. Григгс вскрикнул и отпрянул от кабеля.

— Черт! Он под напряжением!

— Нужно перерезать его! — настаивала Эмма.

— И зажариться до хрустящей корочки? Я так не думаю.

— Тогда как мы заблокируем люк?

— Отходим! — воскликнул Лютер. — Отходим в лабораторию! Мы заблокируем весь узловой модуль. Изолируем эту часть станции.

Григгс посмотрел на искрящийся провод. Он не хотел перекрывать Нод-2, ведь тогда им придется пожертвовать как японским, так и европейским модулями, давление в которых окончательно упадет, и попасть в них будет невозможно. А еще это значит пожертвовать стыковочным портом шаттла, который также находится в Ноде-2.

— Народ, давление падает! — объявила Диана, глядя на ручной манометр. — Опустилось до шестисот двадцати пяти миллиметров! Бросайте все и перекрывайте модуль!

Эмма задышала чаще, стараясь отдышаться. Гипоксия. Если в ближайшее время что-нибудь не предпринять, они потеряют сознание.

Она рванула Григгса за руку.

— Уходим! Это единственный способ спасти станцию!

Он сокрушенно кивнул и вместе с Эммой перешел в американский лабораторный отсек.

Лютер попытался захлопнуть люк, но не смог сдвинуть его с места. Находясь по ту сторону Нода-2, им приходилось тянуть, а не толкать дверцу люка. К тому же нужно было преодолевать сопротивление выходящего воздуха и резкого разрежения атмосферы.

— Нам придется покинуть и этот модуль! — крикнул Лютер. — Отходим в Нод-1 и перекрываем следующий люк!

— Черта с два! — сказал Григгс. — Я не брошу еще и этот модуль!

— Григгс, у нас нет выбора. Я не могу закрыть люк!

— Тогда я закрою его!

Григгс схватился за ручку люка и попытался захлопнуть его, но тот сдвинулся только на несколько сантиметров, и командир в изнеможении отпустил ручку.

— Ты собираешься погубить всех нас ради спасения этого чертового модуля! — закричал Лютер.

— «Мир»! — вдруг крикнул Николай. — Надо запитать утечку! Запитать!

Он выскочил из лабораторного отсека, направляясь к российской части станции.

«Мир». Все сразу поняли, что он имеет в виду. 1997 год. Столкновение «Прогресса» с модулем станции «Мир» «Спектр». В корпусе образовалась пробоина, и драгоценный воздух начал уходить из «Мира» в космос. Русские, с годами получившие больше опыта в управлении космическими станциями, знали, что предпринять: надо запитать утечку. Накачать в модуль дополнительного кислорода, чтобы поднять давление. Это не только даст им время для работы, но уменьшит давление, и они смогут закрыть люк.

Вернувшись в лабораторный отсек с двумя баллонами кислорода, Николай лихорадочно открыл клапаны. Даже сквозь вой сирены они

слышали свист выходящего из баллонов воздуха, который заполнял Нод-2. Запитка пробоины. Они подняли уровень давления с другой стороны люка.

«Но кислородом заполняется и модуль с проводом, находящимся под напряжением», — подумала Эмма, вспомнив искры. Это может привести к взрыву.

— А теперь попытаемся закрыть люк! — крикнул Николай.

Лютер и Григгс схватились за ручку люка и потянули. То ли благодаря их общему отчаянию, то ли благодаря кислородным баллонам, уменьшившим разницу в давлении, но люк начал медленно закрываться.

Григгс герметично закрыл его.

Некоторое время они с Лютером просто висели в воздухе без сил; оба были так измотаны, что не могли говорить. Затем Григгс обернулся — в мигающих огнях его лицо блестело от пота.

— А теперь давайте вырубим этот чертов вой, — предложил он.

Ноутбук все еще плавал там, где он его оставил, в Ноде-1. Глядя на экран, он быстро ввел серию команд. Ко всеобщему облегчению, сирена затихла. Мигающие красные огоньки тоже потухли, и теперь на пультах аварийно-предупредительной сигнализации горели только желтые лампочки. Наконец они могли говорить тихо.

— Давление воздуха выросло до шестисот девяноста и продолжает подниматься, — сказал он и облегченно хохотнул. — Похоже, мы на правильном пути.

— Тогда почему у нас до сих пор предупреждения класса три? — спросила Эмма, указывая на желтые огни на экране.

Предупреждение класса три означало одну из трех вероятностей: либо вышел из строя компьютер резервной системы наведения, либо отказал один из гироскопов, либо они потеряли связь с Центром в диапазоне S.

Григгс застучал по клавишам.

— Все дело в связи. У нас ее нет. Видимо, «Дискавери» сбил ферму P-1 и вырубил радио. Похоже, они еще снесли нам солнечные батареи по левому борту. Вышел из строя фотогальванический модуль, поэтому у нас до сих пор нет питания.

— Хьюстон, должно быть, с ума сходит, гадая, что случилось, — предположила Эмма. — А теперь они еще не смогут с нами связаться. Но что с «Дискавери»? Что с экипажем?

Диана, которая пыталась наладить радиосвязь между станцией и кораблем, сказала:

— «Дискавери» не отвечает. Они или вне досягаемости УКВ-связи, или все умерли и не могут ответить.

— Мы можем включить свет? — спросил Лютер. — Перекрестно закоммутировать первичный источник питания?

Григгс снова ударил по клавишам. Прелесть МКС заключена в избыточности некоторых ее компонентов. Каждый из каналов питания был устроен так, чтобы подавать электричество для отдельной нагрузки, но эти каналы можно было перенастроить — соединить перекрестно, когда требовалось. Хотя они и потеряли один фотогальванический модуль, оставалось еще три.

Григгс сказал:

— Фраза расхожая, но тем не менее — «да будет свет».

Он нажал на клавишу, и освещение модуля стало немного ярче. Этого хватало для ориентировки во время прохождения люков.

— Я перенаправил распределение электричества. Несущественные функции остались без питания. — Он глубоко вздохнул и посмотрел на Николая. — Нам нужно связаться с Хьюстоном. Твой выход, Николай.

Николай сразу понял, что ему нужно сделать. У московского ЦУПа был свой канал связи со станцией. Столкновение не повредило российскую часть МКС.

Космонавт коротко кивнул.

— Будем надеяться, что у Москвы нет задолженностей по оплате электроэнергии.

«ПУНКТ 3–7 — ВЫПОЛНЕНО»

«ПУНКТ 3–8 — ВЫПОЛНЕНО»

«ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ 3-0-4 ВЫПОЛНЯЕТСЯ»

Джилл Хьюитт задыхалась от боли и, всхлипывая, нажимала на очередную кнопку на пульте управления. Ей казалось, что голова вот-вот лопнет, словно перезрелая дыня. Поле зрения сократилось, у нее перед глазами был длинный темный туннель, а элементы управления, казалось, находятся на его противоположном конце. Ей приходилось концентрировать все свое внимание на переключении очередного тумблера, нажатии кнопки, ускользающей из-под пальцев. Теперь она пыталась разглядеть индикатор пространственного положения, зрение затуманивалось; Джилл казалось, что дисплей индикатора бешено вращается вокруг собственной оси.

«Я не вижу. Я не могу определить ни угла тангажа, ни угла рыскания...»

— «Дискавери», вы у точки соприкосновения с атмосферой, — объявил оператор. — Аэродинамический щиток на автомат.

Джилл сощурилась, глядя на панель, и потянулась к тумблеру, но он казался таким далеким...

— «Дискавери»!

Дрожащим пальцем она нащупала тумблер. Переключила на «авто».

— Есть, — прошептала она и в изнеможении опустила плечи.

Теперь кораблем управляли компьютеры. Она не могла доверить себе штурвал. Она даже не знала, как долго будет оставаться в сознании. Черный туннель перед ее глазами уже закрывался, поглощая свет. Впервые она услышала рев воздуха вокруг корпуса корабля и почувствовала, как ее тело вжимается в кресло.

Оператор молчал. Связи не было, корабль несся через атмосферу с такой силой, что электроны отрывались от молекул воздуха. Этот электромагнитный шторм прерывал любые радиоволны, перекрывал любую связь. Ближайшие двенадцать минут будет только она, корабль и ревущий воздух.

Никогда прежде Джилл не чувствовала себя такой одинокой.

Она ощутила, как автопилот заложил первый вираж, снижая скорость корабля. Она представила яркий жаркий свет в иллюминаторах, почувствовала его тепло, когда солнце осветило лицо.

Джилл открыла глаза. И ничего не увидела, только темноту.

«Где свет? — подумала она. — Где солнечный свет?»

Она поморгала, еще и еще раз. Потерла глаза, словно пытаясь заставить их видеть, заставить сетчатку воспринять свет. А потом потянулась к панели управления. Пока она не переключит нужные тумблеры, не развернет датчики воздушных сигналов и не выпустит шасси, Хьюстон не сможет посадить корабль. Она не вернется домой живой. Джилл провела пальцами по огромному количеству различных шкал и кнопок и в отчаянии закричала.

Она ослепла.

15

На высоте тысяча двести пятьдесят метров над уровнем моря воздух над полигоном Белые Пески был сухим и разреженным. Посадочная полоса пролегала по древнему высохшему морскому дну, расположенному в пустынной долине между горными цепями Сакраменто и Гваделупа с востока и гор Сан-Андреас с запада. Ближайший город — Аламогордо, Нью-Мексико. В каменистой и засушливой местности удавалось выжить только самым отчаянным видам пустынной растительности.

Здесь долгое время располагалась тренировочная база для летчиков-истребителей. Но на протяжении десятилетий эту местность использовали и для других нужд. Во время Второй мировой войны здесь был лагерь для немецких военнопленных. Еще здесь находился полигон «Тринити», где Соединенные Штаты испытали первую атомную бомбу, собранную недалеко от этого места, в Лос-Аламосе, Нью-Мексико. В этой пустынной долине стали появляться колючая проволока и однотипные правительственные здания без опознавательных знаков, назначение которых было тайной даже для жителей расположенного неподалеку Аламогордо.

В бинокль Джек видел, как вдали в раскаленном воздухе дрожит посадочная полоса. Взлетно-посадочная полоса 16/34 немного отклонялась от направления с севера на юг. Ее протяженность составляла четыре с половиной километра, а ширина — девяносто метров, чего даже в таком разреженном воздухе хватало, чтобы принять самый тяжелый из реактивных самолетов, которому требовались долгий пробег при посадке и не менее долгий разбег при взлете.

Западнее точки посадки «Дискавери» его прибытия ожидали Джек и медицинская бригада, а также небольшой эскорт машин НАСА и Объединенного космического альянса. У них были носилки, кислородные подушки, дефибрилляторы и комплекты неотложной кардиологической помощи — все, что можно найти в современной машине «скорой помощи», и даже больше. Во время посадок в Кеннеди корабль встречают более ста пятидесяти человек из наземных служб.

Здесь, на этой пустынной полосе, едва набралось десятка четыре; восемь из прибывших были врачами. Некоторые были в автономных защитных костюмах, предназначенных для работы в условиях утечки ракетного топлива. Они должны были первыми встретить корабль, с помощью датчиков состава атмосферы быстро оценить потенциал взрыва и уже затем разрешить врачам и медсестрам приблизиться к кораблю.

Гул в отдалении заставил Джека опустить бинокль и посмотреть на восток. Приближались вертолеты, их было так много, что они походили на зловещий рой черных ос.

— Что это? — спросил Блумфилд, тоже заметив вертолеты. Теперь и остальные смотрели в небо, многие в недоумении что-то бормотали.

— Быть может, техническая поддержка, — предположил Джек.

Начальник конвоя, слушая сообщение в наушниках, покачал головой:

— Из Центра управления полетом передают, что это не наши.

— В этом воздушном пространстве никого быть не должно, — проговорил Блумфилд. — Мы стараемся выйти на связь с вертолетами, но они не отвечают.

Рокот усилился, Джек уже ощущал его всем телом, глубокий непрерывный гул, отдававшийся в грудине. Они намеревались вторгнуться в воздушное пространство космического корабля. Через пятнадцать минут «Дискавери» появится в небе и наткнется на эти вертолеты. Он слышал, как начальник что-то настойчиво говорит в наушник, и чувствовал, как среди наземных служб начинает подниматься паника.

— Они перестали двигаться, — заметил Блумфилд.

Джек поднял бинокль. Он насчитал десяток вертолетов. Они действительно отошли в сторону и, точно стая стервятников, опускались на землю к востоку от места посадки корабля.

— Что бы это значило? — удивлялся Блумфилд.

До восстановления связи оставалось две минуты. Пятнадцать минут до приземления.

Рэнди Карпентер ощутил первый прилив оптимизма. Он знал, что они без проблем посадят «Дискавери». Если ничего не случится с

компьютером, они смогут посадить птичку с земли. Главное — Хьюитт. Она должна оставаться в сознании, чтобы в нужное время переключить два тумблера. Задание несложное, но решающее. Во время последнего сеанса связи, десятью минутами ранее, Хьюитт была в сознании, хотя и мучилась от боли. Она была хорошим пилотом, женщиной со стальным хребтом, закаленной американскими военно-морскими силами. Все, что от нее требовалось, — оставаться в сознании.

— Полет, у нас хорошие новости от КС,[35] — сообщили из наземного управления. — Московский ЦУП установил радиосвязь с МКС по «Регул» в диапазоне S.

«Регул-ОС» — российская командно-измерительная система, работающая в радиодиапазоне сверхвысоких частот. Она существует отдельно, не зависит от американской системы и управляется посредством российских наземных станций и спутником «Луч».

— Сеанс связи был коротким. Они прошли по краю области приема во время очередного витка спутника «Луч», — доложил оператор наземного пункта управления. — Но экипаж жив и здоров.

Оптимизм Карпентера вспыхнул с новой силой, и он торжествующе сжал свои пухлые пальцы в кулак.

— Каковы повреждения?

— У них пробоина в японском модуле — пришлось отрезать Нод-2 и все, что за ним. Еще они потеряли по крайней мере две солнечные батареи и несколько сегментов фермы. Однако никто не ранен.

— Полет, связь вот-вот восстановится, — объявил Капком.

Внимание Карпентера мгновенно переключилось на «Дискавери». Он был счастлив услышать хорошие новости об МКС, но его главной заботой был шаттл.

— «Дискавери», вы меня слышите? — позвал Капком. — «Дискавери»!

Проходили минуты. Слишком много минут. Карпентер снова балансировал на грани паники.

— Второй разворот завершен, — сообщил Гвидо. — Все системы работают нормально.

Тогда почему Хьюитт не отвечает?

— «Дискавери», — повторил Капком, уже более обеспокоенно. — Вы меня слышите?

— Заходит на третий разворот, — доложил Гвидо.

«Мы ее потеряли», — подумал Карпентер.

Вдруг они услышали голос Хьюитт. Слабый и неуверенный.

— Говорит «Дискавери».

По каналу связи раздался громкий вздох облегчения Капкома.

— «Дискавери», с возвращением! Рады снова услышать ваш голос! Теперь нужно развернуть датчики воздушных сигналов.

— Я… я стараюсь найти тумблеры.

— Датчики воздушных сигналов, — повторил Капком.

— Я знаю, знаю! Я не вижу панель управления!

Карпетнеру показалось, что у него кровь застыла в жилах. «Боже всемогущий, она ослепла. И она — в командирском кресле».

— «Дискавери», немедленно разверните датчики! — сказал Капком. — Пульт си-три…

— Я знаю, какой пульт! — закричала Хьюитт.

Затем она замолчала. Ее дыхание вырывалось со свистом, свидетельствовавшим о непереносимой боли.

— Датчики развернуты, — доложил оператор информационно-управляющей системы контроля. — У нее получилось. Она нашла тумблер!

Карпентер позволил себе вдохнуть. Он снова обрел надежду.

— Четвертый разворот, — произнес Гвидо. — Перехожу к интерфейсу УЭЗП.[36]

— «Дискавери», как вы? — спросил Капком.

Минута и тридцать секунд до посадки. «Дискавери» шел со скоростью девятьсот шестьдесят километров в час на высоте двух с половиной километров и быстро снижался. Пилоты называют это «летающий

кирпич» — тяжелое снижение на куцых треугольных крыльях при неработающем двигателе. Второго шанса не будет, нельзя выйти из глиссады и сделать круг для новой попытки. Так или иначе, но надо приземляться.

— «Дискавери»! — позвал Капком.

Джек видел, как шаттл скользит в небе и облачка выхлопа тянутся из его поворотных реактивных двигателей. Когда он делал последний разворот, выходя на взлетно-посадочную полосу, корабль казался блестящим куском серебра.

— Давай, малыш. Ты великолепен! — приветствовал корабль Блумфилд.

Его воодушевление разделяли все сорок человек, составлявших наземную команду. Каждое приземление шаттла — праздник, победа, которая трогала до слез тех, кто смотрел на посадку с земли. Все взгляды были обращены к нему, сердца напряженно бились — люди наблюдали, как этот кусок серебра, этот «малыш» идет на посадочную полосу.

— Отлично. Боже, он прекрасен!

— Ур-р-а-а-а!

— Выход просто отличный! Есть, сэр!

Начальник конвоя, слушая указания Хьюстона в наушниках, вдруг резко выпрямился, его спина напряглась.

— Черт, — сказал он. — Шасси не выпущены!

Джек повернулся к нему.

— Что?

— Экипаж не выпустил шасси!

Задрав голову, Джек пристально взглянул на приближающийся шаттл. Он шел в тридцати метрах от земли со скоростью пятьсот километров в час. Шасси Джек не видел.

Толпа вдруг замолчала. Ликование сменилось изумлением. Ужасом.

«Выпускай их. Выпускай шасси!» — хотелось закричать Джеку.

Шаттл снизился до двадцати трех метров. До посадки оставалось десять секунд.

Только экипаж мог выпустить шасси. Компьютер был не в состоянии переключить тумблер и выполнить задание, предназначенное для человеческой руки. Никакой компьютер не мог бы их спасти.

Пятнадцать метров, скорость по-прежнему более трехсот километров в час.

Джек не хотел видеть, чем все закончится, но не мог отвести взгляд. Не мог отвернуться. Он наблюдал за тем, как хвост «Дискавери» ударился о землю, извергая веер искр, разбрасывая обломки теплозащитных плиток. Он услышал крики и всхлипы толпы, когда «Дискавери» ударился носом. В вихре обломков шаттл начало заносить в сторону. Треугольное крыло отломилось, отлетев словно черный серп. Шаттл продолжал двигаться боком, издавая оглушительный скрежет.

Затем оторвалось и другое крыло, оно кубарем покатилось прочь, разлетаясь на мелкие осколки.

«Дискавери» съехал с гудрона на песок. Взметнувшийся вихрь пыли закрыл Джеку картину последних секунд. В ушах звенело от криков толпы, но он не произнес ни звука. Пошевелиться он тоже не мог — потрясение было таким сильным, что ему казалось, будто он отделился от собственного тела и теперь висел, словно привидение, в каком-то потустороннем измерении.

Облако пыли начало оседать, и Джек увидел шаттл, лежавший, словно подбитая птица, в окружении обломков.

Наземное сопровождение двинулось к кораблю. Когда взревели двигатели, Джек и Блумфилд запрыгнули в медицинскую машину и понеслись, подпрыгивая на ухабах, к месту катастрофы. Несмотря на рев машин сопровождения, Джек услышал другой звук, пульсирующий и зловещий.

Вертолеты тоже пришли в движение.

Машины, на которых они ехали, вдруг остановились. Джек и Блумфилд, крепко сжимая в руках чемоданчики с аварийными медицинскими комплектами, выскочили в облако пыли. «Дискавери» находился впереди, в сотне метров от них. Вертолеты уже приземлились, взяв шаттл в кольцо и отрезав от него сопровождение.

Джек побежал к «Дискавери», уже собираясь нырнуть под вращающиеся винты вертолетов. Но его остановили еще до того, как он поравнялся с летательными аппаратами.

— Что, черт возьми, происходит? — крикнул Блумфилд, когда солдаты в форме вдруг высыпали на улицу и образовали вооруженную стену перед наземным персоналом НАСА.

— Назад! Назад! — кричал один из солдат.

Начальник конвоя вышел вперед.

— Моим людям надо подойти к кораблю!

— Ваши люди должны уйти!

— У вас нет полномочий! Это операция НАСА!

— Отойдите отсюда к чертовой матери!

Вдруг поднялись винтовки, стволы были обращены в сторону безоружного наземного персонала. Сотрудники НАСА начали пятиться назад, все взгляды были сосредоточены на оружии, на возможной угрозе массового расстрела.

Джек видел, что за живым щитом над люком «Дискавери» был спешно развернут белый пластиковый тент, который закрыл его от контакта с внешним воздухом. С десяток фигур в капюшонах и ярких оранжевых скафандрах вышли из двух вертолетов и подошли к кораблю.

— Скафандры высшей биологической защиты, — заметил Блумфилд.

Корабль был почти полностью закрыт пластиковым тентом. Они не видели, как открыли люк. Не видели, как люди в скафандрах вошли на среднюю палубу.

«Там же находится наш экипаж, — пронеслось в голове у Джека. — Наши люди, которые, быть может, умирают там, на корабле. А мы не можем до них добраться. У нас врачи и медсестры, машины, полные медицинского оборудования, а они не дают нам ничего сделать».

Он протиснулся к шеренге солдат, направляясь к офицеру, который казался главным.

— Моя медицинская команда должна пройти, — сказал Джек.

Офицер ухмыльнулся.

— Не думаю, сэр.

— Мы сотрудники НАСА. Мы врачи, ответственные за здоровье экипажа этого шаттла. Можете стрелять в нас, если хотите. Но тогда вам придется убить всех присутствующих, потому что они будут свидетелями. А я не думаю, что вы это сделаете.

Солдат вскинул винтовку, направив ствол прямо в грудь Джеку. У него пересохло в горле, сердце заколотилось, но он обошел офицера, нырнул под винты вертолета и пошел дальше. И даже не обернулся, когда офицер крикнул:

— Стой или я стреляю!

Джек шел дальше, неотрывно глядя на колыхавшийся впереди тент. Он видел, как люди в скафандрах биозащиты, обернувшись, с удивлением воззрились на него. Он видел, как ветер гнал облако пыли, которое кружилось у него на пути. Он почти подошел к тенту, когда услышал крик Блумфилда:

— Джек, берегись!

Удар пришелся прямо в основание черепа. Он упал на колени, боль острыми вспышками взорвалась в голове. Получив еще один удар, Джек упал, уткнувшись лицом в горячий, как пепел, песок. Он перекатился на спину и увидел над собой офицера, поднявшего приклад винтовки для нового удара.

— Хватит, — сказал странно приглушенный голос. — Оставь его.

Солдат отошел. Теперь над ним возникло новое лицо, какой-то человек глядел на Джека через прозрачный колпак скафандра.

— Вы кто? — спросил он.

— Доктор Джек Маккаллум, — почти шепотом ответил Джек.

Он принял сидячее положение, и его зрение вдруг затуманилось, балансируя на грани слепоты. Он схватился за голову, стараясь оставаться в сознании и борясь с темнотой, грозящей утянуть его в свои недра.

— В этом корабле мои пациенты, — заявил Джек. — Я требую, чтобы меня пустили к ним.

— Это невозможно.

— Им необходим медицинский уход…

— Они мертвы, доктор Маккаллум. Все.

Джек замер. Медленно подняв голову, он встретился взглядом с незнакомцем. Его лицо под прозрачной лицевой панелью скафандра ничего не выражало, ничего похожего на скорбь по поводу смерти четырех людей.

— Мне жаль ваших астронавтов, — произнес он и отвернулся, собираясь уйти.

Качаясь и борясь с головокружением, Джек попытался встать.

— А кто, черт возьми, вы такой? — спросил он.

Человек остановился и обернулся.

— Я доктор Айзек Роман, ВИМИИЗ, — сказал он. — Этот челнок — зона повышенной опасности. Теперь его контролируют военные.

«ВИМИИЗ». Доктор Роман произнес это как одно слово, но Джек знал, что это сокращенное название Военного института медицинских исследований инфекционных заболеваний. При чем здесь военные? С какой стати посадка превратилась в военную операцию?

Джек сощурился, глядя на летящую пыль, в голове до сих пор звенело от удара. Он попытался переварить эту невероятную информацию. Казалось, сюрреалистическая цепочка образов тянулась целую вечность. Шагающие к кораблю люди в скафандрах биозащиты. Солдат, пристально глядящий на него ничего не выражающими глазами. Изоляционный тент, колышущийся на ветру словно живой, дышащий организм. Джек наблюдал за кольцом солдат, продолжавших удерживать наземный персонал. Взглянул на корабль и увидел, как люди в скафандрах выносят из-под тента первые носилки. Тело было запечатано в мешок. И на нем, словно красные цветы, виднелись ярко-красные штампы, предупреждающие о биологической опасности.

При виде этих носилок Джек тут же очнулся.

— Куда вы уносите тела? — спросил он.

Доктор Роман даже не обернулся, он просто направил носилки в стоявший поблизости вертолет. Джек двинулся к кораблю, и снова перед ним вырос солдат с занесенным для очередного удара прикладом.

— Эй! — крикнул кто-то из наземного персонала. — Если посмеешь ударить его еще раз, имей в виду — здесь тридцать свидетелей!

Солдат повернулся и уставился на разгневанных сотрудников НАСА и Объединенного космического альянса, которые, продвигаясь вперед, возмущенно выкрикивали:

— Тебе здесь что, нацистская Германия?

— ...думаешь, теперь тебе можно бить гражданских?

— Кто вы, черт возьми, такие?

Занервничав, солдаты еще прочнее сомкнули ряды. Сотрудники НАСА продолжали наступать, взметая пыль и крича.

Раздался винтовочный выстрел. Толпа застыла на месте и смолкла.

«Здесь происходит что-то ужасное, — подумал Джек. — Что-то непостижимое». Эти солдаты готовы стрелять. Убивать.

Начальник конвоя тоже понял это, потому что выкрикнул в панике:

— У меня на связи Хьюстон! Прямо сейчас сотня человек в Центре управления полетом слушает происходящее!

Солдаты медленно опустили винтовки и посмотрели на офицера. Последовало долгое молчание, нарушаемое только шуршанием песка — влекомый ветром, он ударялся о корпуса вертолетов.

Рядом с Джеком возник доктор Роман.

— Ваши люди не понимают ситуации, — проговорил он.

— Тогда объясните нам.

— Доктор Маккаллум, мы имеем дело с серьезной биологической угрозой. Совет национальной безопасности задействовал военную биологическую группу быстрого реагирования — группу, созданную по решению Конгресса. Мы здесь по приказу Белого дома.

— Что за биологическая угроза?

Роман колебался. Он взглянул на взвинченных до предела сотрудников НАСА, сгрудившихся за линией оцепления.

— Что это за организм? — спросил Джек.

Наконец Роман взглянул на Джека сквозь свой пластиковый экран.

— Это секретная информация.

— Мы врачи, отвечающие за здоровье экипажа. Почему нам ничего не рассказывают?

— В НАСА не понимают, с чем имеют дело.

— А вы, значит, понимаете?

Вопрос остался без ответа.

Из-под тента вынесли еще одни носилки. «Чье это тело?» — подумал Джек. Лица четырех членов экипажа промелькнули у него в памяти. Все они умерли. Он не мог это осознать. Не мог представить, что эти сильные, здоровые люди превратились в обломки костей и куски органов.

— Куда вы отправляете тела? — снова спросил он.

— На вскрытие в лабораторию высшей защиты.

— Кто проводит вскрытие?

— Я.

— Как врач экипажа я должен присутствовать.

— Зачем? Вы патологоанатом?

— Нет.

— Тогда я не понимаю, чем вы можете быть полезны.

— Сколько мертвых пилотов вы обследовали? — бросил ему в ответ Джек. — Сколько авиакатастроф вы расследовали? Травмы, связанные с полетами в космос, — моя специальность. Моя компетенция. Я могу вам понадобиться.

— Я так не думаю, — возразил Роман, уходя.

Джек в бешенстве вернулся к команде НАСА и сказал Блумфилду:

— Здесь все под контролем военных. Они забирают тела.

— По какому праву?

— Он говорит, что это приказ из Белого дома. Они задействовали некую биологическую группу быстрого реагирования.

— Это антитеррористическая группа, — заметил Блумфилд. — Я слышал о них. Они борются с биотерроризмом.

Врачи наблюдали за взлетом вертолета, уносящего два тела. «Что, черт возьми, происходит на самом деле? — думал Джек. — Что они от нас скрывают?»

Он повернулся к начальнику конвоя:

— Вы не могли бы соединить меня с Космическим центром Джонсона?

— С кем конкретно?

Джек подумал, кому можно довериться, кто обладает достаточными полномочиями в бюрократическом аппарате НАСА, чтобы вести бой на самом высоком уровне.

— Соедините меня с Гордоном Оби, — попросил он. — Управление летных экипажей.

ВСКРЫТИЕ

16

Гордон Оби вошел в зал видеоконференций, готовый к кровавой битве, но никто из должностных лиц, сидевших вокруг стола, даже не заподозрил, насколько сильно он разгневан. И неудивительно — лицо Оби, как обычно, ничего не выражало; он не проронил ни слова, занимая свое место рядом с представителем отдела по связям с общественностью Гретхен Лиу, у которой от слез опухли глаза. Все сидели словно контуженные. Они даже не заметили появления Гордона.

За столом сидели администратор НАСА Лерой Корнелл, директор Космического центра Джонсона Кен Бланкеншип и несколько старших должностных лиц НАСА. Все мрачно смотрели на два дисплея. На первом экране был полковник Лоренс Харрисон из ВИМИИЗ, находившийся в данный момент на военной базе Форт-Детрик в штате Мэриленд. На втором — серьезный, темноволосый мужчина в гражданской одежде, которого представили как Джареда Профитта из Совета национальной безопасности. Он не был похож на бюрократа. Со скорбным взглядом и суровыми, почти аскетическими чертами лица, он походил на средневекового монаха, против воли перенесенного в современную эпоху костюмов и галстуков.

Говорил Бланкеншип, он обращался к полковнику Харрисону:

— Ваши солдаты не просто не позволили моим людям работать, они угрожали им оружием. На одного из наших врачей было совершено нападение — его прикладом повалили на землю. У нас четыре десятка свидетелей...

— Доктор Маккаллум прорвался через наш охранный кордон. Он не остановился, как было приказано, — ответил полковник Харрисон. — Мы охраняли горячую зону.

— Значит, теперь американская армия может нападать на гражданских и даже стрелять в них?

— Кен, давайте посмотрим на это с точки зрения ВИМИИЗ, — попытался успокоить Бланкеншипа Корнелл, положив ладонь на плечо коллеги.

«Жест дипломата», — с отвращением подумал Гордон. Корнелл отлично справлялся с ролью представителя НАСА в Белом доме и, когда дело доходило до выпрашивания у Конгресса денег, ему цены не было, однако многие сотрудники НАСА никогда по-настоящему не доверяли ему. Они не могли доверять человеку, который мыслил скорее политически, чем технически.

— Охрана горячей зоны — веская причина для применения силы, — заметил Корнелл. — Доктор Маккаллум прорвал линию оцепления.

— Результаты могли быть крайне плачевными, — ответил Хар-рисон. — Наша разведка сообщает, что на станцию могли преднамеренно занести вирус Марбург. Это родственник вируса Эбола.

— Как он мог попасть на борт? — удивился Бланкеншип. — Все протоколы экспериментов просматриваются на предмет безопасности. Каждое лабораторное животное проходит через карантин. Мы не посылаем на орбиту биологически опасные организмы.

— Конечно, такова линия вашего агентства. Но вы получаете полезный груз для экспериментов от ученых со всей страны. Вы можете просматривать их протоколы, но вы не в состоянии исследовать все бактерии или культуры клеток тканей, когда они прибывают перед стартом. Чтобы сохранить биологические материалы живыми, полезный груз сразу отправляется на шаттл. Что если один из таких экспериментов был заражен? Сами подумайте, как легко заменить безобидную культуру опасным организмом, таким как Марбург.

— То есть вы хотите сказать, что это намеренная попытка диверсии на станции? — сказал Бланкеншип. — Акт биотерроризма?

— Именно об этом я и говорю. Позвольте мне описать, что происходит с человеком, когда он заражается этим вирусом. Сначала начинают болеть мышцы и поднимается температура. Боль такая сильная, такая мучительная, что человек едва способен вытерпеть прикосновение. Внутримышечная инъекция заставляет визжать от боли. Затем краснеют глаза. Болит живот, начинается рвота, снова и снова. Вас рвет кровью. Сначала она черная, из-за пищеварительных процессов. Затем рвота учащается, и кровь становится яркокрасной. Печень опухает и лопается. Почки отказывают. Весь ваш организм разрушается, превращаясь в зловонную черную массу. Наконец, скачок кровяного давления, и вы мертвы. — Харрисон помолчал. — Вот с чем, возможно, мы имеем дело, господа.

— Но это чушь собачья! — выпалил Гордон Оби.

Все сидевшие за столом удивленно уставились на него. Сфинкс заговорил. В тех редких случаях, когда Оби говорил на собраниях, речь его обычно была бесцветной, слова передавали сведения и информацию, но не эмоции. Этот взрыв шокировал всех.

— Простите, а кто это говорит? — поинтересовался полковник Харрисон.

— Гордон Оби, директор управления летных экипажей.

— О! Начальник астронавтов.

— Можно сказать и так.

— Почему это чушь собачья?

— Я не верю, что это вирус Марбург. Я не знаю, что это, но вы говорите неправду.

Лицо полковника Харрисона окаменело, словно маска. Он ничего не ответил.

В разговор вступил Джаред Профитт. Его голос звучал именно так, как представлял себе Гордон, тонко и гнусаво. Он не был задирой вроде Харрисона, он предпочитал апеллировать к интеллекту и здравому смыслу.

— Я понимаю ваше разочарование, господин Оби, — сказал Профитт. — По соображениям безопасности мы многого не можем вам рассказать. Но с Марбургом шутить нельзя.

— Если вы уже знаете, что это Марбург, тогда почему не допускаете наших врачей на вскрытие? Боитесь, что мы узнаем правду?

— Гордон, — спокойно проговорил Корнелл, — почему бы нам не обсудить это конфиденциально?

Гордон проигнорировал его замечание и обратился к экрану:

— О каком заболевании в действительности идет речь? Это инфекция? Яд? На борт шаттла погрузили что-то, принадлежавшее военным, да?

Наступило молчание. Затем Харрисон взорвался:

— Да это паранойя! НАСА любит обвинять военных во всех грехах.

— Почему вы отказываетесь пустить моего врача на вскрытие?

— Мы говорим о докторе Маккаллуме? — спросил Профитт.

— Да. Маккаллум — специалист по авиатравмам и авиационно-космической медицине. Он бортовой врач, а также бывший член отряда астронавтов. Тот факт, что вы не разрешили ни ему, ни другому нашему врачу присутствовать на вскрытии, заставляет меня задуматься: что же именно вы хотели скрыть от НАСА?

Полковник Харрисон огляделся по сторонам, словно кого-то искал в своей комнате. Когда он снова обернулся в камеру, его лицо казалось красным от гнева.

— Это чушь. Ваши люди разбили шаттл! Вы провалили посадку, погубили экипаж и затем обвиняющим перстом указываете на американскую армию?

— Вы подняли на уши весь отряд астронавтов, — объявил Гордон. — Мы хотим знать, что в действительности произошло с нашими коллегами. Мы настаиваем, чтобы вы позволили одному из наших врачей осмотреть тела.

Лерой Корнелл снова попытался примирить стороны.

— Гордон, нельзя делать такие необдуманные заявления, — спокойно произнес он. — Они знают, что делают.

— Я тоже.

— Гордон, уступи.

Гордон посмотрел Корнеллу в глаза. Корнелл был представителем НАСА в Белом доме, голосом НАСА в Конгрессе. Ссора с ним может стоить карьеры.

Но Оби все равно пошел против Корнелла.

— Я говорю от имени астронавтов, — проговорил он. — Моих людей. — Он повернулся к экрану и пристально посмотрел на каменное лицо полковника Харрисона. — И мы не прочь сообщить прессе о том, что нас тревожит. Нам будет нелегко обнародовать конфиденциальные материалы НАСА. Астронавты не любят трепать языком, но если нас вынудят, мы потребуем официального расследования.

У Гретхен Лиу отвисла челюсть.

— Гордон, — прошептала она, — что, черт возьми, ты делаешь?

— Что надо.

Молчание за столом растянулось на минуту.

Затем, ко всеобщему удивлению, Кен Бланкеншип произнес:

— Я на стороне наших астронавтов.

— Я тоже...

— И я.

Гордон оглядел сидевших за столом коллег. Большинство этих людей были инженерами и руководителями подразделений, их имена редко появлялись в прессе. Они часто конфликтовали с астронавтами, которых считали пилотами с большим самомнением. Астронавты получали всю славу, а эти люди, выполнявшие невидимую и не особенно эффектную работу, благодаря которой можно было летать в космос, были сердцем и душой НАСА. И сейчас они встали на сторону Гордона.

Лерой Корнелл был потрясен, словно предводитель, брошенный собственными войсками. Он был гордым человеком, а сейчас его опозорили при всех. Он откашлялся и медленно распрямил плечи. Затем повернулся к видеоизображению полковника Харрисона.

— Мне остается только одно — поддержать астронавтов, — сказал он. — Я настаиваю, чтобы одному из наших бортовых врачей было позволено присутствовать на вскрытии.

Полковник Харрисон ничего не ответил. Окончательное решение высказал Джаред Профитт — человек, который, по всей видимости, и был главным. Он отвернулся, чтобы посовещаться с кем-то, кого не было видно на экране. Затем посмотрел в камеру и кивнул.

Оба экрана опустели. Видеоконференция закончилась.

— Что ж, вы таки утерли нос американской армии, — заметила Гретхен. — Видели, как разозлился Харрисон?

«Нет, — подумал Гордон, вспомнив выражение лица полковника Харрисона, перед тем как погас экран. — Это не злость, это страх».

Вопреки ожиданиям Джека, тела не стали перевозить в Форт-Детрик, штат Мэриленд, где находится ВИМИИЗ. Их переправили на расстояние в сто километров от посадочной полосы в Белых Песках и разместили в бетонном здании без окон, очень похожем на десятки других безымянных правительственных сооружений, появлявшихся в этой пересохшей долине. Но у этого здания была отличительная черта: ряды вытяжек, выступавших над линией крыши. По периметру заграждения ощетинилась колючая проволока. Когда они проезжали через КПП, Джек услышал гул высоковольтных проводов.

Окруженный вооруженными людьми, Джек приблизился к главному входу, который, как он понял, был единственным. На двери красовался до боли знакомый символ: ярко-красная метка биологической опасности. «Что это здание делает посреди пустыни?» — удивился он. Затем внимательно осмотрел лишенный каких-либо ориентиров горизонт и понял, в чем дело. Сооружение намеренно расположили посреди пустыни.

Вместе с сопровождением он миновал дверь и пошел по веренице пустых коридоров, ведущих вглубь, в нутро здания. Он увидел мужчин и женщин в военной униформе и лабораторных халатах. Все освещение было искусственным, лица казались голубоватыми и нездоровыми.

Охранники остановились у двери с табличкой «Мужская раздевалка».

— Входите, — велели ему. — Точно следуйте письменным инструкциям. Затем пройдете через следующую дверь. Там вас будут ждать.

Джек вошел в комнату. В ней были шкафчики и бельевая тележка, в которой лежали зеленые хирургические костюмы различных размеров, а еще полка с бумажными шапочками, раковина и зеркало. Список с

инструкциями был вывешен на стене, и начинался со следующего пункта: «Снимите ВСЮ уличную одежду, включая нижнее белье».

Он разделся, оставил вещи в незапертом шкафчике и надел хирургический костюм. Затем прошел через следующую дверь, также отмеченную универсальным символом биологической опасности, в освещенный ультрафиолетом зал. Здесь он остановился, размышляя, что делать дальше.

Голос по внутренней связи произнес:

— Рядом полка с носками. Наденьте их и пройдите через дверь.

Он так и сделал.

В следующей комнате его ждала женщина в хирургическом халате. Она резко и недружелюбно попросила его надеть стерильные перчатки. Затем сердито оторвала полоски липкой ленты и заклеила манжеты его рукавов и брюк. Военные, возможно, и смирились с визитом Джека, но не собирались оказывать ему теплый прием. Женщина надела на него головной телефон, затем дала шапочку, похожую на лыжную, чтобы гарнитура не свалилась с головы.

— Одевайтесь! — рявкнула она.

Настало время для скафандра. Он был синим и с перчатками. Когда враждебно настроенная помощница натянула ему на голову капюшон, Джек вдруг испугался. В гневе она могла саботировать процесс и сделать так, чтобы он был не полностью защищен от заражения.

Она застегнула застежку у него на груди, подключила скафандр к укрепленному на стене шлангу, и Джек услышал свист воздуха, наполнявшего его костюм. Теперь поздно беспокоиться о том, что случится. Он готов войти в «горячую» зону.

Женщина отсоединила шланг и указала на следующую дверь.

Он вошел в воздушный шлюз. Дверь захлопнулась. Его поджидал человек в скафандре. Он молчал, жестом показывая Джеку, что нужно идти за ним через дальнюю дверь.

Они перешагнули порог и по коридору прошли в секционный зал.

Там Джек увидел тело в мешке, лежавшее на столе из нержавеющей стали. По обеим сторонам от трупа стояли люди в скафандрах. Одним из них был доктор Роман. Он повернулся и увидел Джека.

— Ни к чему не прикасайтесь. И не вмешивайтесь. Вы здесь только для того, чтобы наблюдать, доктор Маккаллум, так что не мешайте нам.

Радушный прием.

Сопровождающий в скафандре снова подключил костюм Джека к шлангу, и снова воздух со свистом наполнил его шлем. Если бы не наушники, он не смог бы расслышать, о чем говорят эти трое.

Доктор Роман и его помощники открыли мешок.

У Джека перехватило дыхание, горло сжалось. Это было тело Джилл Хьюитт. С нее сняли шлем, но на ней оставался оранжевый костюм для взлета и посадки, на котором было вышито ее имя. Хотя Джек и так узнал бы Джилл по круглой стрижке, по ее гладким, каштановым волосам с первыми намеками на седину. Ее лицо оставалось странно нетронутым. Глаза были полуоткрыты. Обе склеры — яркие и поразительно красные.

Роман с коллегами расстегнули костюм и раздели труп. Огнеупорную ткань, из которой он сделан, очень тяжело резать. Костюм пришлось стягивать. Люди в скафандрах работали слаженно, их комментарии казались сухими и бездушными. Без одежды Джилл напоминала сломанную куклу. Руки деформировались из-за переломов и превратились в массу раздробленных костей. Ноги с неестественно вывернутыми голенями тоже были сломаны. Кончики двух сломанных ребер проткнули грудную клетку; на тех местах, где проходили ремни безопасности ее кресла, теперь чернели синяки.

Джек почувствовал, как его дыхание участилось, но подавил внезапно возникший приступ ужаса. Он не раз присутствовал на вскрытиях, видел тела и в более ужасном состоянии. Например, трупы сгоревших летчиков больше походили на обуглившиеся ветки, их черепа раскалывались от давления закипавшего мозга; труп, лицо которого было срезано хвостовой лопастью вертолета; военно-морской летчик со сломанным позвоночником и сложенным назад телом — он катапультировался при закрытом фонаре кабины.

Но на это тело смотреть было гораздо страшней, потому что Джек знал покойную. Он помнил ее живой. Когда Джек наблюдал, с какой холодной невозмутимостью эти трое осматривают обнаженное тело Джилл, к его ужасу примешивался еще и гнев. Для них она — просто кусок мяса. Они не обратили внимания на ее травмы, ее переломанные конечности. Причина смерти отошла для них на второй план. Их больше интересовал микроорганизм, таящийся в ее трупе.

Роман приступил к Y-образному разрезу. В одной руке он держал скальпель, а на другой у него была надета стальная сетчатая перчатка. Первый надрез был сделан по диагонали — от правого плеча к мечевидному отростку грудины. Другой диагональный разрез, от левого плеча, соединялся с первым у мечевидного отростка. Затем он разрезал брюшную полость до лобковой кости, обогнув пупок. А после Роман перерезал ребра. Костный щит был поднят, обнажая грудную полость.

Тут же установили причину смерти.

Когда падает самолет, врезается в стену автомобиль или отчаявшиеся любовники совершают двойное самоубийство, прыгнув с десятого этажа, действует одна и та же сила отрицательного ускорения. Если человеческое тело, двигавшееся на большой скорости, резко останавливается, от этого могут сломаться ребра, а жизненно важные органы пронзят осколки костей. Тут возможен и перелом позвоночника, и разрыв спинного мозга, а череп можно раскроить о приборную доску. Но даже когда пилоты пристегнулись и надели шлемы, даже когда они никоим образом не контактируют с частями самолета, сила обратного ускорения может оказаться смертельной, потому что пристегнуто в этом случае только туловище, а не жизненно важные органы. Сердце, легкие и магистральные сосуды в грудной клетке находятся в подвешенном состоянии и держатся только за счет тканей организма. Когда тело резко останавливается, сердце маятником продолжает двигаться вперед с такой силой, что ткани и аорта разрываются. Поток крови устремляется в средостение и плевральную полость.

Грудная клетка Джилл Хьюитт напоминала кровавое озеро.

Роман откачал кровь, а потом нахмурился, глядя на сердце и легкие.

— Не пойму, откуда столько крови, — удивился он.

— Почему бы нам не вынуть все это единым блоком? — предложил его ассистент. — Так будет виднее.

— Скорее всего разрыв произошел в восходящей аорте, — вмешался Джек. — Большую часть времени он находится над аортальным клапаном.

Роман с раздражением взглянул на Джека. До этого момента ему удавалось не обращать внимания на посетителя; теперь же он был возмущен его навязчивым комментарием. Не говоря ни слова, он собрался рассечь магистральные сосуды.

— Лучше осмотреть сердце на месте, — предложил Джек. — Прежде чем резать.

— Как и откуда произошло кровотечение, меня не очень интересует, — резко возразил Роман.

«Их не волнует, что ее убило, — подумал Джек. — Они хотят узнать только одно — какой организм развивается и размножается внутри тела».

Роман перерезал трахею, пищевод и магистральные сосуды, затем единым блоком вынул сердце и легкие. Ткань легких покрывали кровоизлияния. Какова их природа — травмы или инфекция? Джек не знал. Затем Роман осмотрел органы брюшной полости. Слизистая тонкой кишки, как и легкие, была покрыта точечными кровоизлияниями. Он вынул кишку и, словно блестящий канат, сложил в таз. Затем он иссек желудок, поджелудочную железу и печень. Все срезы будут исследованы под микроскопом. Все ткани будут изучены на предмет бактерий и вирусов.

Из тела удалили почти все внутренние органы. Военно-морской летчик Джилл Хьюитт, любительница триатлона и шотландского виски, покера с высокими ставками и фильмов с участием Джима Керри, превратилась в пустую оболочку.

Роман с облегчением выпрямился. Пока вскрытие не показало ничего неожиданного. Если и были явные свидетельства заражения вирусом Марбурга, то Джек их не заметил.

Роман обошел труп, остановившись в изголовье.

Эта часть вскрытия особенно пугала Джека. Он с трудом заставил себя смотреть, как Роман разрезает кожу головы на макушке, от уха до уха. Надрезав кожу, он откинул верхний лоскут вперед, и бахрома каштановых волос упала Джилл на подбородок. Костными кусачками они вскрыли череп. При вскрытии в лаборатории высшей защиты нельзя пользоваться пилами, иначе в воздухе повиснет костная пыль. Они сняли верхушку черепа.

На стол из нержавеющий стали плюхнулся кровавый сгусток размером с кулак.

— Обширная субдуральная гематома, — констатировал один из помощников Романа. — Из-за травмы?

— Не думаю, — возразил патологоанатом. — Вы видели аорту — смерть наступила почти мгновенно, от удара. Не думаю, что сердце могло биться так долго, поддерживая сильное внутричерепное кровотечение.

Он аккуратно ввел руки в перчатках в полость черепа, исследуя поверхность серого вещества.

Вдруг желатинозная масса, выскользнув из черепа, разлилась по столу.

Роман отдернул руки, вздрогнув от неожиданности.

— Что, черт возьми, это такое? — поразился его помощник.

Роман не ответил. Он молча смотрел на комок ткани. Его покрывала сине-зеленая оболочка. Масса, скрывавшаяся под блестящим покровом, была какой-то шишковатой, словно бесформенный сгусток плоти. Он хотел было надрезать мембрану, но остановился, метнув взгляд на Джека.

— Это какая-то опухоль, — заметил он. — Или киста. Это объясняет жалобы на головную боль.

— Нет, не объясняет, — возразил Джек. — Головная боль у Джилл возникла внезапно, за несколько часов. А опухоль растет месяцами.

— Откуда вам знать, вдруг она скрывала симптомы последние несколько месяцев? — проговорил Роман. — Чтобы остаться в экипаже?

Джек вынужден был признать, что такое возможно.

Астронавты так хотят получить назначение на полет, что готовы скрыть симптомы, из-за которых их могут к нему не допустить.

Роман посмотрел на помощника, стоявшего по другую сторону стола. Тот кивнул, собрал массу в специальный контейнер и унес из зала.

— Разве вы не будете делать срезы? — спросил Джек.

— Сначала ее надо сделать твердой и окрасить. Если резать сейчас, клеточная архитектура может деформироваться.

— По-моему, вы не уверены в том, что это опухоль.

— А что же это?

Джек не ответил. Он никогда не видел ничего подобного.

Роман продолжил осмотр черепной полости Джилл Хьюитт. Было ясно, что эта масса увеличила давление на мозг, деформировав его. Как долго она там находилась? Месяцы, годы? Как получилось, что Джилл нормально пилотировала такой сложный летательный аппарат, как шаттл? Обо всем этом думал Джек, наблюдая, как Роман извлекает мозг и укладывает его в стальной лоток.

— Еще немного, и у нее была бы грыжа мозжечкового намета, — заметил Роман.

Неудивительно, что Джилл ослепла. Неудивительно, что она не смогла выпустить шасси. Она была без сознания — еще немного, и ее мозг выдавило бы из основания черепа, словно зубную пасту из тюбика.

Тело Джилл — то, что от него осталось, — запечатали в новый мешок и вместе с контейнерами биологической опасности, в которых лежали ее органы, увезли из зала.

Затем доставили второе тело. Энди Мерсера.

Надев новые перчатки поверх перчаток скафандра и взяв чистый скальпель, Роман принялся за Y-образный разрез. Он работал быстрее, словно Джилл послужила ему разминкой, а теперь он уже достиг нужного темпа.

Мерсер жаловался на боли в животе и рвоту, вспомнил Джек, когда следил, за скальпелем Романа, прорезающим кожу и подкожный жир. Мерсер не жаловался на головную боль, как Джилл, но у него была высокая температура и кашель с кровью. Что если в его легких обнаружатся признаки вируса Марбурга?

Снова Роман соединил диагональный разрез под мечевидным отростком и принялся за неглубокий разрез, ведущий по брюшине к лобковой кости. Он снова перерезал ребра и, высвободив треугольный щит, прикрывавший сердце, поднял грудину.

У Романа перехватило дыхание, и он отшатнулся назад, выронив скальпель. Инструмент звякнул, ударившись о стол. Его помощники замерли, не веря своим глазам.

В грудной полости Мерсера скрывалась гроздь сине-зеленых кист, похожих на кисту из мозга Джилл Хьюитт. Они сгрудились вокруг сердца, словно крошечные полупрозрачные икринки.

Роман стоял как парализованный, не отрывая взгляда от вскрытого тела. Затем он взглянул на блестящую брюшину. Она раздулась, наполнилась кровью и выпирала из разреза в брюшной полости.

Роман шагнул к телу, не отрывая глаз от выпяченной брюшины. Когда он делал надрез в брюшной стенке, его скальпель задел поверхность мембраны. Из нее вытекла струйка жидкости с кровью. Сначала всего несколько капель. Затем, прямо у них на глазах, струйка превратилась в поток. Затем надрез прорвался, и из дыры хлынула кровь, неся с собой поток сине-зеленых пузырьков.

Роман закричал от ужаса, когда пузырьки с брызгами крови и слизи оказались на полу.

Один из пузырьков скользнул по бетону и ударился о резиновый сапог Джека. Он нагнулся, чтобы коснуться его рукой в перчатке. Помощники Романа резко оттащили его от стола.

— Уберите его отсюда! — приказал Роман. — Выведите его из помещения!

Ассистенты потащили Джека к двери. Он сопротивлялся, отталкивая руки в перчатках, которые теперь сжимали его плечо. Один из помощников, потеряв равновесие, задел и опрокинул поддон с хирургическими инструментами, а потом растянулся на полу, скользком от пузырьков и крови.

Второй помощник выкрутил воздушный шланг Джека из воздуховода и зажал его в руке.

— Советую вам пойти с нами, доктор Маккаллум, — сказал он. — Пока у вас еще есть воздух.

— Мой скафандр! Боже, он порвался!

Это был человек, опрокинувший поддон с инструментами. Он с ужасом смотрел на пятисантиметровую дыру на рукаве своего костюма, покрытом кровью и слизью из тела Мерсера.

— Рукав промок. Я чувствую влагу. Мой внутренний рукав промок...

— Быстро! — рявкнул Роман. — Немедленная дезинфекция!

Помощник отключил свой скафандр от воздуховода и помчался прочь из помещения. Джек последовал за ним в воздушный шлюз, затем оба шагнули в дезинфекционный душ. Сначала хлынула вода, словно ливень

ударяя по плечам. А потом начался дезинфекционный душ в виде потока зеленой жидкости, который с шумом разбивался о пластиковые шлемы.

Когда душ прекратился, они прошли через следующую дверь и стянули скафандры. Помощник немедленно снял с себя уже мокрый хирургический костюм и сунул руку под струю воды, чтобы смыть все, что просочилось сквозь рукав.

— Есть какие-нибудь нарушения целостности кожи? — спросил Джек. — Порезы, заусеницы?

— Дочкина кошка вчера вечером оцарапала меня.

Посмотрев на его руку, Джек заметил следы кошачьих когтей — три царапины на внутренней стороне руки. Той же руки, на которой порвался рукав. Он посмотрел в глаза помощнику и увидел там страх.

— Что теперь? — спросил Джек.

— Карантин. Меня изолируют. Черт...

— Я уже понял, что это не Марбург, — проговорил Джек.

Мужчина глубоко вздохнул.

— Нет, не Марбург.

— Тогда что это? Расскажите мне, с чем мы имеем дело, — попросил Джек.

Вцепившись обеими руками в края раковины, мужчина наблюдал, как в водостоке исчезает вода.

— Мы не знаем, — тихо признался он.

17

Салливан Оби мчался на «Харлее» по Марсу.

В полночь, когда на небе сияла полная луна и перед ним простиралась рябая поверхность пустыни, Салливан представлял, что его волосы развевает марсианский ветер и красная марсианская пыль разлетается из-под колес его мотоцикла. Это давняя фантазия из детства, из тех дней, когда не по годам развитые братья Оби запускали самодельные ракеты, мастерили из картона космические корабли и носили скафандры из мятой фольги. Из тех дней, когда они с Горди были уверены, точно знали, что их будущее связано с небом.

«И вот куда привели эти великие мечты, — пронеслось в голове у Салливана. — Накачавшись текилой, ношусь по пустыне». Другой возможности попасть на Марс или на Луну у него нет. Вряд ли у него получится даже оторваться от этой чертовой стартовой площадки, наверняка он мгновенно разлетится на мелкие кусочки. Быстрая, красивая смерть. Черт возьми, это лучше, чем умереть от рака в семьдесят пять.

Резко затормозив — так, что его мотоцикл поднял клубы пыли, Салливан пристально посмотрел на «Апогей II», стоявший вдали, за песчаными барханами, залитыми лунным светом, он блестел, словно полоска серебра с направленным к звездам носовым обтекателем. Вчера они перевезли его на стартовую площадку. Неторопливая праздничная процессия — десяток сотрудников «Апогея», сопровождавших грузовик с платформой по пустыне, изо всех сил жали на клаксоны и барабанили по крышам автомобилей. Когда корабль занял нужное положение и на него устремились сощуренные от солнца взгляды, вдруг наступила тишина. Все знали, что это последний шанс. Через три недели, когда «Апогей II» стартует, он унесет с собой все их надежды и мечты.

«И мою жалкую тушу», — подумал Салливан.

Понимая, что он, возможно, глядит на свой будущий гроб, Салливан вздрогнул.

Он завел «Харлей» и с ревом понесся обратно на дорогу, подпрыгивая на дюнах и перелетая через ямы. Он мчался как угорелый, подгоняемый текилой и внезапной непоколебимой уверенностью, что он уже мертвец. Что через три недели корабль умчит его в небытие. До этого момента ничто не сможет тронуть или ранить его.

Перспектива смерти сделала его неуязвимым.

Салливан ускорил ход, летя по суровому лунному ландшафту своих мальчишеских фантазий. «Вот я еду на луноходе, мчусь через Море Покоя. Въезжаю на лунный холм. Взлетаю и мягко приземляюсь...»

Он почувствовал, что земля уходит из-под его колес. Почувствовал, что летит куда-то — «Харлей» рокочет под ним, а луна светит прямо в глаза. Он все еще парит. Далеко ли? Высоко ли?

Удар о землю был таким сильным, что Салливан, не справившись с управлением, отлетел в сторону, а «Харлей» рухнул на него сверху. Некоторое время он потрясенно лежал на земле, зажатый между мотоциклом и плоским камнем. «Чертовски дурацкая поза», — подумал он.

Затем на него обрушилась боль. Сильная и мучительная, словно его бедра превратились в осколки.

Издав крик, Салливан перевернулся на спину, лицом к небу. Луна продолжала светить, посмеиваясь над ним.

— Тазовые кости сломаны в трех местах, — сообщила Бриджит. — Прошлой ночью врачи наложили гипс. Сказали, что он будет прикован к койке по крайней мере шесть недель.

Касперу Малхолланду показалось, что его мечты лопаются словно воздушные шарики.

— Шесть… недель?!

— А потом ему предстоит курс реабилитации, это еще три или четыре месяца.

— Четыре месяца?!

— Ради всего святого, Каспер. Скажи что-нибудь пооригинальней.

— Мы пропали.

Он ударил ладонью по лбу, словно наказывая себя за дерзкие мечты о том, что у них все получится. Над «Апогеем» довлеет какое-то проклятие — оно вставляет палки в колеса, стоит лишь достигнуть финишной черты. Из-за него взрывались их ракеты. Сгорел дотла первый офис. А теперь оно вывело из строя единственного пилота.

Он мерил шагами приемную, думая: «Нам никогда не повезет». Они вложили в проект все свои сбережения, хорошую репутацию и тринадцать лет жизни. Господь подает им знак, что стоит отказаться от затеи. Сократить потери еще до того, как случится что-нибудь по-настоящему страшное.

— Он был пьян, — добавила Бриджит.

Каспер замер и обернулся к ней. Она стояла, сурово скрестив руки; ее рыжие волосы казались нимбом мстительного ангела.

— Так сказали врачи, — пояснила она. — Уровень алкоголя в крови ноль девятнадцать. Он был пропитан алкоголем, как селедка солью. Это не просто обычное невезение. Это наш дорогой Салли снова облажался.

Единственное утешение, что ближайшие шесть недель он проведет с трубкой в члене.

Не говоря ни слова Каспер вышел из приемной, прошел по коридору и вошел в палату Салливана.

— Идиот, — сказал он.

Салли посмотрел на него стеклянными от морфия глазами.

— Спасибо за сочувствие.

— Ты не заслуживаешь сочувствия. До запуска три недели, а ты в пустыне откалываешь номера в духе Чака Йегера.[37] Что ж ты остановился на полпути? Размозжил бы себе башку. Черт, это бы ничего не изменило!

Салли закрыл глаза.

— Прости.

— Ты только и делаешь, что просишь прощения.

— Я все испортил, я знаю...

— Ты пообещал управляемый полет. Это не моя идея, а твоя. Теперь они ждут. Им это понравилось. Когда последний раз инвесторам нравилась наша затея? Все могло бы измениться. Если бы ты не взялся за бутылку...

— Мне стало страшно.

Салли говорил очень тихо, и Каспер решил, что он ослышался.

— Что? — переспросил он.

— Ну, насчет запуска. У меня было... плохое предчувствие.

Плохое предчувствие. Каспер медленно опустился на стоявший рядом стул, и весь его гнев мгновенно испарился. Страх — чувство, в котором человек признается неохотно. То, что Салли, регулярно навлекавший на них беды, признался в собственном страхе, потрясло Каспера.

Он проникся к нему сочувствием.

— Для запуска я вам не нужен, — сказал Салли.

— Ожидалось, что в кабине будет пилот.

— Ты можешь посадить на мое место чертову мартышку, и они ничего не заметят. Кораблю не нужен пилот. Ты можешь передать все команды с Земли.

Каспер вздохнул. Теперь выбора нет; это будет непилотируемый полет. Конечно, у них есть серьезное оправдание, но примут ли его инвесторы? Или решат, что программа «Апогей» скисла, что им не хватает уверенности и они не хотят рисковать человеческой жизнью?

— Думаю, я струсил, — тихо признался Салли. — Очень хотелось выпить прошлой ночью. Не смог остановиться...

Каспер понимал страх напарника, а еще то, что одно поражение неумолимо приводит к другому и так далее, пока не поймешь: ты полный неудачник. Неудивительно, что Салли испугался, ведь он перестал верить в мечту. В «Апогей». Возможно, они все перестали.

— Мы все равно можем осуществить запуск, — заметил Каспер. — Даже без обезьяны в кабине.

— Ага. Отправь вместо обезьяны Бриджит.

— А кто будет отвечать на звонки?

— Обезьяна.

Оба рассмеялись. Они походили на старых солдат, собиравших остатки веселья накануне поражения, в котором были уверены.

— Значит, мы сделаем это? — спросил Салли. — Запуск состоится?

— Для того мы и построили ракету.

— Что ж, ладно. — Салли глубоко вздохнул, и в выражении его лица мелькнула прежняя бравада. — Тогда давай все сделаем как надо. Пресс-релизы во все телеграфные агентства. Угощение с шампанским. Черт, пригласите моего братца-праведника и его дружков из НАСА. Если ракета взорвется на стартовой площадке, по крайней мере мы красиво выйдем из дела.

— Да. Красоты у нас всегда хоть отбавляй.

Они ухмыльнулись.

Каспер поднялся, собираясь уйти.

— Поправляйся, Салли, — пожелал он. — Ты будешь нужен нам для «Апогея III».

Бриджит все еще ждала в приемной.

— И что теперь? — спросила она.

— Запуск по расписанию.

— Беспилотный?

Он кивнул.

— Мы будем управлять кораблем из зала.

К его удивлению, она вздохнула с облегчением.

— Аллилуйя!

— Чему ты радуешься? Наш человек лежит в больнице.

— Вот именно. — Она повесила сумочку на плечо и повернулась, собираясь уйти. — Это означает, что теперь мы не облажаемся.

11 августа

Николай Руденко плавал в шлюзе, наблюдая, как Лютер втискивает бедра в нижнюю часть скафандра для работы в открытом космосе. Невысокому Николаю Лютер казался экзотическим гигантом с широкими плечами и ногами-поршнями. А кожа! За несколько месяцев, проведенных на борту МКС, Николай становился все бледнее, а кожа Лютера оставалась блестящей и темно-коричневой — поразительный контраст с бледными людьми, населявшими их бесцветный мир. Николай уже облачился в свой скафандр и теперь висел рядом с Лютером, собираясь помочь напарнику надеть верхнюю часть скафандра. Они мало разговаривали друг с другом; ни у кого из них не было настроения для болтовни.

Вечером эти двое почти не разговаривали — они спали в воздушном тамбуре, адаптируясь к более низкому атмосферному давлению пятьсот тридцать миллиметров, что составляет две трети давления на космической станции. Давление в их костюмах будет даже меньше, около двухсот тридцати миллиметров. Их нельзя надуть сильнее — в противном случае ноги и руки слишком сильно увеличатся в объеме и одеревенеют, а суставы невозможно будет согнуть. Мгновенный переход из космического корабля с нормальным давлением в низкое давление скафандра равносилен резкому всплытию со дна океана. Астронавту

пришлось бы испытать высотные боли. В крови образовались бы азотные пузырьки, блокируя капилляры и отрезая доступ драгоценного кислорода к головному и спинному мозгу. Последствия этого разрушительны: паралич и инсульт. Как и глубоководные ныряльщики, астронавты должны дать своему организму время на адаптацию к новому давлению. Ночью накануне выхода в открытый космос астронавты промывают легкие чистым кислородом и закрываются в воздушном тамбуре на ночевку. Несколько часов они проведут вместе в маленьком помещении, где уже собрано все оборудование. Страдающим клаустрофобией здесь не место.

Вытянув руки над головой, Лютер втиснулся в верхнюю часть скафандра, прикрепленную к стене шлюза. Это облачение — утомительное занятие, сродни заползанию в узкий тоннель. Наконец голова Лютера протиснулась в отверстие для головы, и Николай помог ему защелкнуть кольцо на талии, чтобы надежно скрепить две половинки костюма.

Они надели шлемы. Опустив взгляд, чтобы подогнать свой шлем к шейному ободу, Николай заметил что-то блестящее. «Слюна», — решил он и пристегнул шлем. Они надели перчатки. Герметично упакованные в скафандры, они открыли люк шлюзового модуля, переплыли туда и закрыли за собой люк. Теперь Николай и Лютер находились в еще более тесном помещении, тут едва хватало места для двух человек с объемными рюкзаками, в которых находилось оборудование жизнеобеспечения.

Затем последовали тридцать минут десатурации — процедуры, во время которой астронавты вдыхали чистый кислород, очищая кровь от азота. Николай плавал с закрытыми глазами, мысленно готовясь к выходу в открытый космос. Если не получится разблокировать шарнирный привод «Бета» и переориентировать панели солнечных батарей к солнцу, они останутся без энергии. МКС придет в негодность. То, что Николай с Лютером должны сделать в ближайшие шесть часов, определит судьбу МКС.

Ответственность тяжким грузом повисла на усталых плечах Николая, но космонавт с нетерпением ожидал момента, когда откроется люк и он выплывет из воздушного тамбура. Выйти в открытый космос — все равно что заново родиться; чувствуя себя плодом, появляющимся из маленького тесного прохода с похожим на пуповину ограничительным фалом, астронавт выплывает в бескрайнее пространство космоса. Если бы не серьезность их положения, он бы с нетерпением ждал этого момента головокружительной свободы, парения в космосе, где прямо под ним вращается ослепительно голубая Земля.

Но образы, всплывавшие в его мозгу во время тридцатиминутного ожидания с закрытыми глазами, были не о выходе в открытый космос. Он видел лица погибших. Николай представлял, как «Дискавери» несется вниз. Экипаж пристегнут к креслам, тела трясутся, словно кукольные, позвоночники ломаются, сердца разрываются. Хотя Центр управления полетом и не сообщил подробностей катастрофы, кошмарные видения заполняли воображение, сердце бешено билось, а горло пересыхало.

— Ребята, тридцать минут истекли, — послышался по внутренней связи голос Эммы. — Пора снижать давление.

Николай открыл глаза и увидел, как Лютер включил разгерметизационную помпу; его руки стали липкими от пота. Воздух начал выходить, давление в шлюзе начало падать. Если бы в костюмах были дыры, они бы сейчас обнаружили их.

— Все в порядке? — спросил Лютер, проверяя щеколды на пупочных фалах-ограничителях.

— Я готов.

Лютер выпустил оставшуюся атмосферу шлюза в космос. Затем освободил ручку и открыл люк. Вышел последний воздух.

Они задержались на мгновение, вцепившись в край люка и с благоговейным ужасом выглядывая наружу. Затем Николай выплыл в черноту космоса.

— Они выходят, — сообщила Эмма, по кабельному телеканалу наблюдая, как два астронавта выплыли из шлюза; за ними, словно пуповины, тянулись фалы. Они вытащили инструменты из контейнера, расположенного с наружной стороны шлюзовой камеры. Затем, подтягиваясь на опорах, астронавты добрались до главной фермы. Когда они проходили мимо камеры, закрепленной над фермой, Лютер помахал рукой.

— Смотрите шоу? — раздался его голос по каналу УКВ-связи.

— Наружная камера показывает вас хорошо, — отозвался Григгс. — Но камера на твоем скафандре не работает.

— У Николая тоже?

— Да. Мы пытаемся понять, в чем дело.

— Ладно, мы направляемся к ферме, чтобы осмотреть повреждения.

Двое астронавтов вышли из зоны видимости первой камеры. На мгновение они исчезли из вида.

— Вот они, — сказал Григгс, указывая на другой экран. На нем двое в скафандрах двигались по направлению ко второй камере, хватаясь за элементы конструкции фермы.

Затем они снова вышли из поля зрения. Теперь астронавты находились в слепой зоне поврежденной камеры, увидеть их было невозможно.

— Приближаетесь, ребята? — поинтересовалась Эмма.

— Почти рядом, — тяжело дыша, ответил Лютер.

«Помедленней, — подумала она. — Не торопитесь».

Некоторое время, показавшееся вечностью, от работавших в открытом космосе не поступало никаких вестей. Эмма чувствовала, что ее пульс участился, тревога усилилась. Травмированная станция начала страдать от энергетического голода. Починить батареи просто необходимо. «Вот бы Джек оказался здесь», — подумала Эмма. У него золотые руки, он мог восстановить любой лодочный мотор, собрать коротковолновой радиоприемник из найденных на помойке деталей. Самый ценный инструмент на орбите — умелые руки.

— Лютер! — позвал Григгс.

Ответа не последовало.

— Николай! Лютер! Пожалуйста, ответьте.

— Черт, — послышался голос темнокожего астронавта.

— Что там? Что ты видишь? — спросил Григгс.

— Я осматриваю повреждения, и, знаете, тут прямо месиво. Весь сегмент пи-шесть главной фермы перекручен. «Дискавери», должно быть, срезал солнечную батарею два-би и согнул этот сегмент. Затем поднялся и оторвал антенны диапазона S.

— Как ты думаешь, что-то можно починить?

— Антенну диапазона S — без проблем. У нас есть ОТЭЗ[38] для антенны, мы запросто заменим ее. А вот о солнечных батареях по левому борту придется забыть. Тут нужна новая ферма.

— Хорошо. — Григгс устало потер лицо. — Ладно, мы поработаем на одном фотоэлектрическом модуле. Думаю, нам его хватит. Но переориентировать батареи сегмента пи-четыре необходимо, иначе мы не сможем работать в полную силу.

Последовала пауза, во время которой Лютер и Николай направились обратно вдоль главной фермы. Вскоре они возникли в зоне видимости камер; Эмма следила за тем, как они, словно водолазы на большой глубине, медленно передвигаются в своих громоздких костюмах и с огромными ранцами. Астронавты остановились у батарей сегмента Р-4. Один из них проплыл вперед и принялся внимательно изучать механизм, соединявший огромные крылья солнечных батарей с опорой фермы.

— Привод помят, — сообщил Николай. — Шарнир не вращается.

— Можно привести его в чувство? — осведомился Григгс.

Они слышали, как Лютер и Николай обменялись несколькими фразами. Затем Лютер спросил:

— Вы хотите, чтобы это выглядело красиво?

— Как получится. Ребята, нам нужна энергия, иначе начнутся неприятности.

— Попробуем поиграть в автосервис.

Эмма посмотрела на Григгса.

— Это то, о чем я подумала?

Но ответил на этот вопрос не Григгс, а Лютер:

— Сейчас мы вытащим молоток и поставим этого сукиного сына на место.

Он все еще был жив.

Доктор Айзек Роман через смотровое окно наблюдал за своим несчастным коллегой, тот сидел на больничной кровати и смотрел телевизор. Как ни странно — мультик по детском телеканалу, однако пациент смотрел его с невероятной сосредоточенностью. Он даже не взглянул на медсестру в скафандре, которая зашла в комнату, чтобы

унести поднос с нетронутым обедом. Роман нажал на кнопку внутренней связи.

— Как ты себя чувствуешь, Натан?

Доктор Натан Хелсингер испуганно повернулся к смотровому окну и только теперь заметил за стеклом Романа.

— Я в порядке. Совершенно здоров.

— Никаких симптомов?

— Я уже сказал, я в порядке.

Некоторое время Роман пристально разглядывал его. Его коллега выглядел вполне здоровым, только несколько бледным и напряженным.

Испуганным.

— Когда закончится карантин? — спросил Хелсингер.

— Прошло только тридцать часов.

— У астронавтов симптомы проявились через восемнадцать.

— Они находились в условиях микрогравитации. Мы не знаем, чего ожидать на Земле и не можем рисковать. Сам знаешь.

Резко отвернувшись, Хелсингер снова уставился в телевизор, но Роман успел заметить слезы у него на глазах.

— Сегодня день рождения моей дочки.

— Мы послали ей подарок от твоего имени. Твоей жене уже сообщили, что ты не сможешь приехать. Ты — на борту самолета, летящего в Кению.

Хелсингер горько рассмеялся.

— Ты все предусмотрел, да? А если я умру? Что ты ей скажешь?

— Что это случилось в Кении.

— Неплохое место, не хуже любого другого. — Он вздохнул. — Так что вы ей подарили?

— Твоей дочери? Полагаю, Барби-доктора.

— Именно такую куклу она и хотела. Откуда вы узнали?

У Романа зазвонил сотовый.

— Я загляну к тебе попозже, — пообещал он и отвернулся от окна, отвечая на звонок.

— Доктор Роман, это Карлос. Мы получили кое-какие результаты анализа ДНК. Вам лучше приехать и увидеть все своими глазами.

— Уже еду.

Доктор Карлос Микстал сидел перед лабораторным компьютером. Данные бежали по монитору бесконечным потоком:

GTGATTAAAGTGGTTAAAGTTGCTCATGTTCAATTATGCAGTT

GTTGCGGTTGCTTAGTGTCTTTAGCAGACACATATGAAAAGC

TTTTAGATGTTTTGAATTCAATTGAGTTGGTTTATTGTCAAACT

TTAGCAGATGCAAGAGAAATTCCTGAATGCGATATTGCTTTA

GTTGAAGGCTCTGT…

Данные состояли всего из четырех букв — G, T, A, и C. Это была последовательность нуклеотидов, а буквы представляли собой строительные блоки, из которых состоит ДНК — генетический план любого живого организма.

Карлос повернулся на звук шагов с таким выражением лица, что Роману все стало ясно. Карлос был напуган. «Как Хелсингер, — пронеслось в голове у Романа. — Все боятся».

Он подсел к Карлосу.

— Это она? — спросил он, указывая на экран.

— Это из организма, которым заразился Кеничи Хираи. Мы взяли ее из останков, которые… соскребли со стен «Дискавери».

«Останки» — подходящее название тому, во что превратилось тело Хираи. Слипшиеся клочки тканей, которыми были заляпаны стены шаттла.

— Большая часть ДНК осталась нераспознанной. Мы не знаем, что это за код. Но мы можем идентифицировать последовательность на экране. Это ген кофермента F420.

— И что это?

— Фермент, характерный для домена археона.

Роман выпрямился, ощутив легкий приступ тошноты.

— Значит, все подтвердилось, — пробормотал он.

— Да. У этого организма определенно есть ДНК археона. — Карлос помолчал. — Но боюсь, все гораздо хуже.

— Что значит «гораздо хуже»? Разве может быть хуже?

Карлос нажал несколько клавиш, и на экране появилась другая нуклеотидная последовательность.

— Мы обнаружили еще один кластер генов. Сначала я подумал, что произошла ошибка, но потом получил подтверждение. Этот кластер соответствует Rana pipiens, леопардовой лягушке.

— Что?

— Именно так. Одному Богу известно, как туда попал ген лягушки. А сейчас станет по-настоящему страшно. — Карлос перешел к очередному сегменту генома. — Еще одна опознаваемая группа, — пояснил он.

По спине Романа пробежал холодок.

— И что это за гены?

— Эта часть ДНК характерна для Mus musculis. Мышь обыкновенная.

Роман пристально уставился на него.

— Это невозможно.

— У меня есть подтверждение. Эта форма жизни каким-то образом включила в свой геном ДНК млекопитающих, что добавило ей новые ферментативные способности. Она способно меняться. Эволюционировать.

«Во что?» — подумал Роман.

— Это еще не все. — Карлос снова нажал несколько клавиш, и на мониторе появилась новая последовательность нуклеотидов. — Данный кластер также не принадлежит археону.

— Что это? Снова ДНК мыши?

— Нет. Эта часть — из генома человека.

Романа прошиб холодный пот. Волосы зашевелились у него на голове. Он онемело потянулся к телефону.

— Соедините меня с Белым домом, — попросил он. — Мне нужно поговорить с Джаредом Профиттом.

Ему ответили после второго гудка.

— Говорит Профитт.

— Мы проанализировали ДНК, — сказал Роман.

— И что?

— Ситуация хуже, чем мы ожидали.

18

Его руки дрожали от усталости, и Николай остановился передохнуть. После нескольких месяцев в космосе его тело ослабло и отвыкло от физического труда. В условиях микрогравитации не приходится поднимать тяжести и почти нет необходимости напрягать мышцы. Последние пять часов они с Лютером работали, не останавливаясь, и уже успели починить антенны диапазона S, разобрать и снова собрать шарнирный привод. И вот Николай обессилел. Усилие, которое он прилагал, сгибая руки в объемном скафандре, заметно затрудняло даже самые простые действия.

Работа в этом скафандре сама по себе была испытанием. Чтобы спасти человеческое тело от воздействия температуры, колеблющейся в диапазоне от -150 до +120 градусов, и обеспечить давление, защищающее астронавта от космического вакуума, скафандр сделан многослойным: в нем есть слой алюминированного майлара, оболочки из нейлонового рипстопа[39] и огнеупорной ткани «орто-фабрик», гермооболочка, а под всем этим — еще костюм водяного охлаждения. Плюс ко всему приходится тащить на себе ранец жизнеобеспечения, в котором содержатся вода, кислород и радиооборудование; он также оснащен реактивной установкой для перемещения в открытом космосе. По сути, такой скафандр — громоздкий и трудноуправляемый персональный космический корабль, сковывающий движения до такой степени, что простая операция вроде затягивания болта требует от астронавта огромных усилий и предельной концентрации внимания.

Работа утомила Николая. Руки сводило судорогой в неуклюжих перчатках, и с него градом тек пот.

А еще ему хотелось есть.

Он глотнул воды из вмонтированной внутри скафандра трубки и тяжело вздохнул. Вода была странной, с рыбным привкусом, но Николай не придал этому значения. В условиях микрогравитации все приобретает странный вкус. Он глотнул еще немного воды и почувствовал, что облил подбородок. Он не мог добраться до внутренностей шлема и вытереть ее, а потому, решив не обращать на это внимания, посмотрел вниз, на Землю. Увидев родную планету вот так, во всем ее великолепии, он вдруг почувствовал головокружение и легкий приступ тошноты. Николай закрыл глаза, ожидая, что дурнота пройдет. Его просто немного укачало; такое часто случается, когда Земля неожиданно попадает в поле зрения. Когда желудок успокоился, Николай вдруг заметил новое ощущение: пролитая вода теперь текла вверх по щеке. Он поморщился, стараясь стряхнуть каплю, но та продолжала скользить по коже.

«Здесь же микрогравитация, здесь нет верха и низа. Вода вообще не должна куда-либо течь».

Он начал трясти головой, ударяя рукой по шлему.

Но капля продолжала двигаться вверх по лицу, оставляя мокрую дорожку. Она ползла к уху. Вот она достигла края шлемофона. Ткань наверняка впитает влагу и не даст капле протечь дальше...

Вдруг Николай замер. Капля скользнула под край шлемофона. И теперь протискивалась к уху. Нет, это не вода, не струйка пота, у этой влаги есть какая-то цель. «Она живая».

Николай метнулся влево, затем вправо, стараясь сбросить каплю. Он сильно ударил по шлему. Безуспешно — влага продолжала двигаться, забираясь под наушник.

Николай принялся извиваться в лихорадочном танце, и картинка перед его глазами менялась с головокружительной скоростью: Земля, чернота космоса, Земля, космос...

Влага скользнула ему в ухо.

— Николай! Николай, пожалуйста, ответь! — звала Эмма, наблюдая за движениями космонавта на мониторе. Он крутился и вертелся, а его руки

в перчатках отчаянно колотили по шлему. — Лютер, похоже, у него припадок!

В кадре появился Лютер — он спешил на помощь своему напарнику. Николай, тряся головой, продолжал молотить руками по шлему. Эмма слышала их диалог на ультравысокой частоте.

Лютер спросил:

— Что случилось, в чем дело?

— Ухо… У меня в ухе…

— Болит? Ухо болит? Посмотри на меня!

Николай снова ударил по шлему.

— Оно пробирается глубже! — кричал он. — Вытащите его! Уберите его!

— Что с ним? — закричала Эмма.

— Я не знаю! Боже, он в панике…

— Он слишком близко к стойке с инструментами. Оттащи его, пока он не порвал скафандр!

На мониторе было видно, как Лютер схватил своего партнера за руку.

— Ладно, Николай. Отправляемся обратно в шлюз.

Вдруг космонавт вцепился в свой шлем так, словно хотел сорвать его.

— Нет! Не делай этого! — закричал Лютер, он схватил напарника за обе руки, изо всех сил стараясь сдержать его.

Николай и Лютер метались туда-сюда, фалы извивались, опутывая их тела.

Григгс, Диана и Эмма в ужасе следили за драмой, разворачивающейся за пределами станции.

— Лютер, стойка! — крикнул Григгс. — Не повредите скафандры!

Только он произнес это, как Николай резко и сильно изогнулся в руках Лютера, ударившись шлемом об опору. Похожая на белый туман струйка начала сочиться из защитного стекла шлема.

— Лютер! — воскликнула Эмма. — Проверь его шлем! Проверь его шлем!

Лютер пристально осмотрел защитное стекло на шлеме Николая.

— Черт, у него трещина! — крикнул он. — Я вижу, как через нее выходит воздух! У него декомпрессия!

— Нажми кнопку экстренной подачи кислорода и тащи его на станцию, быстро!

Лютер включил экстренную подачу кислорода в скафандр Николая. Дополнительный воздушный поток поможет некоторое время поддерживать давление в скафандре, и Николай сможет вернуться на станцию живым. Продолжая бороться со своим напарником, Лютер потащил его к шлюзу.

— Быстрее, — бормотал Григгс. — Боже, быстрее.

Несколько драгоценных минут Лютер потратил на то, чтобы втащить напарника в шлюз, закрыть люк и восстановить атмосферное давление. Они не стали ждать обычной проверки целостности шлюзового модуля, а сразу подняли давление до одной атмосферы.

Люк открылся, и в шлюз с оборудованием нырнула Эмма.

Лютер уже снял шлем Николая и теперь отчаянно пытался вытащить коллегу из верхней части скафандра. Вместе они вытащили отбивавшегося Николая из нижней части скафандра. Эмма и Григгс поволокли его через станцию в российский рабочий модуль, где были электроэнергия и свет. Он всю дорогу кричал, хватаясь за левую сторону шлемофона. Его опухшие глаза были закрыты, веки сильно раздуло. Эмма дотронулась до его щек и почувствовала скрип — из-за декомпрессии воздух остался в подкожном слое. На его подбородке блестела влажная полоска.

— Николай, успокойся! — попросила Эмма. — Все в порядке, ты меня слышишь? Все будет хорошо!

Вскрикнув, космонавт стащил шлемофон. Прибор отлетел в сторону.

— Помогите мне уложить его на стол! — крикнула Эмма.

Чтобы установить медицинский стол с ремнями-ограничителями, стянуть с Николая костюм водяного охлаждения и привязать космонавта к столу, потребовалась помощь всех членов экипажа. Теперь он был полностью обездвижен. Когда Эмма слушала его сердце и легкие, осматривала живот, он продолжал хныкать и мотать головой из стороны в сторону.

— У него ухо болит, — подсказал Лютер. Он уже снял свой объемистый скафандр для выхода в открытый космос и теперь, выпучив глаза, наблюдал за мучениями Николая. — Он сказал, у него что-то в ухе.

Эмма внимательно осмотрела лицо космонавта. Влажная полоска тянулась от подбородка вверх по левой щеке. К уху. Капелька влаги была и на ушной раковине.

Она включила отоскоп на батарейках и вставила трубку в ушной канал Николая.

Первое, что она увидела, — это кровь. Яркая красная капля, блестевшая под светом отоскопа. Затем Эмма внимательно осмотрела ушную перепонку.

В ней обнаружилось отверстие. Эмма увидела не тусклый блеск перепонки, а черную зияющую дыру. «Баротравма», — сразу же решила она. Возможно, перепонка порвалась из-за резкой декомпрессии. Эмма проверила другую перепонку, но та была цела.

Эмма выключила отоскоп и озадаченно взглянула на Лютера.

— Что произошло?

— Я не знаю. Мы решили сделать короткую передышку. Перед тем как убрать инструменты. Все было хорошо, и вдруг он запаниковал.

— Мне нужно взглянуть на его шлем.

Покинув российский рабочий модуль, Эмма направилась к шлюзовому модулю. Она открыла люк и принялась рассматривать скафандры, которые Лютер снова прикрепил к стене.

— Что ты делаешь, Уотсон? — удивился последовавший за ней Григгс.

— Хочу посмотреть, велика ли трещина. Насколько быстрой была декомпрессия.

Она приблизилась к скафандру, на котором была табличка «Руденко», и сняла шлем. Заглянув внутрь, Эмма увидела следы влаги, налипшие на треснувшую лицевую панель. Эмма вытащила ватную палочку из накладного кармана и коснулась жидкости. Влага оказалась густой и желеобразной. Сине-зеленого цвета.

Холодок пробежал по спине Эммы.

«Здесь был Кеничи, — вдруг вспомнила она. — В ночь, когда он умер, мы нашли его в этом шлюзе. Инфекция каким-то образом попала в скафандр».

Запаниковав, она попятилась назад, столкнувшись в проеме с Григгсом.

— Уходим! — крикнула она. — Сейчас же уходим отсюда!

— В чем дело?

— Похоже, у нас опасность биологического заражения! Закрой люк! Закрой его!

Они перешли из шлюза в модуль. Захлопнули люк и герметично закрыли его. А затем обменялись тревожными взглядами.

— Думаешь, могла произойти утечка? — спросил Григгс.

Эмма внимательно осмотрела модуль в поисках плавающих капелек. Сначала ничего не увидела. А затем краем глаза уловила какое-то движение, искорку, метавшуюся на самой периферии зрения.

Она повернулась и пристально посмотрела в ту сторону. Искорка исчезла.

Джек сидел за пультом врача в зале специальных полетов, смотрел на часы на главном экране, и его напряжение росло с каждой минутой. Голоса, звучавшие в его наушниках, говорили тревожно, быстро и отрывисто: операторы передавали руководителю полета МКС Вуди Эллису отчеты о состоянии дел. Похожий по планировке на зал управления полетами шаттлов и расположенный с ним в одном здании, зал специальных полетов был меньше — здесь располагалась команда, которая занималась только деятельностью МКС. За последние тридцать шесть часов с того момента, как «Дискавери» столкнулся с МКС, в этом зале неуклонно росла тревога, а порой и вовсе царила паника. Здесь сидело столько людей, не один час находившихся в состоянии стресса, что воздух пропах катастрофой, потом и остывшим кофе.

Николай Руденко получил декомпрессионные травмы и нуждался в эвакуации. Но поскольку эвакуироваться можно было только в корабле аварийного спасения, то вернуться на землю должен был весь экипаж. Без спешки, без ошибок. Без паники. Ранее в НАСА много раз инсценировали подобную ситуацию, но с пятью живыми людьми на борту КАС еще ни разу не был по-настоящему опробован.

«А тем более с человеком, которого я люблю».

Джек обливался потом, его мутило от ужаса.

Он продолжал смотреть на часы, сверяя их с теми, что были у него на руке. Все ждали, когда станция займет нужное положение на орбите и можно будет отстыковать аппарат от МКС. Важно было, чтобы аппарат сошел с орбиты в точке, максимально близкой к тому месту посадки, где будет немедленно обеспечено присутствие медицинского персонала. Ведь помощь понадобится всему экипажу. После нескольких недель, проведенных в космосе, астронавты стали слабыми как котята, их мышцы не будут служить им так, как раньше.

Приближалось время отстыковки. Понадобится двадцать пять минут, чтобы отделиться от МКС и получить ГСП-наведение, затем еще пятнадцать минут, чтобы подготовиться к сходу с орбиты. И час — на приземление.

Меньше чем через два часа Эмма вернется на Землю. «Так или иначе». Эта мысль возникла внезапно, и Джек не успел ее подавить. Не смог удержаться от ужасного воспоминания о препарированном теле Джилл Хьюитт на секционном столе.

Он сжал кулаки, пытаясь сконцентрироваться на данных биотелеметрии Николая Руденко. Сердечный ритм был частым, но регулярным; кровяное давление — стабильным.

«Ну же, давайте. Верните их домой».

Он слышал, как Григгс сообщал с борта МКС:

— Капком, мой экипаж в КАСе, люк закрыт. Не слишком удобно, но мы готовы и ждем вашей команды.

— Будьте готовы к включению питания, — велел Капком.

— Готовы.

— Как ваш пациент?

У Джека сердце ёкнуло, когда раздался голос Эммы:

— Он стабилен, но очень сильно дезориентирован. Крепитация спустилась на шею и верхнюю часть туловища, из-за этого у него есть некоторый дискомфорт. Я ввела еще одну дозу морфия.

Резкая декомпрессия вызывает формирование воздушных пузырьков в мягких тканях. Состояние безобидное, но болезненное. Джека беспокоила вероятность проникновения воздушных пузырьков в нервную систему. Быть может, именно поэтому у Николая было спутано сознание.

— Включить питание, — велел Вуди Эллис. — Снять пломбы СРОСОЖ.

— МКС, — произнес оператор, — включите...

— Прекратить! — вмешался чей-то голос.

Джек в недоумении посмотрел на руководителя полета Эллиса. Эллис тоже пребывал в растерянности. Обернувшись, Джек увидел директора Космического центра Джонсона Кена Бланкеншипа, который вошел в зал в сопровождении темноволосого человека в штатском и шести офицеров военно-воздушных войск.

— Мне жаль, Вуди, — сказал Бланкеншип. — Можешь мне поверить, это не мое решение.

— Какое решение? — удивился Эллис.

— Прекратить эвакуацию.

— Там больной! КАС готов к полету...

— Больной не может вернуться на Землю.

— Кто это решил?

Вперед шагнул темноволосый незнакомец.

— Я, — с ноткой сожаления в голосе проговорил он. — Джаред Профитт из Совета национальной безопасности. Пожалуйста, передайте экипажу, пусть они откроют люки и покинут спасательный аппарат.

— У моего экипажа проблемы, — возразил Эллис. — Я возвращаю их на Землю.

В разговор вклинился Традж:

— Полет, время расстыковываться, чтобы попасть в цель при посадке.

Эллис кивнул Капкому:

— Передайте на КАС, пусть включают питание. Приступаем к расстыковке.

Прежде чем Капком смог произнести хоть слово, его головной телефон сдернули, а самого оператора стащили со стула и оттолкнули в сторону. Место Капкома занял офицер военно-воздушных сил.

— Эй! — заорал Эллис. — Эй!

Все операторы замерли, а офицеры военно-воздушных сил быстро рассредоточились по помещению. Оружия не было, но им явно угрожали.

— МКС, не включайте питание, — произнес новый оператор. — Эвакуация отменяется. Откройте люки и покиньте КАС.

— Не думаю, что понял вас, Хьюстон, — с недоумением произнес Григгс.

— Эвакуация отменяется. Покиньте КАС. У нас проблемы сразу с двумя компьютерами — топографическим и навигационным. Полет решил, что лучше отложить эвакуацию.

— На сколько?

— Неизвестно.

Джек вскочил на ноги, собираясь сорвать наушники с нового оператора.

Но перед ним, преграждая путь, вырос Джаред Профитт.

— Вы не владеете ситуацией, сэр.

— На этой станции моя жена. Мы вернем ее домой.

— Им нельзя возвращаться на Землю. Возможно, все они заражены.

— Чем?

Профитт не ответил.

В ярости Джек рванулся к нему, но его оттащили два военно-воздушных офицера.

— Чем заражены? — крикнул Джек.

— Новым организмом, — отозвался Профитт. — Химерой.

Джек посмотрел на изумленное лицо Бланкеншипа. Тот взглянул на офицеров, которые теперь расположились так, чтобы контролировать пульты управления. Затем он заметил еще одно знакомое лицо: Лероя Корнелла, который только что вошел в зал. Корнелл выглядел бледным и потрясенным. Джек понял, что решение действительно было принято на самом верху. И никакие слова, произнесенные им, Бланкеншипом или Вуди Эллисом, ничего не изменят. НАСА больше не управляет ситуацией.

ХИМЕРА

19

13 августа

Они собрались в доме Джека и сразу же опустили все шторы на окнах. Они не решились встретиться в Космическом центре Джонсона, где их наверняка заметили бы. Внезапный перехват военными операций НАСА так поразил их, что они не знали, с чего начать. Для ситуаций такого рода не существовало ни инструкций, ни плана аварийных мероприятий. Джек пригласил лишь немногих, но все собравшиеся были ведущими специалистами НАСА: Тодд Катлер, Гордон Оби, руководители полетами Вуди Эллис и Рэнди Карпентер, а также Лиз Джанни из Управления полезной нагрузки.

Кто-то позвонил в дверь, и все напряглись.

— Это он, — сказал Джек и открыл дверь.

В комнату вошел доктор Эли Петрович из Директората по бионаукам НАСА. У него в руке была сумка с ноутбуком. Петрович был худым хрупким человеком, который последние два года боролся с лимфомой. Было видно, что эту войну он проигрывает. Волос на голове почти не осталось, если не считать нескольких жидких белых прядей. Кожа, обтягивавшая скулы и подбородок, походила на желтый пергамент. Но глаза Эли горели неутомимым любопытством ученого.

— Есть? — спросил Джек.

Петрович кивнул и похлопал по сумке. На его лице улыбка выглядела жутко — казалось, будто улыбается череп.

— Во ВИМИИЗ согласились поделиться некоторыми сведениями.

— Некоторыми?

— Не всеми. Большая часть генома остается засекреченной. У нас только части цепочки с большими пробелами. Но и по ним видно, что ситуация серьезная.

Он поставил ноутбук на обеденный стол и открыл его. Когда все собрались, Петрович загрузил компьютер и вставил дискету.

На экране начали появляться данные, строчка за строчкой, на вид — случайные буквы, мелькавшие с головокружительной скоростью. Это не было похоже на текст; буквы не складывались в слова, они представляли собой какой-то код. Одни и те же четыре буквы — A, T, G, и C — появлялись снова и снова, в разных сочетаниях. Это были нуклеотиды аденин, тимин, гуанин и цитозин. Строительные блоки, из которых состоит ДНК. Цепочка букв была геномом, химической программой живого организма.

— Вот она, их Химера, — пояснил Петрович. — Организм, который убил Кеничи Хираи.

— Что это за штука такая, хи-мер-ра? — спросил Рэнди Карпентер. — Я о ней постоянно слышу. Может, объясните нам, тупым инженерам?

— Конечно, — кивнул Петрович. — И нет причины считать себя тупым. За пределами молекулярной биологии этот термин используется нечасто. Слово пришло из древней Греции. Химера — это мифологическое чудовище, которое считалась непобедимым. Огнедышащее существо с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона. В конечном итоге ее убил герой по имени Беллерофон. Это была не совсем честная битва, потому что герой схитрил. Он оседлал крылатого коня Пегаса и, поднявшись вверх, выпустил стрелы в Химеру.

— Интересный миф, — нетерпеливо прервал его Карпентер, — но в чем суть?

— Греческая Химера была странным существом, состоявшим из трех разных животных — льва, козы и дракона, соединенных воедино. И это как раз то, что мы наблюдаем здесь, в этой хромосоме. Существо не менее странное, чем то, которое убил Беллерофон. Это биологическая Химера, ДНК которой соединила по крайней мере три неродственных вида.

— Можете назвать эти виды? — спросил Карпентер.

Петрович кивнул.

— На протяжении многих лет ученые всего мира собирали коллекцию генных последовательностей различных видов — от вирусов до слонов. Сбор этих данных — процесс медленный и утомительный. Десятилетия ушли только на то, чтобы проанализировать геном человека. Так что, как вы можете представить, существует немало видов, секвенирование которых — то есть определение нуклеотидной последовательности — еще не было произведено. Большие участки генома этой Химеры невозможно идентифицировать — таких сведений в существующей коллекции просто нет. Но здесь у меня то, что мы смогли определить.

Петрович кликнул по ярлыку «видовые соответствия». На экране появилось:

Mus musculis (мышь обыкновенная)

Rana pipiens (леопардовая лягушка)

Homo sapiens.

— Этот организм частично мышь, частично земноводное. А частично — человек. — Он помолчал. — В некоторой степени, — добавил он, — мы его враги.

В комнате воцарилась тишина.

— Какой из наших генов попал в эту хромосому? — тихо спросил Джек. — Какая часть Химеры — человеческая?

— Интересный вопрос, — проговорил Петрович, кивая в знак одобрения. — Он заслуживает интересного ответа. Вы и доктор Катлер поймете значение этого списка.

Он принялся набирать что-то. На экране появилось:

Амилаза

Липаза

Фосфолипаза А

Трипсин

Химотрипсин

Эластаза

Энтерокиназа

— Боже мой, — пробормотал Тодд Катлер. — Это же пищеварительные ферменты.

«Цель этого организма — сожрать своего хозяина, — подумал Джек. — Он использует эти ферменты, чтобы переварить наши внутренности, превращая мышцы, органы и соединительные ткани в отвратительно пахнущую жижу».

— Джилл Хьюитт говорила нам, что тело Хираи разложилось, — сказал Рэнди Карпентер. — Я думал, у нее галлюцинации.

— Этот организм — результат биоинженерии! — внезапно воскликнул Джек. — Кто-то состряпал эту штуку в лаборатории. Взял бактерию или вирус и пересадил гены из других видов, чтобы она стала более эффективным убийцей.

— Но какую бактерию? Какой вирус? — спросил Петрович. — Вот в чем загадка. Без дальнейшего исследования этого генома мы не сможем определить, с какого вида все началось. Во ВИМИИЗ отказались продемонстрировать большую и самую важную часть хромосомы этого организма. Ту часть, которая идентифицирует убийцу. — Он посмотрел на Джека. — Вы единственный из всех присутствующих, кто видел патологию на вскрытии.

— Только мельком. Они вытолкали меня из зала так быстро, что я едва успел разглядеть. Но то, что видел, походило на цисты размером с жемчужину, они сидели на сине-зеленой матрице. Их обнаружили в грудной клетке и брюшной полости Мерсера. В черепе Хьюитт. Ничего подобного я раньше не видел.

— Это могли быть гидатиды? — поинтересовался Петрович.

— Что это? — спросил Вуди.

— Болезнетворные организмы — ленточные черви эхинококки в личиночной стадии. Они вызываит образование цист в печени и легких. Да и вообще в любом органе.

— Думаете, это паразиты?

Джек покачал головой.

— Гидатидам требуется много времени, чтобы развиться. Годы, а не дни. Не думаю, что это паразиты.

— Может, это и не цисты вовсе, — предположил Тодд. — Может, это споры. Или плесневый гриб. Например, аспергилл. Или криптококк.

Вмешалась Лиз Джанни из Управления полезной нагрузки:

— Экипаж сообщал о проблеме с грибковым заражением. Один из экспериментов пришлось уничтожить из-за чрезмерного разрастания.

— Какой эксперимент? — заинтересовался Тодд.

— Мне нужно проверить. Помню, что это была какая-то клеточная культура.

— Но простое грибковое заражение не может объяснить эти смерти, — возразил Петрович. — Помните, в «Мире» все время находили грибок, и никто от этого не умер. — Он посмотрел на экран компьютера. — Глядя на этот геном, можно сказать, что мы столкнулись с совершенно новой биологической формой. Я согласен с Джеком. Ее создали искусственно.

— Значит, это биотерроризм, — подытожил Вуди Эллис. — Кто-то организовал диверсию на станции. Видимо, организм попал туда вместе с другим грузом.

Лиз Джанни категорично покачала головой. Энергичная и напористая, она всегда решительно выступала на любом собрании; ее речь и теперь прозвучала абсолюно уверенно:

— Весь полезный груз проходит контроль безопасности. Существуют отчеты об опасности, трехступенчатые анализы всех приспособлений для хранения. Поверьте, до такой степени опасный эксперимент не мог бы попасть на станцию.

— Если, конечно, вы знаете, что он опасный, — сказал Эллис.

— Конечно, мы знаем!

— А что если правила безопасности были нарушены? — предположил Джек. — Большинство экспериментальных грузов поступают прямо от исследователей — самих ученых. Откуда нам знать, какая система безопасности действует у них. Вдруг в какой-нибудь лаборатории числится террорист? Что если они подменили бактериальную культуру в последний момент? Мы об этом узнаем?

Впервые Лиз казалась растерянной:

— Такая ситуация… маловероятна.

— Но возможна.

Хотя она и не признала подобную возможность, во взгляде Лиз мелькнуло смятение.

— Мы с пристрастием расспрашиваем всех исследователей, — сообщила она. — Всех ученых, которые посылают эксперименты на станцию. Если они пренебрегают безопасностью, черт подери, я все об этом узнаю.

«Это уж наверняка», — подумал Джек. Как и остальные присутствовавшие мужчины, он немного боялся Лиз Джанни.

— Остался еще один вопрос, — заметил Гордон Оби, заговоривший впервые за все это время. Как всегда, он оставался Сфинксом — слушал, не комментируя, молча обрабатывая информацию. — Вопрос — зачем? Зачем кому-то понадобилось организовывать диверсию на станции? Неужели мы вызываем у кого-то недовольство? У какого-нибудь фанатика, испытывающего ненависть к новейшим технологиям?

— Биологический вариант Юнабомбера,[40] — подсказал Тодд Катлер.

— Тогда почему бы просто не выпустить этот организм в Космическом центре Джонсона и покончить со всей нашей инфраструктурой? Это легче и гораздо логичнее.

— У фанатиков нет логики, — заметил Катлер.

— Логика есть у всех, включая фанатиков, — возразил Гордон, — если, конечно, знать мотивы их поведения. Именно это меня беспокоит. Именно поэтому я задумался, действительно ли мы столкнулись с диверсией.

— А с чем еще, если не с диверсией? — удивился Джек.

— Есть другая версия. Не менее страшная, — сказал Гордон, и его тревожный взгляд обратился к Джеку. — Ошибка.

Доктор Айзек Роман бежал по коридору, с ужасом думая о том, что ему предстоит увидеть; сигнал его пейджера не умолкал. Он отключил его и открыл дверь, ведущую в отделение высшей защиты. Он не стал входить в палату, он стоял у смотрового окна и наблюдал за тем кошмаром, что творился внутри.

Доктор Натан Хелсингер бился в конвульсиях на залитом кровью полу; красные потеки были видны и на стенах. Две медсестры и врач в скафандрах пытались предотвратить травмы, но судороги были такие,

что удержать больного было невозможно. Он дернул ногой, задев медсестру, и та упала, заскользив по залитому кровью бетонному полу.

Роман нажал кнопку внутренней связи.

— Скафандр! Вы не повредили его?

Женщина медленно поднялась на ноги, и Роман заметил ужас на ее лице. Она осмотрела перчатки, рукава, затем стык между скафандром и шлангом, подающим воздух.

— Нет, — сказала она, облегченно всхлипнув. — Не порвала.

Кровь брызнула на окно. Роман отпрянул, когда яркие капли потекли по стеклу. Хелсингер бился головой об пол, его спина то расслаблялась, то выгибалась. Опистотонус. Роман только однажды видел такую неестественную позу у отравленного стрихнином — тело выгибалось, словно натянутый лук. У Хелсингера начался новый спазм, и он снова ударился головой о бетон. Кровь брызнула на лицевые панели обеих медсестер.

— Отойдите! — приказал Роман по внутренней связи.

— Он убьется! — возразил врач.

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще заразился.

— Если мы не сдержим эти приступы…

— Вам его не спасти. Сейчас же отойдите в сторону. А то сами поранитесь.

Медсестры неохотно отступили. Спустя некоторое время к ним присоединился и врач. Глядя на жуткую сцену, они стояли молча и неподвижно.

Снова начались конвульсии — голова Хелсингера запрокинулась назад и ударилась об пол. Кожа, словно треснувшая по швам одежда. Лужа крови превратилась в озеро.

— Боже, посмотрите на его глаза! — закричала одна из медсестер.

Они были выпучены и походили на два гигантских шара. «Травматический проптоз», — подумал Роман. Глазные яблоки сместились вперед из-за сильнейшего внутричерепного давления, до предела отодвинув веки.

Приступы продолжались, не ослабевая, голова билась об пол. Отлетавшие осколки костей бились в смотровое окно. Казалось, больной пытается раскроить себе череп, высвободить находившееся внутри нечто.

Еще один удар. Снова в смотровое окно полетели осколки костей и капли крови.

Должно быть, он уже умер. Почему приступы продолжаются?

Но агония Хелсингера продолжалась — так бьется и мечется обезглавленная курица. Голова приподнялась над полом, спина выгнулась вперед, словно пружина, а затем распрямилась. Шея резко отклонилась назад. Раздался треск, и череп раскололся, словно яйцо. Полетели осколки костей. Серое вещество залило смотровое окно.

Роман отшатнулся, ахнув от неожиданности, к горлу подступила тошнота. Он опустил голову, пытаясь совладать с собой и побороть дурноту, которая грозила погрузить зрение во мрак.

Обливаясь потом и дрожа, доктор поднял голову, чтобы еще раз взглянуть в смотровое окно.

Натан Хелсингер затих. То, что осталось от его головы, покоилось в луже крови. Ее было так много, что Роман не сразу смог отвести взгляд от большой алой лужи. Затем он перевел глаза на лицо Хелсингера. На сине-зеленую массу, которая, дрожа, проступила у него на лбу. Цисты.

«Химера».

14 августа

«— Что случилось, в чем дело?

— Ухо... У меня в ухе...

— Болит? Ухо болит? Посмотри на меня!

— Оно пробирается глубже! Вытащите его! Уберите его!»

Научный консультант Совета национальной безопасности Джаред Профитт выключил магнитофон и посмотрел на сидевших за столом людей. На их лицах был написан ужас.

— То, что произошло с Николаем Руденко, не просто декомпрессия, — произнес он. — Поэтому мы пошли на такие меры, и я просил вас держаться до конца. Слишком многое поставлено на карту. Пока мы не

узнаем об этом организме больше — как он размножается, как заражает, — мы не можем позволить астронавтам вернуться на Землю.

Ответом была оглушающая тишина. Даже администратор НАСА Лерой Корнелл, который открыл собрание гневным протестом по поводу захвата агентства, утратил дар речи.

Первым вопрос задал президент:

— Что же мы знаем об этом организме?

— Доктор Айзек Роман из ВИМИИЗ может ответить на ваш вопрос лучше меня, — ответил Профитт и кивнул Роману.

Тот сидел не за столом, а в стороне, поэтому его никто не замечал. Доктор, высокий седеющий человек с усталым взглядом, встал, чтобы его видели.

— Боюсь, новости у меня нехорошие, — начал он. — Мы вводили Химеру большому количеству различных млекопитающих, включая собак и паукообразных обезьян. Все они погибали за девяносто шесть часов. Коэффициент смертности — сто процентов.

— И нет лечения? Ничего не помогает? — удивился министр обороны.

— Ничего. И это страшно. Но есть новости и похуже.

Все затихли, страх исказил лица присутствующих. Разве может быть хуже?

— Мы сделали повторный ДНК-анализ самого последнего поколения яиц, собранных из тел погибших обезьян. У Химеры появился новый кластер генов, характерный для Ateles geoffroyi. Паукообразной обезьяны.

Президент побледнел. И посмотрел на Профитта.

— Я вас правильно понял?

— Поразительно, — сказал Профитт. — Проходя через нового «хозяина», организм дает новое поколение и, похоже, добавляет новую ДНК. Он обладает умением опережать нас на несколько шагов, потому что приобретает новые гены и способности, которых у него не было раньше.

— Как, черт возьми, он это делает? — поразился генерал Мори из Объединения начальников штабов. — Организм, добавляющий новые гены? Постоянно перестраивающий самого себя? Это невозможно.

— Это возможно, сэр, — возразил Роман. — В действительности подобный процесс происходит в природе. Бактерии часто делятся друг с другом генами, используя в качестве агентов вирусы. Так им удается быстро выработать устойчивость к антибиотикам. Они распространяют гены, отвечающие за сопротивляемость, добавляя новые участки ДНК к своим хромосомам. Как и все в природе, они используют любые средства для выживания. Для сохранения собственного вида. Этот организм занимается тем же самым. — Он прошел к столу, туда, где лежал увеличенный микроснимок. — На этой фотографии видны клетки, напоминающие крошечные гранулы. Это сгустки вирусов-помощников. Агентов, которые проникают в клетки «хозяина», атакуют ДНК и по возвращении в Химеру приносят с собой частички генетического материала. Добавляя новые гены, новое оружие в свой арсенал. — Роман посмотрел на президента. — Этот организм готов к тому, чтобы выжить в любой среде. Для этого ему нужно атаковать ДНК местной фауны.

Президент помрачнел еще больше.

— Значит, он продолжает меняться. Эволюционировать.

За столом началось беспокойное бормотание. Собравшиеся обменивались испуганными взглядами.

— А что там заразившийся врач? — поинтересовалась дама из Пентагона. — Тот, что на карантине высшей защиты во ВИМИИЗ? Он жив?

Роман замолчал, в его взгляде мелькнула боль.

— Доктор Хелсингер умер прошлой ночью. Я был свидетелем его конца, и это... ужасная смерть. У него начались такие сильные судороги, что мы побоялись сдерживать его — он мог бы повредить чей-нибудь скафандр и заразить кого-нибудь еще. Таких приступов я еще не видел. Казалось, нейроны в его мозгу решили устроить электрическую бурю. Он сломал поручни кровати. Взял и выломал их из корпуса. Скатился с матраса и начал... начал биться головой об пол. Так сильно, что мы... — Роман с трудом сглотнул. — Мы слышали, как треснул его череп. Кровь разбрызгивалась повсюду. Он продолжал биться головой об пол, словно хотел ее расколоть и избавиться наконец от внутреннего давления. Травма только ухудшила его состояние — началось кровоизлияние в мозг. В конце концов внутричерепное давление возросло так, что глаза вылезли из орбит, словно у персонажа мультфильма. Или у животного, раздавленного автомобилем. — Он глубоко вздохнул. — Так, — тихо добавил он, — наступила смерть.

— Теперь вы понимаете, с какой эпидемической угрозой мы столкнулись, — снова заговорил Профитт. — Вот почему нельзя проявлять слабость или беспечность. Или чувствительность.

В зале снова повисла тишина. Все смотрели на президента. Все с надеждой ждали недвусмысленного решения. Но он крутанулся на кресле и уставился в окно.

— Когда-то я хотел стать астронавтом, — грустно признался он.

«Как и все мы, — подумал Профитт. — Какой ребенок не мечтал полететь в космос на ракете?»

— Я присутствовал при запуске шаттла с Джоном Гленном на борту, — сказал президент. — И я плакал. Как и все. Черт возьми, я плакал, как ребенок. Потому что гордился им. Гордился нашей страной. Гордился тем, что я человек… — Он помолчал. Глубоко вздохнул и вытер рукой глаза. — Как, черт возьми, я могу приговорить этих людей к смерти?

Профитт и Роман обменялись грустными взглядами.

— У нас нет выбора, сэр, — ответил Профитт. — Пять жизней против Бог знает скольких здесь, на Земле.

— Они герои. Настоящие герои. А мы хотим, чтобы они умерли там, наверху.

— Вероятней всего, господин президент, что мы в любом случае не сможем их спасти, — проговорил Роман. — Скорее всего они уже заразились. Или скоро заразятся.

— Но может быть, кое-кто еще не заразился?

— Мы не знаем. Нам известно только, что Руденко уже болен. Мы полагаем, он заразился, когда надел скафандр для выхода в открытый космос. Если вы помните, десять дней назад астронавта Хираи обнаружили в судорогах в шлюзовом модуле. Именно тогда организм оказался на скафандре.

— Почему до сих пор не заболели остальные? Почему только Руденко?

— Наши исследования показали, что организму требуется инкубационный период, чтобы достигнуть инфекционной стадии. Мы думаем, что наиболее заразным он становится в момент, когда «хозяин» погибает, и после гибели, когда организм покидает труп. Но мы не можем сказать об этом с уверенностью. У нас нет права на ошибку. Мы вынуждены считать носителями всех.

— Тогда держите их на карантине высшей защиты, пока не выясните. Но, по крайней мере, верните их домой.

— Сэр, именно в этом и заключается опасность, — настаивал Профитт. — В том, что они вернутся на Землю. Корабль аварийного спасения — не шаттл, который можно направить на специальную посадочную полосу. Им придется возвращаться на корабле, которым трудно управлять, проще говоря, это отсек, оснащенный парашютами. А если что-то пойдет не так? Если спускаемый аппарат развалится на части в атмосфере или разобьется во время посадки? Организм окажется в воздухе. Ветер разнесет его повсюду! К тому моменту у него в геноме будет так много человеческого ДНК, что мы не сможем победить его. Он будет слишком походить на нас. Любое лекарство, которое мы попытаемся использовать против него, будет убивать и нас. — Профитт замолчал, чтобы до присутствующих дошла суть его слов. — Мы не можем позволить эмоциям влиять на наши решения. Особенно когда на карту поставлено так много.

— Господин президент, — вмешался Лерой Корнелл, — при всем своем уважении не могу не отметить: с политической точки зрения это пагубная мера. Народ не позволит героям умереть в космосе.

— Политика беспокоит нас сейчас меньше всего! — возразил Профитт. — Наша первоочередная забота — здоровье людей!

— Тогда к чему секретность? Почему вы отстранили НАСА от операции? Вы показали нам только части генома. Наши биологи готовы поделиться своими знаниями. Мы не меньше вашего, а может, даже больше, хотим найти лекарство. Если ВИМИИЗ поделится с нами данными, мы сможем работать вместе.

— Наша главная забота — безопасность, — вмешался генерал Мори. — Вражеская страна может превратить этот организм в разрушительное биологическое оружие. Выдать генетический код Химеры — все равно что вручить врагу схему нового оружия.

— То есть вы не доверите НАСА эту информацию.

Генерал Мори встретился взглядом с Корнеллом.

— Боюсь, что новая философия НАСА — делиться технологиями с кем ни попадя — не создает впечатления, что на ваше агентство можно положиться, когда дело касается безопасности.

Корнелл метнул на генерала гневный взгляд, но промолчал. Профитт посмотрел на президента.

— Сэр, когда пятеро астронавтов вынуждены остаться на орбите и умереть — это трагедия. Но мы должны смотреть шире и не забывать о том, что трагедия может обрести более серьезные масштабы. Превратиться в мировую эпидемию, вызванную организмом, который мы только начали изучать. ВИМИИЗ трудится круглые сутки, чтобы узнать, как он действует. А пока нужно продолжать борьбу. В НАСА нет оборудования на случай биологической опасности. У них только один чиновник, отвечающий за космическую защиту. Один. Биологический отряд быстрого реагирования подготовлен как раз для подобных ситуаций. Что касается операции НАСА, оставьте ее под контролем Объединенного космического командования ВС США при поддержке 14-й Воздушной армии. У НАСА слишком сильна личная эмоциональная связь с астронавтами. Мы должны твердо держать штурвал. Нам нужна абсолютная дисциплина.

Профитт медленно оглядел собравшихся за длинным столом. Только некоторых из них он действительно уважал. Кое-кто пришел сюда ради престижа и жажды власти. Другие получили место благодаря политическим связям. Остальные легко поддавались настроению общественности. И лишь у немногих были такие же простые мотивы, как у него.

Лишь немногие страдали от тех же страшных снов, что и он, просыпались в поту, пораженные ужасом от того, с чем им придется столкнуться.

— Значит, вы говорите, что астронавты не вернутся домой, — сказал Корнелл.

Профитт посмотрел на мертвенно-бледное лицо администратора НАСА, и ему стало жалко беднягу.

— Когда мы найдем способ борьбы с этим организмом и будем знать, что способны уничтожить его, тогда можно говорить о возвращении ваших людей на Землю.

— Если они еще будут живы, — пробормотал президент.

Профитт и Роман посмотрели друг на друга и промолчали. Они понимали очевидное. Лекарство вовремя не найдут, и астронавты не вернутся на Землю живыми.

В тот душный день Джаред Профитт надел пиджак и галстук, но жарко ему не было. Возможно, другие люди стали бы жаловаться на невыносимое пекло, царившее летом в округе Колумбия.

Но он спокойно переносил высокие температуры. Вот зимы он боялся, потому что был слишком чувствителен к холоду; в морозные дни его губы синели, и он дрожал даже в нескольких шарфах и свитерах. Из-за кондиционера он и летом держал в кабинете свитер. Сегодня температура была за тридцать, и, когда Джаред шел по улице, его лицо блестело от пота, но он не стал снимать пиджак и ослаблять узел галстука.

После собрания его прошиб озноб — и физически, и морально.

Он нес свой обед в коричневом бумажном пакете; собираясь по утрам на работу, он всегда брал с собой одно и то же. Он шел своим обычным ежедневным маршрутом — на запад, по направлению к реке Потомак, мимо Зеркального пруда. Привычный распорядок успокаивал его. В его жизни было так мало вещей, которые вселяли в него покой, и, становясь старше, он все больше придерживался определенных ритуалов, словно монах какого-нибудь религиозного ордена, соблюдающий ежедневный ритм работы, молитвы и размышлений. Во многих отношениях он походил на древних аскетов, людей, которые ели лишь для того, чтобы напитать организм энергией, а одевались только оттого, что так положено. На людей, для которых достаток ничего не значил.

Фамилия Профитт[41] совершенно не подходила ему.

Он замедлил шаг, оказавшись на поросшем травой пригорке возле Мемориала жертвам Вьетнамской войны, и посмотрел вниз на печальную очередь туристов, медленно проходящих мимо стены с именами погибших. Он знал, о чем они думали, глядя на плиты из черного гранита, пытаясь представить себе ужасы войны: «Так много имен. Так много погибших».

«Да вы даже представить себе не можете», — подумал Профитт.

Он нашел свободную скамейку в тени и присел поесть. Джаред достал из пакета яблоко, кусочек чеддера и бутылку воды. Не «Эвиан» и не «Перрье», а простую воду из-под крана. Он ел медленно, наблюдая за туристами, бродившими от мемориала к мемориалу. «Вот так мы чтим наших военных героев», — подумал он. Общество возводит статуи, гравирует мраморные плиты, поднимает флаги. Оно содрогается от того, сколько людей с той и с другой стороны погибло в этой кровопролитной войне. Во Вьетнаме погибло два миллиона солдат и мирных граждан. Пятьдесят миллионов полегло во Второй мировой войне. Двадцать один

миллион — в Первой мировой. Цифры ужасают. Люди должны задуматься: есть ли у человека более опасный враг, чем он сам? Ответ — да.

Люди не видят его, но он всегда рядом. Внутри них. В воздухе, которым они дышат, в пище, которую едят. На протяжении всей истории человечества он был человеческой погибелью и будет существовать даже после того, как люди исчезнут с лица земли. Этот враг — микробный мир, и на протяжении веков он уничтожил гораздо больше народу, чем все войны вместе взятые.

С 542 по 767 год н. э. сорок миллионов умерло во время пандемии, которую называют чумой Юстиниана.

В XIV веке, во время новой вспышки Черной Смерти, умерло двадцать пять миллионов человек.

В 1918 и 1919 годах тридцать миллионов умерло от гриппа.

А в 1997 году в возрасте сорока трех лет от пневмококковой пневмонии умерла Эми Соренсен Профитт.

Джаред доел яблоко, положил огрызок в пакет и скрутил коричневую бумагу в плотный сверток. Хотя обед был скудным, он насытился и решил еще немного посидеть на скамейке, допивая воду.

Мимо прошла туристка, женщина со светло-каштановыми волосами. Когда она слегка повернулась и свет наискосок упал ей на лицо, она напомнила Джареду Эми. Женщина почувствовала, что он смотрит на нее, и повернулась в его сторону. Некоторое время они молча рассматривали друг друга — она с настороженностью, а он, словно извиняясь. Затем она пошла прочь, а Джаред решил, что она все-таки не похожа на покойную жену. Никто не похож. И никто не сможет на нее походить.

Он поднялся, бросил пакет в урну и пошел в обратном направлении. Мимо стены, мимо ветеранов в униформе — они поседели и огрубели, но по-прежнему несли караул, чтя память павших.

«Даже воспоминания тускнеют», — подумал Джаред. Со временем все погружается в небытие — даже улыбка Эми, стоящей у кухонного стола, даже отзвуки ее смеха. Только болезненные воспоминания навеки въедаются в память. Номер в гостинице в Сан-Франциско. Ночной звонок. Лихорадочно мелькавшие образы аэропортов, такси и телефонных будок — он мчался через всю страну, чтобы успеть добраться до больницы в Бетесде.

Но у стрептококка, вызывающего некротизирующий фасциит, был свой план, свое собственное расписание убийств. «Как у Химеры».

Профитт втянул воздух и задумался над тем, сколько вирусов, бактерий и грибков только что запустил в свои легкие. И какие из них могут его убить.

20

15 августа

— Да пошли они к чертовой матери! — воскликнул Лютер. Канал связи с Землей был отключен, и в Центре управления полетом не слышали их разговора. — Давайте вернемся в КАС, включим тумблеры и полетим. Они не смогут завернуть нас обратно.

Расстыковавшись со станцией, они действительно уже не смогут вернуться. По сути, КАС — планер с тормозными парашютами. После отделения от МКС он сможет сделать максимум четыре оборота вокруг Земли, а потом сойдет с орбиты и приземлится.

— Нам посоветовали сидеть тихо, — возразил Григгс. — Так мы и поступим.

— Исполним их дурацкие приказы? Николай умрет, если мы не вернем его домой!

Григгс посмотрел на Эмму:

— Твое мнение, Уотсон?

Последние двадцать четыре часа Эмма не отходила от пациента, следя за состоянием Николая. Они все понимали, что положение у него критическое. Привязанный к медицинской кушетке, космонавт дергался и трясся, а время от времени принимался молотить руками и ногами с такой силой, что Эмма боялась за сохранность его костей. Он походил на боксера, которого безжалостно избили на ринге. Подкожные эмфиземы раздули мягкие ткани лица, веки опухли так, что Николай не мог открыть глаза. Сквозь узкие щели между веками было видно, что его глаза приобрели демонический ярко-красный оттенок.

Эмма не знала, способен ли Николай слышать и понимать ее, поэтому боялась произносить вслух то, о чем думала. Она жестом попросила остальных членов экипажа покинуть российский рабочий модуль. Астронавты снова встретились в жилом модуле, там Николай не мог их слышать, и они смогли без опаски снять защитные очки и маски.

— Хьюстон должен разрешить нам эвакуацию, — проговорила Эмма, — иначе он умрет.

— Они понимают ситуацию, — сказал Григгс. — Но не могут разрешить эвакуацию до тех пор, пока ее не разрешит Белый дом.

— Значит, мы будем болтаться тут и заболевать один за другим? — возмутился Лютер. — Может, нам просто перейти в КАС и отчалить? Что они будут делать? Собьют нас?

— Могут, — спокойно ответила Диана.

Это справедливое замечание заставило всех замолчать. Любой астронавт, хоть раз побывавший на борту шаттла и переживший процедуру обратного отсчета, знал, что в бункере Космического центра имени Кеннеди сидит команда офицеров военно-воздушных сил, единственная задача которых — взорвать шаттл и сжечь экипаж дотла. Стоит только управлению дать сбой во время запуска, стоит только шаттлу повернуть в сторону населенной области, и офицеры службы безопасности тут же нажмут на кнопки и приведут в действие систему подрыва корабля. Эти офицеры знакомы со всеми членами экипажа. Возможно, даже видели фотографии семей астронавтов. Эти офицеры точно знают, кого убьют. Пусть их работа омерзительна, но никто не сомневается: в случае необходимости офицеры службы безопасности выполнят свою работу.

Они почти наверняка уничтожат КАС, если им прикажут. Когда сталкиваешься с призраком новой эпидемии, жизни пяти астронавтов кажутся ничтожной жертвой.

— Готов поспорить, они дадут нам приземлиться, — возразил Лютер. — А что? Мы вчетвером пока здоровы. И ничем не заразились.

— Но контактировали с заразой, — сказала Диана. — Мы дышали тем же воздухом, жили в одном и том же помещении. Лютер, вы с Николаем вместе спали в том шлюзе.

— Но я в полном порядке.

— Я тоже. И Григгс и Уотсон. Но если это инфекция, возможно, у нас идет инкубационный период.

— Поэтому нужно исполнять приказы, — заметил Григгс. — Мы остаемся здесь.

Лютер повернулся к Эмме.

— Ты согласна со всей этой мученической чушью?

— Нет, — ответила она. — Я — против.

Григгс посмотрел на нее с удивлением.

— Уотсон!

— Я думаю не о себе, — продолжила Эмма. — Я думаю о пациенте. Николай не может говорить, поэтому вместо него скажу я. Необходимо отправить его в больницу, Григгс.

— Ты же слышала, что сказал Хьюстон.

— Я слышала, что у них там бардак. Приказ об эвакуации сначала отдали, а потом отменили. Сначала они говорят, что это вирус Марбурга. Затем — что это вовсе не вирус, а какой-то новый организм, состряпанный биотеррористами. Я не пойму, что происходит там внизу. Единственное, что я знаю, так это то, что мой пациент... — Она вдруг понизила голос. — Умирает, — тихо добавила она. — Моя первоочередная задача — сохранить ему жизнь.

— А моя задача — быть командиром станции, — сказал Григгс. — И я вынужден верить распоряжениям Хьюстона. Они бы не стали подвергать нас опасности, если бы ситуация не была настолько серьезной.

Эмма не могла не согласиться. Центр управления полетом был укомплектован людьми, которых она знала и которым доверяла. «И Джек там», — вспомнила она. Ему она доверяла больше остальных.

— Похоже, нам что-то прислали с Земли, — сообщила Диана, глядя на монитор компьютера. — Это для Уотсон.

Эмма скользнула через модуль, чтобы прочитать сообщение, высветившееся на экране. Письмо из отдела бионаук НАСА.

«Доктор Уотсон,

полагаем, вы поняли, с чем вам пришлось столкнуться, с чем пришлось столкнуться всем нам. Это анализ ДНК организма, которым заразился Кеничи Хираи».

Эмма кликнула по вложению.

Ей потребовалось всего лишь мгновение, чтобы оценить нуклеотидную последовательность, которая появилась на экране. И еще несколько минут, чтобы поверить в то, что она увидела.

В одной хромосоме содержались гены трех разных видов. Леопардовой лягушки, мыши и человека.

— Что это за организм? — поинтересовалась Диана.

— Новая форма жизни, — тихо ответила Эмма.

Чудовище Франкенштейна. Злая гримаса природы. Эмма вдруг сосредоточилась на слове «мышь» и подумала: «Мыши. Они заболели первыми». Полторы недели они умирали, не переставая. Последний раз, проверяя клетку, она увидела, что в живых оставалась только одна мышь, самка.

Она выплыла из жилого модуля и направилась дальше, в ту часть станции, где был дефицит питания.

В американском лабораторном отсеке царил мрак. Эмма в полутьме проплыла к контейнерам с животными. Может, мыши были первоначальными носителями организма, сосудами, в которых Химера попала на борт МКС? А может, и они — случайные жертвы, заразившиеся на борту?

Жива ли еще последняя мышь?

Эмма открыла один из контейнеров и внимательно посмотрела на последнюю обитательницу клетки. Ее сердце ёкнуло. Мышь погибла.

Эмма считала эту мышь с порванным ухом настоящим бойцом, терпеливым и настойчивым, который просто из вредности переживет соседей по клетке. Теперь, глядя на безжизненное тело, которое плавало в дальнем конце клетки, Эмма ощутила неожиданный приступ горя. Брюхо мыши раздулось. Труп надо было немедленно вытащить и уничтожить вместе с другим мусором.

Она присоединила клетку к защитной камере с перчатками и потянулась за зверьком. Когда пальцы Эммы дотронулись до мыши, зверек внезапно ожил. Эмма вскрикнула от неожиданности и отпустила мышь.

Зверек, перекувырнувшись в воздухе, взглянул на нее, раздраженно дергая усиками. Эмма рассмеялась.

— Так значит, ты все-таки не умерла, — пробормотала она.

— Уотсон!

Она обернулась к переговорному устройству, откуда ее только что позвали.

— Я в лаборатории.

— Быстрее сюда! В российский рабочий модуль. У Николая приступ!

Она вылетела из лаборатории, во мраке наталкиваясь на стены, и помчалась к российскому модулю. Первое, что она увидела, ворвавшись в модуль, — это лица остальных членов экипажа; ужас читался в глазах, даже несмотря на защитные очки. Они отплыли в стороны, и Эмма увидела Николая.

Левая рука космонавта судорожно дергалась, да с такой силой, что сотрясалась вся медицинская кушетка.

Дрожь перемещалась по левой стороне тела, и теперь затряслась левая нога Николая. Соскальзывая с кушетки, задергались бедра. Приступ продолжал свой безжалостный поход по телу. Подрагивания становились интенсивнее, ремни, сдерживавшие запястья, истерли кожу до крови. Эмма услышала отвратительный треск — это ломались кости его левого предплечья. Затем ремень с правого запястья отлетел, и рука Николая забилась, ударяясь тыльной стороной о край стола, разбивая кости и раздавливая ткани.

— Держите его! Я накачаю его валиумом! — закричала Эмма, лихорадочно роясь в аптечке.

Григгс и Лютер схватили Николая за руку, но даже сил Лютера не хватило, чтобы удержать конечность космонавта. Правая рука Николая металась точно хлыст; Лютера отбросило в сторону. Он полетел кувырком и ногой задел лицо Дианы; ее защитные очки сбились набок.

Вдруг Николай ударился затылком об стол. Он издал булькающий вздох, и его грудную клетку заполнил воздух. Из горла вырвался резкий кашель.

Брызнувшая фонтаном мокрота осела на лице Дианы. Издав крик отвращения, она отпустила Николая и принялась вытирать глаз.

Мимо Эммы проплыл пузырь сине-зеленой слизи. В желатинозной массе была сердцевина, напоминавшая жемчужину. Только когда пузырь проплыл мимо осветительных приборов, Эмма поняла, что это. Если яйцо курицы поднести к свече, его содержимое будет просвечивать сквозь скорлупу. Вместо свечи здесь были приборы освещения, и свет проник через непрозрачную мембрану сердцевины.

Внутри что-то двигалось. Что-то живое.

Раздался сигнал кардиомонитора. Эмма обернулась к Николаю и увидела, что он не дышит. Монитор показывал ровную линию.

16 августа

Джек надел головной телефон. Он сидел один в дальнем зале Центра управления полетом и ждал конфиденциального разговора, прекрасно понимая: их сегодняшнюю беседу с Эммой услышит кто-нибудь посторонний. Он подозревал, что теперь все переговоры с МКС отслеживаются военно-воздушными силами и Объединенным космическим командованием вооруженных сил США.

— Капком, это Врач, — проговорил он. — Я готов к НСР.[42]

— Вас понял, Врач, — отозвался оператор. — Наземное управление, обеспечьте эфир для связи с Землей. — Последовала пауза. — Врач, можете начинать НСР.

Сердце Джека забилось сильнее. Он глубоко вздохнул и произнес:

— Эмма, это я.

— Он мог бы выжить, если бы оказался дома, — ответила она. — Возможно, он выздоровел бы.

— Не мы остановили эвакуацию! НАСА снова лишили полномочий. Мы боремся за то, чтобы вернуть вас на Землю как можно скорее. Если вы сможете продержаться…

— Джек, вы вряд ли успеете, — возразила она тихо. Сухо. От ее слов разило холодом, проникавшим в сердце Джека. — Диана заразилась, — сообщила она.

— Ты уверена?

— Я только что проверила уровень амилазы. Он растет. Мы наблюдаем за ней. Ждем первых симптомов. Эта жидкость разлетелась по всему модулю. Мы убрали что смогли, но, возможно, еще кто-нибудь заразился. — Эмма помолчала, и Джек услышал ее прерывистое дыхание. — А знаешь, эти штуки, которые ты видел в телах Энди и Джилл и считал цистами… Я рассмотрела срез под микроскопом. И только что передала картинку в отдел бионаук. Это не цисты, Джек. И не споры.

— А что же?

— Яйца. Внутри них что-то есть. И оно растет.

— Растет? Ты хочешь сказать, это многоклеточный организм?

— Да. Именно это я и хочу сказать.

Джек был потрясен. Он думал, что речь идет о микробе, об организме не крупнее одноклеточной бактерии. Самый смертельный враг человечества всегда был микробного происхождения — бактерии, вирусы и простейшие слишком малы, и их нельзя увидеть невооруженным глазом. Если Химера многоклеточная, она намного развитее простой бактерии.

— Тот организм, который я видела, еще не сформировался, — продолжила Эмма. — Он больше походит на группу клеток. Но с сосудистыми каналами. И сократительными движениями. Он пульсировал, словно культура клеток сердечной мышцы.

— Быть может, это и есть культура. Группа слипшихся одиночных клеток.

— Нет. Нет, думаю, это единый организм. Молодой организм, развивающийся.

— И что из него получится?

— Во ВИМИИЗ знают, — отозвалась Эмма. — Эти существа росли в трупе Кеничи Хираи. Переваривая его органы. Когда его тело разложилось, они, видимо, распространились по всему шаттлу.

«Который военные немедленно поместили на карантин», — мысленно продолжил Джек, вспомнив о вертолетах и людях в скафандрах.

— Они растут и в трупе Николая.

— Избавьтесь от тела, Эмма! — воскликнул Джек. — Не теряйте времени.

— Мы сейчас этим и занимаемся. Лютер готовится выбросить тело через шлюз. Будем надеяться, что космический вакуум убьет этот организм. А ведь это историческое событие, Джек. Первые похороны человека в космосе. — Она рассмеялась, но потом, запнувшись, умолкла.

— Послушай, — сказал он. — Я верну тебя домой. Даже если придется полететь на какой-нибудь дурацкой ракете, чтобы забрать тебя.

— Они не позволят нам вернуться домой. Теперь я это понимаю.

Джек никогда не слышал, чтобы Эмма говорила таким убитым тоном, и это разозлило его. Наполнило отчаянием.

— Эмма, прекрати пугать меня!

— Я просто стараюсь реально смотреть на вещи. Я видела врага, Джек. Химера — сложная многоклеточная форма. Она двигается, размножается. Она использует против нас ДНК, наши гены. Если это результат биоинженерии, какой-то террорист создал идеальное оружие.

— Тогда он наверняка создал и защиту от него. Никто не станет выпускать на волю новое оружие, не зная, как самому от него защититься.

— Фанатик станет. Какой-нибудь террорист, стремящийся убивать людей, как можно больше. А этот организм умеет убивать. И не только убивать, но и размножаться. Распространяться. — Эмма умолкла. А затем в ее голосе зазвучали усталые нотки. — Зная об этом, я прекрасно понимаю, что мы не вернемся домой.

Джек сорвал наушники и уронил голову на руки. Он долго сидел в зале совсем один, и голос Эммы продолжал звучать у него в ушах. «Я не знаю, как спасти тебя, — думал он. — Я даже не знаю, с чего начать».

Он не слышал, как открылась дверь. Он поднял взгляд, только когда его окликнула Лиз Джанни из Управления полезной нагрузки.

— Мы нашли имя, — объявила она.

Джек в недоумении покачал головой.

— Что?

— Я же обещала проверить, какой из экспериментов пришлось уничтожить из-за разрастания грибка. Оказалось, это была клеточная культура. Ведущий исследователь — доктор Хелен Кёниг, морской биолог из Калифорнии.

— И что она?

— Исчезла. Две недели назад уволилась из лаборатории в «СиСайенс». С тех пор о ней ничего не слышно. И еще, Джек, неожиданный поворот. Я только что разговаривала кое с кем из «СиСайенс». Мне сообщили, что федеральные следователи девятого августа устроили набег на лабораторию Кёниг. И забрали все ее архивы.

Джек выпрямился.

— И что же за эксперимент был у Кёниг? Какую клеточную культуру она отправила на станцию?

— Одноклеточный морской организм. Их называют археонами.

21

— Эксперимент должен был длиться три месяца, — пояснила Лиз. — Наблюдение за размножением археонов в условиях микрогравитации. Культура начала показывать неестественные результаты. Резкий рост, кустообразные формации. Она размножалась с поразительной скоростью.

Джек и Лиз шли по одной из дорожек Космического центра Джонсона, мимо пруда с фонтаном, выбрасывавшим воду в неподвижный воздух. День был ужасно жарким и душным, но они чувствовали себя безопасней, разговаривая на улице; здесь, по крайней мере, можно было поговорить наедине.

— В космосе клетки ведут себя иначе, — заметил Джек. — По этой причине культуры и выращивались на орбите. В земных условиях ткань растет горизонтально, как бумага выстилая чашку, в которой ее культивируют. Отсутствие притяжения в космосе позволяет тканям расти в трех направлениях, и они могут принимать формы, которых никогда не образовывали на Земле.

— Зная о том, какими интересными были эти исследования, — продолжала Лиз, — поражаешься, что эксперимент был так резко прекращен по истечении всего шести с половиной недель.

— Кто прекратил эксперимент? — спросил Джек.

— Приказ поступил непосредственно от Хелен Кёниг. Очевидно, она проанализировала образцы археона, которые «Атлантис» доставил на Землю, и решила, что они заражены грибком. Она велела уничтожить культуры, находящиеся на МКС.

— И их уничтожили?

— Да. Но странно то, каким образом. Экипажу не позволили просто упаковать их и выбросить, как обычно поступают с неопасными организмами. Нет, Кёниг попросила отправить культуры в тигель и сжечь. А затем выбросить пепел за борт.

Джек остановился и посмотрел на собеседницу.

— Если доктор Кёниг биотеррористка, зачем ей уничтожать собственное оружие?

— Ты не хуже меня знаешь ответ на этот вопрос.

Джек немного поразмышлял, пытаясь найти рациональный ответ, но так его и не нашел.

— Расскажи мне об эксперименте поподробнее, — попросил он. — Что такое этот археон?

— Мы с Петровичем просмотрели научную литературу. Археон — это аномальный домен одноклеточных организмов, называемых экстремофилами — «любителями непригодных для жизни условий». Их открыли всего двадцать лет назад, они обитают и буйно размножаются возле кипящих вулканических образований на морском дне. Они также обнаружены в полярных ледяных шапках и камнях из земных глубин. В местах, где, как нам казалось, жизнь не может существовать.

— Значит, они что-то вроде жизнестойких бактерий?

— Нет, они — совершенно иная форма жизни. Их название буквально означает «древние». Они такие древние, что дата их происхождения совпадает с датой происхождения жизни на Земле. Тогда даже бактерий не существовало. Археоны — одни из первых обитателей планеты, и, вероятно, будут последними, кто на ней останется. Неважно, что произойдет — начнется ли атомная война, упадет ли астероид, — они надолго переживут нас. — Лиз помолчала. — В каком-то смысле они и есть завоеватели Земли.

— Они заразны?

— Нет. Археоны безопасны для людей.

— Тогда это не наш организм-убийца.

— А что если вместо этой культуры было что-то еще? Что если она перед самой отправкой поместила туда какой-то другой организм? Любопытно, что Хелен Кёниг исчезла в самое сложное время.

Джек на некоторое время замолчал, раздумывая, почему Хелен Кёнинг приказала уничтожить свой эксперимент. Он помнил, что Гордон Оби сказал на собрании. Возможно, это была вовсе не диверсия, а нечто не менее страшное. Ошибка.

— Еще кое-что сильно встревожило меня, — снова заговорила Лиз.

— Что?

— То, как эксперимент финансировался. Исследования, которые ведутся вне НАСА, проходят конкурс, чтобы оказаться на борту станции. Ученые подают заявки в УИОБИМ,[43] объясняя возможную коммерческую пользу эксперимента. Мы рассматриваем эти заявки, затем отправляем в различные комиссии и уж потом отдаем предпочтение тому или иному эксперименту. Процесс занимает много времени — минимум год.

— Как долго рассматривалась заявка на археон?

— Шесть месяцев.

Джек нахмурился.

— Заявку провели по всем инстанциям так быстро?

Лиз кивнула.

— Быстрый путь. Этому эксперименту не пришлось соревноваться за финансирование в НАСА, как большинству других. Его участие спонсировали. Кто-то заплатил за то, чтобы послать его на станцию.

В действительности отправка на борт полезной нагрузки от коммерческих пользователей было одним из способов, которым НАСА поддерживала материальную жизнеспособность МКС.

— И зачем какой-то компании тратить огромные деньги — я подчеркиваю, огромные деньги, — чтобы вырастить в пробирке, по сути, никому не нужные организмы? Любопытство ученого? — Она скептически фыркнула. — Я так не думаю.

— Какая компания заплатила за эксперимент?

— Фирма, на которую работала доктор Кёниг. «СиСайенс» из Ла-Хойя, Калифорния. Они занимаются созданием коммерческих продуктов морского происхождения.

Отчаяние, которое охватывало Джека ранее, отступило. Теперь у него была информация, с которой можно работать. План действий. Наконец он может сделать хоть что-то.

— Мне нужен адрес и телефон «СиСайенс», — сказал он. — И имя человека, с которым ты говорила.

Лиз отрывисто кивнула.

— Считай, что все это у тебя уже есть.

17 августа

Диана очнулась от тревожного сна, голова болела, а сновидения продолжали затуманивать разум. Ей виделась Англия, дом в Корнуолле, где она жила еще девочкой. Дорожка, вымощенная аккуратными кирпичиками, вела ко входу, увитому розами. Во сне она открывала небольшую калитку и слышала привычный скрип несмазанных петель. Вот она идет по дорожке к дому. Всего пять-шесть шагов, и Диана, оказавшись перед дверью, откроет ее. Крикнет, что она дома, наконец-то дома. Ей хотелось, чтобы мама обняла ее и простила. Но пять шагов превратились в десяток. В два десятка. Диана не могла попасть в дом, дорожка становилась все длиннее и длиннее, и в конце концов дом отдалился, уменьшившись до размеров игрушки.

Диана проснулась от собственного отчаянного крика; ее руки были вытянуты вперед.

Она открыла глаза и заметила, что на нее смотрит Майкл Григгс. Его лицо частично скрывали защитная маска и очки, но гримаса ужаса не укрылась от Дианы. Она расстегнула спальный мешок и проплыла через российский рабочий модуль. Но еще до того как взглянуть в зеркало она уже знала, что увидит.

Ярко-красное пятно расползлось по белку ее левого глаза.

Эмма и Лютер разговаривали вполголоса, вплывая в тускло освещенную лабораторию. Большая часть станции до сих пор была отключена от энергоснабжения; только российский сектор, у которого было собственное снабжение, работал в обычном режиме. Американский сектор казался жутким лабиринтом темных туннелей, и в полумраке жилого модуля самым ярким источником света был экран компьютера, на котором отображались диаграммы контроля внешних условий и системы жизнеобеспечения. Эмма и Лютер уже были знакомы с этими системами, запомнили их компоненты и подсистемы во время тренировок на Земле. Теперь у них была веская причина проверить систему. На борту оказалась инфекция, и они подозревали, что заражена вся станция. Когда Николай кашлял, распространяя яйца по российскому рабочему модулю, люк был открыт. За несколько секунд циркуляционная установка станции, предназначенная для того, чтобы воздух с высоким содержанием диоксида углерода не скапливался, разнесла капли по другим частям станции. Но неизвестно, отфильтровала ли система контроля внешних условий эти частички из

воздуха, как должна была? Или теперь заражена вся станция, все модули?

На экране компьютера отображались диаграммы входящего и выходящего воздушных потоков в атмосфере станции. Кислород подавался из нескольких независимых источников. Главным источником был российский генератор «Электрон», который путем электролиза получал из воды водород и кислород. Генератор на твердом топливе, использующий химические картриджи, был одним из резервных источников, как и кислородные резервуары, которые заполнял шаттл. Через систему распределения кислород смешивался с азотом и распространялся по станции, а вентиляторы поддерживали циркуляцию воздуха между модулями. Также вентиляторы прогоняли воздух через различные воздухопромыватели и фильтры, очищая его от углекислого газа, воды и посторонних частиц.

— Фильтры тонкой очистки должны были отловить все яйца и личинки за пятнадцать минут, — заметил Лютер, указывая на очень мощный корпускулярный воздушный фильтр на диаграмме. — Эффективность этой системы — девяносто девять и девять десятых процента. Все, что крупнее трети микрона, будет отфильтровано.

— Предположим, что яйца остались в воздухе, — заговорила Эмма. — Проблема в том, что они прилипают к поверхности. Я видела, как они двигаются. Они могут заползать в щели и прятаться за панелями, где мы их не увидим.

— Нам потребуется несколько месяцев, чтобы по очереди вскрыть все панели и посмотреть, не спрятались ли под ними пузырьки. Даже в этом случае мы, вероятно, упустим какое-то количество яиц.

— Забудь о вскрытии панелей. Это безнадежно. Я заменю остальные фильтры тонкой очистки. А завтра еще раз проверю микробные пробоотборники воздуха. Будем надеяться, что это сработает. Но если личинки залезли в систему электропроводки, мы ни за что их оттуда не достанем. — Эмма вздохнула, она так устала, что ей приходилось заставлять себя думать. — Что бы мы ни сделали, вероятно, это уже бесполезно. Скорей всего уже слишком поздно.

— Диане точно уже не помочь, — тихо произнес Лютер.

В тот день у Дианы появились следы кровоизлияния в склерах. Теперь она не покидала российский рабочий модуль. Люк закрывала пластиковая пленка, и никому не разрешалось входить туда без респиратора и защитных очков. «Бесполезная мера», — думала Эмма.

Они дышали одним воздухом, они все касались Николая. Вероятно, они все заражены.

— Придется признать, что российский рабочий модуль теперь безнадежно заражен, — заметила Эмма.

— Это единственный пригодный для жизни модуль, работающий в обычном режиме энергоснабжения. Мы не можем заблокировать его.

— Тогда, я полагаю, ты знаешь, что нам придется сделать.

Лютер устало вздохнул.

— Снова выйти в открытый космос.

— Нам нужно восстановить энергоснабжение этой части, — проговорила она. — Тебе придется закончить ремонт шарнирного привода, или мы окажемся на краю гибели. Если что-то случится с оставшимся источниками питания, мы потеряем систему контроля среды. Или компьютеры наведения и навигации. И получится то, что русские называют «смертельным сценарием». Не имея энергии на ориентацию в пространстве, станция выйдет из-под контроля.

— Даже если мы восстановим энергоснабжение, — возразил Лютер, — это не решит главную проблему: биологическое заражение.

— Но если нам удастся ограничить его российским модулем…

— Но в Диане уже сейчас развиваются личинки! Она — словно бомба, которая вот-вот взорвется!

— Как только она умрет, мы отправим ее тело за борт, — сказала Эмма. — Прежде чем она успеет распространить яйца или личинки.

— Скорее всего мы опоздаем. Николай с кашлем выделил эти яйца, он тогда был еще жив. Если мы будем ждать, пока Диана умрет…

— А что ты предлагаешь, Лютер? — голос Григгса напугал обоих, и астронавты обернулись к нему. Командир пристально взглянул на них из проема люка; в тени его лицо казалось совсем белым. — Ты хочешь сказать, мы должны выбросить ее живой?

Лютер отплыл во мрак, словно опасаясь нападения.

— Господи, я хотел сказать совсем другое.

— Что же тогда?

— Только то, что личинки… что мы знаем — они в ней. И всем ясно, что это дело времени.

— Может, они есть в каждом из нас. Может, они у тебя внутри. Растут, развиваются прямо сейчас. Может, и тебя выбросим?

— Да, если это остановит их распространение. Послушай, мы все знаем, что она умрет. Мы ничего не можем поделать. Надо думать о будущем…

— Заткнись! — Григгс бросился через модуль и схватил Лютера за рубашку.

Отлетев в сторону, они врезались в дальнюю стену и тут же отскочили от нее. Они кружили в воздухе, Лютер старался оторвать от себя руки Григгса, но командир отказывался выпустить его.

— Хватит! — крикнула Эмма. — Григгс, отпусти его!

Григгс послушался. Тяжело дыша, мужчины отплыли в разные стороны. Эмма, словно рефери, повисла между ними.

— Лютер прав, — сказала она Григгсу. — Мы должны думать о будущем. Это, конечно же, неприятно, но у нас нет выбора.

— А если бы речь шла о тебе, Уотсон? — бросил Григгс. — Тебе бы понравилось, если б начали обсуждать, что делать с твоим телом? Когда засунуть тебя в мешок и выбросить за борт?

— Я бы ожидала от вас подобного решения! На кону жизнь троих людей, и Диана это знает. Я изо всех сил стараюсь сохранить ей жизнь, но пока у меня нет лекарства, которое помогает. Я могу только накачать ее антибиотиками и ждать ответа из Хьюстона. Насколько я понимаю, мы здесь сами по себе. Мы должны готовиться к худшему!

Григгс покачал головой. Вокруг его глаз наметились красные круги, лицо осунулось от горя.

— Разве может быть еще хуже, — тихо проговорил он.

Эмма не ответила. Она посмотрела на Лютера и прочитала в его глазах свои мысли. «Худшее впереди».

— МКС, врач на связи, — объявил Капком. — МКС, связь разрешаю.

— Джек! — позвала Эмма.

В ответ она с огорчением услышала голос Тодда Катлера.

— Это я, Эмма. Боюсь, сегодня Джека не будет в Джонсоне. Они с Гордоном уехали в Калифорнию.

«Чтоб тебя, Джек, — подумала Эмма. — Ты мне нужен».

— Я насчет работы в открытом космосе, — сказал Тодд. — Ее необходимо выполнить и как можно скорее. Мой первый вопрос: как Лютер Эймс? Физически и психически? Он способен поработать?

— Он устал. Мы все устали. Мы почти не спали последние двадцать четыре часа. Занимались уборкой.

— Если мы дадим ему день отдыха, сможет он поработать в открытом космосе?

— В нынешней ситуации день отдыха — недостижимая мечта.

— Но этого было бы достаточно?

Эмма потратила некоторое время, чтобы обдумать ответ.

— Полагаю, да. Ему нужно всего лишь выспаться.

— Хорошо. Тогда второй вопрос. А ты готова к работе в открытом космосе?

От неожиданности Эмма притихла.

— Вы хотите, чтобы я была его напарницей?

— Мы думаем, Григгс не сможет. Его отстранили от любых связей с Землей. Наш психолог считает, что в данный момент у него неустойчивое состояние.

— У него горе, Тодд. И он сильно переживает тот факт, что вы не разрешаете нам вернуться на Землю. Быть может, вы не в курсе, но они с Дианой… — Эмма осеклась.

— Мы знаем. И эти эмоции сильно подрывают его производительность. Для выхода в открытый космос это опасно. Поэтому необходимо, чтобы партнершей Лютера стала ты.

— А костюм? Второй скафандр мне слишком велик.

— В «Союзе» есть «Орлан-М». Он был сделан для Елены Савицкой и оставлен на борту некоторое время назад. Елена примерно твоего роста и веса, так что он должен подойти.

— Это моя первая работа в открытом космосе.

— Ты же тренировалась в гидробассейне, отрабатывая операции в невесомости. Ты справишься. Лютеру необходима помощница.

— А как же моя пациентка? Если я буду в открытом космосе, кто будет следить за Дианой?

— Григгс сможет поменять капельницу и присмотрит за ней.

— А если наступит кризис? Вдруг у нее начнутся конвульсии?

— Она умирает, Эмма, — тихо проговорил Тодд. — Мы сомневаемся, что тебе удастся изменить положение вещей.

— А все потому, что вы не даете мне никакой информации для работы! Вас больше заботит сохранение станции! Похоже, вы больше переживаете из-за этих чертовых солнечных батарей, чем из-за экипажа. Нам нужно лекарство, Тодд, иначе мы все умрем...

— У нас нет лекарства. Пока нет...

— Тогда, черт возьми, верните нас на Землю!

— Думаете, мы хотим оставить вас в космосе? Считаете, у нас есть выбор? Да здесь словно в нацистской Германии! Весь ЦУП захватили эти козлы из военно-воздушных сил и...

Вдруг все стихло.

— Врач! — окликнула Эмма. — Тодд!

Ответа не последовало.

— Капком, Врач не отвечает, — сообщила она. — Восстановите связь.

Пауза. Затем:

— МКС, не отключайтесь.

Эмме показалось, что она ждала целую вечность. Когда до нее снова донесся голос Тодда, он звучал приглушенно. «Его запугали», — решила Эмма.

— Нас слушают, да? — поинтересовалась она.

— Так точно.

— Но это же конфиденциальный сеанс связи с врачом! По закрытому каналу!

— Ничего закрытого больше нет. Запомни.

Она с усилием сглотнула, сдерживая гнев.

— Ладно. Ладно, больше не буду. Скажи мне только, что вы знаете об этом организме. Скажи, как можно с ним бороться.

— Боюсь, многого я не скажу. Я только что разговаривал с ВИМИИЗ. С доктором Айзеком Романом, который руководит проектом «Химера». У него плохие новости. Все их антибиотики и противоглистные пробы оказались неудачными. Он говорит, что у Химеры столько чужеродных ДНК, что теперь она ближе к геному млекопитающего. А это означает, что любые лекарства, используемые против нее, будут уничтожать и наши ткани.

— А противораковые препараты пробовали? Этот организм так быстро размножается и ведет себя как опухоль. Может, воздействовать на нее таким образом?

— В ВИМИИЗ пробовали применить антибиотики, надеясь, что они смогут убить Химеру на этапе клеточного деления. К сожалению, понадобились такие дозы, которые способны убить организм «хозяина». Сжигается вся слизистая оболочка желудочно-кишечного тракта. Зараженные животные истекают кровью.

«Самая ужасная смерть, какую только можно представить», — подумала Эмма. Обширное кровотечение в кишечник и желудок. Кровь хлещет изо рта и прямой кишки. Она была свидетелем подобной смерти на Земле. В космосе она будет еще ужаснее — огромные пузыри крови наполнят отсек, словно ярко-красные шары, они забрызгают все поверхности, всех членов экипажа.

— Значит, ничего не помогло, — подытожила она.

Тодд промолчал.

— Неужели нет никакого лекарства? Такого, чтобы не убивало зараженный организм?

— Они упомянули только об одном. Но Роман считает, что это дает лишь временный эффект, но не лечит.

— Что это за средство?

— Барокамера. Потребуется давление минимум в десять атмосфер. Эквивалент погружения на стометровую глубину. Инфицированные животные, которые содержатся под таким высоким давлением, все еще живы, хотя от момента заражения прошло уже шесть дней.

— Минимум десять атмосфер?!

— Если меньше, инфекция идет своим ходом, и животное погибает.

Эмма даже вскрикнула от отчаяния.

— Даже если мы сможем поднять давление воздуха до десяти атмосфер, станция этого не выдержит.

— Какое там десять! И две атмосферы способны нарушить целостность оболочки, — отозвался Тодд. — К тому же вам понадобится гелиево-кислородная смесь. Вы не сможете создать такую на станции. Поэтому я не хотел даже упоминать об этом — для вашего случая подобная информация просто бесполезна. Мы уже думали о доставке кессона на МКС, однако столь крупное оборудование — такое, которое обеспечило бы необходимое высокое давление, — можно доставить только в грузовом отсеке «Эндевора». Но проблема в том, что шаттл уже прошел стадию обслуживания в горизонтальном положении. Потребуется минимум две недели, чтобы погрузить кессон и отправить на МКС. А это означает стыковку корабля и МКС, риск заражения «Эндевора» и его экипажа. — Тодд помолчал. — В ВИМИИЗ говорят, что это не выход.

Эмма молчала, чувствуя, как отчаяние перерастает в гнев. Их единственная надежда, кессон повышенного давления, требует возвращения на Землю. И это тоже невозможно.

— Наверняка мы можем как-нибудь использовать эту информацию, — сказала она. — Объясни, почему лечение высоким давлением оказалось действенным? Почему во ВИМИИЗ вообще решили применить ее?

— Я задал Роману тот же вопрос.

— И что он ответил?

— Что это новый аномальный организм. И что поэтому применяется нетрадиционная терапия.

— Он не ответил на вопрос.

— Это все, что он смог рассказать.

Давление в десять атмосфер на пределе возможности человеческого организма. Эмма любила нырять с аквалангом, но не осмеливалась забираться глубже сорока метров. На стометровую глубину погружались только отчаянные храбрецы. С чего это во ВИМИИЗ решили подвергнуть инфекцию такому экстремальному давлению?

«Должно быть, у них есть причина, — решила она. — Они что-то знают об этом организме и потому посчитали, что высокое давление сработает. Они что-то недоговаривают».

22

Причина, по которой Гордона Оби называли Сфинксом, стала совершенно очевидна Джеку во время их совместного полета в Сан-Диего. На аэродроме Эллингтон-Филд они взяли один из Т-38. Оби сел за штурвал, а Джек втиснулся в единственное пассажирское кресло. Находясь в воздухе, они и словом не обмолвились, но это и неудивительно: Т-38 не располагает к беседе — пассажир и пилот сидят друг за другом, как две горошины в стручке. Но даже во время остановки для дозаправки в Эль-Пасо, когда оба вылезли из самолета, чтобы размять ноги после полуторачасового сидения в тесноте, Джеку так и не удалось разговорить Оби. Только однажды, когда они стояли у края летного поля, попивая «Доктор Пеппер», извлеченный из автомата с напитками, он выдал неожиданное замечание. Оби прищурился, глядя на солнце, которое уже миновало свой зенит, и произнес:

— Если бы она была моей женой, я бы тоже до смерти испугался.

Затем он швырнул пустую банку в урну и двинулся к самолету.

Приземлившись на аэродроме Линдберг-Филд, Джек сел за руль взятой напрокат машины, и они направились на север, в Ла-Хойя по федеральной автостраде номер пять. Гордон молча смотрел в окно. Джек всегда считал Гордона скорее машиной, чем человеком, и представлял, как его механический, подобный компьютеру мозг регистрирует мелькающий пейзаж, словно считывает биты информации: холм, переезд, строительная площадка. Хотя Гордон когда-то был астронавтом, никто из отряда не знал его по-настоящему. По работе он вынужден был появляться на всех светских раутах, но всегда держался в стороне — молчаливая одинокая фигура с напитком не крепче «Доктора Пеппера», который он особенно любил. Казалось, ему комфортно находиться в молчаливом одиночестве, которое было частью его

личности, так же как забавно торчавшие уши и неудачная стрижка. Никто по-настоящему не знал Гордона Оби лишь потому, что он сам не видел причины раскрываться.

Вот почему его замечание, высказанное в Эль-Пасо, удивило Джека. «Если бы она была моей женой, я бы тоже испугался до смерти».

Джек даже представить себе не мог, что Сфинкс когда-нибудь чего-нибудь боялся, а тем более, что Оби когда-нибудь был женат. Насколько он знал, Гордон всегда был холостяком.

Когда они ехали по извилистой береговой линии Ла-Хойя, с моря уже поднимался послеполуденный туман. Они чуть не проехали вход в «СиСайенс»: на повороте была всего лишь небольшая табличка, и казалось, что дорога за ней ведет в эвкалиптовую рощицу. Только когда они проехали около километра по боковой дороге, появилось какое-то здание — необычный, похожий на крепость комплекс из белого бетона, возвышающийся над морем.

У поста охраны их встретила женщина в белом лабораторном халате.

— Ребекка Гулд, — представилась она, пожав им руки. — Я работаю по соседству с Хелен. Это я разговаривала с вами утром.

Из-за коротких волос и крепкого телосложения Ребекку можно было принять и за женщину, и за мужчину. Даже ее глубокий голос сбивал с толку.

Они сели в лифт и спустились в цокольный этаж.

— Не знаю, почему вы так хотели приехать сюда, — сказала Ребекка. — Как я и говорила по телефону, сотрудники ВИМИИЗ уже все вынесли из лаборатории Хелен. — Она указала на дверь. — Смотрите сами: они почти ничего не оставили.

Джек и Гордон шагнули в кабинет и в смятении огляделись. Вытащенные и опустошенные ящики картотеки. Полки и настольные короба были тоже пусты, пропала даже подставка для пробирок. Остались лишь плакаты и фотографии на стенах: туристические плакаты — соблазнительные тропические пляжи, пальмы и загорелые женщины с блестевшей на солнце кожей.

— В тот день, когда они пришли, я была в своей лаборатории и слышала множество расстроенных голосов и звук бьющегося стекла. Я выглянула из своей двери и увидела людей, вывозящих папки и компьютеры. Они забрали все. Инкубаторы с ее культурами. Стойки с образцами морской

воды. Даже лягушек, которых она держала в террариуме. Мои лаборанты пытались предотвратить налет, но их забрали на допрос. Естественно, меня тоже вызвали наверх, в кабинет доктора Габриэля.

— Габриэля?

— Палмера Габриэля. Президента нашей компании. Он и сам спустился сюда вместе с юристами «СиСайенс». Но они тоже не смогли их остановить. Военные просто вошли и все забрали. Даже обеды сотрудников! — Ребекка открыла холодильник и указала на пустые полки. — Не знаю, что, черт возьми, они надеялись тут найти. — Она обернулась к ним. — И не имею ни малейшего понятия, зачем сюда приехали вы.

— Думаю, все ищут Хелен Кёниг.

— Я же сказала вам. Она уволилась.

— Вы знаете, почему?

Ребекка пожала плечами.

— Сотрудники ВИМИИЗ тоже все время об этом спрашивали. Не держала ли она зла на «СиСайенс». Не была ли она психически неуравновешенной. Я точно могу сказать, что нет. Думаю, она просто устала. Выдохлась, работая здесь по семь дней в неделю Бог знает сколько лет подряд.

— А теперь никто не может найти ее.

Ребекка гневно вздернула подбородок.

— Уехать из города еще не преступление. Это не значит, что она биотеррористка. Но сотрудники ВИМИИЗ обращались с этой лабораторией как с местом преступления. Словно она выращивала вирус Эбола или что-то в этом роде. Хелен изучала археоны. Это безобидные морские микроорганизмы.

— Вы уверены, что это единственный проект, который проводили в этой лаборатории?

— Думаете, я следила за Хелен? Конечно, нет. У меня своей работы полно. Но чем еще она могла заниматься? Она посвятила годы исследованию археонов. Тот штамм, который она послала на МКС, был ее открытием. Хелен считала его своей личной победой.

— Используют ли археоны в коммерческих целях?

Ребекка задумалась.

— Насколько я знаю, нет.

— Тогда зачем изучать их в космосе?

— А вы разве не слышали о теоретической науке, доктор Маккаллум? О знаниях ради знаний? Археоны — странные, загадочные создания. Хелен обнаружила эти образцы в Галапагосском рифте, возле вулканического кратера, на глубине пять тысяч восемьсот метров. При давлении в шестьсот атмосфер и температуре кипения этот организм прекрасно себя чувствовал и размножался. Это говорит о том, насколько сильна у живых существ способность приспосабливаться. Совершенно естественно задуматься над тем, что случится, если вынуть эту биологическую форму из ее экстремальных условий и перенести в более благоприятное окружение. Где не будет такого давления. И гравитации, искажающей ее рост.

— Простите, — прервал ее Гордон, и Джек с Ребеккой повернулись к Сфинксу.

До этого момента Гордон бродил по лаборатории, заглядывая в пустые ящики и корзины для мусора, а теперь вдруг остановился возле одного из туристических плакатов, висевших на стене. К уголку рамы была приклеена скотчем фотография, изображавшая большой самолет, стоявший на летном поле, и двух летчиков под его крылом.

— Откуда это у вас? — спросил Оби, указывая на снимок.

Ребекка пожала плечами.

— Не могу сказать. Кто-то сфотографировал лабораторию Хелен.

— Это Кей-Си-235, — сказал Гордон.

Теперь Джек понял, почему Оби заинтересовался этой фотографией. КС-235 был тем самым самолетом, на котором НАСА приучала астронавтов к микрогравитации. Когда самолет входит в пике и несется по гигантской параболической кривой, создается тот же эффект, что и на русских горках, только невесомость длится гораздо дольше — до тридцати секунд за одно пике.

— Доктор Кёниг пользовалась Кей-Си-235 для какого-нибудь эксперимента? — поинтересовался Джек.

— Я знаю только, что она провела четыре недели на одном из аэродромов в Нью-Мексико. Но я понятия не имею, какой самолет там использовался.

Джек и Гордон обменялись задумчивыми взглядами. Четыре недели исследований на борту КС-235 стоят бешеных денег.

— Кто дает санкцию на подобные эксперименты? — спросил Джек.

— Их нужно утверждать у самого доктора Габриэля.

— Мы можем с ним поговорить?

Ребекка покачала головой.

— Вам не удастся просто так заглянуть к Палмеру Габриэлю. Даже работающие здесь ученые крайне редко его видят. Его исследовательские лаборатории разбросаны по всей стране, так что его может даже не оказаться в городе.

— Еще один вопрос, — вмешался Гордон. Он бродил вокруг пустого террариума, внимательно разглядывая мох и камушки, которыми было выложено дно. — Для чего это?

— Для лягушек. Я уже говорила об этом, помните? Тут жили любимцы Хелен. Сотрудники ВИМИИЗ увезли их вместе с остальными вещами.

Гордон вдруг выпрямился и посмотрел на Ребекку.

— Какие это были лягушки?

Она удивленно рассмеялась.

— Сотрудники НАСА всегда задают такие странные вопросы?

— Мне просто интересно, какой вид лягушек может сойти за домашних животных.

— Думаю, у нее была какая-нибудь из леопардовых лягушек. Что до меня, я бы отдала предпочтение пуделям. У них куда меньше слизи. — Она посмотрела на часы. — Итак, господа. Есть еще вопросы?

— Думаю, у меня вопросов больше нет, спасибо, — поблагодарил Гордон. И не говоря ни слова, вышел из лаборатории.

Они сидели в машине; под окнами клубился морской туман, стекла покрывала влага. «Rana pipiens, — думал Джек. — Леопардовая лягушка. Один из трех видов в геноме Химеры».

— Вот откуда она взялась, — проговорил он, — из этой лаборатории.

Гордон кивнул.

— ВИМИИЗ узнали об этом месте неделю назад, — проговорил Джек. — Откуда? Как они узнали, что Химера вышла из «СиСайенс»? Должен быть какой-нибудь способ, чтобы заставить их поделиться информацией.

— Если это дело национальной безопасности, то вряд ли.

— НАСА им не враг.

— Возможно, они считают иначе. Может, они полагают, что существует угроза внутри НАСА, — предположил Гордон.

Джек посмотрел на него.

— От кого-нибудь из нас?

— Это одна из двух причин, по которым военные держат нас на расстоянии.

— А другая?

— Они сволочи.

Джек рассмеялся и откинулся на сиденье. Некоторое время они молчали. За этот день оба успели вымотаться, а им еще предстоял обратный полет в Хьюстон.

— Я просто трясу кулаками, — признался Джек, прикрыв глаза ладонью. — Я не знаю, с кем или с чем борюсь. Но не могу прекратить эту борьбу.

— Я бы тоже не смог махнуть рукой на такую женщину, — согласился Гордон.

Они не называли имени, но оба знали, что говорят об Эмме.

— Помню, как она впервые появилась в Космическом центре Джонсона, — сказал Гордон. В приглушенном свете затуманенных окон простое лицо Оби казалось серым рисунком на сером фоне. Он сидел неподвижно, его взгляд был направлен строго вперед, этакий хмурый,

бесцветный человек. — Я выступал перед группой астронавтов-новичков, среди которых была и она. Я оглядел присутствующих, все эти новые лица. И увидел ее — она сидела в центре первого ряда. Не боясь ничего — ни расспросов, ни неловкой ситуации. — Умолкнув, он слегка покачал головой. — Мне не хотелось отправлять ее в космос. Каждый раз, когда ей выпадало назначение, я стремился вычеркнуть ее из списка. Не потому, что она не подходила. Нет, черт возьми! Мне просто не нравилось смотреть, как она едет к стартовой площадке, и знать все, что может случиться.

Он вдруг замолчал. Это была самая длинная речь, какую Джек от него слышал. Так открыто Гордон еще никогда не говорил о своих чувствах. И все же ничего из сказанного не удивило Джека. Он думал о том, сколько всего любит в Эмме. «Да и какой мужчина ее не полюбит? — размышлял он. — Даже Гордон Оби не устоял».

Джек включил зажигание, и, когда дворники разогнали пелену тумана, ветровое стекло вновь стало прозрачным. Было уже пять часов: обратно в Хьюстон придется лететь в темноте. Он выехал с места парковки и двинулся к выезду.

Они еще не выехали с парковки, когда Гордон воскликнул:

— Что за черт!

Увидев черный седан, который на полной скорости выскочил на них из тумана, Джек ударил по тормозам. Затем на парковку с визгом въехала другая машина, ее занесло, и она остановилась, передним бампером уткнувшись в бампер их машины. Из автомобилей вышло четверо мужчин.

Джек замер, когда дверь с его стороны резко распахнулась и чей-то голос скомандовал:

— Джентльмены, пожалуйста, выйдите из машины. Оба.

— Зачем?

— Немедленно выходите из машины.

— У меня такое чувство, что спорить с ними бесполезно, — тихо заметил Гордон.

Мужчины нехотя выбрались из машины; быстро обыскав их, незнакомцы отобрали у них бумажники.

— С вами хотят поговорить. Садитесь на заднее сиденье.

Мужчина указал на одну из черных машин.

Джек оглядел четверых мужчин, следивших за ними. В подобной ситуации сопротивляться бесполезно. Джек и Гордон подошли к черной машине и забрались на заднее сиденье.

Впереди сидел мужчина. Они видели только его затылок и плечи. У него были густые седеющие волосы, зачесанные назад, и серый костюм. Его окно быстро открылось, и ему передали два конфискованных бумажника. Он снова поднял тонированное стекло, защищаясь от любопытных глаз. Несколько минут он изучал содержимое бумажников. Затем обернулся к своим гостям на заднем сиденье. У него были темные, почти обсидиановые глаза, в которых почему-то ничего не отражалось. Две черные дыры будто бы просто поглощали свет. Он швырнул бумажники Джеку на колени.

— Господа, далековато вы уехали от Хьюстона.

— Может, просто не туда свернули в Эль-Пасо, — предположил Джек.

— Что здесь нужно НАСА?

— Мы хотели узнать, что было в тех клеточных культурах, которые вы послали на станцию.

— Сюда уже заезжали сотрудники ВИМИИЗ. Они все вынесли. Исследовательский архив доктора Кёниг, ее компьютеры. Если у вас есть какие-то вопросы, лучше спросить у них.

— ВИМИИЗ не хочет разговаривать с нами.

— Это ваша проблема, а не моя.

— Хелен Кёниг работала на вас, доктор Габриэль. Разве вы не знаете, что происходит в ваших лабораториях?

По выражению лица этого человека Джек понял, что угадал. Это был основатель «СиСайенс». Палмер Габриэль. Человек с глазами, не отражавшими света, вряд ли походил на архангела.

— На меня работают сотни ученых, — ответил Габриэль. — У меня лаборатории в Массачусетсе и Флориде. Я не могу знать обо всем, что в них происходит. А также не могу нести ответственность за преступления, которые совершают мои сотрудники.

— Это не просто преступление. Это биоинженерная Химера — организм, который погубил целый экипаж шаттла. И его следы ведут в вашу лабораторию.

— Мои исследователи руководят своими собственными проектами. Я не вмешиваюсь. Я сам ученый, доктор Маккаллум, и знаю, что исследователям лучше работается, когда им предоставляют полную независимость. Возможность утолить свое любопытство. Чем бы ни занималась Хелен, это ее дело.

— Почему археоны? Что она надеялась найти?

Он отвернулся, и они снова видели только его затылок с волной серебристо-седых волос.

— Знания всегда полезны. Сначала мы можем не осознать их ценность. Например, зачем нужны сведения о репродуктивных особенностях голожаберных моллюсков? Затем мы узнаем о тех ценных гормонах, которые можно получить из этих скромных голожаберных моллюсков. И вдруг их размножение становится невероятно важным.

— И что же такого важного в археонах?

— В этом-то и вопрос, верно? Этим мы здесь и занимаемся. Изучаем организм и узнаем, чем он может быть полезен. — Габриэль указал на здание лаборатории, скрытое туманом. — Вы заметили, что оно у моря? Все мои здания находятся у моря. Это моя «золотая жила». Здесь я ищу новое лекарство от рака, очередной чудесный препарат. Логично искать его в море, потому что и мы оттуда вышли. Это место нашего рождения. Вся жизнь вышла из моря.

— Вы не ответили на вопрос. Есть ли у археонов коммерческая ценность?

— Это нам предстоит узнать.

— Тогда зачем посылать их в космос? Доктор Кёниг что-то обнаружила во время полетов на Кей-Си-235? Тут есть какая-то связь с невесомостью?

Габриэль опустил окно и сделал знак своим людям. Задние двери распахнулись.

— Выйдите из машины, пожалуйста.

— Стойте, — сказал Джек. — Где Хелен Кёниг?

— Я не разговаривал с ней с тех пор, как она уволилась.

— Почему она приказала сжечь клеточные культуры?

Джека и Гордона вытащили из салона и повели к машине, которую они взяли напрокат.

— Чего она боялась? — крикнул Джек.

Габриэль не ответил. Окно машины закрылось, и лицо ученого скрылось за тонированным стеклом.

23

18 августа

Лютер выпустил оставшийся воздух из шлюзового модуля и распахнул люк, ведущий в открытый космос.

— Я пойду первым, — сказал он. — Двигайся медленно. В первый раз всегда страшно.

Под впечатлением от разверзнувшейся впереди пустоты Эмма в панике ухватилась за край люка. Она знала: это обычное ощущение, и оно пройдет. Минутная паника сковывает почти любого, кто впервые выходит в космос. Разум с трудом воспринимает безграничность пространства, отсутствие верха и низа. Миллионы лет эволюции вселили в человеческий разум страх падения, и именно его Эмма теперь пыталась преодолеть. Все инстинкты говорили ей: если разжать руки и выбраться из люка, ее ждет бесконечное падение. Рациональной частью своего разума она понимала, что этого не произойдет. Эмма была привязана к шлюзу специальным фалом. Если он порвется, она сможет воспользоваться реактивным ранцем, чтобы вернуться к станции. Катастрофа может произойти, только если случится целая серия не зависящих друг от друга неприятностей.

«Однако именно это и произошло на станции», — подумала она. Одна случайность за другой. Для них станция стала космическим «Титаником». Эмма не могла отделаться от дурного предчувствия. Им уже пришлось нарушить протокол. Вместо того чтобы, как обычно, расположиться на ночлег и понизить давление воздуха, они провели в шлюзе лишь четыре часа. Теоретически этого было достаточно, чтобы предупредить кессонную болезнь, но любое изменение в обычном течении процедуры добавляло очередной риск.

Она сделала несколько глубоких вдохов и почувствовала, что ужас начал отступать.

— Как дела? — услышала она по переговорному устройству голос Лютера.

— Я только… на минутку залюбовалась видом, — ответила она.

— Проблемы?

— Нет. Все в порядке.

Она разжала руки и выплыла из люка.

«Диана умирает».

Григгс с растущей горечью смотрел на монитор кабельного телевидения станции, показывающий как Лютер и Эмма работают в открытом космосе. «Трутни, — подумал он. — Послушные роботы, по первому зову готовые выполнять команды Хьюстона». Он тоже много лет был трутнем. Только теперь он понял, где его место в этом огромном механизме. Все они — продукты одноразового использования. Заменяемые единицы на орбите, чья настоящая функция состоит в обслуживании прекрасного оборудования НАСА. «Возможно, мы все передохнем, но все равно берем под козырек и делаем так, чтобы на этой гребаной станции все было в порядке».

Они могут снять его со счетов. НАСА предало его, предало их всех. Пускай Уотсон и Эймс изображают из себя образцовых солдатиков, с него хватит.

Его заботит только Диана.

Григгс выплыл из жилого модуля и направился к российской части станции. Скользнув под пленку, закрывавшую люк, он оказался в российском рабочем модуле. Он не стал надевать маску и очки; что это изменит? Они все умрут.

Диана была привязана к медицинской кушетке. Ее глаза воспалились, веки опухли. Ее живот, когда-то такой плоский и твердый, теперь раздулся. «Там — яйца», — подумал Григгс. Он представил, как они растут в ее теле, распространяясь под бледным покровом ее кожи.

Он нежно дотронулся до ее щеки. Диана открыла свои испещренные кровавыми прожилками глаза и попыталась сфокусироваться на его лице.

— Это я, — прошептал он.

И увидел, что она пытается освободить руку из ремня, сдерживавшего ее запястье. Григгс сжал ее пальцы в своих.

— Не шевели рукой, Диана. Там капельница.

— Я не вижу тебя. — Она всхлипнула. — Я ничего не вижу.

— Я здесь. Я с тобой.

— Я не хочу так умирать.

Григгс поморгал, избавляясь от навернувшихся слез, и хотел было сказать ей что-то, соврать, убеждая, что она не умрет, что он ей этого не позволит. Но слова застряли у него в горле. Они всегда говорили друг другу правду; он и теперь не станет лгать. Поэтому он промолчал.

— Никогда не думала… — начала Диана.

— Что? — мягко спросил он.

— Что это… что все случится так. И героиню из себя не покорчишь. Я больная и бесполезная. — Диана рассмеялась, затем ее лицо исказила гримаса боли. — Так не хочется умирать… в ореоле славы.

«В ореоле славы». Так астронавты представляют себе смерть в космосе. Краткое мгновение ужаса, а затем быстрая смерть. Внезапная декомпрессия или пожар. Никогда никто не представлял себе медленную болезненную смерть, когда тело разъедает и переваривает другая биологическая форма. Земля позабыла о них. Их просто приносят в жертву во имя благополучия всего человечества.

Они одноразовые. Пусть он, но только не Диана. Григгс не мог смириться с тем, что скоро потеряет ее.

Трудно представить, но в день их знакомства на тренировке в Космическом центре Джонсона он посчитал ее холодной, непривлекательной и чрезмерно самоуверенной платиновой блондинкой. Ее британский акцент тоже не нравился Григгсу, потому что он прибавлял ей надменности. По сравнению с его протяжным техасским акцентом речь Дианы казалась четкой и правильной. В первую неделю они так невзлюбили друг друга, что предпочитали не разговаривать.

К третьей неделе по настоянию Гордона Оби они неохотно заключили перемирие.

К восьмой неделе Григгс начал наведываться к ней домой. Сначала заходил выпить и обсудить грядущий полет. Затем разговоры перешли на более личные темы. Несчастливый брак Григгса. Куча общих интересов. Все это конечно же привело к неизбежному.

Они скрывали свои отношения от всех обитателей Космического центра Джонсона. Только здесь, на станции, их роман перестал быть тайным. Если бы еще на Земле у Бланкеншипа возникло хоть малейшее подозрение, он бы снял их с полета. Даже в современную эпоху развод астронавта — черное пятно на биографии. А если этот развод — результат связи с другим членом отряда, — что ж, в таком случае вероятность получить назначение на полет сводится к нулю. Григгс превратился бы в астронавта-невидимку, которого никто не замечает и не слышит.

Он любил ее два года. Два года, ложась рядом со своей спящей женой, Григгс тосковал по Диане и обдумывал варианты их объединения. Когда-нибудь они смогут быть вместе, даже если придется уйти из НАСА. Эта мечта поддерживала его все те печальные ночи. Даже прожив с ней два месяца бок о бок, даже после периодических ссор он не перестал любить ее. И продолжал мечтать. Даже теперь.

— Какой сегодня день? — пробормотала она.

— Пятница.

Он снова принялся гладить ее по волосам.

— В Хьюстоне сейчас пять тридцать вечера. Счастливый час.

Она улыбнулась.

— Ура! Пятница.

— Кто-то сейчас сидит в баре. Чипсы и «Маргарита». Боже, я бы сейчас выпил чего-нибудь покрепче. Красивый закат. Мы с тобой на озере...

Слезы, блеснувшие на ее ресницах, словно ножом полоснули по сердцу. Ему было плевать на биозаражение, на то, что он может подцепить заразу. Не надевая перчаток, он вытер глаза Дианы.

— Тебе больно? — спросил он. — Дать еще обезболивающего?

— Нет. Прибереги его. — «Скоро оно понадобится кому-нибудь еще», — хотела сказать она.

— Скажи, чего тебе хочется. Что я могу для тебя сделать.

— Пить, — сказала она. — Все эти разговоры о «Маргаритах»...

Он усмехнулся.

— Сейчас приготовлю тебе коктейль. Безалкогольный.

— Да, пожалуйста.

Он поплыл на кухню и открыл отделение для продуктов. Там был российский продуктовый набор, так непохожий на продукты в американском жилом модуле. Соленая рыба в вакуумной упаковке, сосиски, множество других малопривлекательных продуктов и водка — маленькая бутылка, посланная якобы с медицинскими целями.

«Похоже, мы в последний раз выпьем вместе».

Он вытряс немного водки в два питьевых мешочка и положил бутылку на место. Затем добавил воды, разбавив порцию Дианы так, чтобы напиток получился слабоалкогольным. «Чтобы почувствовать вкус, — подумал он, — и вспомнить счастливые моменты». Напомнить ей о тех вечерах, которые они проводили вместе, любуясь закатами в ее патио. Он хорошенько встряхнул мешочки, чтобы смешать воду и водку, затем обернулся к Диане.

Из ее рта вырвался ярко-красный пузырь.

У нее начались конвульсии. Глаза Дианы закатились, зубы сжались — она защемила язык. Откушенный кончик повис на обрывках ткани.

— Диана! — закричал Григгс.

Кровяной пузырь лопнул и находившийся в нем блестящий шар поплыл прочь. Тут же начал формироваться еще один кровавый пузырь — из прикушенного языка.

Он схватил пластиковый кляп, прикрепленный к кушетке, и попытался впихнуть его между зубов Дианы, чтобы она не смогла травмировать мягкие ткани. Он не смог разжать ей зубы. Самые сильные мышцы человека — челюстные, а зубы Дианы были крепко сжаты. Он схватил готовый к использованию шприц с обезболивающим, в котором уже была нужная доза, и воткнул кончик в клапан капельницы. Пока он вводил лекарство, приступ начал отступать. Григгс ввел полную дозу.

Ее лицо расслабилось. Челюсти уже не сжимались так сильно.

— Диана! — позвал он.

Та не ответила.

Выползая из ее рта, начал расти очередной кровавый пузырь. Григгсу пришлось сжать челюсти Дианы, чтобы остановить этот процесс.

Он открыл аптечку, нашел стерильную марлю и разорвал пакет; несколько обравков ткани уплыли прочь. Он встал в изголовье Дианы, осторожно открыл ей рот, чтобы взглянуть на изуродованный язык.

Закашлявшись, Диана попыталась увернуться. Она давилась собственной кровью. Вдыхала ее в легкие.

— Диана, не двигайся.

Правым запястьем прижимая нижние зубы Дианы, чтобы удержать челюсть, Григгс левой рукой сформировал из марли тампон и начал собирать кровь. Шея Дианы вдруг дернулась в очередной судороге, и она сжала зубы.

Григгс закричал — челюсти Дианы сжали мясистые части его руки, и его пронзила такая жуткая боль, что потемнело в глазах. Он почувствовал, как теплая кровь плеснула ему в лицо и увидел яркий красный пузырь. Его кровь смешалась с кровью Дианы. Он попытался выдернуть руку, но зубы Дианы вошли слишком глубоко. Кровь продолжала вытекать — пузырь вырос до размера баскетбольного мяча. «Она перекусила артерию!» Григгс не смог разжать челюсти Дианы — в приступе ее мышцы сократились со сверхчеловеческой силой.

В глазах потемнело.

В отчаянии Григгс сложил свободную руку в кулак и ударил Диану по зубам. Мышцы челюсти не разжались.

Он ударил ее снова. Пузырь крови размером с баскетбольный мяч лопнул, разлетевшись на десятки маленьких пузырьков, забрызгавших лицо и глаза Григгса. Он не смог разжать ее челюсти. Крови было так много, что ему казалось, будто он плавает в ней и не может вдохнуть чистый воздух.

Он вслепую ударил ее кулаком по лицу и почувствовал, что треснули кости, но и теперь не смог высвободить руку. Боль была невероятно сильной, непереносимой. Григгса охватила ослепляющая паника; он хотел только одного — прекратить мучения. Едва ли он соображал, что он делает, когда ударил Диану еще раз. И еще раз.

Вскрикнув, он наконец выдернул руку и, вцепившись здоровой рукой в запястье поврежденной, отлетел назад. Из раны яркими лентами сочились ручейки крови. Ему потребовалось время, чтобы обрести равновесие и способность видеть. Он посмотрел на разбитое лицо Дианы, на окровавленные осколки ее зубов. Все это сделал его собственный кулак.

Вопль отчаяния эхом отражался от стен; его уши наполнились звуками собственной муки. «Что я наделал? Что я наделал?» Григгс подплыл к Диане и обхватил ладонями ее разбитое лицо. Он уже не чувствовал собственной боли, она ничто по сравнению с тем ужасом, что он натворил.

Григгс снова завыл, на этот раз злобно. Он молотил кулаком по стене модуля. Сорвал пленку, закрывавшую люк. «Мы все равно умрем!» Затем он увидел аптечку.

Дотянувшись до нее, он вытащил скальпель.

Врач Тодд Катлер с нарастающим ужасом смотрел на свой пульт. У него на экране высвечивались биотелеметрические данные Дианы Эстес. Ее электрокардиограмма напоминала зубцы электропилы. К счастью, так было недолго. Так же внезапно на мониторе появился частый синусовый ритм.

— Полет, — проговорил он, — у моей пациентки проблема с сердечным ритмом. Только что в течение пяти секунд ее ЭКГ показывала желудочковую тахикардию.

— Что это значит? — быстро спросил Вуди Эллис.

— Потенциально смертельный ритм, если, конечно, он продолжится. Сейчас у нее снова синусовый ритм, примерно сто тридцать. Это чаще, чем раньше. Не опасно, но меня это беспокоит.

— Что посоветуете, Врач?

— Я бы применил какой-нибудь антиаритмический препарат. Нужно внутривенно ввести лидокаин или амиодарон. Оба лекарства есть в кардиоаптечке.

— Эймс и Уотсон продолжают работать в открытом космосе. Это придется сделать Григгсу.

— Я поговорю с ним.

— Ладно. Капком, свяжитесь с Григгсом.

Пока они ждали ответа командира, Тодд неотрывно следил за монитором. Его тревога росла. Пульс Дианы учащался: 135, 140.

Вдруг — резкий скачок до 160, частокол начал трепетать — или пациентка двигается, или начались помехи. Что там происходит?

— Командир Григгс не отвечает, — доложил Капком.

— Ей нужно ввести лидокаин, — сказал Тодд.

— Мы не можем с ним связаться.

«Он или не слышит, или отказывается выходить на связь», — подумал Тодд. Они беспокоились об эмоциональном здоровье Григгса. А вдруг он замкнулся настолько, что перестал обращать внимание на срочный вызов?

Взгляд Тодда был прикован к монитору. У Дианы Эстес то возникала, то проходила желудочковая тахикардия. Желудочки сердца сокращались так часто, что не успевали качать кровь как положено и не могли поддерживать кровяное давление.

— Ей срочно нужно ввести лекарство! — воскликнул он.

— Григгс не отвечает, — отозвался Капком.

— Тогда верните на станцию тех, кто работает снаружи!

— Нет! — вмешался Полет. — Сейчас самый сложный момент в ремонте. Мы не можем прерывать их.

— Она в критическом состоянии.

— Если мы вернем Эймса и Уотсон на станцию, все ремонтные работы остановятся на ближайшие двадцать четыре часа.

Члены экипажа не могли быстро зайти внутрь и снова вылезти наружу. Им необходимо время для восстановления и повторения цикла декомпрессии. Вуди Эллис не произнес этого вслух, но, видимо, думал, как и все остальные: даже если экипаж вернется на станцию, Диане Эстес это не поможет. Она все равно умрет.

К ужасу Тодда, ЭКГ постоянно показывала желудочковую тахикардию. Состояние не менялось.

— Ей все хуже и хуже! — крикнул он. — Немедленно верните одного из них внутрь! Верните Уотсон!

— Разрешаю, — после секундной паузы произнес Полет.

«Почему Григгс не отвечает?»

Лихорадочно цепляясь за опоры, Эмма старалась как можно быстрее двигаться вдоль главной фермы. В костюме «Орлан-М» она казалась себе медлительной и неуклюжей, и руки болели от усилий, которые приходилось прилагать, сгибая пальцы в объемных перчатках. Она устала после ремонтных работ, пот начинал впитываться во внутреннюю подкладку костюма, а мышцы дергались от усталости.

— Григгс, ответь. Черт возьми, ответь! — крикнула она по внутренней связи.

С МКС не отвечали.

— Как состояние Дианы? — спросила она, тяжело дыша.

Послышался голос Тодда:

— Желудочковая тахикардия продолжается.

— Черт!

— Не спеши, Уотсон. Будь осторожна!

— Ее еще можно спасти. Где, черт возьми, Григгс?

Она так тяжело дышала, что едва могла говорить. Эмма изо всех сил старалась сосредоточиться, чтобы ухватиться за очередную перекладину и не запутать фал. Миновав ферму, она сделала рывок к лестнице, но вдруг что-то потянуло ее назад. Рукав ее скафандра зацепился за угол рабочей платформы.

«Помедленней. Иначе убьешься».

Эмма осторожно отцепила рукав и посмотрела нет ли на нем повреждений. Сердце билось так же часто, но она продолжила спуск к лестнице и влезла в шлюз. Затем быстро закрыла люк и открыла клапан выравнивания давления.

— Тодд, что происходит? — отрывисто произнесла Эмма, когда давление в шлюзе начало восстанавливаться. — Какой ритм?

— У нее резкая фибрилляция желудочков. Мы по-прежнему не можем связаться с Григгсом.

— Мы теряем ее.

— Знаю, знаю!

— Так, у меня давление двести шестьдесят миллиметров…

— Проверка целостности шлюза. Обязательно дождись проверки.

— У меня нет времени.

— Уотсон, черт возьми, не торопись!

Она замолчала, глубоко вздохнув. Тодд был прав. В чужеродных условиях космоса спешить нельзя. Она завершила проверку целостности шлюза, восстановила давление и открыла следующий люк, ведущий в шлюзовой модуль. Там она быстро стянула перчатки. Российский «Орлан-М» снимался легче, чем американский скафандр для работы в открытом космосе, но ей потребовалось некоторое время, чтобы открыть ранец жизнеобеспечения и выбраться из скафандра. «Я не успею», — думала она, лихорадочно высвобождая ноги из нижней части скафандра.

— Врач, состояние! — крикнула она в микрофон.

— Острая фибрилляция.

«Смертельный ритм», — подумала Эмма. Это последний шанс спасти Диану.

Оставшись в костюме водяного охлаждения, она открыла люк, который вел на станцию. Отчаянно спеша к своей пациентке, Эмма отталкивалась от стен, ныряла в проемы люков.

Вдруг влага ударила ей в лицо, замутив зрение. Она не нащупала поручень и ударилась в дальнюю стену. В течение нескольких секунд Эмма пребывала в замешательстве, моргая, стараясь избавиться от жжения. «Что попало мне в глаз? — думала она. — Только не яйца. Господи, только бы не яйца…» Зрение медленно прояснилось, но и теперь Эмма не могла понять, что перед ней.

Вокруг нее в сумраке модуля плавали огромные шары. Эмма почувствовала, как что-то влажное касается ее руки, и посмотрела вниз на темное пятно, расплывающееся по ее рукаву, на темные пятнышки, то тут, то там возникающие на ее костюме. Она поднесла рукав к свету.

Это была кровь.

Эмма в ужасе смотрела на висящие в полумраке огромные шары. Так много…

Она быстро закрыла люк, чтобы инфекция не проникла в шлюз. Защищать станцию поздно — пузыри распространились повсюду. Эмма нырнула в жилой модуль, открыла отсек, где хранилось защитное снаряжение для экипажа, и надела маску и очки. Возможно, ей все-таки удастся защититься.

— Уотсон! — позвал Катлер.

— Кровь… тут везде кровь!

— У Дианы агонизирующий ритм — времени почти не осталось!

— Иду!

Эмма выскочила из жилого модуля и влетела в переходник модуля «Заря». Российский отсек казался ослепительно светлым после едва освещенного американского; пузыри крови, словно ярко раскрашенные шарики, плавали в воздухе. Некоторые сталкивались со стенами, забрызгивая «Зарю» кровью. Выскочив из дальнего конца модуля, она не смогла увернуться от гигантского пузыря, который плыл прямо на нее. Когда он разорвался, заляпав ее очки и затуманив зрение, Эмма инстинктивно закрыла глаза. Поначалу она продвигалась вслепую, а затем провела рукавом по очкам, стирая кровь.

И вдруг перед ней возникло белое как мел лицо Майкла Григгса. Эмма закричала. И в ужасе начала метаться по воздуху, не зная, куда двигаться.

— Уотсон!

Она уставилась на огромный кровавый пузырь, еще не отделившийся от зияющей раны на шее Григгса. Вот откуда кровь — разрезана сонная артерия. Эмма заставила себя дотронуться до неповрежденной стороны его шеи, чтобы прощупать пульс. Он не прощупывался.

— ЭКГ Дианы ровная линия! — воскликнул Тодд.

Эмма потрясенно взглянула в сторону люка, ведущего в российский рабочий модуль, там Диана должна была находиться в изоляции. Пластиковой обшивки не было; модуль был открыт.

Эмма в ужасе вплыла в российский модуль.

Диана была привязана к кушетке. Лицо ее было изуродовано до неузнаваемости, а зубы превратились в кровавые обломки. Из ее рта вытекала кровь, превращаясь в пузырь.

Наконец внимание Эммы привлек визг монитора. По экрану тянулась ровная линия. Она хотела было отключить звук, но рука застыла в воздухе. На выключателе поблескивала желатинозная сине-зеленая масса.

«Яйца. Они уже вышли из Дианы. Она выпустила Химеру».

Визг монитора был нестерпим, но Эмма не шевелилась, глядя на гроздь яиц. Казалось, они мерцают и куда-то движутся. Эмма поморгала, и когда ее зрение снова прояснилось, она вспомнила, что, когда она ныряла в люк, покидая шлюз, что-то влажное ударило ей в лицо и обожгло глаза. Тогда на ней не было очков. Эмма до сих пор ощущала влагу на лице, прохладную и липкую.

Она коснулась щеки и, взглянув на кончики пальцев, увидела яйца, похожие на дрожащие жемчужины.

Визг кардиомонитора стал совсем непереносимым. Она отключила монитор, и звук затих. Наступившая тишина вызывала не меньшую тревогу. Эмма не слышала шипения вентиляторов. Они должны были прогонять через себя воздух, очищая его фильтрами тонкой очистки. «Слишком много крови в воздухе. Она забила все фильтры». Увеличение градиента давления в фильтрах подействовало на сенсоры, и перегревшиеся вентиляторы автоматически отключились.

— Уотсон, ответь! — позвал Тодд.

— Они умерли. — Ее голос дрогнул, и она всхлипнула. — Они оба умерли!

Теперь по связи раздался голос Лютера:

— Я вхожу.

— Нет, — ответила она. — Нет…

— Держись, Эмма. Я сейчас буду.

— Лютер, тебе нельзя входить! Здесь кругом кровь и яйца. Станция больше не пригодна для жизни. Тебе придется остаться в шлюзе.

— Но это лишь временное решение.

— А других у нас не осталось!

— Послушай, я сейчас в шлюзовом модуле. Закрываю внешний люк. Начинаю восстанавливать давление…

— Вся вентиляция отключилась. Воздух очистить нельзя.

— У меня двести шестьдесят миллиметров. Жду окончания проверки целостности.

— Если ты войдешь, то заразишься!

— Полное восстановление давления.

— Лютер, я уже заразилась! Мне в глаз попали яйца. — Эмма глубоко вздохнула. Вдох сорвался на всхлип. — Ты остался один. Только у тебя есть шанс выжить.

Последовала долгая пауза.

— Боже, Эмма, — пробормотал он.

— Ладно, ладно. Послушай меня. — Она замолчала, чтобы успокоиться. Чтобы все как следует обдумать. — Лютер, я хочу, чтобы ты перешел в шлюзовой модуль. Он относительно чистый, и там ты сможешь снять шлем. Затем отключи наушники и микрофон.

— Что?

— Отключи. Я направляюсь в Нод-1. Я окажусь по другую сторону люка и смогу поговорить с тобой.

Теперь в разговор вмешался Тодд:

— Эмма! Эмма, не отключай связь с Землей…

— Извини, Врач, — пробормотала она и выключила аппаратуру связи.

Через некоторое время Эмма услышала, как Лютер обратился к ней по внутренней проводной системе связи:

— Я в шлюзовом модуле.

Теперь они говорили без свидетелей, их разговор не отслеживали из Центра управления полетом.

— У тебя остался только один вариант, — сказала Эмма. — Тот, на котором ты настаивал все это время. Я не могу им воспользоваться, а ты можешь. Ты еще не заражен. Ты не принесешь инфекцию на Землю.

— Мы уже договорились по этому поводу. Мы никого не оставляем на станции.

— Незараженного воздуха в твоей системе жизнеобеспечения осталось на три часа. Если ты не будешь снимать шлем в корабле аварийного спасения и сразу начнешь сход с орбиты, ты сможешь вернуться вовремя.

— Но тогда ты останешься без средств спасения.

— Я уже без средств спасения! — Эмма снова глубоко вздохнула и заговорила спокойнее: — Послушай, мы оба знаем, что нарушаем приказы. Возможно, ничего хорошего не выйдет. Как на это отреагируют на Земле, никто не знает, это рискованное предприятие. Лютер, ты должен сделать выбор.

— Ты ведь не сможешь эвакуироваться…

— На мне можно поставить крест. Даже не думай обо мне. Я уже покойница, — тихо добавила Эмма.

— Эмма, нет…

— Чего хочешь ты? Ответь на этот вопрос. Думай только о себе.

Она слышала, как он вздохнул.

— Я хочу домой.

«Я тоже, — подумала она, смахивая слезы. — О Боже, я тоже хочу домой».

— Надевай шлем, — велела она. — Я открою люк.

24

Джек вбежал по ступенькам в Тридцатый корпус, показал свой бейдж охране и направился прямо в зал специальных полетов. Гордон Оби перехватил его у дверей.

— Джек, подожди. Ты войдешь туда, поднимешь шум, и они тут же выкинут тебя вон. Успокойся, иначе ты ей помочь не сможешь…

— Я хочу, чтобы моя жена немедленно вернулась на Землю.

— Все хотят, чтобы они вернулись домой! Мы делаем все возможное, но ситуация изменилась. Теперь заражена вся станция. Система фильтров не работает. У экипажа больше нет возможности починить шарнир, так

что они остаются без энергоснабжения. А теперь еще и не выходят на связь.

— Что?

— Эмма и Лютер отключили систему связи с Землей. Мы не знаем, что у них происходит. Поэтому-то тебя и вызвали, чтобы ты помог с ними связаться.

Джек заглянул в открытую дверь зала специальных полетов. Он увидел мужчин и женщин, сидящих за пультами и, как обычно, исполняющих свои обязанности. Он вдруг пришел в ярость оттого, что операторы так спокойны и рациональны. Что гибель еще двоих астронавтов, похоже, никак не отразилась на их холодном профессионализме. Спокойное поведение людей в зале лишь усилило его горе и ужас.

Он вошел в зал. За спиной руководителя полета Вуди Эллиса стояли два офицера в форме военно-воздушных сил и следили за каналом связи. Они напоминали о том, что НАСА больше не может здесь распоряжаться, и ужасно этим раздражали. Когда Джек шел вдоль заднего ряда, несколько операторов бросили на него сочувствующие взгляды. Он молча сел в кресло рядом с Тоддом Катлером. Джек прекрасно сознавал, что за ним с балкона для зрителей следят другие офицеры военно-воздушных сил из Объединенного космического командования.

— Слышал последние новости? — тихо поинтересовался Тодд.

Джек кивнул. Данных ЭКГ на мониторе больше не было — Диана умерла. Григгс тоже.

— Полстанции до сих пор без энергоснабжения. А теперь у них в воздухе полно яиц.

«И крови». Джек попытался представить, как теперь выглядит станция. Свет приглушен. Повсюду запах смерти. Стены забрызганы кровью, которая забила фильтры тонкой очистки. Орбитальный дом ужасов.

— Нам нужно поговорить с ней, Джек. Заставить ее рассказать, что у них происходит.

— Почему они не выходят на связь?

— Мы не знаем. Может, решили послать нас куда подальше. Имеют право. А может, у них просто слишком глубокая травма.

— Нет, должна быть какая-то причина. — Джек посмотрел на главный экран, где рисовалась траектория орбитальной станции. «О чем ты думаешь, Эмма?» Он надел головной телефон и произнес:

— Оператор, это Джек Маккаллум. Я готов.

— Вас понял, врач. Оставайтесь на связи, мы попытаемся снова связаться с ними.

Они ждали. МКС не отвечала.

Два оператора за третьим рядом пультов вдруг оглянулись на руководителя полета Эллиса. Джек ничего не услышал в наушниках, зато увидел, как оператор полета, отвечавший за связь на борту станции, поднялся со своего места и, перегнувшись через пульт, прошептал что-то операторам второго ряда.

Теперь оператор в третьем ряду снял наушники, поднялся и потянулся. Он пошел по боковому проходу непринужденно, словно направлялся в уборную. Проходя мимо пульта врача, он бросил на колени Тодду Катлеру листок бумаги и направился к выходу.

Тодд развернул записку и метнул на Джека ошеломленный взгляд.

— Станция перевела свои компьютеры в режим ГВЭ, — прошептал он. — Экипаж уже начал расстыковку корабля аварийного спасения.

Джек недоверчиво посмотрел на коллегу. Режим ГВЭ — гарантированного возврата экипажа — компьютерная конфигурация, обеспечивающая аварийное покидание станции экипажем. Он быстро оглядел комнату. По связи никто из операторов не произнес об этом ни слова. Джек видел лишь ряды плеч и прикованные к пультам взгляды. Он посмотрел на Вуди Эллиса. Тот стоял неподвижно. Все было ясно. «Он знает, что происходит. И тоже молчит».

Джека прошиб пот. Вот почему экипаж не отвечал. Они приняли самостоятельное решение и теперь исполняли его.

Им не удастся долго держать военных в неведении. По их космической системе наблюдений с помощью радаров и оптических датчиков можно отследить на низкой околоземной орбите объект размером с бейсбольный мяч. Как только корабль аварийного спасения расстыкуется, как только он превратится в независимый орбитальный объект, он привлечет внимание Командного пункта Объединенного космического командования в Шайенн-Маунтин, где находится Центр

объединенной системы противовоздушной и противокосмической обороны. Вопрос на миллион долларов: как они отреагируют?

«Надеюсь, Эмма, ты знаешь, что делаешь».

После расстыковки кораблю потребуется двадцать пять минут, чтобы определиться с местом посадки и наведением, затем еще пятнадцать минут, чтобы подготовиться к сходу с орбиты. Потом час — на само приземление. Службы космического командования обнаружат КАС и проследят его путь задолго до того, как корабль коснется земли.

Во втором ряду оператор по управлению полетом как бы между прочим поднял руку, вытянув вверх большой палец. Этим жестом он безмолвно объявил: корабль аварийного спасения отделился. Плохо это или хорошо, но экипаж был на пути домой.

«Игра началась».

Напряжение в зале росло. Джек украдкой бросил взгляд на двух офицеров военно-воздушных сил, но, казалось, они не осознали ситуацию; один из них безотрывно глядел на часы, словно спешил еще куда-то.

Проходили минуты, в зале наступила странная тишина. Джек наклонился вперед; его сердце бешено билось, а рубашку пропитал пот. Сейчас спускаемый аппарат уже должен отделиться от корпуса станции и начать свободный дрейф в пространстве. Вот-вот будет определено место посадки, после чего система наведения захватит сигналы спутников ГСП.

«Давайте, давайте, — мысленно поторопил их Джек. — Начинайте сход с орбиты!»

Тишину прорезал телефонный звонок. Джек оглянулся по сторонам и увидел, как один из офицеров-наблюдателей снял трубку. Он внезапно выпрямился и повернулся к Вуди Эллису.

— Что, черт возьми, здесь происходит?

Эллис не ответил.

Офицер быстро ввел что-то с клавиатуры пульта Эллиса и, не веря собственным глазам, уставился на экран. Затем схватил телефон.

— Да, сэр. Боюсь, что это так. КАС отделился. Нет, сэр, я не знаю, как… Да, сэр, мы следили за каналом связи, но… — Офицер покраснел и вспотел, когда слушал тираду, извергавшуюся из трубки.

Когда он повесил трубку, его трясло от гнева.

— Верните его! — приказал он.

Вуди Эллис ответил с едва уловимым презрением:

— Это не «Союз». Нельзя просто повернуть аппарат обратно, это не автомобиль.

— Тогда не дайте ему приземлиться!

— Мы не можем. Этот полет в один конец, на Землю.

В зал быстро вошли еще три офицера. Джек узнал генерала Гре-гориана из Объединенного космического командования — человека, который теперь отвечал за операции НАСА.

— Какова ситуация? — рявкнул генерал.

— КАС отстыковался, но все еще находится на орбите, — ответил офицер с красным лицом.

— Когда они войдут в слои атмосферы?

— Я не владею информацией, сэр.

Грегориан повернулся к руководителю полета:

— Когда, господин Эллис?

— Как сказать. Есть несколько вариантов.

— Не надо читать мне лекцию. Мне нужен четкий ответ. Точное время.

— Ладно. — Эллис выпрямился и смерил генерала тяжелым взглядом. — От одного до восьми часов. Все зависит от астронавтов.

Они могут оставаться на орбите максимум до четырех оборотов. Или начать сход с орбиты сейчас и приземлиться через час. Грегориан поднял трубку.

— Господин президент, боюсь у нас не слишком много времени для принятия решения. Они могут начать сход с орбиты в любую минуту. Да, сэр, я знаю, что это тяжелое решение, но рекомендации — и мои, и господина Профитта — остаются прежними.

«Какие рекомендации?» — в панике подумал Джек.

— Они начали сход с орбиты! — выкрикнул офицер военно-воздушных сил, сидевший за одним из пультов управления.

— У нас нет времени, сэр, — проговорил Грегориан. — Ответ нам нужен прямо сейчас. — Последовала долгая пауза. Затем генерал с облегчением кивнул: — Вы приняли правильное решение. Спасибо. — Он повесил трубку и повернулся к офицерам: — Решено.

— Что решено? — заволновался Эллис. — Что вы собираетесь сделать?

Его вопрос проигнорировали. Офицер поднял трубку и просто отдал приказ:

— Будьте готовы к запуску ЗП.

«Что это за ЗП?» — удивился Джек. Он посмотрел на Тодда и по озадаченному выражению его лица понял: он тоже не знает, что готовят к запуску.

На вопрос ответил Традж — офицер службы расчета траекторий. Он подошел к их пульту и прошептал:

— Это заатмосферный перехватчик — средство поражения за пределами атмосферы. Они собираются сбить спускаемый аппарат.

— Объект должен быть нейтрализован до входа в атмосферу, — заявил Грегориан.

Джек в панике вскочил на ноги.

— Нет!

Почти тут же в знак протеста поднялись со своих мест и другие операторы. Их крики заглушали Капкома, который надрывал связки, стараясь перекричать всех.

— МКС вышла на связь! МКС на связи!

«МКС? Значит, кто-то остался на борту. Они оставили там кого-то».

Джек прикрыл наушники руками и вслушался в голос со станции.

Это была Эмма.

— Хьюстон, это Уотсон, МКС. Астронавт Эймс не заражен. Повторяю, он не заражен. Он единственный член экипажа, возвращающийся на

спускаемом аппарате. Настоятельно прошу вас позволить аппарату приземлиться.

— Вас понял, МКС, — ответил Капком.

— Видите? Нет причины сбивать аппарат, — сказал Эллис Грегориану. — Остановите запуск вашего перехватчика!

— Откуда нам знать, правду ли говорит Уотсон, — возразил Грегориан.

— Она наверняка говорит правду. Зачем тогда ей оставаться на станции? Она лишила себя возможности вернуться. КАС — единственный спускаемый аппарат на борту МКС!

Услышав это, Джек потерял дар речи. Нервный разговор между Эллисом и Грегорианом перестал его интересовать. Джека больше не волновала судьба спускаемого аппарата. Он мог думать только об Эмме, которая теперь была одна на станции без всякой возможности эвакуироваться.

«Она знает, что заболела. Она осталась умирать».

— КАС закончил сход с орбиты. Он спускается. Траектория на переднем экране.

Корабль аварийного спасения с одним пассажиром на борту появился на карте мира в виде маленького пятнышка. Теперь они могли связаться с ним.

— Это астронавт Лютер Эймс. Я приближаюсь к входной высоте, все системы работают нормально.

Офицер посмотрел на Грегориана.

— Мы готовы запустить ЗП.

— Не нужно, — возразил Вуди Эллис. — Он не болен. Мы можем принять его!

— Возможно, заражен сам аппарат, — настаивал Грегориан.

— Вы не можете этого знать!

— Я не могу это исключать. Я не могу рисковать жизнями людей на Земле.

— Черт возьми, но это же убийство!

— Он не подчинился приказу. Он знал, как мы на это отреагируем.

Грегориан кивнул офицеру.

— ЗП запущен, сэр.

Мгновенно в комнате стало тихо. Вуди Эллис, бледный и трясущийся, пристально смотрел на передний экран, на множество траекторий, перекрещивающихся в одной точке.

Минуты проходили в мертвой тишине. В передней части зала тихо плакали женщины-операторы.

— Хьюстон, я приближаюсь к границе вхождения. — Бодрый голос Лютера, раздавшийся в наушниках, повергал присутствовавших в шок. — Буду весьма благодарен, если кто-нибудь встретит меня на Земле, — мне понадобится помощь, чтобы выбраться из скафандра.

Никто не ответил. Не нашел сил это сделать.

— Хьюстон! — произнес Лютер после секундной тишины. — Эй, где вы там?

Наконец Капком собрался с духом и срывающимся голосом ответил:

— Э-э… вас понял. Старина Лютер, встретим тебя с бочонком пива, танцовщицами и все такое…

— Эй, да вы, ребята, наконец разговорились. Ладно, похоже, я выхожу из зоны действия сигнала. Держите пиво в холодильнике, а я…

Раздались помехи. Затем связь оборвалась.

Пятнышко на переднем экране взорвалось яркой вспышкой, разлетаясь на фрагменты, которые на экране превратились в пиксельную пыль.

Вуди Эллис упал в кресло и уронил голову на руки.

19 августа

— МКС, включаю канал связи космос-земля, — объявил Капком. — Ждите.

«Поговори со мной, Джек. Пожалуйста, поговори со мной», — молча молила Эмма, скользя в полумраке жилого модуля. Вентиляторы не работали, и в модуле было так тихо, что она слышала биение

собственного сердца, движение воздуха, который втягивали и выталкивали ее легкие.

Она вздрогнула, когда голос оператора вдруг произнес:

— Связь включена. Можете приступать к НСР.

— Джек! — позвала она.

— Я здесь. Я здесь, дорогая.

— Он не был заражен! Я же сказала им, что он не инфицирован...

— Мы пытались остановить их! Приказ поступил из Белого дома. Они не хотели рисковать.

— Это я виновата. — Эмма заплакала от изнеможения. Она была одна, и ей было страшно. А еще мучилась оттого, что приняла неверное решение, стала причиной катастрофы. — Я думала, они позволят ему вернуться. Я думала, это его единственный шанс выжить.

— Почему ты осталась, Эмма?

— Мне пришлось. — Она глубоко вздохнула и добавила: — Я заразилась.

— Ты подверглась воздействию инфекции. Это не значит, что ты заражена.

— Я только что сделала анализ крови, Джек. Уровень амилазы растет.

Он промолчал.

— После контакта с инфекцией прошло уже восемь часов. У меня осталось от двадцати четырех до сорока восьми часов, а потом я... потеряю трудоспособность. — Ее голос выровнялся. Теперь она говорила удивительно спокойно, словно речь шла о чужом умирающем пациенте. — Этого достаточно, чтобы кое-что доделать. Отправить за борт тела. Поменять фильтры и запустить вентиляцию. Чтобы облегчить уборку следующему экипажу. Если вообще будет следующий экипаж...

Джек продолжал молчать.

— А что касается моих останков... — Голос Эммы был поразительно бесстрастным, ей удалось подавить все эмоции. — Когда придет время, думаю, для блага станции мне стоит выйти в открытый космос, где я не смогу никого заразить после смерти. После того как мое тело... — Она замолчала. — «Орлан» легко надеть без посторонней помощи. У меня

под рукой валиум и прочие сильнодействующие средства. Так что я буду спать, когда кончится воздух. Знаешь Джек, если задуматься, это не такой уж плохой способ уйти из жизни. Плыть в космосе. Глядеть на Землю, на звезды. Погрузиться в сон…

Затем Эмма услышала Джека. Он плакал.

— Джек, — тихо проговорила она, — я люблю тебя. Я не знаю, почему мы разошлись. Но уверена — во многом виновата я.

Он вздохнул.

— Эмма, не надо.

— Как же это глупо! Почему бы не сказать об этом раньше? Возможно, ты считаешь, я говорю тебе это потому, что должна умереть. Но Джек, честное слово, правда в том…

— Ты не умрешь. — Он повторил это снова, со злостью в голосе: — Ты не умрешь.

— Ты же слышал, что сказал доктор Роман. Ничего не помогло.

— Помогла барокамера.

— Ее не успеют сюда доставить. А без КАСа я не смогу попасть домой. Даже если мне позволят вернуться.

— Должен быть выход. Ты сможешь создать эффект гипербарокамеры. Это помогло инфицированным мышам. Они остались живы, так что это уже кое-что. Только они и выжили.

«Нет, — вдруг поняла Эмма. — Не только они». Она медленно обернулась и посмотрела на люк, ведущий в Нод-1.

«Мышь, — вспомнила она. — Жива ли та мышь?»

— Эмма!

— Оставайся на связи. Я хочу кое-что проверить в лаборатории.

Она пересекла Нод-1 и скользнула в американскую лабораторию. Здесь тоже пахло запекшейся кровью, и даже в полумраке Эмма видела темные пятна на стенах. Она подплыла к отсеку с животными, вытащила клетку с мышами и посветила внутрь фонариком.

Луч выхватил жалкое зрелище. Мышь с раздутым брюхом билась в агонии, лапки молотили по воздуху, открытая пасть жадно заглатывала воздух.

«Ты не можешь умереть, — думала Эмма. — Ты же выжила, ты же исключение из правил. Доказательство того, что у меня еще есть надежда».

Мышь сжалась, ее тельце скрючилось в агонии. Струйка крови показалась между задних лапок, распадаясь на кружащиеся капельки. Эмма знала, что будет потом: последний приступ — и мозг превратится в кашу переваренных белков. Она видела новую порцию крови, запачкавшую белый мех на задней части мышиного тельца.

А потом Эмма увидела что-то розовое, выглянувшее между задних лапок мыши.

Оно двигалось.

Мышь снова задергалась.

Из нее выскользнуло извивавшееся безволосое розовое тельце. От брюшка тянулась блестящая ниточка. Пуповина.

— Джек, — зашептала она. — Джек!

— Я здесь.

— Мышь… самка…

— Что с ней?

— Три последние недели она неоднократно контактировала с Химерой, но не заболела. Она единственная выжившая мышь.

— Она до сих пор жива?

— Да. Думаю, я знаю, почему. Она была беременна.

Мышь снова начала корчиться. Появился еще один мышонок, блестя от крови и слизи.

— Должно быть, это случилось, когда Кеничи посадил ее в отсек с самцами, — продолжала Эмма. — Я не следила за ней. Я не думала…

— Почему беременность так подействовала? Почему она защитила ее?

Эмма плавала в полумраке, пытаясь найти ответ на этот вопрос. Недавняя работа в открытом космосе и шок от смерти Лютера истощили ее. Она знала, что Джек тоже без сил. Два усталых разума против бомбы с часовым механизмом — ее болезни.

— Так-так. Давай подумаем о беременности, — предложила Эмма. — Это сложное физиологическое состояние. Это больше, чем просто вынашивание плода. Это изменение обмена веществ.

— Гормоны. У беременных животных повышается уровень гормонов. Если сымитировать это состояние, можно понять историю этой мыши.

«Гормональная терапия». Эмма вспоминала все химические вещества, циркулирующие в теле беременной женщины. Эстроген. Прогестерон. Пролактин. Хорионгонадотропин человека.

— Противозачаточные средства, — подсказал Джек. — Можно сымитировать беременность с помощью противозачаточных гормонов.

— У нас на борту ничего подобного нет. Они не входят в состав аптечки.

— Ты смотрела в личных вещах Дианы?

— Я бы знала, что она принимает контрацептивы. Я же врач.

— Все равно проверь. Проверь, Эмма.

Она выскочила из лаборатории. В российском рабочем модуле Эмма начала просматривать ящики с личными вещами Дианы. Она чувствовала себя виноватой, копаясь в личных вещах другой женщины, пусть даже уже умершей. Среди аккуратно сложенной одежды она обнаружила секретный запас конфет. Эмма и не знала, что Диана была сладкоежкой; и многого о Диане она уже никогда не узнает. В другом ящике Эмма нашла шампунь, зубную пасту и тампоны. Противозачаточных таблеток не было.

Она захлопнула ящик.

— На станции нет ничего из того, что можно было бы использовать!

— Если мы запустим шаттл завтра… если мы доставим тебе гормоны…

— Запуска не будет! И даже если тебе удастся послать сюда целую аптеку, все равно потребуется три дня!

Через три дня она скорее всего умрет.

Эмма вцепилась в запачканный кровью шкафчик, дыхание участилось и стало затрудненным, мышцы напряглись от отчаяния. От безысходности.

— Тогда подойдем к проблеме с другого конца, — предложил Джек. — Эмма, оставайся на связи! Мне понадобится твоя помощь.

Она резко выдохнула.

— Я отсюда никуда не денусь.

— Почему гормоны так действуют? Каков механизм? Мы знаем, они химические сигналы, внутренняя система связи на клеточном уровне. Их воздействие заключается в усилении или подавлении экспрессии генов. Они меняют программу клеток… — Джек говорил сбивчиво, надеясь только на то, что поток сознания принесет его к правильному ответу. — Чтобы гормон работал, ему необходимо связаться с определенным рецептором в клетке-мишени. Он как ключ ищет подходящую скважину. Возможно, если мы изучим данные «СиСайенс», если сможем выяснить, какие еще ДНК доктор Кёниг привила геному этого организма, мы узнаем, как остановить размножение Химеры.

— Что ты знаешь о докторе Кёниг? Над какими еще исследованиями она работала? В этом может скрываться разгадка.

— У нас есть ее резюме. Мы видели ее работы об археонах. Остальное для нас загадка. Такой порядок в «СиСайенс». Мы продолжаем откапывать новые сведения.

«На это уйдет драгоценное время, — подумала Эмма. — А у меня его осталось не так много».

Она так крепко вцепилась в шкафчик Дианы, что теперь ее руки ныли. Эмма отняла руки и поплыла прочь, словно ее уносил поток отчаяния. Вырвавшись из шкафчика, некоторые вещи Дианы принялись плавать в воздухе. Доказательства любви Дианы к сладкому: плитки шоколада, драже, засахаренный имбирь в целлофановом пакете. Именно он вдруг привлек внимание Эммы. Кристаллизованный имбирь.

Кристаллы.

— Джек, — сказала она. — У меня появилась идея.

С бешено колотящимся сердцем Эмма вынырнула из российского рабочего модуля и направилась назад в американскую лабораторию. Там она включила компьютер с базой данных полезной нагрузки. В полумраке модуля монитор излучал зловещий янтарный отсвет. Она

открыла список папок с данными экспериментов и кликнула по названию «ЕКА». Европейское космическое агентство. Здесь были все протоколы и справочные материалы, необходимые для управления экспериментами агентства.

— Эмма, что ты задумала? — раздался в наушниках голос Джека.

— Диана работала над выращиванием белковых кристаллов, помнишь? Фармацевтические исследования.

— Из каких белков? — поинтересовался он, и Эмма поняла: он прекрасно понял, о чем она думает.

— Просматриваю список. Их тут десятки…

Названия белков мелькали на экране, сливаясь в сплошной поток. Курсор замер на элементе, который она искала, — хорионический гонадотропин человека.

— Джек, — тихо позвала она. — Кажется, я выиграла немного времени.

— Что ты нашла?

— ХГЧ. Диана выращивала кристаллы. Мне придется войти в декомпрессионный отсек. Кристаллы находятся в модуле ЕКА, а там — вакуум. Но если я начну понижать давление прямо сейчас, я добуду кристаллы через четыре-пять часов.

— Сколько ХГЧ на борту?

— Сейчас проверю. — Эмма открыла файлы эксперимента и быстро просмотрела сведения о количестве.

— Эмма!

— Оставайся на связи! Здесь уточненные данные. Я ищу нормальный уровень ХГЧ при беременности.

— Я могу посмотреть.

— Нет, нашла. Так, если я растворю кристаллическую массу в изотоническом растворе… мой вес сорок пять килограммов…

Эмма вводила цифры. Она сильно рисковала. Не зная, как быстро усваивается этот гормон, какой у него период полураспада. Ответ наконец появился на экране.

— Сколько доз? — спросил Джек.

Эмма закрыла глаза. «Этого мне надолго не хватит. Это меня не спасет».

— Эмма!

Она вздохнула. Как будто всхлипнула.

— На три дня.

ИСТОЧНИК

25

Было без пятнадцати два ночи, и глаза Джека застилала пелена усталости, а слова на экране компьютера то и дело расплывались.

— Должно быть что-то еще, — сказал он. — Ищи.

Сидевшая за клавиатурой Гретхен Лиу расстроенно взглянула на Джека и Гордона. Вызвав сюда, они разбудили ее, и поэтому Гретхен приехала без обычного телевизионного макияжа и контактных линз. Им еще не доводилось лицезреть обычно элегантную сотрудницу по связям с общественностью в таком виде. И в очках, увеличивавших ее узкие глаза.

— Говорю же вам, это все, что обнаружилось в базе данных «Лексис-Нексис».[44] О Хелен Кёниг нет почти никакой информации. Что касается «СиСайенс», есть только обычные корпоративные новости. А насчет Палмера Габриэля — что ж, сами видите, он не слишком балует общественность. За последние пять лет его имя появилось только один раз на финансовых страницах «Уолл-стрит джорнал». В деловых статьях о «СиСайенс» и их продуктах. Ни биографии, ни даже фотографии.

Джек откинулся на спинку стула и потер глаза. Они втроем провели последние два часа в отделе по связям с общественностью, просматривая все статьи о Хелен Кёниг и «СиСайенс», обнаруженные в «Лексис-Нексис». Они пролистали множество веб-страниц, где упоминалось о «СиСайенс», десятки статей, в которых описывались их продукты — от шампуней и лекарств до удобрений. Но о Кёниг или Габриэле почти никакой информации.

— Набери еще раз «Кёниг», — попросил Джек.

— Мы испробовали все возможные варианты написания ее имени, — возразила Гретхен. — И ничего.

— Тогда попробуй «археоны».

Вздохнув, Гретхен набрала «археоны» и кликнула по ярлыку «Поиск».

На экране появилось удивительно большое количество файлов, в которых упоминались эти организмы.

«Существа-пришельцы. Ученые объявили об открытии новой ветви жизни» («Вашингтон пост»)

«Археоны — тема международной конференции» («Майами Геральд»)

«Глубоководные организмы — ключ к разгадке происхождения жизни» («Филадельфия инкуайрер»)

— Ребята, ничего не выйдет, — сказала Гретхен. — Мы будем читать эти статьи ночь напролет. Может, все-таки закончим на сегодня и немного поспим?

— Стой! — воскликнул Гордон. — Прокрути эту статью. — Он указал на заметку в нижней части экрана:

«Во время погружения в Галапагосском рифте погиб ученый» («Нью-Йорк таймс»).

— Галапагосские острова, — произнес Джек. — Там доктор Кёниг обнаружила археоны. В Галапагосском рифте.

Гретхен кликнула по статье, и появился текст. Это случилось два года назад.

ИСТОЧНИК: «Нью-Йорк таймс».

РАЗДЕЛ: Международные новости.

ЗАГОЛОВОК: «Во время погружения в Галапагосском рифте погиб ученый»

АВТОР СТАТЬИ: Хулио Перес, корреспондент «Нью-Йорк таймс».

ТЕКСТ: Вчера погиб американский ученый, изучавший морские организмы археоны: его одноместную субмарину заклинило в подводном каньоне Галапагосского рифта. Тело доктора Стивена Д. Ахерна удалось поднять только сегодня утром, когда тросы исследовательского судна «Габриэлла» вытащили мини-субмарину на поверхность.

«Мы знали, что он был жив, но ничего не смогли поделать, — сообщил его коллега-ученый, находившийся на борту «Габриэллы». — Он застрял

на глубине четыре тысячи шестьсот метров. Нам потребовалось несколько часов, чтобы высвободить субмарину и поднять ее на поверхность».

Доктор Ахерн был профессором геологии в Калифорнийском университете (г. Сан-Диего). Он жил в Ла-Хойя, штат Калифорния».

— Судно называлось «Габриэлла», — проговорил Джек.

Они с Гордоном переглянулись, их обоих пронзила одна и та же мысль: «Габриэлла». Палмер Габриэль.

— Готов поспорить, это судно «СиСайенс», — сказал Джек, — и на борту была Хелен Кёниг.

Взгляд Гордона снова обратился к экрану.

— Так, это уже интересно. Ахерн был геологом — и что же это значит?

— Что? — спросила Гретхен, позевывая.

— Что делал геолог на борту морского исследовательского судна?

— Разглядывал камни на морском дне?

— Давайте поищем по его имени.

Гретхен вздохнула.

— Ребята, вы отняли у меня целую ночь сна, и теперь я буду плохо выглядеть.

Она набрала имя Стивен Д. Ахерн и кликнула по ярлыку «Поиск».

Появился список из семи статей. Шесть из них — о его гибели в Галапагосском рифте.

Одна статья появилась за год до его смерти:

«Профессор Калифорнийского университета (г. Сан-Диего) представляет последние данные по исследованиям тектитов. Он готовится выступить с докладом на Международной геологической конференции в Мадриде» («Сан-Диего Юнион»).

Джек и Гордон изумленно смотрели на экран, не в силах произнести ни слова.

Затем Гордон тихо проговорил:

— Вот в чем дело, Джек. Вот почему они пытались скрыть это от нас.

Джек словно оцепенел, у него в горле пересохло. Его вниманием завладело одно-единственное слово — слово, которое объясняло все.

«Тектиты».

Дом директора Космического центра имени Джонсона Кена Бланкеншипа был одним из безымянных типовых строений в Чистом озере — пригороде Хьюстона, где живет большая часть служащих Космического центра. Для холостяка он был слишком просторным; в свете прожекторов, освещавших двор, Джек видел: лужайка перед домом подстрижена безупречно, а из живой изгороди не выбивается ни веточки. Эта лужайка, так хорошо освещенная в три часа ночи, была весьма характерна для Бланкеншипа — он был знаменит не только своим профессионализмом, но и почти параноидальной страстью к безопасности. «Должно быть, сейчас за нами следит еще и камера наблюдения», — подумал Джек, пока они с Оби ждали ответа на звонок в дверь. Свет зажегся только после нескольких звонков. Затем появился Бланкеншип, невысокий коротышка в махровом халате, немного напоминавший Наполеона.

— Три часа ночи, — произнес хозяин. — Что вы здесь делаете?

— Нам надо поговорить, — сказал Гордон.

— Что-то случилось с моим телефоном? Вы что, не могли позвонить?

— Это не телефонный разговор. Такая уж тема.

Они вошли в дом. Только после того как входная дверь закрылась, Джек произнес:

— Мы знаем, что от нас скрывает Белый дом. Мы знаем, откуда взялась Химера.

Бланкеншип пристально посмотрел на Джека, и раздражение оттого, что его разбудили, мгновенно улетучилось. Затем, ища подтверждения, он взглянул на Гордона.

— Это все объясняет, — сказал Гордон. — Таинственность ВИМИИЗ, паранойю Белого дома, а также то, что поведение этого организма не может предугадать ни один из наших врачей.

— Что вы выяснили?

На его вопрос ответил Джек:

— Мы знаем, что у Химеры есть ДНК человека, мыши и земноводного. Но ВИМИИЗ не сказали нам, какие еще ДНК есть в геноме. Они не сообщили, что такое Химера на самом деле и откуда она взялась.

— Вчера вечером вы говорили, что этот микроорганизм был послан на станцию вместе с полезной нагрузкой «СиСайенс». Культура под названием «археон».

— Мы так считали. Но археоны не опасны. Они не способны вызывать болезнь у человека — вот почему НАСА разрешило эксперимент. Но с этим археоном что-то не так. «СиСайенс» кое-что утаило.

— Что значит «не так»?

— Его происхождение. Галапагосский рифт.

Бланкеншип покачал головой.

— Не понимаю.

— Эта культура была открыта учеными на борту судна «Габриэлла», корабля, принадлежащего «СиСайенс». Одним из исследователей был доктор Стивен Ахерн, которого вызвали на «Габриэллу» в последний момент, очевидно, для консультации. Через неделю он погиб. Его мини-субмарина застряла на дне рифта, и он задохнулся.

Бланкеншип молчал, его взгляд был прикован к Джеку.

— Доктор Ахерн был известен как исследователь тектитов, — продолжал Джек. — Это стекловидные образования, возникающие при ударе метеорита о Землю. Это сфера компетенции доктора Ахерна. Геология метеоритов и астероидов.

Бланкеншип по-прежнему молчал.

«Почему он молчит? — удивлялся Джек. — Разве он не понимает, что это значит?»

— «СиСайенс» отправили Ахерна на Галапагосы, потому что им было необходимо мнение геолога, — сказал Джек. — Они хотели подтвердить, что нашли на морском дне именно его. Астероид.

Лицо Бланкеншипа окаменело. Он повернулся и пошел на кухню. Джек и Гордон последовали за ним.

— Вот почему Белый дом так испугался Химеры! — не унимался Джек. — Они знали, откуда она взялась. Знали, что это такое.

Бланкеншип снял телефонную трубку и набрал номер. А через некоторое время произнес:

— Это директор Космического центра имени Джонсона Кеннет Бланкеншип. Мне нужно поговорить с Джаредом Профиттом. Да, я знаю, который сейчас час. Это срочно, так что, если бы вы могли соединить меня с его домом... — Последовала секундная пауза. Затем он проговорил в трубку: — Они все знают. Нет, я им ничего не говорил. Они сами догадались. — Пауза. — Джек Маккаллум и Гордон Оби. Да, сэр, они находятся рядом у меня на кухне. — Бланкеншип передал трубку Джеку: — Он хочет поговорить с вами.

Джек взял трубку.

— Маккаллум слушает.

— Сколько еще людей знает? — тут же спросил его Джаред Профитт.

Джек мгновенно понял, насколько важна эта информация. Он ответил:

— Наши врачи и несколько человек из отдела бионауки.

Больше он ничего не сказал; из осторожности Джек не стал называть имена.

— Вы можете не поднимать шума? — спросил Профитт.

— Возможно.

— От чего это зависит?

— От того, будут ли ваши люди сотрудничать с нами. Делиться информацией.

— Чего вы хотите, доктор Маккаллум?

— Все данные. Все, что вы знаете о Химере. Результаты вскрытия. Данные клинических испытаний.

— А если мы не станем делиться информацией? Что произойдет?

— Мои коллеги в НАСА разошлют факсы во все новостные агентства страны.

— И что будет в этих факсах?

— Правда. Что это — организм внеземного происхождения.

Последовала длинная пауза. Джек слышал в трубке биение своего собственного сердца. «Верна ли наша догадка? Добрались ли мы до истины?»

— Я уполномочиваю доктора Романа рассказать вам обо всем, — наконец пообещал Профитт. — Он будет ждать вас в Белых Песках.

Связь прервалась.

Джек повесил трубку и посмотрел на Бланкеншипа.

— Когда вы об этом узнали?

Молчание Бланкеншипа еще больше разъярило Джека. Он сделал угрожающий шаг вперед, и Бланкеншип вжался в стену кухни.

— Когда вы об этом узнали?

— Только… только несколько дней назад. Я поклялся молчать!

— Но ведь умирали наши люди!

— У меня не было выбора! Это всех напугало! Белый дом, Министерство обороны. — Бланкеншип глубоко вздохнул и посмотрел Джеку в глаза: — Вы поймете, о чем я говорю. Там, в Белых Песках.

20 августа

Зажав один конец в зубах, Эмма затянула жгут, и вены под бледной кожей ее левой руки набухли, словно голубые черви. Она быстро протерла спиртом то место, где находилась вена, и поморщилась от укола иглы. Словно наркоман, жаждущий дозы, она ввела себе все содержимое шприца, одновременно ослабляя жгут. Закончив, Эмма закрыла глаза и позволила себе расслабиться, представляя, как молекулы хорионического гонадотропина человека, словно крошечные звездочки надежды, плывут по ее венам, проникая в сердце и легкие, в артерии и капилляры. Ей казалось, что она уже чувствует его воздействие — головная боль проходит, приступы лихорадки утихают. «Осталось три дозы, — подумала она. — Еще три дня».

Она представила, что выплывает из собственного тела и видит себя как бы на расстоянии — крапчатый зародыш, калачиком свернувшийся в гробу. Тут у нее изо рта вытекла слюна и, превратившись в пузырек, разбилась на блестящие извивающиеся нити, похожие на червячков.

Вдруг Эмма распахнула глаза и поняла, что спала и что это был сон. Футболка пропиталась потом. Это хороший знак. Это значит, что лихорадка отступила.

Эмма помассировала виски, стараясь избавиться от образов из сна, но не смогла — реальность и страшные видения переплелись друг с другом.

Она сняла пропитанную потом футболку и надела чистую из шкафчика Дианы. Несмотря на страшные сновидения, дрема освежила ее, она взбодрилась и была готова к поиску нового решения. Эмма вплыла в американский лабораторный отсек и открыла файлы о Химере в компьютере. Это организм внеземного происхождения — так сказал Тодд Катлер. И все данные об этой форме жизни, которые были известны НАСА, были переданы на компьютеры станции. Она просмотрела файлы, надеясь придумать что-нибудь еще, какой-нибудь новый подход, который еще никому не пришел в голову. Все, что она прочитала, было до отчаяния знакомым.

Эмма открыла файл с информацией о геноме. Нуклеотидная последовательность выплеснулась на монитор бесконечной цепочкой букв A, C, T и G. Это был генетический код Химеры, во всяком случае некоторые его части. Части, которыми ВИМИИЗ решили поделиться с НАСА. Эмма, словно загипнотизированная, разглядывала строчки кода, снизу вверх бежавшие по экрану. Внутри нее развивалось существо внеземного происхождения. Код — ключ к победе над врагом. Если бы только знать, как его использовать.

Ключ.

Она вдруг вспомнила о том, что говорил ей Джек о гормонах. «Чтобы гормон работал, ему необходимо связаться с определенным рецептором в клетке-мишени. Он как ключ ищет подходящую скважину».

«Почему гормон млекопитающего, хорионический гонадотропин человека, подавляет репродукцию внеземной формы жизни? — задумалась Эмма. — Почему этот организм, совсем чужой на Земле, находит подходящие скважины для наших ключей?»

На экране монитора высветился конец нуклеотидной последовательности. Эмма смотрела на мигающий курсор, думая о земных видах, ДНК которых захватила Химера. Приобретая новые гены,

внеземная форма жизни стала частично человеком, частично мышью, частично земноводным.

Она вышла на связь с Хьюстоном:

— Мне нужно поговорить с кем-нибудь из отдела бионаук, — сказала она.

— С кем-то конкретно? — спросил оператор.

— Со специалистом по земноводным.

— Не отключайтесь, Уотсон.

Спустя десять минут на связь вышел доктор Вонг из отдела бионаук НАСА.

— У вас вопрос по поводу земноводных? — спросил он.

— Да, касающийся Rana pipiens, леопардовой лягушки.

— Какая информация вам нужна?

— Что произойдет, если подвергнуть леопардовую лягушку воздействию человеческих гормонов?

— Какого именно гормона?

— Например, эстрогена. Или хорионического гонадотропина.

Доктор Вонг ответил без колебаний:

— Вообще на земноводных эстрогены действуют неблагоприятно. Правда, изучено это не слишком хорошо. Некоторые специалисты считают, что уменьшение популяции лягушек по всему миру происходит как раз за счет эстрогеноподобных веществ, загрязняющих реки и водоемы.

— Каких эстрогеноподобных веществ?

— Некоторые пестициды, например, могут имитировать эстрогены. Они разрушают эндокринную систему лягушек, после чего те уже не могут размножаться.

— Значит, это не убивает их.

— Нет, просто не дает размножаться.

— Лягушки особенно чувствительны к этому?

— Да, гораздо чувствительней, чем млекопитающие. К тому же у лягушек высокая проницаемость кожных покровов, так что они вообще восприимчивы к токсинам. Для них это что-то вроде… ну скажем, Ахиллесовой пяты.

«Ахиллесова пята». Некоторое время Эмма молчала, размышляя.

— Доктор Уотсон! — позвал Вонг. — У вас есть еще вопросы?

— Да. Существует ли какое-нибудь заболевание или яд, способные убить лягушку, которые были бы безопасны для млекопитающих?

— Интересный вопрос. Если говорить о ядах, то все зависит от дозы. Если вы дадите лягушке немного мышьяка, вы убьете ее. Но мышьяк убьет и человека, если ему дать большую дозу. Также есть микробные заболевания, определенный вид бактерий и вирусов, которые убивают только лягушек. Я не врач, так что не могу быть совершенно уверен в безопасности их для человека, но…

— Вирусы? — прервала она его. — Какие именно?

— Ну, например ранавирусы.

— Никогда о них не слышала.

— Они известны только специалистам по земноводным. Это ДНК-вирусы. Часть семейства иридовирусов. Мы полагаем, что они вызывают синдром отека у головастиков. Они отекают, и у них происходит кровоизлияние.

— Это смертельно?

— Да.

— Этот вирус убивает людей?

— Я не знаю. Но не думаю, что были случаи. Знаю, что ранавирусы уничтожили целые популяции лягушек по всему миру.

«Ахиллесова пята, — подумала Эмма. — Я нашла ее». Добавив ДНК леопардовой лягушки в свой геном, Химера стала частично земноводным существом. И стала столь же уязвимой.

— Можно ли достать образцы этих ранавирусов? — поинтересовалась Эмма. — Чтобы испробовать на Химере?

Последовала долгая пауза.

— Понимаю, — наконец проговорил доктор Вонг. — Никто этого еще не пробовал. Никто даже и представить не мог...

— Вы можете достать этот вирус? — оборвала она его.

— Да. Я знаю две лаборатории в Калифорнии, где изучают земноводных, они работают с ранавирусами.

— Тогда достаньте. И передайте эту информацию Джеку Маккаллуму. Он должен об этом знать.

— Они с Гордоном Оби только что отправились в Белые Пески. Я позвоню им туда.

Кусты перекати-поля неслись через дорогу, гонимые жгучими облаками песка. Они проехали мимо КПП, мимо электрической ограды и въехали на территорию военных. Там Джек и Гордон вышли из машины и посмотрели на небо. Из-за взметнувшейся пыли солнце казалось темно-оранжевым. Словно закатное, а не полуденное. Им удалось поспать лишь несколько часов, до вылета с Эллингтона, и от дневного света у Джека болели глаза.

— Сюда, джентльмены, — пригласил водитель.

Они последовали за военным в здание.

По сравнению с последним визитом Джека прием был совсем другим. Армейский эскорт был вежлив и уважителен, а доктор Айзек Роман ждал у стола дежурного, хотя и не выглядел особенно радостным по случаю их прибытия.

— Войти разрешено только вам, доктор Маккаллум, — сообщил он. — Господину Оби придется подождать здесь. Такова договоренность.

— Я так не договаривался, — возразил Джек.

— Это сделал господин Профитт от вашего имени. В это здание вас впустили только благодаря ему. У меня не так много времени, поэтому давайте поскорее покончим с этим.

Он повернулся и пошел к лифтам.

— Ну вот, обычный вояка-подонок, — констатировал Гордон. — Иди. Я подожду.

Джек вошел в лифт вслед за Романом.

— Первая остановка в подвале на втором уровне, — сообщил Роман, — там мы проводим эксперименты над животными.

Двери лифта открылись, и они оказались у стеклянной стены. Смотровое окно.

Джек приблизился к нему и посмотрел в лабораторию. Внутри работало с десяток лаборантов в биозащитных костюмах. В клетках находились паукообразные обезьяны и собаки. Рядом со смотровым окном стояли закрытые стеклом клетки с крысами.

Роман указал на грызунов:

— Обратите внимание — на каждой клетке указана дата и время заражения. Думаю, иначе проиллюстрировать смертельный характер Химеры не получится.

В клетке «День первый» находилось шесть крыс; все они выглядели здоровыми и бодро крутили свои колеса.

В клетке «День второй» проявлялись первые признаки заболевания. Две из шести крыс дрожали, их глаза приобрели кроваво-красный оттенок. Остальные замерли в летаргическом оцепенении.

— Первые два дня, — сказал доктор Роман, — репродуктивная фаза Химеры. Как вы понимаете, это совершенно не похоже на то, с чем мы сталкиваемся на Земле. Обычно живой организм должен созреть, прежде чем начать процесс размножения. Химера сначала размножается, а потом созревает. Ее клетки делятся с огромной скоростью, продуцируя сотни копий за сорок восемь часов. Сначала они микроскопические — их невозможно увидеть невооруженным глазом. Такие маленькие, что их можно вдохнуть; они и сами могут проникнуть к вам через слизистую оболочку, и вы даже не поймете, что заразились.

— Значит, они заразны на ранней стадии жизненного цикла?

— Они заразны на любой стадии. Нужно только выпустить их в воздух. Обычно это происходит во время смерти больного или спустя несколько дней после нее, когда труп разлагается. Как только Химера вас заразила, она сразу начинает размножаться внутри вашего тела, и каждая клетка начинает расти. Начинает превращаться в... — Он замолчал. — Мы не знаем, как это назвать. В капсулы с яйцами, я полагаю. Потому что в них находятся организмы в личиночной стадии.

Джек посмотрел на клетку «День третий». Все крысы бились в конвульсиях, лапки сокращались, словно через них время от времени пропускали электрический разряд.

— К третьему дню, — продолжал Роман, — личинки начинают резко расти, вытесняя своей массой мозг жертвы, приводя в хаос неврологические функции «хозяина». А к четвертому дню...

Они посмотрели на четвертую клетку. Все крысы, кроме одной, погибли. Трупы остались в клетке; их лапки окоченели, а пасти были широко открыты. Оставалось еще три клетки — весь процесс разложения.

К пятому дню трупы начинают раздуваться.

На шестой брюшки разрастаются еще больше, кожа натягивается, как барабан. Тягучая жидкость сочится из открытых глаз и поблескивает у ноздрей.

А на седьмой день...

Джек замер у окна, уставившись на седьмую клетку. Лопнувшие трупики выстилали дно клетки словно сдувшиеся шарики, кожа разорвалась, обнажив черную жижу растворившихся органов. К морде одной из крыс прилипла желатинозная масса непрозрачных шариков. Они дрожали.

— Капсулы с яйцами, — пояснил Роман. — На этой стадии полости трупа просто набиты ими. Они растут с поразительной скоростью, поедая ткани «хозяина». Переваривая мышцы и органы. — Он посмотрел на Джека. — Вам знаком жизненный цикл паразитирующих ос?

Джек покачал головой.

— Взрослая оса впрыскивает свои яйца в живую гусеницу. Личинки растут, питаясь гемолимфой «хозяина». Все это время гусеница остается живой. Вынашивает чужеродную форму жизни, которая поедает ее изнутри, пока личинки наконец не выходят из своего мертвого «хозяина». — Роман посмотрел на мертвых крыс. — Эти личинки тоже размножились и развились внутри живой жертвы. И это в конце концов убило «хозяина». Эти личинки набиваются в череп, вгрызаясь в поверхность серого вещества. Повреждая капилляры и вызывая внутричерепное кровотечение. Давление растет. Сосуды глаз переполняются кровью и лопаются. У «хозяина» наблюдаются мигрени, помутнение рассудка. Он ходит словно пьяный. Через три-четыре дня он умирает. А организм-паразит продолжает питаться тканями трупа. Захватывая его ДНК и используя ее для того, чтобы ускорить свое развитие.

— И во что он превращается в конце концов?

Роман посмотрел на Джека.

— Конечный результат нам неизвестен. С каждым поколением Химера приобретает новые ДНК «хозяина». Химера, с которой мы работаем сейчас, отличается от организма, с которого мы начали. Геном стал более сложным. Это более развитая форма жизни.

«Все больше и больше походящая на человека», — подумал Джек.

— Вот в чем причина абсолютной секретности, — объяснил Роман. — Любой террорист, любая вражеская страна сможет отправиться в Галапагосский рифт, чтобы получить этот организм. Попав в плохие руки... — Он осекся.

— Значит, этот организм не создан человеком?

Роман покачал головой.

— Его случайно обнаружили в том рифте. И подняли на поверхность судном «Габриэлла». Сначала доктор Кёниг думала, что открыла новый вид археонов. А оказалось, она нашла это. — Доктор посмотрел на извивающуюся массу яиц. — Тысячу лет они покоились в остатках того астероида на глубине почти шести километров. Все это время их сдерживало то, что они оказались глубоко под водой, а не на земле.

— Теперь понятно, почему вы использовали кессон повышенного давления.

— Все это время Химера мирно существовала в этом рифте. Мы подумали: если воспроизвести это давление, можно снова сделать ее безвредной.

— И вам это удалось?

Роман покачал головой.

— Только временно. После микрогравитации организм подвергся необратимым изменениям. Когда он попал на МКС, почему-то включилась его репродуктивная способность. Как будто его заранее запрограммировали на убийство. Но ему понадобилась микрогравитация, чтобы снова запустить эту программу.

— Как долго помогает лечение повышенным давлением?

— Зараженные мыши здоровы до тех пор, пока находятся в кессоне. Они живы уже десять дней. Но стоит только вынуть какую-нибудь из них, болезнь начинает прогрессировать.

— Как насчет ранавируса? — Час назад доктор Вонг из отдела бионаук НАСА связался с Джеком по телефону. В тот самый момент штамм этого вируса уже был на борту реактивного самолета военно-воздушных сил на пути в лабораторию доктора Романа. — Наши ученые полагают, что это может сработать.

— Теоретически. Но запускать шаттл слишком рано. Сначала нам нужно доказать, что ранавирус действует, иначе мы подвергнем риску экипаж еще одного шаттла. Нам нужно время, чтобы протестировать вирус. Минимум несколько недель.

«У Эммы очень мало времени, — подумал Джек. — У нее есть только три дня, а потом хорионический гонадотропин кончится». Он молча смотрел на клетку с трупиками крыс. На яйца, поблескивающие в слизи. «Если бы у меня было больше времени».

Время. Неожиданно его осенило. Он вспомнил о том, что только что сказал Роман.

— Вы говорили, что мыши в кессоне повышенного давления живы уже десять дней?

— Да.

— Но «Дискавери» разбился только десять дней назад.

Роман отвел взгляд.

— Вы планировали эксперимент с кессоном с самого начала. Это означает, что вы уже знали, с чем столкнулись. Еще до вскрытия.

Роман повернулся и пошел обратно к лифту. Он задохнулся от неожиданности, когда Джек схватил его за воротник и развернул к себе.

— Этот груз не был коммерческим! — воскликнул Джек. — Верно?

Отстранившись, Роман вжался в стену.

— Министерство обороны использовало «СиСайенс» в качестве прикрытия, — продолжал Джек. — Вы заплатили им, чтобы послать на станцию свой эксперимент. Чтобы скрыть тот факт, что организм представляет интерес для военных.

Роман скользнул к лифту, пытаясь сбежать. Джек схватил его за ворот лабораторного халата.

— Это не биотерроризм. Это ваша гребаная ошибка!

Лицо Романа побагровело.

— Я не… не могу дышать!

Джек отпустил его, и Роман сполз по стене на пол; его ноги ослабли. Некоторое время он молчал, неуклюже развалившись на полу и пытаясь отдышаться. Когда он наконец заговорил, он мог только шептать.

— У нас не было другого способа узнать, как он себя поведет. Как этот организм изменится в отсутствие гравитации…

— Но вы знали о его внеземном происхождении.

— Да.

— И вы знали, что он Химера. Что у него уже есть ДНК земноводного.

— Нет, нет. Этого мы не знали.

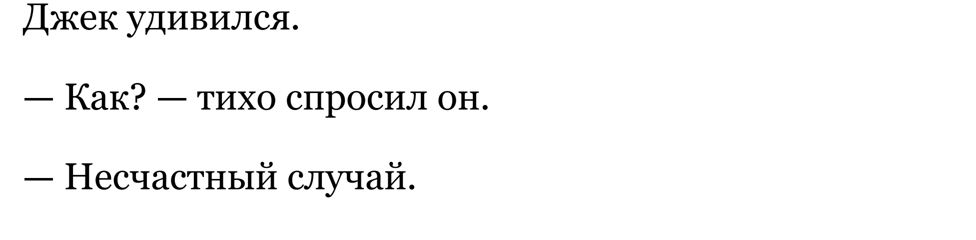
— Не врите мне.

— Мы не знаем, как ДНК лягушки попала в его геном! Вероятно, это случилось в лаборатории доктора Кёниг. Какая-то ошибка. Она обнаружила этот организм в рифте, и именно она в итоге поняла, что это такое. В «СиСайенс» знали, что мы заинтересуемся. Организм внеземного происхождения — конечно, нам это было интересно! Министерство обороны оплатило эксперименты КС-235. Мы профинансировали отправку груза на МКС. Нельзя было посылать его как военный груз. Возникло бы слишком много вопросов, и пришлось бы пройти слишком много проверочных комиссий. В НАСА заинтересовались бы, с чего это военные так носятся с безвредными микроорганизмами. Но никто не поставит под сомнение частный сектор. Так что организм отправился на станцию в качестве коммерческой полезной нагрузки, которую оплатила компания «СиСайенс». А доктор Кёниг стала научным руководителем проекта.

— Где доктор Кёниг?

Роман медленно поднялся на ноги.

— Она погибла.

Джек удивился.

— Как? — тихо спросил он.

— Несчастный случай.

— Вы думаете, я этому поверю?

— Это правда.

Джек мгновение пристально изучал собеседника и понял, что Роман не врет.

— Это случилось более двух недель назад в Мексике, — пояснил Роман. — Сразу после ее увольнения из «СиСайенс». От такси, в котором она ехала, ничего не осталось.

— А сотрудники ВИМИИЗ поехали обыскивать ее лабораторию? Вы же отправились туда не для того, чтобы расследовать, верно? А чтобы убедиться, что весь ее архив уничтожен.

— Мы говорим о внеземной форме жизни. Об организме, который оказался опаснее, чем мы это представляли. Да, эксперимент оказался ошибкой. Привел к катастрофе. Только представьте, что могло бы случиться, если бы информация просочилась к международным террористам?

Потому НАСА и держали в неведении, чтобы правда никогда не открылась.

— Вы еще не видели самого худшего, доктор Маккаллум, — произнес Роман.

— О чем вы?

— Я хочу показать вам еще кое-что.

Они спустились на лифте на следующий, третий уровень. «Еще глубже в царство теней», — подумал Джек. И снова, выйдя из лифта, они очутились перед стеклянной перегородкой, за ней располагалась еще одна лаборатория с людьми в скафандрах.

Роман нажал кнопку внутренней связи и попросил:

— Вы не могли бы показать нам образец?

Одна из лаборанток кивнула и, подойдя к стальному отсеку, открыла замок со множеством комбинаций, после чего исчезла за дверью. Затем выкатила оттуда тележку со стальным контейнером на подносе и подкатила ее к смотровому окну.

Роман кивнул.

Она открыла крышку контейнера, вытащила из него плексигласовый цилиндр и поставила его на поднос. Содержимое покачивалось в прозрачном формалине.

— Это было внутри позвоночного столба Кеничи Хираи, — сообщил Роман. — Его позвоночник защитил это от силы обратного ускорения во время катастрофы «Дискавери». Когда мы достали это, оно еще было живо, но недолго.

Джек попытался, но не смог вымолвить ни слова. В ужасе рассматривая содержимое цилиндра, он слышал только шипение вентиляции и биение собственного сердца.

— Это следующая стадия развития личинки, — пояснил Роман.

Теперь Джек понимал причину секретности. То, что он увидел внутри плексигласового цилиндра, объясняло все. Хотя организм был поврежден во время извлечения из трупа, основные черты были ясны. Блестящая кожа земноводного. Личиночный хвост. Эмбриональный изгиб спинного мозга — не как у земноводного, а гораздо страшнее, ведь его генетическое происхождение сразу стало ясно.

«Млекопитающее», — подумал он. Возможно, даже человек. Оно уже начинало походить на своего «хозяина».

Заражая различные виды, этот организм менял свой облик. Он мог захватить ДНК любого земного организма, принять любую форму. Постепенно он может развиться до такого уровня, что «хозяин» ему больше не понадобится, — он будет способен размножаться и развиваться самостоятельно. Станет независимым и самодостаточным. Возможно, даже разумным.

А Эмма стала живым инкубатором для этих организмов, ее тело превратилось в питательный кокон, где они развивались.

Когда Джек стоял на летном поле и смотрел на пустынную взлетно-посадочную полосу, его била дрожь. Военный джип, который доставил их с Гордоном обратно на военно-воздушную базу Белые

Пески, удалялся, превращаясь в точку на горизонте и оставляя за собой хвост пыли. От яркого, раскаленного добела солнца у Джека на глазах выступили слезы, и на мгновение пустыня показалась ему размытой, словно находилась под водой.

Он повернулся к Гордону.

— Другого пути нет. Нам придется это сделать.

— Очень многое может сорваться.

— Эта вероятность есть всегда. Во время любого запуска, любого полета. Почему в этот раз должно быть иначе?

— Не будет ни подстраховки, ни резервного спасения. Я знаю, с чем мы имеем дело, это настоящая авантюра.

— Зато это возможно. Какой у них девиз? «Меньше, быстрее, дешевле».

— Ладно, — согласился Гордон, — допустим, ты не взорвешься на стартовой площадке. Допустим, военно-воздушные силы не собьют тебя в небе. Но если окажешься на орбите, ты столкнешься с самой главной проблемой: подействует ли ранавирус.

— Гордон, я с самого начала не мог понять одну вещь: откуда в геноме взялась ДНК земноводного? Как Химера получила гены от лягушки? Роман думает, что это случайность. Ошибка, которая произошла в лаборатории Кёниг. — Джек покачал головой. — Я не считаю это ошибкой. Думаю, Кёниг специально ввела этот геном в Химеру. Чтобы иметь возможность вывести ее из строя.

— Не понимаю.

— Видимо, она предугадала возможные последствия. То, что может произойти, если организм начнет меняться в условиях микрогравитации. На случай, если Химера выйдет из-под контроля, Кёниг припасла возможность уничтожить ее. Запасной вариант для ослабления ее защиты. Это и есть решение.

— Лягушачий вирус.

— Он подействует, Гордон. Должен. Я готов поставить на кон собственную жизнь.

Между ними пронесся вихрь пыли, унося песок и обрывки какой-то бумаги. Обернувшись, Гордон посмотрел на другой конец летного поля, где стоял Т-38, на котором они прилетели из Хьюстона. И вздохнул:

— Я боялся, что ты это скажешь.

26

22 августа

Каспер Малхолланд доедал третью упаковку драже «Тамс», но его желудок по-прежнему напоминал ему котел с кипящей кислотой. На расстоянии сверкающий «Апогей II» походил на пулю, воткнутую в песок острым концом вверх. Он выглядел не слишком впечатляюще, особенно для собравшейся публики. Многим из этих людей доводилось слышать сотрясавший землю рев запускаемых кораблей НАСА, трепетать при виде гигантских столбов огня, которые оставляли в небе двигатели шаттлов. «Апогей II» не походил на шаттл. Он казался детской игрушкой, и Каспер видел разочарование в глазах десятка с небольшим зрителей, когда те поднимались на недавно возведенную смотровую площадку; оттуда им открывался вид на безграничное пространство пустыни. Всем хотелось видеть большой корабль. Всем нравились внушительные размеры и мощь. А маленькое и элегантно-простое их не интересует. Еще один микроавтобус подъехал к месту запуска, и появилась новая группа зрителей; выходя, они поднимали руки, чтобы защитить глаза от утреннего солнца. Он узнал Марка Лукаса и Хашеми Рашада — бизнесменов, которые более трех недель назад приезжали в «Апогей». Когда они смотрели в сторону стартовой площадки, на их лицах читалось прежнее разочарование.

— Нельзя ли подойти поближе к площадке? — спросил Лукас.

— Боюсь, что нет, — ответил Каспер. — Ради вашей же безопасности. Здесь мы имеем дело со взрывчатым веществом.

— А я думал, что у нас будет возможность как следует разглядеть запуск.

— Вы получите полный доступ к нашим службам наземного управления — эквиваленту Центра управления полетом в Хьюстоне. Как только аппарат оторвется от площадки, мы поедем в здание и покажем вам, как мы направляем корабль на низкую околоземную орбиту. Это настоящая проверка нашей системы, господин Лукас. Любой студент-дипломник инженерного факультета может запустить ракету. Но довести ее в целости и сохранности до орбиты, а затем направить на сближение со станцией — дело посложней. Вот почему мы решили устроить демонстрацию на четыре дня раньше — чтобы попасть в стартовое окно, подходящее для МКС. Чтобы доказать, что наша система способна на стыковку. «Апогей II» — НАСА хочет купить именно такую птичку.

— Но вы ведь не собираетесь пристыковывать корабль? — спросил Рашад. — Я слышал, что станция на карантине.

— Нет, мы не собираемся пристыковываться. «Апогей II» только прототип. Он физически не может пристыковаться к МКС, потому что у него нет орбитальной стыковочной системы. Но мы подведем его достаточно близко к станции и продемонстрируем, что стыковка возможна. Знаете, тот факт, что мы способны перенести запуск за очень короткий срок, — уже очко в нашу пользу. Когда речь заходит о полетах в космос, гибкость — основная составляющая. Всегда случается что-то непредвиденное. Недавний несчастный случай с моим партнером, например. Несмотря на то что господин Оби прикован к постели из-за перелома тазовых костей, как вы заметили, мы не отменили запуск. Мы будем контролировать весь полет с Земли. Господа, именно это и называется гибкостью.

— Я бы понял, если б вы отменили запуск, — возразил Лукас. — Скажем, из-за погоды. Но почему вы назначили его на четыре дня раньше? Некоторые из наших партнеров не смогли добраться сюда вовремя.

Каспер почувствовал, как последнее драже «Тамс» с шипением растворилось в свежей струе желудочного сока.

— Это очень просто. — Он замолчал, доставая платок и вытирая пот со лба. — Это связано со стартовым окном, о котором я уже упоминал. Наклонение орбиты космической станции — пятьдесят один и шесть десятых градуса. Если вы посмотрите на проекцию орбиты на карте, то увидите синусоиду, идущую между 51,6 градуса на севере и 51,6 градуса на юге. Поскольку Земля вращается, станция на каждом витке проходит над различными местами. К тому же Земля не совсем круглая, что создает дополнительные сложности. Когда проекция орбиты проходит по вашей стартовой площадке, это самое эффективное время для пуска. Учитывая все эти факторы, мы предлагаем дополнительные пусковые варианты. Затем возможность дневного или ночного запуска. Допустимые углы запуска. Самый свежий прогноз погоды...

По их глазам было видно, что они уже не слушают.

— Как бы там ни было, — подытожил Каспер с чувством большого облегчения, — но сегодня в семь часов десять минут утра лучшее время для запуска. Ведь это же вполне логично, так?

Лукас вздрогнул, словно собака, которая очнулась от сна.

— Да, конечно.

— Все-таки я бы посмотрел поближе, — задумчиво произнес господин Рашад. Он взглянул на аппарат, который казался ярким пятнышком на горизонте. — С такого далекого расстояния многого не разглядишь. Он такой маленький.

Каспер улыбнулся, несмотря на ощущение, что его желудок в нервном приливе желудочного сока начал переваривать сам себя.

— Ну знаете, как говорится, господин Рашад, дело не в размере. А в том, умеешь ли ты им пользоваться.

«Это последний шанс», — думал Джек, когда капелька пота скользнула по его виску и впиталась в подкладку летного шлема. Он попытался успокоить бешеный пульс, но сердце, словно испуганное животное, отчаянно стремилось выскочить из его груди. В течение стольких лет он мечтал об этом моменте: пристегнуться к летному креслу, закрыть шлем и ощутить подачу кислорода. Обратный отсчет близится к нулю. В этих мечтах страха не было, только волнение. Предвкушение. Он не думал, что ему будет страшно.

— Осталось пять минут. Если отказываться, то сейчас.

Это в наушниках послышался голос Гордона Оби. Он то и дело давал Джеку шанс отказаться. Во время полета из Белых Песков в Неваду. Рано утром, когда Джек переодевался в техническом гараже «Апогей Инжиниринг». И наконец, когда они ехали по черной как смоль пустыне к стартовой площадке. Этот шанс был последним.

— Мы можем остановить обратный отсчет, — напомнил Гордон. — Отменить полет.

— Я по-прежнему готов.

— Тогда это наш последний голосовой контакт. Ты не сможешь ничего сообщить. Связи с Землей не будет, не будет и контакта с МКС, иначе все пропало. Как только мы услышим твой голос, мы прекратим полет и возвратим тебя на Землю.

«Если сможем», — подумал, но не сказал Гордон.

— Понял.

Последовало молчание.

— Тебе не обязательно это делать. Никто от тебя этого не ждет.

— Давай займемся делом. Подожгите этот чертов запал, ладно?

В ответ Гордон громко и отчетливо вздохнул.

— Ладно. Ты готов. Осталось три минуты, и начнется отсчет.

— Спасибо, Горди. За все.

— Удачи тебе и счастливого пути, Джек Маккаллум.

Связь оборвалась.

«Возможно, я в последний раз слышал человеческий голос», — подумал Джек. С этого момента служба наземного управления «Апогея» будет лишь передавать поток данных на систему наведения и навигационные компьютеры на борту. Аппарат будет лететь сам по себе; Джек просто кукла в кресле пилота.

Он закрыл глаза и прислушался к ритму своего сердца. Он замедлился. Теперь Джек ощущал странное спокойствие и готовность к неизбежному, к тому, что будет. Он услышал шум и щелчки готовящихся к старту ботовых систем. Представил себе безоблачное небо, плотную, как воду, атмосферу, это море воздуха, через которое он должен пройти, чтобы добраться до холодного и прозрачного безвоздушного пространства.

Где умирала Эмма.

Толпа на смотровой площадке погрузилась в зловещее молчание. На мониторе показались часы обратного отсчета — стрелка миновала отметку в шестьдесят секунд и продолжала двигаться. «Они ждут стартового окна», — подумал Каспер, и снова у него на лбу от страха выступила испарина. В глубине души он не верил, что дело дойдет до этого момента. Он ожидал переносов, прекращений и отмен. Он пережил так много разочарований, так много неудач с этим чертовым летательным аппаратом, что теперь страх, словно желчь, поднимался у него в горле. Он посмотрел на лица зрителей и заметил, что многие из них, шевеля губами, отсчитывают секунды. Сначала это был шепот, ритмичное волнение в воздухе: «Двадцать девять. Двадцать восемь. Двадцать семь…»

Шепот перерос в хор голосов, становившихся все громче с каждой секундой.

— Двенадцать. Одиннадцать. Десять…

У Каспера так тряслись руки, что ему пришлось вцепиться в перила. Он чувствовал пульсацию в кончиках пальцев.

— Семь. Шесть. Пять.

Он закрыл глаза. Боже, что мы наделали?

— Три. Два. Один...

Толпа ахнула от удивления. Затем раздался рев стартовых двигателей, и Каспер открыл глаза. Он смотрел в небо на поднимающуюся ввысь полоску огня. Теперь это может случиться в любую секунду. Сначала — слепящая вспышка, затем по барабанным перепонкам ударит отстающая от скорости звука пульсация взрыва. Так случилось с «Апогеем I».

Но полоска огня продолжала подниматься, пока не превратилась в бледную точку на ярко-голубом небе.

Чья-то рука довольно чувствительно похлопала его по спине. Он покачнулся, обернулся и увидел сияющего Марка Лукаса.

— Молодчина, Малхолланд! Великолепный старт!

Каспер отважился бросить в небо еще один испуганный взгляд. Взрыва не произошло.

— Полагаю, у вас и сомнений не было? — спросил Лукас.

Каспер с трудом сглотнул.

— Никаких.

Последняя доза.

Эмма нажала на поршень шприца, медленно вводя его содержимое в вену. Затем вытащила иглу, прижала марлю к месту укола и согнула руку, чтобы марля не упала, пока она убирает иглу. Это походило на священную церемонию — каждое действие совершалось почти с благоговением; Эмма в полной мере сознавала, что в последний раз испытывает эти ощущения — от укола до твердого тампона из марли, прижатого к сгибу руки. Но на сколько хватит последней дозы ХГЧ?

Обернувшись, она посмотрела на клетку с мышами, которую перенесла в российский рабочий модуль, где было больше света. Одинокая самка свернулась в дрожащий комочек, умирая. Действие гормона оказалось

временным. Малыши умерли этим утром. «Завтра, — подумала Эмма, — я останусь последним живым существом на станции».

Нет, не последним. У нее внутри находится этот организм. Множество личинок, которые скоро очнутся от спячки и начнут питаться и расти.

Эмма прижала руку к животу, словно беременная женщина, ощупывающая свой плод. И как настоящий плод, эта находящаяся в ней биологическая форма унаследует части ее ДНК. В некотором смысле это ее отпрыск, существо, обладающее генетической памятью каждого «хозяина», в котором оно побывало. Кеничи Хираи. Николая Руденко. Дианы Эстес. А теперь и Эммы.

Она будет последней. Новых «хозяев» не будет, не будет и новых жертв, потому что никто не придет на помощь. Станция превратилась в инфицированный могильник, запрещенный и неприкасаемый, как поселение прокаженных в древности.

Она выплыла из российского служебного модуля и двинулась к обесточенной части станции. Света с трудом хватало для того, чтобы ориентироваться в темном отсеке. Если бы не ритмичные звуки ее дыхания, на этом конце станции царила бы мертвая тишина. Эмма двигалась через молекулы воздуха, которые когда-то побывали в легких уже умерших людей. Даже теперь она ощущала их присутствие, представляла эхо их голосов, которое стихает и рассыпается, а потом все погружается в тишину. Они двигались в том же самом воздухе, и он до сих пор помнит их движения.

«А скоро будет помнить и мои», — подумала Эмма.

24 августа

Джаред Профитт проснулся после полуночи. Телефон успел прозвонить только дважды, а он уже совершенно очнулся от крепкого сна и поднял трубку.

Раздался отрывистый голос. Это был генерал Грегориан.

— Я только что разговаривал с нашим центром управления в Шайенн-Маунтин. Этот так называемый демонстрационный запуск из Невады превращается в стыковочный путь к МКС.

— Какой запуск?

— «Апогей Инжиниринг».

Профитт нахмурился, стараясь припомнить название. Каждую неделю с расположенных по всему миру стартовых площадок осуществлялись многочисленные запуски. Множество коммерческих аэрокосмических фирм постоянно тестировало стартовые системы, посылало на орбиту спутники или даже запускало кремированные человеческие останки. Космическое командование отслеживало на орбите уже девять тысяч объектов, созданных руками человека.

— Напомните мне, что это за запуск в Неваде, — попросил Профитт.

— «Апогей» тестировал новый летательный аппарат многократного использования. Запуск состоялся вчера утром в ноль семь-десять. Они, как и положено, проинформировали Федеральное авиационное агентство, но нас поставили в известность лишь после того, как запуск состоялся. Этот полет заявлен как орбитальное испытание новой ракеты-носителя многоразового применения. Запуск на низкую околоземную орбиту, сближение и пролет мимо МКС, а затем возвращение. Мы следим за их аппаратом полтора дня, и, судя по тому, с какой скоростью он несется к орбите, корабль подойдет к станции ближе, чем они нам сообщили.

— Насколько близко?

— Это зависит от того, когда они включат двигатель и начнут маневрировать.

— Достаточно для реального сближения? Для стыковки?

— Их корабль не сможет этого сделать. У нас есть все его технические характеристики. Это всего лишь прототип без орбитальной стыковочной системы. Он способен только пролететь мимо и помахать рукой.

— Помахать рукой? — Профитт вдруг выпрямился. — Вы что, хотите сказать, что аппарат пилотируется?

— Нет, сэр. Просто к слову пришлось. Об «Апогее» говорят, что он непилотируемый. На борту есть животные, включая паукообразную обезьяну, но пилота нет. И мы не слышали переговоров между аппаратом и Землей.

«Паукообразная обезьяна, — подумал Профитт. — Присутствие этого животного на борту космического корабля означает, что они не исключают возможности пилотирования». Датчики контроля окружающей среды, измерители углекислого газа не отличат человека от животного. Профитт встревожился оттого, что информации было слишком мало. А еще его тревожило время запуска.

— Не думаю, что есть причины для беспокойства, — произнес Грегориан. — Но вы просили информировать вас о любом сближении с орбитой.

— Расскажите мне об «Апогее» подробнее, — прервал его Профитт.

Грегориан презрительно фыркнул:

— Второстепенный игрок. Инженерная фирма из двенадцати человек, расположена в Неваде. Им не слишком везет. Полтора года назад у них на двадцатой секунде после запуска взорвался первый образец, и все их прежние инвесторы исчезли. Я даже удивлен, что они до сих пор держатся на плаву. В основе их ракетных ускорителей — российские технологии. Этот аппарат — простая система с парашютным приземлением. Полезная грузоподъемность — триста килограммов плюс вес пилота.

— Я немедленно вылетаю в Неваду. Нам нужно получше присмотреться к этому запуску.

— Сэр, мы можем отследить все передвижения этого аппарата. Сейчас у нас нет причины принимать меры. Это просто маленькая фирма, которая пытается произвести впечатление на новых инвесторов. Если аппарат начнет причинять беспокойство, наши наземные перехватчики в любой момент спустят эту птичку на землю.

Возможно, генерал Грегориан прав. Если какие-то отчаянные головы решили запустить обезьяну в космос, это еще не повод, чтобы объявлять чрезвычайное положение по всей стране. Ему нужно действовать очень осторожно. Смерть Лютера Эймса вызвала всплеск национального протеста. Не время сбивать очередной космический аппарат, да к тому же построенный частной американской фирмой.

Но этот запуск «Апогея» очень его беспокоил. Время. Маневр на сближение со станцией. Тот факт, что они не подтвердили и не опровергли присутствие человека на борту.

«Что же это еще, если не спасательная операция?»

— Я еду в Неваду, — заявил он.

Сорок пять минут спустя Профитт уже выезжал на дорогу в своей машине. Ночь была ясной, звезды казались яркими булавочными головками на синем бархате. Во Вселенной, возможно, сто миллиардов галактик, и в каждой галактике — сто миллиардов звезд. А на скольких планетах есть жизнь? Панспермия — теория о существовании и

распространении жизни во Вселенной — уже не просто предположение. Вера в то, что жизнь есть только на этом бледно-голубом пятнышке, в такой малюсенькой солнечной системе кажется теперь такой же абсурдной, как и наивные верования древних, что солнце и звезды вращаются вокруг Земли. Жизнь ставит только одно жесткое условие: наличие углеродных структур и вода в любой форме. И того, и другого во Вселенной в избытке. И это означает, что жизнь, какой бы примитивной она ни была, существует там вовсю, и межзвездная пыль может стать переносчиком бактерий и спор. Из подобных примитивных существ вышли все прочие формы жизни.

А что произойдет, если такие биологические формы, прибыв вместе с космической пылью, освоятся на планете, где уже существует жизнь?

Это и был страшный сон Джареда Профитта.

Было время, когда он считал звезды прекрасными. Когда он смотрел на Вселенную с благоговением и удивлением. Теперь, глядя в ночное небо, он видел нескончаемую угрозу. Биологический Армагеддон.

С небес спускались завоеватели.

Пришла пора умирать.

У Эммы дрожали руки, и пульсирующая боль в голове была неимоверно сильной — ей приходилось стискивать зубы, чтобы не закричать. Последняя доза морфина едва ли облегчила ее страдания; Эмма была настолько одурманена лекарством, что с трудом фокусировала зрение на мониторе компьютера. На клавиатуре. Она повременила немного, чтобы унять дрожание рук. Затем принялась вводить текст.

«Личное сообщение Джеку Маккаллуму

Если бы я имела право на последнее желание, я бы захотела услышать твой голос. Я не знаю, где ты и почему я не могу поговорить с тобой. Я только знаю, что существо, которое находится внутри, вот-вот одолеет меня. Я пишу это и чувствую, что оно развивается во мне. Чувствую, как меня оставляют силы. Я буду бороться, сколько смогу. Но я уже устала. И готова заснуть.

Я все пишу и пишу, но сказать хочу вот что. Я люблю тебя. И никогда не прекращала тебя любить. Говорят, тот, кто стоит на пороге вечности, не сможет переступить его, если солжет. Говорят, признаниям умирающего всегда можно верить. Это и есть мое признание».

Руки дрожали так сильно, что Эмма больше не могла набирать текст. Она подписалась и нажала «послать».

В аптечке Эмма нашла валиум. Оставалось две таблетки. Она проглотила обе, запив глотком воды. Боковое зрение начало отказывать. Ноги онемели, словно не были частью ее тела, а принадлежали кому-то другому.

Времени оставалось мало.

У нее не было сил надеть скафандр для выхода в открытый космос. Да и какая разница, где умирать? Станция уже заражена. Ее труп просто добавится к другому мусору.

В последний раз она направилась в темную часть станции.

Финальные секунды жизни она хотела провести у иллюминатора, плавая в темноте и глядя на прекрасную Землю. Она видела серо-голубое Каспийское море. Облака над Казахстаном. Снег в Гималаях. «Внизу миллиарды людей проживают свою жизнь, — думала она. — А я здесь, маленькая умирающая песчинка».

— Эмма! — раздался в наушниках тихий голос Тодда Катлера. — Как ты?

— Не... слишком хорошо, — пробормотала она. — Больно. Зрение ухудшается. Я приняла последний валиум.

— Держись, Эмма. Послушай меня. Не сдавайся. Пока не сдавайся.

— Тодд, я уже проиграла битву.

— Нет! Ты должна верить...

— В чудеса? — Эмма усмехнулась. — Чудо уже в том, что я нахожусь здесь. Что я вижу Землю, откуда ее видели немногие... — Она коснулась иллюминатора и через стекло ощутила тепло солнца. — Единственное, чего я хочу, — это поговорить с Джеком.

— Мы пытаемся это устроить.

— Где он? Почему я не могу с ним связаться?

— Он делает все возможное, чтобы вернуть тебя на Землю. Ты должна в это верить.

Она сморгнула слезы. «Я верю».

— Мы можем что-нибудь для тебя сделать? — спросил Тодд. — Ты хочешь поговорить с кем-нибудь еще?

— Нет, — вздохнула она. — Только с Джеком.

Последовала пауза.

— Думаю… думаю, что больше всего я сейчас хочу…

— Да? — отозвался Тодд.

— Я хочу заснуть. Это все. Просто заснуть.

Он откашлялся.

— Конечно. Тебе нужно отдохнуть. Я буду тут, если понадоблюсь. — А потом тихо добавил: — Спокойной ночи, МКС.

«Спокойной ночи, Хьюстон», — подумала она. Сняв головной телефон, она отпустила его в полет по темной станции.

27

Эскорт черных седанов остановился у «Апогей Инжиниринг», взметнув в воздух внушительное облако пыли. Джаред Профитт вышел из первой машины и посмотрел на унылое индустриальное здание. Оно походило на авиационный ангар без окон, его крыша была утыкана спутниковым оборудованием.

Он кивнул генералу Грегориану:

— Оцепите здание.

Не прошло и минуты, как люди Грегориана, выполнив свою работу, сделали знак, что все оцеплено, и Профитт вошел в здание.

Внутри он обнаружил разношерстную группу из мужчин и женщин, они сбились в напряженную, злую кучку. Он тут же узнал двоих: директора управления летных экипажей Гордона Оби и руководителя полета шаттла Рэнди Карпентера. Значит, как он и подозревал, начальники НАСА здесь, и это безликое здание посреди пустыни Невада превратилось в мятежный Центр управления полетом.

По сравнению с залами управления полетами НАСА обстановка здесь была просто нищенская. Голый бетонный пол. Повсюду разбросаны кабели и провода, спутанные, словно спагетти. Между грудами ненужной электроники бродил невообразимо раскормленный кот.

Профитт подошел к пультам и взглянул на данные.

— Состояние корабля? — спросил он.

Один из людей Грегориана, оператор из Объединенного космического командования, сказал:

— Он уже отработал двигателем на последнем этапе, сэр и теперь идет по радиус-вектору. Встреча с МКС примерно через сорок пять минут.

— Остановите сближение.

— Нет! — воскликнул Гордон Оби. Он отделился от группы и вышел вперед: — Не делайте этого. Вы не понимаете…

— Эвакуации экипажа не будет, — отрезал Профитт.

— Это не эвакуация!

— Тогда что там делает этот аппарат? Ведь ясно, что он готов пристыковаться к МКС.

— Нет. Он не может. У него нет стыковочной системы, он не может присоединиться к станции. Его заражение невозможно.

— Вы не ответили на мой вопрос, господин Оби. Что там делает «Апогей II»?

Гордон колебался.

— Он только приблизится, и все. Это испытание маневренных возможностей «Апогея».

— Сэр, — произнес оператор из Объединенного космического командования. — Я вижу серьезное отклонение.

Взгляд Профитта метнулся к консоли.

— Какое отклонение?

— Атмосферное давление в кабине. Оно понижено до четырехсот двадцати миллиметров. А должно быть на уровне семисот шестидесяти. Или у корабля серьезная утечка воздуха, или давление понижено специально.

— Сколько времени оно на таком низком уровне?

Оператор быстро ввел запрос с клавиатуры, и на мониторе появилась диаграмма, отображающая давление в кабине за все пройденное время.

— Согласно их компьютерам давление в кабине поддерживалось на уровне семьсот шестьдесят миллиметров первые двенадцать часов после запуска. Затем, примерно тридцать шесть часов назад, оно снизилось до пятисот тридцати миллиметров и удерживалось на этом уровне еще час. — Вдруг он резко поднял голову. — Сэр, я понял, что они делают! Это протокол декомпрессии.

— Какой протокол?

— Протокол выхода в открытый космос. — Он посмотрел на Профитта. — На борту корабля человек.

Профитт повернулся к Гордону Оби.

— Кто на борту? Кого вы отправили в космос?

Гордон понял, что утаивать правду больше нет смысла, и тихо ответил:

— Джек Маккаллум. Муж Эммы Уотсон.

— Значит, это спасательная операция, — сказал Профитт. — И как она должна пройти? Он выйдет в открытый космос, и что дальше?

— Реактивный ранец УУАС.[45] Скафандр «Орлан-М» оснащен таким оборудованием. Он использует его, чтобы перелететь из «Апогея II» на станцию. Войдет через шлюз МКС.

— А потом заберет с МКС свою жену и вернется с ней на Землю.

— Нет. План был другой. Послушайте, он понимает — мы все понимаем, — почему она не может вернуться на Землю. Джек полетел туда потому, что хотел доставить ей ранавирус.

— А если вирус не подействует?

— Или пан, или пропал.

— Он заразится на МКС. Мы не сможем вернуть его домой.

— Он и не собирался! Корабль вернется без него. — Гордон замолчал, глядя в глаза Профитту. — У него билет в один конец, и Джек это знает. Он принял это условие. Там умирает его жена. Он не позволит, просто не может позволить ей умереть в одиночестве.

Профитт потрясенно молчал. Он посмотрел на пульт управления, на мониторы, куда передавались данные. Проходили секунды, а он думал о своей жене, Эми, умиравшей в больнице Бетесды. Вспоминал лихорадочные метания по аэропорту в Денвере, как он стремился сесть на первый же самолет, чтобы попасть домой, к ней, вспомнил свое отчаяние, когда он, задыхаясь, подбежал к выходу на посадку и увидел, что самолет выруливает на взлет. Он подумал об отчаянии, которое двигало Маккаллумом, о том, как он будет терзаться, если цель, оказавшаяся так близко, станет ускользать все дальше и дальше. И Джаред подумал: «Это не принесет вреда никому на Земле. Никому, кроме Маккаллума. Он сделал свой выбор, прекрасно понимая последствия. Разве я вправе остановить его?»

— Верните управление пультом «Апогею», — велел он оператору из Объединенного космического командования. — Пусть они завершат полет.

— Сэр?

— Я сказал, пусть аппарат продолжает сближение.

Некоторое время все пораженно молчали. Затем операторы «Апогея» вернулись на свои места.

— Господин Оби, — сказал Профитт, поворачиваясь к Гордону, — вы понимаете, что мы будем следить за каждым движением Маккаллума. Я вам не враг. Но я отвечаю за защиту жизни и сделаю все, что для этого необходимо. Если я увижу хоть намек на то, что вы планируете вернуть этих людей на Землю, я прикажу уничтожить «Апогей II».

Гордон Оби кивнул.

— Именно этого я от вас и ждал.

— Значит, мы оба знаем свою задачу. — Профитт глубоко вздохнул и повернулся к ряду пультов. — Продолжайте работу, доставьте этого человека к жене.

Джек парил на краю бесконечности.

Никакие тренировки в гидробассейне не смогли подготовить его к этому приступу страха, к оцепенению, которое охватило его при взгляде в пустоту космоса. Он открыл люк, ведущий в грузовой отсек, и первое, что увидел через створки, — это Землю, головокружительно красивую каплю внизу. Он не мог видеть МКС; станция находилась над ним, вне поля

зрения. Чтобы добраться до нее, придется пронырнуть через створки отсека и перебраться на другую сторону «Апогея II». Но сначала нужно заставить себя перебороть инстинкты, которые отчаянно призывали вернуться в шлюз.

— Эмма, — произнес он, и ее имя прозвучало, как тихая молитва.

Он вздохнул и приготовился отпустить край люка, чтобы сдаться на милость небес.

— «Апогей II», это Капком, Хьюстон. «Апогей»... Джек, пожалуйста, ответь.

Связь, заработавшая в его переговорном устройстве, была для него неожиданностью. Джек не надеялся на контакты с Землей. Тот факт, что Хьюстон открыто назвал его по имени, означает, что вся секретность снята.

— «Апогей», настоятельно просим ответить.

Он молчал, сомневаясь, стоит ли подтверждать свое присутствие на орбите.

— Джек, нас уведомили, что Белый дом не будет вмешиваться в твой полет. При условии, что ты сознаешь главное: это путешествие в один конец. — Капком замолчал, а потом тихо добавил: — Попав на борт МКС, ты не сможешь его покинуть. Ты не вернешься домой.

— Это «Апогей II», — наконец ответил Джек. — Сообщение принято, вас понял.

— Ты по-прежнему хочешь продолжить полет? Подумай об этом.

— А зачем, черт возьми, я прилетел сюда? На этот гребаный вид полюбоваться?

— Гм, вас понял. Но прежде чем продолжить, имей в виду. Около шести часов назад мы потеряли связь с МКС.

— Что значит «потеряли связь»?

— Эмма не отвечает.

«Шесть часов, — подумал он. — Что произошло за эти шесть часов?» Запуск осуществлен два дня назад. Столько понадобилось «Апогею II», чтобы добраться до МКС и завершить сближение. Все это время он был отрезан от связи и не знал, что происходит на борту МКС.

— Возможно, ты опоздал. Ты можешь пересмотреть свое решение...

— Что показывает биотелеметрия? — оборвал он. — Какой у нее ритм?

— Она не подключена к монитору. Она сама отсоединила провода.

— Значит, вы не знаете. И не можете сказать, что происходит.

— Перед тем как замолчать, она послала тебе последнее электронное письмо. Джек, она попрощалась, — тихо добавил Капком.

«Нет». Джек разжал руки и выплыл из шлюза, нырнув головой в открытый грузовой отсек. «Нет». Он схватился за опору и начал карабкаться на противоположную сторону «Апогея II». Неожиданно он заметил станцию, нависавшую над ним, такую огромную и необъятную; Джек на мгновение замер, потрясенный видом. Затем мысленно запаниковал: «Где шлюзовой модуль? Я не вижу шлюзовой модуль!» Станция состояла из такого количества модулей, на ней было так много солнечных батарей, раскинувшихся на площади, равной двум футбольным полям. Он не мог сориентироваться. Джек был потрясен и растерян.

Затем он заметил выступающий темно-зеленый корпус «Союза». Он находился под российской частью станции. Мгновенно все стало на свои места. Он нашел глазами американскую часть и определил местонахождение американской лаборатории. В верхнем конце лаборатории находился Нод-1, который вел к шлюзовому модулю.

Теперь Джек знал, куда двигаться.

В нем снова вспыхнула надежда. С одним реактивным ранцем, который был его единственным двигателем, Джеку предстояло пересечь пустое пространство без привязного фала или иных подобных средств. Он включил реактивный ранец, оттолкнулся от «Апогея» и направился к МКС.

Это был его первый выход в открытый космос. Джек, неуклюжий и неопытный, не мог определить, как быстро он приближается к цели. Он врезался в оболочку жилого модуля с такой силой, что чуть не отлетел в сторону и лишь чудом успел ухватиться за опору.

«Быстрее. Она умирает».

Джека мутило от ужаса, когда он, тяжело дыша, карабкался по оболочке модуля.

— Хьюстон, — задыхаясь, произнес он. — Мне нужен врач — пусть будет на связи…

— Вас понял.

— Почти… я почти добрался до Нода-1.

— Джек, это врач. — В наушниках зазвучал спокойный и уверенный голос Тодда Катлера. — Ты не был на связи два дня. Тебе нужно кое-что знать. Последнюю дозу ХГЧ Эмма приняла пятьдесят пять часов назад. С тех пор ее состояние ухудшилось. Уровень амилазы и креатинфосфокиназы очень высок. Во время последнего сеанса связи она жаловалась на головную боль и нарушения зрения. Это было шесть часов назад. Мы не знаем, в каком она сейчас состоянии.

— Я в шлюзе!

— ПО управления станцией переключено на режим выхода в открытый космос. Ты готов для рекомпрессии.

Джек открыл люк и забрался в шлюзовой модуль. Обернувшись, чтобы закрыть внешний люк, он мельком увидел «Апогей II». Корабль готовился в обратный путь. Единственная спасательная лодка отправлялась на Землю без него. Теперь обратного пути нет.

Джек герметично закрыл люк.

— Клапан выравнивания давления открыт, — сообщил он. — Начинаю рекомпрессию.

— Я пытаюсь подготовить тебя к худшему, — продолжал Тодд. — В случае, если она…

— Лучше сообщи мне что-нибудь полезное!

— Ладно, ладно. Вот последние новости из ВИМИИЗ. Ранавирус, похоже, подействовал на лабораторных животных. Но он эффективен на ранней стадии. Если его ввести в первые тридцать шесть часов после заражения.

— А что будет, если ввести его позже?

Катлер не ответил. Его молчание не означало ничего хорошего.

Давление в шлюзовом модуле выросло до семисот двадцати миллиметров. Джек открыл люк и нырнул в соседний отсек. Он лихорадочно отстегнул перчатки, затем снял скафандр и выскользнул из одежды с системой охлаждения. Из кармана скафандра он вытащил

пакеты с различными медицинскими препаратами и шприцы с ранавирусом. Его трясло от страха — он боялся того, что может обнаружить на станции. Джек открыл внутренний люк.

И перед ним предстало невероятно страшное зрелище.

Эмма плавала в полумраке Нода-1, словно пловец в водах темного моря. Только этот пловец тонул. Ее конечности дергались в ритмичных спазмах. Конвульсии охватили позвоночник, голова дергалась взад-вперед, волосы болтались, словно хлыст. Смертельная агония.

«Нет, — подумал он. — Я не позволю тебе умереть. Черт возьми, Эмма, ты не можешь меня покинуть».

Он обхватил ее за талию и потащил по направлению к российской части станции. К модулю, который был подключен к электричеству и где был свет. Ее тело извивалось, словно провод, по которому пропустили разряд, она старалась вырваться. Эмма казалась маленькой и хрупкой, но сила, заключенная в ее умирающем теле, грозила победить его хватку. Невесомость была ему незнакома, и он словно пьяный отскакивал от стен и проемов люков, пытаясь добраться до российского рабочего модуля.

— Джек, отзовись, — окликнул его Тодд. — Что происходит?

— Я перемещаю Эмму в российский рабочий модуль, хочу зафиксировать на медицинской кушетке.

— Ты ввел вирус?

— Сначала я попытаюсь успокоить ее. У нее припадок…

Он закрепил ремни на липучках вокруг ее грудной клетки и бедер, зафиксировав тело на медицинской кушетке. Голова Эммы билась о кушетку, глаза закатились. Склеры были пугающе красными. «Введи ей вирус. Немедленно».

Жгут был обмотан вокруг каркаса кушетки. Он сдернул его и затянул вокруг дергающейся руки Эммы. Ему пришлось приложить всю свою силу, чтобы разогнуть локоть и получить доступ к локтевой ямке. Он зубами стащил колпачок со шприца с ранавирусом, воткнул иглу в руку Эммы и нажал на поршень.

— Я ввел! — крикнул он. — Весь шприц!

— Как она?

— Конвульсии продолжаются!

— В аптечке есть дилантин для ввода через капельницу.

— Вижу. Я ставлю ей капельницу!

Жгут поплыл в сторону — пугающее напоминание, что в невесомости все, что не закреплено, быстро ускользает из зоны досягаемости. Джек схватил жгут и снова принялся наматывать его на руку Эммы.

Через некоторое время он сообщил:

— Дилантин вводится! Капельница на полную.

— Что-то изменилось?

Джек посмотрел на жену, молча взывая: «Ну же, Эмма. Не умирай!»

Судорога, сводившая позвоночник Эммы, постепенно ослабевала. Шея обмякла, и голова больше не билась о кушетку. Джек увидел радужку ее глаз — два темных зрачка в обрамлении кроваво-красных склер. При первом взгляде на ее зрачки из груди Джека вырвался стон.

Ее левый зрачок был расширен. Черный и безжизненный.

Он опоздал. Она умирает.

Он обхватил ее лицо ладонями, словно мог одной только волей заставить ее жить. Но, моля Эмму не покидать его, Джек знал: ее нельзя спасти одним лишь прикосновением или молитвой. Смерть — процесс органический. Биохимические функции, движение ионов через клеточные мембраны постепенно прекращались. Мозговая активность понижалась. Ритмические сокращения клеток миокарда сократились до трепета. Одним лишь желанием жизнь сохранить нельзя.

Но она не умерла. Еще не умерла.

— Тодд, — позвал Джек.

— Я здесь.

— Каков исход? Что происходит с лабораторными животными?

— Я не понимаю…

— Ты сказал, ранавирус действует, если ввести его на ранней стадии заражения. Это означает, что он должен убить Химеру. Тогда почему он не действует позже?

— Слишком много тканей повреждено. Внутреннее кровотечение…

— Где кровотечение? Что показало вскрытие?

— В семидесяти пяти процентах случаев собаки умирали от внутричерепного кровотечения. Ферменты Химеры повреждали сосуды коры головного мозга. Те разрушались, и кровотечение вызывало рост внутричерепного давления. Это как обширная травма головы, Джек. Мозг сдавливается.

— А если остановить кровотечение, остановить разрушение мозга? Если помочь пациенту миновать острую стадию, он ведь сможет дождаться действия ранавируса?

— Возможно.

Джек посмотрел на расширенный левый зрачок Эммы. Страшное воспоминание мелькнуло у него в мозгу: Дебби Ханинг, лежащая без сознании на каталке. Он не смог помочь Дебби. Он слишком долго ждал, и из-за собственной нерешительности он потерял ее.

«Но тебя я не потеряю».

— Тодд. У нее расширен левый зрачок, — сообщил Джек. — Ей нужно сделать трепанацию.

— Что? Ты же работаешь вслепую. Без рентгена…

— Это единственная возможность! Мне нужна дрель. Скажи, где хранятся инструменты!

— Оставайся на связи. — Секунду спустя снова раздался голос Тодда. — Мы не знаем наверняка, где русские хранят инструменты. Но инструменты НАСА в Ноде-1, на стеллаже. Посмотри этикетки на номексовых мешках.[46] Там перечислено содержимое.

Джек выскочил из служебного модуля и неуклюже помчался в Нод-1, снова налетая на стены и люки. Когда он открывал складской стеллаж, его руки тряслись. Джеку пришлось вытащить три мешка, прежде чем он нашел нужный, на котором значилось: «Механические дрели, буры, переходники». Прихватив еще один мешок, в котором лежали отвертка и молоток, он бросился обратно в служебный модуль. Джек отсутствовал недолго, но страх, что, вернувшись, он увидит труп Эммы, заставлял его

что было сил мчаться в рабочий модуль через «Зарю». Она еще дышала. Она была жива.

Он прицепил мешки к столу и вытащил инструмент. Он был предназначен для строительства и ремонта космической станции, а не для нейрохирургии. Теперь, когда в руках была дрель и Джек обдумывал свои действия, он вдруг ужасно испугался. Ему придется оперировать в нестерильных условиях, инструментом, который предназначен для стали, а не для человеческих тканей и костей. Джек посмотрел на Эмму, безвольно лежавшую на столе, и подумал о том, что находится под сводом ее черепа, о сером веществе, где хранятся воспоминания, мечты и эмоции, собранные в течение всей жизни. Все, что отличало ее от других, делало ее Эммой. И все это теперь умирало.

Потянувшись к комплекту медицинских инструментов, он достал ножницы и бритву. Захватив пригоршню ее волос, Джек начал отрезать их, затем сбрил остатки, обнажая место для разреза на левой височной кости. «Твои прекрасные волосы. Я всегда любил их. Я всегда любил тебя».

Оставшиеся волосы он связал узлом и отложил в сторону, чтобы они не мешали операции. Полоской скотча он прикрепил ее голову к кушетке. Затем Джек быстро приготовил инструменты. Дренажный катетер. Скальпель. Марлю. Он промыл буры дрели дезинфицирующим раствором, а затем протер спиртом.

Потом Джек надел стерильные перчатки и взял скальпель.

Когда он делал надрез, его пальцы под латексными перчатками покрылись влагой. Кровь потекла из раны в коже головы, образуя в воздухе постепенно увеличивавшийся пузырь. Он промокнул ее марлей и сделал более глубокий надрез, чтобы скальпель не уткнулся в кость.

Сделать отверстие в черепе — значит обнажить мозг для микробов-захватчиков. Но человеческий организм сдается не сразу, он может вынести очень серьезные повреждения. Джек напоминал себе об этом, делая насечку на височной кости, направляя кончик бура. Древние египтяне и инки успешно проводили трепанацию черепа, проделывая отверстия самыми грубыми инструментами, и даже не задумывались о стерильности. Это возможно.

Сосредоточенно, недрогнувшей рукой он высверлил отверстие в кости. Еще несколько миллиметров — и он бы повредил мозг. Тысячи драгоценных воспоминаний были бы уничтожены в одну секунду. А если бы он задел среднюю менингеальную артерию, кровь хлынула бы фонтаном, и ее не удалось бы остановить. Время от времени Джек делал

перерывы, чтобы перевести дух и прощупать глубину отверстия. «Не торопись. Не торопись».

Вдруг он почувствовал, что кость подалась и бур прошел внутрь черепа. Сердце готово было выскочить у него из груди; Джек осторожно вынул бур.

Тут же из отверстия, образуя шар, начала медленно выходить кровь. Она была темно-красной, венозной. Джек с облегчением вздохнул. Не артериальная. Теперь давление на мозг Эммы медленно ослабевает — кровь выходит из отверстия. Он устранил пузырь, затем приложил марлю, чтобы она сдерживала кровотечение, пока он сверлил еще одно отверстие, затем сделал еще и еще, образуя кольцо диаметром два с половиной сантиметра. Когда последняя дыра была просверлена, руки уже не слушались Джека, а на лице выступил пот. У него не было времени на отдых — каждая секунда была на счету.

Он потянулся за отверткой и шаровым молотком.

«Только бы это помогло. Только бы это спасло ее».

Используя отвертку вместо долота, он аккуратно вставил кончик в череп. Затем, сжав зубы, словно рычагом поднял отверткой высверленный костный круг.

Через образовавшееся большое отверстие хлынула кровь.

А вместе с ней кое-что еще. «Яйца». Сгусток яиц выплыл из отверстия и, дрожа, заскользил в воздухе. Джек поймал их дренажным катетером и поместил в вакуумный сосуд. На протяжении всей истории человечества самыми опасными врагами людей оставались малые биологические формы. Вирусы, бактерии, паразиты.

«А теперь и ты, — подумал Джек, глядя в сосуд. — Но мы тебя победили».

Кровотечение из отверстия почти прекратилось. Давление на мозг Эммы ослабло.

Он взглянул в левый глаз жены. Зрачок был расширен. Но, когда Джек посветил в него фонариком, он заметил — или все-таки ему показалось? — что края зрачка слегка подрагивают, словно круги на черной воде.

«Ты будешь жить», — подумал он.

Джек обработал рану марлей и поставил еще одну капельницу со стероидами и фенобарбиталом, чтобы на время усилить кому и защитить

мозг от дальнейшего повреждения. Джек подсоединил к ее груди электроды ЭКГ. Только после этого он затянул жгут на своей руке и ввел себе дозу ранавируса. Это или убьет их обоих, или спасет. Очень скоро он все узнает.

На мониторе электрокардиографа данные о работе сердца Эммы демонстрировали устойчивый синусовый ритм. Он взял ее руку в свою и стал ждать.

27 августа

Гордон Оби вошел в зал специальных полетов и обвел взглядом помещение, где за пультами трудились мужчины и женщины. На переднем экране отображалась карта мира, на которой по своей синусоиде двигалась космическая станция. В этот момент она находилась над алжирской пустыней, и сельские жители, случайно бросившие взгляд в ночное небо, удивились бы, заметив странную скользящую в вышине звезду, яркую, как Венера. Это особенная звезда — созданная не могущественным божеством, не природой, а хрупкими человеческими руками. И в этом зале, расположенном так далеко от алжирской пустыни, находились хранители этой звезды.

Руководитель полета Вуди Эллис, обернувшись, кивком поздоровался с Гордоном.

— Молчат. На станции тишина.

— Когда состоялся последний сеанс связи?

— Джек замолчал пять часов назад — собирался немного поспать. Отдохнуть впервые за три дня. Мы стараемся не беспокоить его.

Прошло три дня, а перемен в состоянии Эммы не наступало. Гордон вздохнул и направился к пульту врача. Тодд Катлер, небритый и осунувшийся, следил за биотелеметрией Эммы на своем мониторе. «А когда Тодд последний раз спал?» — подумал Гордон. Все выглядели очень усталыми, но никто не желал признавать поражение.

— Она держится, — тихо сообщил Тодд — Мы перестали давать фенобарбитал.

— Но она не вышла из комы?

— Нет. — Тодд вздохнул, откинулся на спинку кресла и ухватился за кожу на переносице. — Я не знаю, что еще можно сделать. Я никогда с таким не сталкивался. Нейрохирургия в космосе.

Эту фразу многие не раз произносили за последние несколько недель. «Я никогда не сталкивался с этим прежде. Это в первый раз. Мы никогда раньше этого не видели». Но ведь в этом и состоит суть изучения. В том, что сложности нельзя предсказать, что любая новая проблема требует нового решения. И ради любой победы надо чем-то пожертвовать.

И победы действительно были, хоть и во время трагедии. «Апогей II» благополучно приземлился в аризонской пустыне, и Каспер Малхолланд уже вел переговоры по поводу первого контракта с Военно-воздушными силами. После трех дней пребывания на МКС Джек был по-прежнему здоров, значит, ранавирус оказался и лечением, и профилактикой против Химеры. А сам факт, что Эмма осталась жива, тоже можно считать победой.

Правда, лишь временной.

Наблюдая за ЭКГ на экране, Гордон испытывал глубокую грусть. «Как долго может биться сердце, если мозг умер? — думал он. — Долго ли организм может находиться в коме?» Наблюдать медленное угасание когда-то невероятно живой женщины было еще больнее, чем стать свидетелем ее внезапной и ужасной смерти.

Вдруг он выпрямился, его взгляд прирос к монитору.

— Тодд! — позвал он. — Что с ней происходит?

— Что?

— С ее сердцем что-то не то.

Тодд поднял голову и посмотрел на данные ЭГК.

— Нет, — сказал он и потянулся к тумблеру связи. — Это не сердце.

Писк монитора прервал неглубокий сон Джека, и он, вздрогнув, проснулся. Годы медицинской практики, бессчетное количество ночей, проведенных в комнате дежурного врача, научили его быстро просыпаться даже от самого крепкого сна, и, открывая глаза, он сразу понял, где находится. Он знал: что-то случилось.

Джек повернулся к источнику звука и тут же потерял ориентацию, оказавшись, как ему почудилось, вверх ногами. Ему показалось, что Эмма висит на потолке лицом вниз. Один из незакрепленных проводов ЭКГ плавал, словно водоросль под водой. Джек перевернулся на сто восемьдесят градусов, и все стало на свои места.

Он прикрепил отцепившийся провод ЭКГ. Его собственное сердце учащенно забилось, когда он начал следить за монитором — Джек боялся того, что мог увидеть. К счастью, ритм, отображаемый на экране, был в норме.

И вдруг мелькнуло что-то еще. Линия дрогнула. «Движение».

Он посмотрел на Эмму и увидел, что та открыла глаза.

— МКС не отвечает, — сообщил Капком.

— Вызывайте. Мы должны его услышать! — рявкнул Тодд.

Гордон уставился на данные биотелеметрии, ничего в них не понимая и боясь самого страшного. Электрокардиограмма металась вверх и вниз, затем вдруг стала ровной. «Нет, — подумал он. — Мы ее потеряли!»

— Просто что-то разъединилось, — успокоил его Тодд. — Наверное, какой-нибудь проводок отвалился. Или начался приступ.

— МКС по-прежнему не отвечает, — произнес Капком.

— Да что же там происходит?

— Смотри! — крикнул Гордон.

Оба замерли, когда на экране появилось пятнышко. За ним последовало еще одно, потом еще.

— Врач, МКС вышла на связь, — объявил Капком. — Требует немедленной консультации.

Тодд подался вперед вместе с креслом.

— Наземное управление, закрытая связь. Давай, Джек.

Это был частный разговор; никто, кроме Тодда, не мог слышать, что сообщал Джек. Во внезапно наступившей тишине все обернулись к пульту врача. Даже Гордон, сидевший рядом с Тоддом, не мог понять по его лицу, о чем они говорили. Тодд подался вперед, обеими руками прижимая к голове наушники, словно боясь не расслышать.

Затем он произнес:

— Подожди, Джек. Здесь много людей, которые ждут этого сообщения. Давай расскажем им новость. — Тодд повернулся к руководителю полета

Эллису и победно поднял большой палец: — Уотсон очнулась! Она разговаривает!

То, что случилось потом, навсегда останется в памяти Гордона Оби. Он слышал, как все голоса слились в шумное «ура!». Он почувствовал, как Тодд похлопал его по спине. Лиз Джанни издала победный вопль. А Вуди Эллис радостно упал в кресло с потрясенным выражением на лице.

Но что Гордон запомнил лучше всего, так это свою собственную реакцию. Он обвел взглядом зал и вдруг почувствовал боль в горле, все поплыло перед глазами. За годы его работы в НАСА никто никогда не видел рыдающего Гордона Оби. И теперь не увидит, черт возьми.

Все еще кричали от радости, а Оби поднялся со своего кресла и вышел так, чтобы его никто не заметил.

Пять месяцев спустя
ПАНАМА, ФЛОРИДА

Визг петель и звяканье металла эхом отразились от стен пустого военно-морского ангара, когда дверь кессона повышенного давления наконец распахнулась. Джаред Профитт видел, что первыми оттуда вышли два врача ВМС; оказавшись снаружи, оба глубоко вздохнули. Они более месяца провели в замкнутом пространстве и, казалось, несколько опешили от внезапного выхода на свободу. Они повернулись, чтобы помочь выбраться еще двум обитателям кессона.

Оттуда вышли Эмма Уотсон и Джек Маккаллум. Оба посмотрели на Джареда Профитта, который вышел к ним навстречу.

— Добро пожаловать в этот мир, доктор Уотсон, — проговорил он, протягивая руку для приветствия.

Она поколебалась, затем пожала ее. Она выглядела гораздо стройнее, чем на фотографиях. Более хрупкой. Четыре месяца карантина в космосе и пять недель в кессоне сделали свое дело. Она потеряла мышечную массу, ее глаза казались огромными и светящимися на бледном лице. Вновь отросшие волосы на ее голове были седыми и разительно контрастировали с остальной каштановой гривой.

Профитт посмотрел на врачей.

— Оставьте нас наедине, пожалуйста.

Он подождал, пока их шаги затихли. Затем спросил Эмму:

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Вполне, — ответила она. — Мне сказали, я больше ничем не больна.

— Ничем из известных заболеваний, — поправил он ее.

Это было важное замечание. Хотя ранавирус действительно уничтожал Химеру у лабораторных животных, они не могли что-либо прогнозировать в случае с Эммой. Можно было сказать только, что следов Химеры в ее организме больше нет. Когда они приземлились на борту «Эндевора», Эмме пришлось повторно сделать анализ крови, рентген и биопсию. Хотя все результаты были отрицательными, ВИМИИЗ настояли, чтобы Эмма оставалась в барокамере до окончания анализов. Две недели назад давление упало до нормального, одной атмосферы. Но она по-прежнему была здорова.

Даже теперь Эмма не могла обрести свободу. Всю оставшуюся жизнь ее будут изучать.

Профитт посмотрел на Джека и заметил враждебность в его взгляде. Джек ничего не сказал, а просто обнял Эмму за талию, словно стремился защитить, и этот жест говорил вполне определенно: «Ты не сможешь забрать ее у меня».

— Доктор Маккаллум, надеюсь, вы понимаете, что решения, которые я принимал, имели под собой достаточные основания.

— Я понимаю ваши основания. Но это не значит, что я согласен с вашими решениями.

— Тогда мы, по крайней мере, оба все понимаем. — Профит не стал протягивать Джеку руку: он чувствовал, что Маккаллум не пожмет ее. Поэтому просто сказал: — На улице вас ждут друзья. Не буду вас больше задерживать. — И повернулся, чтобы уйти.

— Стойте! — окликнул его Джек. — Что теперь?

— Вы свободны. Только время от времени будете проходить обследования.

— Нет. Что произойдет с людьми, которые виноваты во всем этом? С теми, кто послал Химеру?

— Они больше не могут принимать никаких решений.

— И все? — голос Джека прозвучал гневно. — Ни наказания, ни последствий?

— С ними поступят как обычно. Так, как это бывает в любой государственной организации, включая НАСА. Перевод на другую должность. А потом тихая отставка. Не будет расследований, разоблачений и тому подобного. Химера слишком опасна, чтобы рассказывать о ней всему миру.

— Но ведь погибли люди.

— Всю вину свалят на вирус Марбург, который был случайно занесен на МКС больной обезьяной. Гибель Лютера Эймса спишут на вышедший из строя механизм спускаемого аппарата.

— Но кто-то же должен нести ответственность.

— За что, за неверное решение? — Профитт покачал головой. Он повернулся и посмотрел на закрытую дверь ангара; через щель в помещение проникал солнечный свет. — Это не преступление, за которое надо наказывать. Это люди, совершившие ошибку. Люди, которые не поняли, с чем имеют дело. Я знаю, вас это огорчает. И понимаю ваше желание найти виноватого. Но в этой истории нет злодеев, доктор Маккаллум. Только… герои.

Он обернулся и пристально посмотрел на Джека. Некоторое время мужчины изучали друг друга. Профитт не увидел во взгляде Джека ни тепла, ни доверия. Но заметил уважение.

— Вас ждут друзья, — напомнил Профитт.

Джек кивнул. Они с Эммой подошли к двери ангара. А когда вышли наружу, в помещение ворвался ослепительный солнечный свет, и Джаред Профитт, сощурившись, мог видеть только силуэты астронавтов: рука Джека обнимает Эмму за плечи, они смотрят друг на друга. Под звуки восторженных голосов они вышли на улицу и исчезли в слепящем дневном свете.

МОРЕ

28

Падающая звезда, пролетев по небу, разбилась на сверкающие брызги. Эмма резко вдохнула, ощущая запах ветра над Галвестонской бухтой. Все, что было здесь, дома, казалось ей новым и незнакомым. Этот бескрайний простор неба. Покачивающаяся палуба яхты. Плеск воды, бьющейся о борт «Саннеке». Она так долго не испытывала простых земных радостей, что даже дуновение бриза казалось ей особенным. Во время нескольких месяцев карантина на станции она постоянно

смотрела на Землю, тоскуя по запаху травы, вкусу соленого воздуха, теплу земли под своими босыми ногами. «Когда я снова окажусь дома, если я когда-нибудь там окажусь, я больше никогда оттуда не уеду».

И вот наконец она наслаждалась видами и запахами Земли. И все равно по-прежнему обращала тоскующий взгляд к звездам.

— Ты мечтаешь вернуться туда? — спросил Джек так тихо, что его слова тут же растаяли на ветру. Он лежал рядом на палубе «Саннеке», держа ее за руку, и тоже смотрел в ночное небо. — Ты когда-нибудь думала: «Если у меня будет еще одна возможность отправиться туда, я не откажусь от нее»?

— Я думаю об этом каждый день, — тихо призналась она. — Как странно. Когда мы были там, на орбите, мы говорили о возвращении домой. А теперь, дома, мы постоянно думаем о том, как бы снова вернуться туда.

Она провела пальцами по той части головы, где отрастала седая прядь волос. Она нашла узловатый след от шрама в том месте, где Джек сделал надрез скальпелем. Это вечное напоминание о том, что ей пришлось пережить на станции. Нестираемая печать ужаса на ее плоти. И все равно, глядя в небо, Эмма чувствовала былую тоску по космосу.

— Наверное, я всегда буду надеяться, что такая возможность представится, — призналась она. — Я как моряк, всегда мечтающий вернуться в море. И неважно, что они пережили в последнем плавании. И как пылко целовали землю, когда оказались на берегу. Со временем они начинают тосковать по морю и всегда хотят вернуться.

Но она никогда не вернется в космос. Она моряк, навсегда привязанный к земле, а вокруг простирается манящее, запретное море. Космос для нее закрыла Химера.

Хотя врачи Космического центра Джонсона и ВИМИИЗ не смогли обнаружить в организме Эммы следы инфекции, они не были уверены, что с Химерой покончено. Она могла находиться в состоянии спячки, тихо и незаметно обитать в организме Эммы. Никто в НАСА не осмеливался предсказать, что случится, если Эмма вернется в космос.

Поэтому она никогда туда не вернется. Она стала астронавтом-привидением — все еще член отряда, но без надежды на назначение. Теперь за мечтой будут гнаться другие. На станцию уже отправили новый экипаж, закончивший ремонт и биологическую очистку, которую начали Эмма и Джек. В следующем месяце на борту «Колумбии» прибудут последние запчасти для поврежденной фермы и солнечных батарей. МКС не погибнет. Слишком много жизней положено

на то, чтобы воплотить орбитальную станцию в жизнь; бросить ее сейчас было бы бессмысленной жертвой.

Еще один метеор прочертил небо — он упал, словно затухающий уголек, и исчез. Они с надеждой ждали еще одного. Многие люди, глядя на падающие звезды, должно быть, думают, что они — знак небес или ангелы, спускающиеся с неба, а может — просто повод загадать желание. Эмма видела в них то, чем они были на самом деле, — частички космического мусора, заплутавшие путники из холодных и мрачных космических пределов. А то, что это просто камешки со льдом, не мешало ей любоваться ими.

Когда она откинула голову и внимательно посмотрела в небо, «Саннеке» поднялась на волне, и у Эммы возникло странное ощущение, будто звезды стали ближе, а она летит через пространство и время. Эмма закрыла глаза. И вдруг ее сердце забилось от необъяснимого страха. Она ощутила ледяной пот на своем лице.

Джек коснулся ее дрожащей руки.

— Что случилось? Тебе холодно?

— Нет. Не холодно... — Она с трудом сглотнула. — Я вдруг подумала об одной ужасной вещи.

— О чем?

— Если во ВИМИИЗ правы и Химера прибыла на Землю на астероиде, то это подтверждает — жизнь на Землю пришла из космоса.

— Да, тогда это подтверждение.

— А что если это разумные существа?

— Химера слишком мала, слишком примитивна. Она не обладает разумом.

— Но тот, кто послал ее сюда, может обладать разумом, — прошептала Эмма.

Джек замер.

— Завоеватель, — тихо произнес он.

— Как семена, которые разносит ветер. Куда бы Химера ни приземлилась, на любую планету, в любую солнечную систему, она будет заражать местные виды. Добавлять их ДНК в свой геном. Чтобы

приспособиться к новому дому, ей не понадобятся миллионы лет эволюции. Она пустит в ход все генетические инструменты, унаследованные от местных видов, и выживет.

А когда она приживется, когда станет доминантным видом на новой планете, что тогда? Каким будет следующий шаг? Эмма не знала. «Ответ, — думала она, — наверняка можно найти в частях генома Химеры, которые пока не смогли расшифровать. Последовательности ДНК, назначение которых пока остается загадкой».

Еще один метеор пересек небесный свод, напоминая, что небеса изменчивы и неспокойны. Что Земля — лишь одинокий путник на бескрайних просторах космоса.

— Мы должны подготовиться, — сказала Эмма. — Прежде чем появится новая Химера.

Джек сел и посмотрел на часы.

— Холодает, — заметил он. — Давай вернемся домой. Гордон будет рвать и метать, если мы пропустим завтрашнюю пресс-конференцию.

— Никогда не видела, чтобы он выходил из себя.

— Ты не знаешь его так, как я. — Джек начал вытягивать фал, и поднялся главный парус, который сразу забился на ветру. — А знаешь, ведь он почти влюблен в тебя.

— Горди? — рассмеялась Эмма. — Не могу себе этого представить.

— А знаешь, чего я не могу себе представить? — тихо спросил он, увлекая ее в каюту. — Что есть мужчина, который в тебя не влюблен.

Внезапный порыв ветра надул парус, и «Саннеке» двинулась вперед, разрезая воды Галвестонской бухты.

— По местам, — сказал Джек и повел яхту против ветра, держа курс на запад.

Ориентируясь не на звезды, а на береговые огни. На огни дома.

Примечания

1

Аварийное прекращение полета с возвращением на место старта. (Здесь и далее — прим. ред.).

2

ВСУ — вспомогательная силовая установка.

3

Т-38 (Нортроп Т-38 «Тэлон», англ. Northrop T-38 Talon) — американский двухместный сверхзвуковой учебный реактивный самолет. Используется в основном для подготовки пилотов.

4

При первичном психиатрическом обследовании определяется ориентация пациента по четырем пунктам — во времени, в месте нахождения, в том, что произошло или происходит, и в собственной личности.

5

ТАП — тканевой активатор плазминогена, тромболитическое средство, применяемое для лечения острого инфаркта миокарда. Для полной эффективности вводится в течение первых шести часов.

6

Шепард, Алан Бартлет, младший (1923–1998) — астронавт; первый американец, совершивший суборбитальный космический полет.

7

Гленн, Джон Гершель, младший (род. 1923) — американский астронавт, летчик-испытатель.

8

Трансатлантическая аварийная посадка.

9

GUIDO — сокр. от guidance officer (англ.), офицер службы наведения.

10

CAPCOM — сокр. от Capcule Communicator (англ.), в широком смысле — лицо, ведущее переговоры с космонавтом из Центра управления.

11

PROP — сокр. от propulsion (англ.), силовая установка.

12

FIDO — сокр. от flight dynamics officer (англ.), офицер службы динамики полета.

13

Бриджит — так в англоязычных странах называют типичных ирландок.

14

Здесь: многоразовая ракета-носитель.

15

Труэкс, Роберт (род. 1917) — легендарный американский инженер-ракетостроитель.

16

ЕКА — Европейское космическое агентство.

17

КАС — корабль аварийного спасения.

18

НКТС — Национальная космическая транспортная система США.

19

Спасибо, сеньор (исп.).

20

Сеньор! Осторожно! (исп.).

21

ВТБ — внешний топливный бак.

22

ТО — техническое обслуживание; здесь имеется в виду сообщение центрального диспетчерского пункта оперативного технического обслуживания.

23

Гермоадаптер — герметичный стыковочный переходник, предназначенный для соединения между собой модулей МКС, и для обеспечения стыковок шаттлов.

24

CDK (cyclin-dependent kinases) — циклин-зависимые киназы.

25

НУОА (NOAA — National Oceanic and Atmospheric Administration) — Национальное управление по океанам и атмосфере.

26

ИСИМ — интерактивная система индикации метеоданных.

27

СРОСОЖ — система регулирования окружающей среды и обеспечения жизнедеятельности. Так же называется подразделение НАСА, занимающееся этими системами.

28

ЦАП — цифровой автопилот.

29

ТАКАН (англ. TACAN, tactical air navigation system) — радионавигационная система ближнего действия.

30

ИКМ — импульсно-кодовый модулятор, устройство для передачи телеметрии и данных от различных бортовых источников на бортовые компьютеры и на Землю.

31

«Лоу-зед» (англ. Low-Z) — режим, в котором воздействие двигателей шаттла на станцию минимально.

32

РСУ — реактивная система управления.

33

ПСС — программа сближения и стыковки.

34

СОТР — система обеспечения температурного режима.

35

КС, или КС НАСА (англ. NASCOM) — коммуникационная сеть (сеть связи) НАСА.

36

УЭЗП — управление энергией шаттла в зоне посадки.

37

Чак (Чарлз Элвуд) Йегер (р. 1923) — американский летчик-испытатель, впервые превысивший на самолете скорость звука.

38

ОТЭЗ — орбитальный типовой элемент замены.

39

Рипстоп — специальная ткань с использованием армированных нитей.

40

Юнабомбер (Теодор Качинский, род. 1942) — американский террорист, посылавший в 1970-1990-х гг. бомбы по почте. Обещал прекратить свои бесчинства, если в прессе опубликуют его манифест — пространный документ с критикой в адрес современного общественного устройства и призывами решительно воспрепятствовать научно-техническому прогрессу.

41

Фамилия этого героя созвучна английскому слову profit — доход.

42

НСР — неофициальный семейный разговор.

43

УИОБИМ — Управление исследований в области биологии и микро-гравитологии НАСА.

44

База данных «Лексис-Нексис» — самый большой в мире информационный массив, доступный через Интернет.

45

Упрощенное устройство аварийного спасения при выходе в космос.

46

Номекс — легкое термостойкое волокно.